

БАЛТИКА

КАЛИНИНГРАД

1(51) - 2017

январь-март

2017
ГОД ЭКОЛОГИИ
В РОССИИ

Главный редактор
Л.А. Фролова

Редколлегия:

Б. Бартфельд
В. Васин
Дм. Воронин
О. Глушкин
А. Губин
Л. Калининников

Учредитель Фролова Лидия Анатольевна

Журнал зарегистрирован Управлением
Федеральной службы по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия
по Калининградской области
Регистрационный номер ПИ № ФС 39-516 Р
от 07 февраля 2008 года

Перепечатка материалов разрешена
только со ссылкой на издание

Издатель, редакция:
ООО «Издательство «КЛАДЕЗЬ»
г. Калининград, ул. Ломоносова, 2-2
телефон/факс: (4012) 93-34-07,
e-mail:iz-kladez@mail.ru

Отпечатано в типографии
ООО «АРТ-ПРИНТ ПЛЮС»
г. Калининград, ул. К.Маркса, 18а
телефон (4012) 66-24-03
e-mail:artprint39@list.ru

Тираж 500 экз.

Бесплатно

ISSN 2312-2196

**ЖУРНАЛ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ**

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «ПРИЗНАНИЕ»

выходит 4 раза в год

- ▣ литература
- ▣ изобразительное искусство
- ▣ музыка
- ▣ театр
- ▣ духовное и историческое наследие
- ▣ эстетическое, патриотическое и экологическое воспитание

Журнал выходит с 2001 года

Дата выхода в свет 24 апреля 2017 г.

С
наступившей
весной!

Уважаемые читатели!

Началась новая эпоха в жизни калининградской культуры. Эпоха, в которой культура теперь совмещена со сферой туризма. Если до этого основные цели деятельности и объекты культуры были внутренними: всё – во имя калининградцев, на благо калининградцев, то в дальнейшем, видимо, нам предстоит стать экстравертами, и упор в своей деятельности делать на такие мероприятия, которые интересны не только и не столько жителям области, но потенциальным туристам. Эти мероприятия должны заинтересовать, привлечь их внимание и убедить приехать в Калининградскую область, чтобы стать свидетелями или участниками предложенного им действия.

Очевидно, что какие-то преобразования должны коснуться и нашего журнала. Из регионального и в хорошем смысле консервативного он должен превратиться в издание более зрелищное, занимательное, современное, удовлетворяющее требованиям нынешнего человека, настолько занятого, что у него нет возможности спокойно почитать журнал, он должен, открыв очередной номер, сразу ухватить его суть, просмотреть его самые интересные материалы за десять минут. А заглянув в конец журнала, определить, стоит ли ждать следующего номера.

В своё время мы уже принимали меры к «осовремениванию» как внешнего вида журнала, так и его структуры и содержания. Были введены новые рубрики, расширяющие его авторскую географию и увеличивающие охват литературного сообщества не только России, но и ближайшего зарубежья. Конечно, стиль журнала, компоновка его материалов рассчитаны на спокойное чтение и глубокое осмысление текста. Ведь, в отличие от ежедневной периодики, наш журнал остаётся актуальным и интересным и по прошествии времени, т.к. в нём публикуются материалы, которые не устаревают, – литературные произведения, публицистические очерки, краеведческие материалы.

В текущем номере мы предприняли некоторые усилия, направленные на удовлетворение запросов занятого человека: вынесли в начало анонс самых ярких материалов, разместили календарь культурных событий, случившихся в этот период, а в конце – памятку о предстоящих мероприятиях и юбилеях.

И теперь мы обращаемся к вам, дорогие читатели, чтобы вы дали оценку нововведениям и, возможно, высказали бы какие-то свои предложения по усовершенствованию журнала, которые сделали бы его интереснее для большего числа людей самого разного рода занятий.

Главный редактор Л. Фролова

ЧТО ПОЧИТАТЬ В ЖУРНАЛЕ:

Литературная жизнь нашего края нашла отражение в рубриках «Проза и поэзия», «Новые голоса», «Возвращение», «Юбилей» и «Публицистика», где опубликованы произведения О. Глушкина, А. Губина, И. Щербинской, Д. Воронина, а также А.Ковтуна, Б.Бартфельда, И. Моргулёвой и многих других.

Гость номера **Евгений Чигрин** – поэт, эссеист:
«Больше всего ценю в поэзии новизну в каноне. Музыку. Мастерство. Оригинальность подачи. Незатёртость – но и не крикливость! – метафоры. Свой голос. Некую суггестивную сумасшедшинку».
 Читайте на **стр. 93**

На юбилей печальной даты – **180 лет со дня смерти А.С. Пушкина** – откликнулась наш постоянный автор Е.М. Карасёва со своей версией об авторе оскорбительного письма, ставшего причиной роковой дуэли. **Стр. 98**

Трагически погибший в феврале поэт **Леонид Бондарь** успел передать для публикации свою статью **«Открывай книгу, а то планшет отберу»: почему ваш ребёнок не хочет читать»**. Предлагаем обсудить тему. **Стр.105**

*«Нет ничего прозрачней тьмы:
 Через неё зрим звёзды мы».* (А.Агеев)

Познакомиться с автором этих строк и творчеством других **смоленских писателей** в рубрике «Литературная Россия» можно на **стр.115**

«Тире вытягивая в нить...» – записанные В.Кожиним со слов **Т.Г. Буруковской** (1942-2010) воспоминания о детстве, творчестве и жизни вообще стали хорошим подарком к её 75-летию. Читайте их на **стр. 65**

О творчестве и увлечениях художника **Андрея Машихина** рассказала Е. Торопова в очерке «Единение человека и стихии». Там же цветная вкладка с репродукциями его картин, которые украшают и обложку журнала. **Стр.144**

«Вдохните музыку в сердца и сердце ритмом отзовётся» – так называется статья о «самом звонком и шумном отделении колледжа – отделении оркестровых духовых и ударных инструментов», в которой Т.Т. Скрипник, заведующая этого отделения Калининградского областного музыкального колледжа им. С.Рахманинова, рассказывает о своих коллегах и студентах. **Стр. 156**

В рубрике **«Краеведение»** вы прочитаете об истории города Советска, его Музее и Центральной библиотечной системе, а также познакомитесь с творчеством некоторых членов литературного объединения «Росток». **Стр. 170**

Директор музея «Водоканала» и поэт **Александр Пинашек** удивительным образом сумел найти связь литературы и музыки с кёнигсбергским «Водоканалом». **Стр. 190**

КАЛЕНДАРЬ КАЛИНИНГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Январь

Выставка «Здравствуйте, господин Гофман»

Фольклорному ансамблю «Чеботуха» (Краснознаменск) исполнилось 25 лет!

В областной филармонии прошел вечер памяти известного органиста Гарри Гродберга. Состоялся памятный концерт с участием музыкантов из России и Литвы.

В Художественной галерее открылась выставка «Два мира и одна судьба». Экспозиция объединила творческие пары живописцев и скульпторов, графиков и мастеров декоративно-прикладного искусства. Главной темой выставки стали творческие союзы, семейные дуэты художников.

В драмтеатре стартовал VI конкурс актерского мастерства «Свое лицо». Он продлится до 25 марта 2017 года. За это время будут определены победители.

Детский литературный конкурс «Читая Чехова»

Февраль

Выставка «Рядом с лесом» проекта «Лесная деревня» Виштынецкого эколого-исторического музея и Калининградского союза фотохудожников состоялась в «Воротах».

Королевский день в Музее Мирового океана. В этом году для посетителей Набережной исторического флота прошло весёлое и увлекательное действо «Сказки Старого города» или «Праздник Длинной колбасы».

Калининградская областная детская библиотека им. А.П. Гайдара пригласила всех 14 февраля принять участие в первой общероссийской акции «Дарите книги с любовью» в Международный день книгодарения!

Март

Международный музыкальный фестиваль для детей и юношества «Музыкальная весна» в Калининградской областной филармонии

Всемирный день поэзии. Гала-концерт лауреатов поэтического конкурса.

День работника культуры России. Вручение наград победителям ежегодного смотра-конкурса культурно-досуговых учреждений, библиотек и специалистов указанных учреждений «Обновление»

VI Открытый областной конкурс хореографического искусства в Областном молодёжном центре

Неделя детской книги в Калининградской областной детской библиотеке им. А.П. Гайдара

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

ЛИТЕРАТУРНОЕ И ДРУГИЕ ДЕРЕВЬЯ

Итак, очередной календарный год получил своё название и назначение — Год экологии. Это как-то сразу напрягло и заставило оглянуться вокруг: не уронила ли я бумажку на тротуар? При том, что никогда не сорю ни на улицах, ни на пляже, ни в лесу. Но всё же, всё же. Может, кто-то другой уронил! А мне что, самой поднять или догнать и заставить это сделать нарушителя? Вот, оказывается, как всё непросто, как много рождается вопросов, проблем, ситуаций.

А если серьёзно, то Год экологии такая же странность, как День матери. Вся наша жизнь должна быть Жизнью в экологии, с экологией, для экологии! Ведь это она — экология — и есть наша возможность ЖИТЬ. Дышать свежим воздухом, пить чистую воду, есть полезные продукты, жить в безопасных домах и пр. и пр. Так почему же мы вспоминаем о ней только в том случае, когда нам сверху напомним — наступил Год экологии, поберегите природу — Мать вашу (Да, вот так двусмысленно).

Ну надо, так надо. И оглянулась я вокруг ещё раз — а что у нас растёт такое интересное, такое культурно-литературное? И нашла! Да-а, где-то растёт, а где-то...

Литературное дерево

Дерево посажено в Парке Победы. Рядом с деревом установлен памятный камень, на котором высечена надпись: «Дерево посажено

участниками "Литературного экспресса Европа 2000" представителями 43-х европейских стран. 24 июня 2000 г.»

300-летний дуб в городе Светлом

Дуб мира был посажен в Фишхаузене в 1871 году в честь окончания Франко-прусской войны. В июне 2011 года в Приморске рядом с Деревом мира был торжественно открыт Сквер памяти. На квадратной площадке, вымощенной плиткой и ограниченной по углам противотанковыми ежами, установлена металлическая конструкция в форме дерева, состоящая из гильз снарядов, касок, шанцевого инструмента, осколков и других металлических предметов. В начале июня 2012 года, в результате урагана, часть дуба отломилась от основного ствола и рухнула.

5 сентября 2012 года, во время урагана, дерево рухнуло.

1 сентября 2012 года в Сквере памяти был посажен молодой дуб. В январе 2014 года следов молодого дуба не обнаружено.

Мы запросили сведения у жителей Приморска. Н.П. Тымкован ответил нам и прислал фото: «После урагана на День города был посажен молодой дуб, который «добрые посетители» действительно выдрали. Но власти города следят за этим серьёзно и на сегодня, по бокам от старого дерева, растут два саженца (см.фото). Ещё есть Аллея почёта, на которой каждый год в День города особо отличившимся жителям предоставляется почётное право высадить своё «экзотическое» дерево почёта.

гербе города. Рядом с дубом установлена памятная стела.

500-летний дуб

расположен в лесопарковой зоне Гурьевска, в 500 м юго-западнее замка Нойхаузен, обхват ствола составляет 7,6 м. Изображение дуба размещено на

Грюнвальдский 800-летний дуб, старейшее дерево Калининградской области — символ города Ладускина, изображение дуба помещено на гербе города.

Дерево, посаженное Ж. Алферовым. Гусев

Около дерева установлена памятная табличка с надписью: «Это дерево посажено 11 апреля 2015 г. Жоресом Ивановичем

Алферовым, выдающимся российским ученым, лауреатом Нобелевской премии по физике, академиком и вице-президентом РАН».

Аллея славы. Правдинск

В начале аллеи установлен памятный камень, на котором укреплен доска с надписью: «Аллея Славы посажена ветеранами

Правдинского района в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. 3 мая 1995 г.».

Аллея, посаженная ветеранами. Мамоново

Именные деревья были посажены ветеранами Великой Отечественной войны на территории бывшего

пионерского лагеря в поселке Балтийском. С годами аллея пришла в запустение и забыта, обнаружена в марте 2006 года поисковиками РООП КО «Совесть».

Липа Наполеона. Советск

Памятник природы и одна из достопримечательностей города. Это легендарная двустовольная липа, которую, согласно легенде, Наполеон Бонапарт посадил в 1807 году в

знак дружбы между Францией и Россией. Однако дерево было повреждено и спилено, а на его месте в начале XXI века высадили новое. Памятное место расположено на Дранговских высотах – одной из самых возвышенных точек города. Ранее здесь находился католический монастырь и рас-

полагались французские военные части во времена мирных переговоров. 6 сентября 2013 года рядом с деревом установили камень с памятной доской.

Ландшафтный парк на Ботанической

В 1805 году в Кёнигсберге около виллы, принадлежащей прусскому общественному деятелю и поэту Йоганну Георгу Шеффнеру (1736-1820), был заложен парадный парк. В 1806 году король Фридрих Вильгельм III купил эту землю и подарил кафедре ботаники Кёнигсбергского университета для обустройства ботанического сада.

Сооружение ботанического сада, как нового научно-учебного подразделения Альбертины, началось в 1810 году. Его первым директором стал профессор биологического факультета Август Фридрих Швайггер, которому в 1824 году на территории сада был воздвигнут памятник. В 1826 году площадь ботанического сада составляла 4 га, коллекционный фонд насчитывал более 2300 видов и форм растений. В 1908 году было завершено строительство альпинария, моделирующего горный ландшафт, на склонах которого были высажены растения, привезенные из горных местностей Европы и Америки. На территории сада имелись искусственные песчаные дюны.

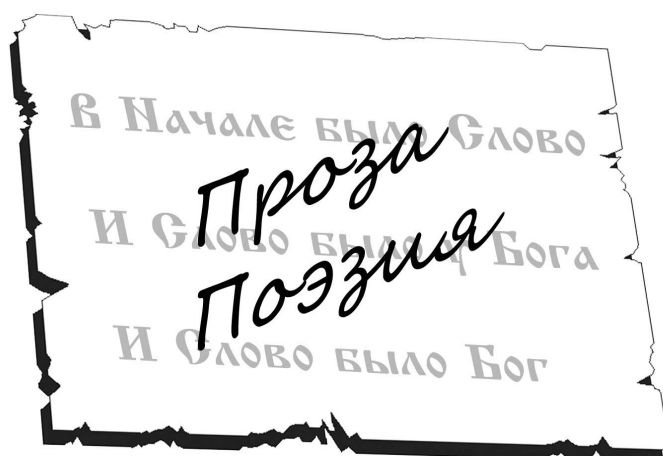
В ботаническом саду в разные годы работали выдающиеся ученые-естествоиспытатели, такие как И. Абромайт, К.Ф. Бурдах, К.Э. Бэр, Г. Гельмгольц, А. Гумбольдт, Р. Каспари, А.Ф. Швейггер и другие.

Во время Второй мировой войны и в послевоенные годы ботаническому саду был нанесен непоправимый ущерб: утрачены многие виды растений, уничтожены ботанический институт, химико-фармацевтическая лаборатория, зоологический институт и музей.

В 1951 году на базе бывшего ботанического сада Кёнигсбергского университета была открыта Областная станция юных натуралистов. В начале 1991 года областная станция юных натуралистов была реорганизована в учреждение дополнительного образования - Калининградский областной экологический центр учащихся, с 2001 года - Областной Детский Центр экологического образования и туризма.

Продолжение обязательно последует, особенно, если ко мне присоединятся читатели журнала с рассказами о своих деревьях, парках и лесах.

Л.Ефремова, потомок многих поколений лесников

*...Не ждите радостей от жизни –
Она ждёт радости от нас...*

И.Моргулёва, «Фэйсбучинки»

...«Ниву» постоянно бросало из стороны в сторону, и не мудрено – передвигаться приходилось то по прошлогодней пахоте, то по валежнику, скопившемуся у опушек и лесополос. Но Новосельцев мастерски вёл свой внедорожник. И вот, когда до трассы оставалось километра два-три, путники одновременно увидели...

Д.Воронин. «Воры»

Олег Глушкин

ГАМБИТ ФРАДКОВА

Пётр Фрадков в своё время был известен среди шахматистов изобретением особого гамбита, который поначалу называли «кёнигсбергским». И не потому, что Фрадков впервые применил его в своём городе, который совсем по другому стал называться. Дело в том, что это был перевёрнутый гамбит, в котором в ответ на предложенную белыми жертву пешки чёрные отвечали своей жертвой. В результате, рядом с доской росла гора пожертвованных пешек, и всё это походило на стремительный штурм города. Главный соперник Фрадкова Марк Бызов, против которого Фрадков впервые применил эту серию жертв, удивленно воскликнул:

– Да стоило ли городить эту королевскую гору! Жертвы ради жертвы!

Он был уверен в победе и проиграл уже на тридцать первом ходу. Потом чемпион города Олег Дементьев изобрёл простое противоядие этой лавине жертв, он просто не принимал их и легко побеждал тех, кто решался применить такое рискованное начало. Но победы Дементьева не охладили Фрадкова, он неизменно украшал партию своим гамбитным началом. И в конце концов гамбит этот признали и среди шахматистов он получил название «гамбит Фрадкова». При этом, такой известный шахматный теоретик, как сам Шухов, настоятельно советовал Фрадкову составить учебник гамбитных дебютов. Но было не до учебника: надо было защитить диссертацию, и на это уходили все силы. Да и не жаловал Фрадков проторённых путей в игре, во многом полагаясь на импровизацию.

В молодости Фрадков любил вводить противника в состояние паники, закручивая в середине доски хоровод не совсем корректных жертв. С годами он стал сам себя запутывать, интуиция не спасала. Его постоянный шахматный партнер Дорохов не раз повторял ему: с молодёжью в эндшпиль. Да, конечно, с годами, переполненный опытом, мог бы себе позволить трезвый расчёт. Но тогда исчезал смак игры. А ведь в шахматах не только азарт нужен – важен результат. А вот результаты становились всё хуже. Даже в заводской команде его стали сажать на предпоследнюю доску. На выездные матчи брали охотно, он никого не подводил, ездил постоянно в Польшу, командировочных не просил. Но от ответственных игр старались отстранить.

А тут, не далее как вчера, зашёл к нему в сварочную лабораторию сам Мамедов, главный инженер, поинтересовался: готовы ли анализы никелевого сплава, потом сказал, как бы вскользь, мол, тут к нам из Питера гости будут, наши главные поставщики, хотят силами померяться.

– Давай, тряхни стариной.

Фрадков обрадовался, но вида, что обрадовался, не подавал. Кивнул только. Потом сказал:

– А почему бы и нет. Это раньше Питер игроками славился. А теперь их и след простыл. Там, на приборостроительном никогда сильных шахматистов не было.

Мамедов же, напротив, был другого мнения, сказал, что команда там – будь здоров, а на первой доске будет сам директор играть.

– Кстати, он был мастером или кандидатом, как и ты. Возможно, Фрадков, тебя и посадим на первую доску. Выиграть у тебя будет мастеру приятно. И почему бы удовольствие человеку не сделать? – хитро усмехнулся, рот растянул кривой улыбкой и, не ожидая реакции Фрадкова, резко крутанулся на высоких каблуках и покинул лабораторию.

Время, когда шахматы приносили радость победы, когда в них заключался весь мир, давно прошло. Почему именно шахматам отданы были годы? Жертвовал ради них всем. Впрочем, далеко не всем. Быть только шахматистом не позволяла жизнь. Когда оканчивал школу, был выбор: или ехать играть на первенство страны, или поступать в институт. Мать на коленях упрашивала: какие шахматы? Надо получить профессию, надо обеспечить себе нормальную жизнь. Бесполезно пытался ей объяснить, что шахматы самая престижная игра, что это даже не игра, это искусство, что мастера и гроссмейстеры на турнирах получают большие деньги. Она этому не верила и оказалась права. Она не дожила до сегодняшнего времени, могла бы сказать: а что я говорила? Даже признанные мастера сегодня ничего, кроме расходов, от игры не имеют. На соревнования ездят за свой счет, вместо денежных призов получают грамоты. Кто бы мог подумать, что всё так резко переменится!

Так что, мать была права и в далёком детстве, когда выговаривала отцу за то, что тот принёс в дом эту, неизвестную ей, игру.

Отец работал в комендатуре. Время было послевоенное, голодное. Бывшие завоеватели, немцы, в драных шинелях ходили по дворам без всякого конвоя, выпрашивая милостыню. Бабушка, у которой на войне погибли четыре сына, наливала в протянутые котелки остатки супа. Сами жили впроголодь. А тут ещё и гражданские немцы оставались, тоже голодали. Их ведь тоже надо было кормить. А с какой стати! Отец ворошил остатки волос на голове и сам себя спрашивал: они бы нас кормили? Бабушка молчала – отец многое повидал, с ним

не поспоришь. Жили всё как на привале, не думали, что останутся здесь надолго. Бабушка постоянно ворчала на отца, говорила, что зря поддались его уговорам, приехали в чужой край. Иногда и мамаша присоединялась к её ворчанию. Говорила, что отцу нравится форма, и он никак не может закончить войну. Пропадает в своей комендатуре. Совсем не думает о доме. Надо отсюда выбираться. Отец отмалчивался. Он уезжать никуда не собирался. Того города, где они жили до войны, теперь не существовало – сожгли дотла, смели с земли шквальным огнём артиллерии и бомбежками. В этом чужом городе тоже было много разрухи, но не такой сильной. На окраинах, в рабочих посёлках, сохранилось много домов, а за центральным парком даже отдельные красивые здания, так называемые коттеджи. Туда можно было бы переехать, но жить на окраине было ещё опасно. А нынешний их дом в центре города требовал ремонта. Крыша протекала, вместо развороченной снарядом красной черепицы заделали дыры кусками толя. Окна в гостиной были закрыты досками и фанерой. Но детство есть детство – был зато простор для игр, развалки и брошенные дома манили своей таинственностью. Играли в войну, прятались в подземельях, дрались улица на улицу.

Петя Фрадков рос слабым – сказались годы эвакуации. Начал он свою жизнь в засушливых казахских степях. Из того времени не помнил почти ничего, но мать рассказывала: ели жмых, корешки трав, варили суп из лебеды.

– Вытаскивала тебя не раз из когтей смерти. А ты даже не плакал, сил у тебя совсем не было.

Сейчас не мог понять, вспоминая послевоенное время, почему играли в войну? Столько бед принесла эта бойня. Забыть бы её. Почему манила такая игра, а не страшила? У многих пацанов были и пистолеты и ракетницы, найденные в немецких фортах. Отец строго-настроено запретил приносить в дом оружие. И вот, как бы взамен всех этих военных опасных игрушек, принёс шахматы. Коробка, в которой лежали странные полированные фигурки, поблескивала, покрытая лаком. Когда она раскрывалась, то получалось поле для всех этих фигурок: чёрные клетки чередовались с белыми; и половина фигурок была белыми, а половина чёрными. Отец в первый же свободный вечер расставил фигурки на доске, объяснил, как называют каждую, как они ходят по этим черно-белым полям. И Петя как-то сразу всё запомнил. Туры или лады ходили по прямой, конечно, были больше похожи на крепости, но вот двигались далеко, вроде как лады плыли. Королева была самой грозной, во все стороны мчалась на любое расстояние, готовая всегда защитить своего короля и скушать чужого. Правда, короля не брали. Давали ему – шах, предупреждали – убегай, а если убежать не мог, то и конец игры – мат! Лучше всех и непредсказуемое всех были кони: скакали через фигуры в разные сто-

роны. Он сразу полюбил коней и сохранил эту любовь на всю жизнь. И ещё любил пешки. Те ходили только вперед. Это была пехота, которая, как и в настоящей войне, гибла прежде всех, но если выживала пешка, дойдя до самого последнего поля, то превращалась в грозную королеву и могла всем другим фигурам отомстить. Не очень подходило этой сильной фигуре нежное название королева. Позже Фрадков узнал, что по-настоящему эта фигура называется ферзь. Ведь, как объяснил отец, шахматы изобрели в Индии, а ферзь – это все-сильный визирь. И те фигуры, которые зовём офицерами, надо называть слонами. С этим нельзя было примириться, всё-таки офицер был из разряда так называемых лёгких фигур. Было много хитростей в этой игре. И никогда ни одна из игр не повторяла другую. Но для игры обязательно нужен был второй человек. Среди мальчишек в окрестных дворах никого, умеющего играть, не нашлось.

И Петя каждый вечер старался не пропустить возвращения отца с работы. Терпеливо ждал, пока отец ужинал и выпивал свои неизменные сто грамм, молча стоял за его спиной с шахматной доской. Потом играли, сидя на кровати. Стол был один и занимать его игрой мать не позволяла. Вскоре Петя стал обыгрывать отца, и тот теперь под любым предлогом отказывался от игры. Конечно, уставал на работе, в комендатуре было полно дел: выселяли немцев, добывали для города лекарства, ловили бывших эсэсовцев, да и своих бойцов, которые, приученные к крови в большую войну, не раз схватывались не только с пленными, но и со своими однополчанами. Все жаждали скорейшей демобилизации, хотели вернуться в свои семьи. Отец, хотя и арестовывал, но сочувствовал им. Ведь он был с женой, а они были лишены своих жен. Люди прошли кровавую войну в грязи, в окопах, без отпусков, со скудным пайком, хотели получить награды от жизни. Отца постоянно осаждали с просьбами.

Отец буквально засыпал на ходу, ему иногда приходилось работать и ночами. Приставать к нему с игрой мать запрещала.

– У него очень ответственная и опасная работа, – объясняла мать, – для него война ещё не кончилась. А там, на войне, он много сил оставил, чудом уцелел. Ты это понимаешь?

Петя, конечно, всё это понимал, он уже готовился к школе и свободно читал газеты. Книги были только немецкие, их можно было листать и смотреть картинки. Одна книга была про шахматы, её Петя сам нашёл в соседнем брошенном доме, но прочесть смог только через несколько лет. Она то и стала для него первым учебником дебютов.

Во втором классе Петя часто пропускал уроки – болезни одна за другой накатывались на него. Весной, когда заканчивали учёбу, случилась тяжёлая ангина. Мать уехала в командировку, бабушка к

тому времени еле ходила, отец пропадал на своей работе. Петя лежал, покинутый всеми. Рядом с кроватью на доске были расставлены шахматы, но играть было не с кем. И вдруг навесить его явилась девочка, которая сидела за партой перед ним, на косы которой он уже поглядывал не без волнения. Вообще, это была самая красивая девочка в их классе, у неё были большие раскосые глаза, и говорила она тонким голосом, растягивая слова, говорила загадочно, словно рассказывала волшебную сказку. Звали её Тасей. До сих пор помнил Фрадков это имя. Лежал он в тот её приход под одеялом без трусов, и это тоже как-то волновало его, хотя он и не понимал ещё тогда причину волнения. Она рассказывала о том, как всем классом ходили на экскурсию в заброшенный форт. Таких фортов было много в окрестностях, но это был самый главный форт, откуда маршал Василевский командовал войсками. Но главное для Таси, как и для всякой девчонки, было не в том, как маршал командовал, а в том, что там росли подснежники, что первая заметила цветы. Так что говорить с ней было не о чем. Но – о чудо! – она заметила шахматы и сама предложила сыграть партию. Оказывается, её брат был чуть ли не чемпионом города и научил её игре. Ходила она правильно, зевков особых не делала, но играла без азарта, осторожно. Без особого труда он обыграл девочку, выиграл целых четыре партии. А когда вернулся с работы отец, он застал Тасю чуть ли не в слезах и стал выяснять, в чём дело. Наверное, подумал, что сынок обидел девочку, и когда узнал причину слёз, обрадовался и засмеялся. Сказал:

– Даме надо уступать... Потом поймешь, как они обидчивы...

Отец был избалован женским вниманием – время было такое: с войны мало кто вернулся, нехватка была мужчин. Когда отец приходил поздно, Петя слышал, как ругались они с матерью. Он не понимал, почему. Для него они были одинаково любимы. Но ведь они были ещё и мужчина и женщина. И было такое чувство у них – ревность.

Он тогда тоже что-то подобное испытывал, когда Тася не обращала на него в классе никакого внимания, отдавая предпочтение его товарищу Алику. Он, ещё когда болел, понял, что Тася больше не придёт его навесить, но всё-таки прислушивался к каждому стуку в дверь. А отец, понимая его состояние, сказал очень верные слова:

– Никогда, – сказал отец, – не выигрывай подряд у того, с кем хочешь дружить. Будешь выигрывать подряд, потеряешь друга.

Был отец прав, года подтвердили его правоту. Да и куда за примером было ходить, когда отец сам избегал игры. Не хотел проигрывать.

Таисин ухажер Алик Башин играл в шахматы довольно-таки прилично, да и жил он совсем рядом. Небольшой заброшенный парк разделял их дома. Сначала в парке они гоняли вместе в футбол.

Мячей тогда настоящих не было, тряпичный самодельный мяч плохо летал, да и ногам было больно. Так что, когда обнаружилось, что оба умеют играть в шахматы, летние каникулы прошли весело и интересно. В день гоняли по сто партий. Игра никогда не надоедала. У Алика была большая круглая голова, наверное, в ней вмещалось множество шахматных комбинаций. Выигрывали по очереди. Победам радовались, проиграв, не злились на противника. Стали друзьями – не разлей вода. Потом вместе играли за школьную команду. Фрадков стал обыгрывать друга, но помня совет отца, иногда позволял тому выиграть. Алик эти уловки хорошо различал и злился.

– Играй без зевков, – возмущался Алик, – кто же зевает на ровном месте.

Сам Алик специально зевал, когда играл с Тасей, она тоже была в школьной команде. И в старших классах Алик выиграл свою главную партию – Тася и он стали неразлучной парой.

То, что Фрадков начал всех в школе обыгрывать, произошло не сразу. И, если бы не встреча с Вальтером, неизвестно, как бы всё сложилось. Этот пленный немец отличался от других пленных своей опрятностью, он брился, шинель его, хотя и была поношенной, но аккуратно починена, правда, в глазах его была та же тоска, как и у всех пленных. Он случайно зашёл во двор, когда Петя с Башиным, расположившись на скамейке, играли очередную, возможно, тысячную партию. Зашёл он в поисках работы, предлагал наколоть и напилить дров. В услугах его не нуждались. Но никто его не прогнал. Он встал около скамейки и молча наблюдал за ходом партии. Потом не выдержал, когда Башин упустил возможность заматовать фрадковского короля, и стал что-то объяснять на немецком, потом, опасаясь, что его прогонят, долго извинялся. Конечно, он хотел сыграть, но играть с немцем они не стали. Через день Вальтер, теперь они уже знали, как его зовут, опять появился в их дворе. Как раз в этот день игру прервала мамаша Башина – надо было срочно ему сходить в магазин. Петя остался ждать. И так случилось, что согласился сыграть с немцем. Тот быстро его обыграл и поспешно удалился – подошло время проверки, и хотя немцы бродили расконвоированные, им полагалось в определённое время быть на месте. Потом так получилось, что Алик Башин после третьего класса уехал с родителями на лето в родную Белоруссию. И Вальтер стал партнёром Фрадкова.

Незнание языка не было препятствием, шахматы оказались понятными на любом языке. Однажды Фрадков показал Вальтеру книгу про шахматы на немецком языке. Вальтер бережно прижал её к груди. Потом быстро расставил шахматные фигуры. И, показывая на картинки в книге, стал двигать фигуры. В книге было записано, как надо играть. На шахматной доске по её краям Вальтер нарисовал

вал немецкие буквы и цифры. Пётр сразу сообразил, как можно передвигать фигуры, читая записи в книге. Главным из всего этого было то, что есть различные начала в партиях, они назывались дебюты, их можно запоминать и применять в игре. Из всех этих начал выходило, что в дебюте надо захватывать центр. Пётр и раньше об этом догадывался. Но было и новое. Оказывается, чтобы захватить центр и атаковать, стоило жертвовать пешки, а иногда и фигуры. Это называлось гамбитом. Вальтер принёс потрепанный немецко-русский словарь, общаться стало намного легче. Вальтер показал, как делается спёртый мат. Это вообще было песней. Захватывало дух. Ведь сначала под прикрытием коня врывалась на последнюю горизонталь королева и давала шах, король прижатый в угол никуда не мог пойти. Но королеву можно было убить, её спокойно брала ладья и тем самым своя же ладья окончательно запирала своего короля, а конь в победном прыжке ставил мат. Пётр быстро всё схватывал. Запоминал дебюты, целые партии, запоминал и немецкие слова, потом это в жизни пригодилось, когда делал диссертацию.

В то же послевоенное время, конечно, и не предполагал, что его будущая научная работа будет близка к работе Вальтера. Рассказы Вальтера о том, что тот был учёным, специалистом по каким-то несимметричным уравнениям и упругости сплавов и пластин, были совершенно непонятны и не имели значения. Оказалось, что до войны он учился здесь, в университете. Но мог ли быть университет у фашистов? Вызывало также много вопросов его участие в войне — почему же он пошёл воевать, почему не повернул своё оружие против фашистов?..

Отец, который прошёл все годы войны на передовой, повидал всякие страшные события, а теперь занимался не только устройством и снабжением переселенцев из России, но и пленных, часто говорил матери о пленных с презрением. Злобы в его словах не было, мстить им всем подряд он не собирался, но возмущался, когда бабушка говорила, что немцы умирают от голода и надо бы их отправить в Германию. Отец смотрел на бабушку, как на непонятливую ученицу.

— Выдумала, мамаша, — говорил отец, — видела бы, как они наших пленных морили голодом, как издевались над людьми. Пусть понесут наказание.

И когда отец обнаружил, что Пётр якшается с пленным и даже играет с ним в шахматы, он просто взорвался. Досталось матери. Кричал на неё, как будто это она, а не Пётр играла с немцем.

— Ты что, совсем ничего не понимаешь! Я помощник коменданта! И так уже пошли разговоры, что мы их распустили. Они должны расплатиться за все наши страдания. Если бы ты хотя бы раз увидела рвы, переполненные убитыми женщинами, стариками, детьми, ты бы не допустила, чтобы твой сын забавлял фашиста!

Пётр защищал мать, она ведь ни при чём, пытался объяснить, что Вальтер не фашист, что он учёный. У него в Кёнигсберге была лаборатория.

— Тем хуже, — не успокаивался отец, — значит, всё понимал, значит, не просто силой его погнали в Россию, наверняка пошёл добровольно, наверняка грабил и убивал. Все они заявляют, что не убивали. Мы когда концлагерь освобождали, поймали эсэсовца, офицера, так тот всё кричал, что он композитор, а заключённые рассказывали, что зверем был, не просто убивал, а забавлялся, куражился над человеком. На скрипке, да, играл. Мы ту скрипку Давиду отдали, сыном полка был у нас, вот это был точно композитор. А этого эсэсовца на растерзания заключённым отдали. Мокрого места от него не осталось.

— Успокойся, — останавливала отца мать, — ребёнок ещё ничего не понимает, дети не должны быть жестокими, а пленные что? Нельзя всех под одну гребёнку стричь. Пусть восстанавливают то, что разрушили, пусть поработают. Но, конечно, не в Германию отправлять, а в другие наши города русские. А здесь, ещё неизвестно, будем мы жить или нет...

Тогда, сразу после войны, мало кто верил, что край этот останется нашим, что станет родиной для детей... У всех с понятием «родина» были связаны свои места. Когда выдавался отпуск, говорили: поедem на родину, поедem в Россию. И даже полагали, что не всех немцев выселят, а тех, кто отсюда родом, разрешат оставить. Это обрадовало Петра — ведь Вальтер был родом отсюда. Но слухи эти оказались ложными, вскоре в городе немцев почти не осталось.

Сейчас понимал, что хорошо было бы, если бы Вальтер остался: и партнер нормальный для игры, и в напряжении пластин разбирался. Сварочная лаборатория, где теперь работал Фрадков как раз и занималась напряжением в пластинах. Под понятие «пластины» подходили все корабельные переборки, и проверять надо было, в первую очередь, главные прочные переборки, несущие основные нагрузки на кораблях и подводных лодках. Когда в научно-исследовательском институте перестали платить зарплату и прекратились заказы, Фрадков нашёл прибежище в этой заводской лаборатории, благо, заведующий лабораторией был любителем шахмат. У него не приходилось подолгу отпрашиваться в поездки на турниры. Обидно было, что науку так гробили: шёл ведь на докторскую — столько было затрачено трудов, столько сделано замеров на кораблях, столько выстроено диаграмм. Надо было раньше форсировать защиту. Кто же думал, что всё так быстро развалится. И надо было бросить играть в шахматы, не тратить силы на многочисленные турниры, не тратить столько нервов для получения кандидата в мастера. И получилось: за двумя зайцами погнался — и докторскую не одолел, и мастером спорта не стал. В шахматах ведь

так: получить разряды от пятого до первого при желании и упорном труде может каждый; стать кандидатом в мастера тоже можно, лишь было бы в городе достаточное число перворазрядников и кандидатов и мастеров; а вот к мастеру путь более тернист, уж не говоря о гроссмейстере. Вроде бы и играли многие гроссмейстеры без особых выдумок – смотрел их партии и почти всегда угадывал очередной ход – и всё-таки были ещё и шахматные гении, непредсказуемые, точные, как машина, блестящие комбинаторы, выдающие позиции на доске на десятки ходов вперёд.

Но гении не рождаются на пустом месте, должны быть сотни, тысячи игроков, из которых избирается гений. Сейчас же шахматы вдруг перестали интересовать и прессу, да и всех людей. Возможно, надо зарабатывать, не до шахмат. Но ведь и в советское время шахматисты не бросали свою работу. Но какая когорта! Сколько внимания! Почти все знали – кто чемпион, с кем играет за звание, кто победил на очередном турнире. А если игралось командное первенство, болели за своих – и те всегда побеждали. Эти шахматные победы сглаживали и голод, и послевоенную разруху. Можно было гордиться своей страной.

Всё началось с Ботвинника, шахматного доктора, интеллигента, не балующего партнеров и болельщиков фантастическими жертвами. Фрадкову не очень нравилась такая игра, но нельзя было не восторгаться тем, как точно и уверенно Ботвинник вёл свои фигуры к победе. Ему не было равных. И подросли его ученики. Один за другим становились чемпионами, победителями на международных турнирах. Фрадков тоже мог бы попасть в их число. Опять виною всему была нерешительность. Именно в те годы, когда блистал Ботвинник и набирал учеников в свою школу, Фрадков только ещё заканчивал институт и был увлечён расчетами пластин. После диплома можно было ехать играть в столичном турнире, но он отказался – надо было заканчивать опыты по скручиванию пластин, надо было налаживать жизнь, родился сын, не было квартиры. Можно было, конечно, всем пожертвовать, бросить всё ради шахмат, но давили со всех сторон и жена, и мать, да и научный руководитель – трижды лауреат – был в восторге от его выводов. Этот лауреат, похожий на гнома, всё время теребивший свой нос, обладал громовым басом. На всех наводил страх, Фрадкова же приблизил к себе. Выдумал теорию о том, что человек может силой мысли проникать в толщу металла. Был убеждён, что Фрадков видит, как напрягается сталь при нагрузке. Это была, конечно, выдумка. Но то, что Фрадков сам ощущал возможность проникновения в тайны материи, в квантовую теорию, было правдой. Лауреат говорил о дипломе: это готовая докторская. Докторской не вышло. Кандидатскую получил, и то не сразу. А в шахматах его начали обгонять. Ещё недавно иг-

равшие, как и он, в студенческих командах становились чемпионами. Блеснул Таль, сумасшедший фанат, способный на такие жертвы фигур, которые никто не мог предположить. Из университетской шахматной команды тех времен, когда Фрадковский институт боролся с ней на равных, выдвинулись и заблистали Корчной и Спасский. И наконец на западе появился Фишер, более фанатичный, чем Таль, ничего не хотевший знать, кроме шахмат. Но Фишер был временным явлением – спокойный Карпов стал затмевать его. А кто сейчас играет на первенство мира? Где они, российские гении? Перестройка смела шахматы, опустила их ниже плинтуса.

На днях обо всем этом заговорили с начальником лаборатории Спешневым. Тот тоже считался сильным игроком, был шахматным болельщиком, ездил специально в Москву, когда там проходили матчи на звание чемпиона мира. Потом он резко забросил своё увлечение. Они были ровесниками, но Спешнев выглядел намного старше. Виной тому была лысина, довольно-таки заметный круглый животик и походка этакая вальяжная, неторопливая. Было время, они даже были соперниками, сошлись в турнире на первенстве города. Спешнев занял предпоследнее место. Фрадков тоже не стал чемпионом, но всё же почётное третье давало подтверждение кандидатского звания. И рейтинг у Фрадкова в те годы был высоким. Оба были молодыми специалистами, оба защитили диссертации.

Как-то сошлись в гостях у общего знакомого. Было новоселье. Было много шахматистов. Закончился турнир, и никто не хотел гонять блиц, как обычно принято в их компаниях. А Спешнев даже публично поклялся бросить шахматы. И потом, когда шли домой вместе, целый монолог произнёс о вреде шахмат. Странно было слышать от человека, отдавшего столько времени и сил шахматам, о том, что именно шахматы помешали ему успешно продвигаться, что они были заменой настоящей жизни. Был сентябрь, особенно теплый в том году, и они сидели на скамейке возле Музея янтаря, потом пили пиво и долго спорили. Спешнев утверждал, что замена жизни игрой – для людей со слабой волей: истинную борьбу, требующую жертв и крови, они заменяют бескровными битвами на шахматных полях. Ведь в этих битвах им ничто серьёзно не угрожает, а гибель короля всегда временна, он оживает в следующей партии. И никакого смертельного риска.

Фрадков возражал, но не очень активно. Мог бы рассказать о том, что и шахматы несут немалую долю риска, и за игру приходится расплачиваться. Было и такое в жизни. Но без шахмат он не представлял своей жизни. И почему они заменяют жизнь? Здесь Спешнев не прав – они расширяют поле жизни. После того, как Спешнев бросил играть, он продвинулся, но большое ли это продвижение. Фрадков тоже мог бы заведовать лабо-

раторией, просто он не добивался этого места, и шахматы здесь ни при чём.

Спешнев не советовал играть с приборостроителями на полном серьёзе. Сказал: просто товарищеский матч, можно о своих прошлых победах забыть. И зачем выдрючиваться и тратить нервы.

Сидели у него в кабинете. Где бы Спешнев ни работал, он в первую очередь обставлял со вкусом свой кабинет: обязательно устраивал цветник – на подоконниках вились вдоль стекол самые дикие растения. Стол свой никогда не загромождал: ничего, кроме телефона, никаких бумаг. До недавнего времени висел портрет Ботвинника, но был сменён портретом Президента – было ли такое указание всем начальникам, или они сами так делали, в общем, не только у Спешнева такой портрет висел, у главного инженера даже была цветная фотография, на которой он и Президент счастливо улыбались, наблюдая за спуском корабля.

– Так вот, – сказал Спешнев, – сейчас не время для игр, любой вам скажет. Мы утратили мировое первенство, утратили не только в шахматах, но и в науке. Выбирать не приходится. Шахматы подождут, – Спешнев ходил по кабинету, вглядываясь в цветы, поводил тонким носом, пытаясь уловить ароматы, наклонился к сидящему на диванчике Фрадкову. – Да, милейший Пётр Васильевич, мы должны многим жертвовать, откинув собственные амбиции, – сказал он. – Сейчас, конечно, смешно: была такая шахматная лихорадка, я тоже ей был подвержен...

Он сел на любимого конька, стал обличать всех, кто покидает страну в такое трудное время. И неожиданно сделал вывод:

– Вы ведь должны догадываться, почему мы утратили первые позиции в мире не только в шахматах. Вот из нашей лаборатории уехал главный сварщик Гребельников, был очень перспективным, но нашу зарплату не сравнишь с забугорной. Так же и в шахматах стало: почти нет денежных призов, вручают грамоты – на тебе бумажку... Вы заметили, что Гребельников похож на Каспарова: если Каспарова побрить – будет вылитый Гребельников. Одной они нации... И все они на одно лицо: и Ботвинник, и Смыслов, и Таль, и Спасский...

– Да какой же Гребельников еврей, – возразил Фрадков, – внешнее сходство ни о чём не говорит, он чисто русский человек.

– Откуда знать, – сказал Спешнев, – покопаться поглубже, так в каждом шахматисте можно найти примесь еврейской крови. Вот и у вас, не исключено, были грехи у предков, фамилия уж больно подозрительная. Да и шахматист вы отличный – это у них в крови.

Можно было довод о шахматистах и к самому начальнику лаборатории применить, ведь звали его Ефим Иосифович, но разве это о чём-либо говорит. Трудно проследить свой род в нашей стране. Вели родословную князя, дворяне, а люди попро-

ще и на фамилию не имели права – рабы, крепостные, холопы. Сын Ивана – Иванов, сын Петра – Петров, без отца – значит Марьин, Дашин... Но Фрадков – вот загадка! Возможно, Спешнев и прав, но какое это имеет значение. Уезжать Фрадков не собирался. В его годы начинать жизнь заново было поздно. Да и не выучил он в своё время английский. Немецкий немного знал, от Вальтера остались слова. В школе немецкий учил через пень колоду, в институте английский тоже так, лишь бы сдать зачёты. Разве думал, что может пригодиться. Возможно, в этом ещё один прокол в его жизни, сейчас, когда учёные разных стран свободно общаются друг с другом, очень нужен английский. Да и шахматисты, которые знают язык, быстрее продвигались в лидеры. Проникали на международные турниры. У нас чужое всегда ценилось больше, чем своё. Международный мастер – это не то, что просто мастер...

Спешнев остановился посредине кабинета, задумался и неожиданно сделал вывод:

– Мы с вами – глупые люди, мы ошибались. Глупо было играть, когда все проваливалось в тартарары... Идите, Фрадков, не терзайте мне душу...

«Тратить на шахматы жизнь глупо, – также любила повторять жена. – Что шахматы могут дать человеку? Игра хороша до определенного возраста». Забыла, что ведь не сошлись, если бы не шахматы. Ещё в школе он её приметил, она училась на два класса младше, но уже играла за школьную команду. Ей пророчили большое шахматное будущее. Но на первенстве города она в первом же туре была разбита новой восходящей звездой Аней Сегал. Жену тоже звали Аня, но Фрадков называл её не иначе, как Ануся. Сегал буквально преследовала Анусю, всегда становясь непреодолимой преградой на её пути. В игре Ануса не было смелости, уж очень осторожно она разыгрывала партию. Очень осторожно, бережно брала в руки шахматные фигуры, подолгу держала фигуру в руке, словно согревая, прежде чем поставить на доску. Тогда ему это нравилось, и вся она миниатюрная, аккуратная, всегда ухоженная, обещавшая домашний уют, казалось, будет идеальной спутницей жизни. Жена, с которой вечерами можно будет играть в шахматы, разбирать шахматные партии, решать шахматные этюды. А когда они расписались, когда родился сын, уговорить её сыграть стало очень трудно. Она стала такой домашней, ни с кем не хотела общаться и огорчалась, когда он уезжал на турниры, ревновала к каждой шахматистке. Она ревновала даже к шахматной королеве, поправляла его, когда он говорил «королева», говорила:

– Это дворовое название фигуры, ты же считаешь себя шахматистом, называй грамотно – ферзь.

Женщины любят успешных мужчин. Когда он блистал и в науке, и на шахматных полях, прощалось всё. Когда не защитил докторскую, когда стал терпеть поражения на турнирах, вдруг обнаружи-

валась её иная суть. Она становилась ворчливой. Выговаривала ему: пора повзрослеть, наступает возраст, когда надо расставаться с игрушками. Пытался приучить к шахматам сына, но не увлёк. Возможно, совершил обычную свою ошибку – не давал сыну выигрывать. А скорее всего, шахматы не выдержали соперничества с компьютером. Сын часами мог сидеть у экрана, гонять по экрану сказочных героев. Никакой мечты в сына не смог заронить. Сын оканчивал школу, и ни разу даже разговора не было о будущей профессии. Мать избаловала его. Ребёнок был поздним, жена с ним возилась, во всем старалась ему угодить, не понимая, что этим портит сына. Сказала как-то: главное, не будет шахматистом! Не проиграет свою жизнь! Вот вырвалось же у неё такое!

После этого Фрадков постарался и выиграл довольно-таки сильный турнир, но почестей особых не дождался: ни сообщений в прессе, ни интервью на телевиденье. Настало другое время. И вместо денежной премии или, на худой конец, кубка – даже не грамота, а благодарственное письмо от мэра, правда, в красивой рамке.

Если бы в доперестроечное время, во время триумфа советских шахмат, он обошёл в турнире двух мастеров, о его победе говорили бы все в городе. Послали бы на престижный турнир в столицу, а может быть, и за границу. Да, было иное время. По сути страшное, а для шахмат – блистательное.

Пожалуй, самая большая доля славы досталась Фрадкову в школьные годы, возможно, тогда-то он исчерпал её лимит.

Уже в пятом классе, в своём городе он играл на первенство города среди юношей. Директор школы, фронтовик, одорукий Ефремов был большим любителем шахмат. Ни с него ли началась серия начальников Фрадкова, обожавших старинную игру. Предстояло играть в решающем предпоследнем туре с рыжим Марком – давним соперником, чемпионом «Спартака», грозой не только юных шахматистов, но и взрослых мастеров. Директор зашёл в класс, когда все склонились над партами, решая сложные задачи о вытекании воды в бассейне. Всех тогда стригли «под ноль». Как среди этих стриженных голов обнаружил он голову Фрадкова, неизвестно. Он подошёл к парте Фрадкова и своим властным директорским голосом спросил, обращаясь к учителю арифметики:

– Почему Пётр Фрадков ещё здесь? Ему предстоит сегодня сложная игра. Ему надо отдохнуть перед игрой!

Учитель арифметики сжался в размерах и стал оправдываться:

– Я знаю, – сказал он, – я ведь не против отсутствия Фрадкова на уроке. Но, я думаю, что математика нужна любому, особенно шахматисту. Расчёт, везде должен быть расчёт: сколько фигур нападает, сколько защищает, какая пешка быстрее пройдёт в ферзи.

Математик тоже увлекался шахматами.

– Что вы мне объясняете, – вскипел директор, – Фрадков выиграл почти все партии. Он считает не хуже, а лучше нас с вами.

Пётр поднялся из-за парты и пошёл к двери. За его спиной всё ещё гремел грозный бас директора. За контрольную, не решённую до конца, он получил «отлично». Рыжего Марка одолел, ошелолив его своим отчаянным гамбитом.

Тогда в школе Фрадков становился всё более популярным. С крупной головой и торчащими в стороны ушами он, наверно, был похож на инопланетянина, какими их изображают в современных журналах и книгах. Несмотря на это, никто к нему не приставал, не отнимал завтраков, и он даже был принят в общество пиратов, куда из младших классов принимали самых крутых и смелых. Принимали на пустыре, где осталась высокая стена от какого-то разбомблённого здания. Наверх вела винтовая лестница, которая заканчивалась небольшой площадкой на самом вершине. Ставили на колени на эту площадку. Высота была приличная. Завязывали глаза. И главный среди пиратов – вечный второгодник по прозвищу Лунь – толкал тебя в грудь. Если испугался и хватался за него, боясь упасть, то в пираты тебя не брали. Надо было проявить выдержку. Упасть никому не давали, подхватывали с двух сторон. Лунь был переростком, таких в школе было немало – во время войны негде было учиться тем, чьи семьи не успели эвакуироваться, вот и пошли в сорок пятом в школу в первый класс десятилетние и даже двенадцатилетние. Лунь тоже любил играть в шахматы, был в восторге от игры Петра. И говорил всем из своей пиратской братии, чтобы ни один волос с головы Фрадкова не упал. Было непонятно, откуда взялся волос, стригли их «под ноль» регулярно. Казался Фрадков совсем маленьким. И когда стал играть на первенство города, долго не хотели допускать к соревнованиям – не верили, что ему уже тринадцать лет.

Шахматы приносили защищённость, но иногда становились тяжёлой обязанностью. После седьмого класса стали пускать на школьные вечера. В то время не было никаких дискотек, и на танцах все было строго и чинно – вальсы, краковяки и лишь изредка фокстроты. И следили строго, чтобы в девять вечера все заканчивали и уходили пораньше домой. И не просто учителя следили, а сам директор. Конечно, директору, пожилому фронтовику, было скучно на этих вечерах. Молодые учительницы танцевали вместе с учениками, а он, наверно, стеснялся своего пустого рукава, сидел в учительской и смотрел на часы, чтобы ровно в девять прекратить разгул веселья. И вот тут-то на него нашли управу. Подговаривали Фрадкова идти в учительскую с шахматной доской. Директор встречал радостно. Быстро расставляли фигуры. И задача Фрадкова была тянуть время: делать такие ходы, которые не давали противнику развернуться, и самому не

наступать. Партия принимала затяжной характер, длилась два, а то и три часа.

И у маленького игрока хватало ума заканчивать партию вничью, когда за окном действительно по-настоящему темно. Внизу, в актовом зале, звучала музыка, танцевала с Аликом Тася, а он за время учёбы так и не выучился ни одному танцу. Так получилось, что любовные свидания отодвинулись на институтскую пору, а в школьные годы радость и счастье приносили шахматные победы. Он не расставался с шахматами и на летних каникулах, и в пионерских лагерях, и в отпускных поездках с родителями. Всегда, в поездках, в больницах находя себе соперника, всегда стремился заматовать чужого короля ценой любых жертв.

Приезжал в город знаменитый гроссмейстер Тайманов. В сеансе одновременной игры он, единственный, сделал ничью, но был очень близок к проигрышу, когда уже в дебюте пожертвовал слона. Тайманов при всех похвалил его игру, а потом пригласил к себе в гостиницу и там показал несколько неизвестных Фрадкову дебютов, где выигрыш достигался постепенным наращиванием позиционного преимущества. Объяснил, что жертвы не всегда приводят к выигрышу и лучше избегать риска. Сказал, что Фрадков играет, как один из первых чемпионов мира – Стейниц. Партий Стейница Фрадков никогда не видел. И объяснил Тайманов, что Стейниц играл, как бешеный викинг, добиваясь мата любой ценой. Но даже Стейниц осознал, что надо играть позиционно. Правда, потом он почти что свихнулся: утверждал, что играет в шахматы с Богом. Юный Фрадков сочувствовал Стейницу – чемпион мира хотел победить всех, даже Бога.

Фрадков тоже хотел победить любого... Почему тогда почти всех побеждал? Было страстное желание победы. С годами оно притупилось, а тогда даже представить невозможно, какое счастье приносила каждая победа. Особенно, если партия игралась на виду у многих болельщиков. Шахматы, конечно, не футбол, но когда проходила комбинация с жертвой фигуры и ставился мат, это было равносильно забитому голу. Если бы в зале разрешалось кричать, как на стадионе, стены бы содрогались.

Первенство города проходило в рыбацком клубе. Было всё, как на самых больших соревнованиях в Москве. Были демонстрационные доски на сцене. На них шахматисты, помощники судьи и не прорвавшиеся на первенство повторяли ходы, сделанные игроками. Длинными указками они перемещали плоские фигуры. Вздохами облегчения или отчаяния встречали болельщики очередной ход. Судья строго следил за тем, чтобы из зала не раздавались подсказки. Люстры ярко светили, каждое движение противника было отчетливо видно, лакированные шахматные фигуры скользили по доске, как по гладкому льду.

Поблёскивал начищенный паркет, после окончания шахматных баталий здесь устраивались танцы, на которые пропускались только те, кому исполнилось шестнадцать лет. Юных шахматистов, в виде исключения, не изгоняли из зала. Почти на каждый тур приходили Алик Башин и Тася – неразлучная парочка. И хотя Пётр смирился с тем, что Тася принадлежит Алику, его приятно волновало её присутствие. Она всячески подчеркивала своё знакомство с Фрадковым.

Ей очень хотелось остаться на танцы. В полупрозрачной кофточке с кружевами, в юбке колоколом она была особенно красива. Это вам не школьная форма, делавшая из всех девочек одинаковых монашек. Фрадков и Алик были явно не для неё. Пётр замечал, как пристально смотрели на неё парни из морского училища, высокие, в форме. Она, правда, оставалась верной своему оруженосцу Алику Башину, без него оставаться на танцах не хотела, и приходилось его выдавать за участника турнира. Танцевать друзья не умели и с завистью смотрели, как кружит Тасю в вальсе очередной будущий морской офицер. Тогда не по-детски, а по-настоящему Пётр осознал, что такое ревность, потому что старый друг Алик Башин стал его раздражать.

Алик завидовал победам Фрадкова, а Фрадков завидовал Алику. Они чуть было не разругались, но в это время в их школу перевелась Ануся, сразу же включённая в сборную команду школы. И Фрадков понял: эта худенькая девочка, с затаенной улыбкой на припухлых губах – его судьба.

Когда заканчивали школу, уже точно определись, что после учёбы в вузе будут сразу две свадьбы. Ехать на учёбу, расставаться с Аней Фрадков не хотел. Мать настаивала на своем, и когда он узнал, что Аня тоже едет в Ленинград поступать в институт, прекратил сопротивляться маминой воле. Директор школы, правда, настаивал на том, чтобы Фрадкова отпустили играть на первенство страны. Даже приходил к ним, долго разговаривал с отцом. Принёс бутылку коньяка и они выпили: один за сына-отличника, другой за талантливого шахматиста. Потом директор долго пытался объяснить отцу, что поступление в институт никуда не убежит от отличника, а первенство – это шанс: шахматы могут стать счастливой судьбой. Что все великие люди играли в шахматы. Игра развивала и смекалку, и воображение. Играли в любых условиях. И Ленин, и другие большевики обожали шахматы: даже в тюрьмах делали фигурки из хлебного мякиша и играли! Директор говорил убедительно, размахивал своей единственной рукой перед лицом отца. Отец нахмурился, скривил губы улыбкой, возразил директору:

– Если бы на фронте или в блокадном Ленинграде кто-нибудь вздумал так использовать хлеб, его бы крепко избили ...

– Фронт, это другое дело, – согласился директор, – но даже там были шахматные фанаты. В перерыве наш взводный играл со всеми нами без доски и без фигур, он выкрикивал ход: e2-e4, мы хором отвечали: e7-e5. Погиб он, правда, под Вязмой – взводные долго не жили. А мы продолжали играть. А когда началось наступление, шахматы помогли нам соображать, где идти на прорыв и как делать отвлекающие маневры, – и последний свой довод привел директор. – Большевики ведь тоже победили в восстании в семнадцатом году. Как они в Петрограде быстро и точно захватили все жизненные центры! Явно у Ленина было шахматное мышление. И он сумел применить шахматную тактику на практике.

– Лучше бы они в шахматы продолжали играть, – прервал его отец, – устроили кровавое месиво, играли миллионами, жертва за жертвой.

И тут директор согласился с отцом, сказал:

– Жертвы хороши в игре, а не в жизни.

Пётр, слышавший этот разговор, многого тогда не понимал. Ведь в школе тот же директор учил совсем другому, и в комендатуре с военными отец вёл совсем другие разговоры. О том, что отцу пришлось воевать в штрафбате, Пётр тогда не знал, да и что существуют такие роты, которые посылают на верную смерть, тоже не знал. Поэтому не понимал, почему мать спешно закрыла окно.

– Тише, тише, – пыталась успокоить спорщиков.

Она успела сходить в магазин и принести чернослив. Случайно попал этот чернослив в их магазин. Пётр попробовал его тогда впервые. Мать уговаривала мужчин помолчать, выпить по рюмке и закусить черносливом. Водка не примирила их. Каждый настаивал на своём. Эти два человека заботились о будущем Петра, и кто из них был прав, даже сегодня решить Фрадков не мог.

Как обычно, перед серьёзной игрой Фрадков любил побыть в одиночестве. Конечно, не бог весть какая будет игра, это не первенство России, и даже не первенство города – просто сойдутся два предприятия, которые очень зависят друг от друга. Что касается дебютов, то ему совершенно не хотелось заглядывать в книги, вспоминать стандартные положения. Это был неинтересно, а теперь уже совсем ни к чему. Главное, не позволять противнику играть по стандарту, по-книжному. И надо самому быть в форме. Надышаться воздухом, размяться. Фрадков прошёл пешком от дома до Нижнего озера. Когда-то здесь был Замковый пруд, в его воды смотрелся Королевский замок, здесь прогуливались знатные горожане. На скамейках сидели умудрённые годами буржуи. Почему им не жилось спокойно, почему они не вчитывались в трактаты о мире, почему не играли в шахматы? Сражались бы на чёрно-белых полях, убивали бы деревянных пешек. То, что сегодня люди отвернулись от шахмат, не есть ли это дурной знак?..

Раньше везде можно было встретить играющих любителей: и в парках, и во дворах, и здесь, на скамейках, стоящих вдоль дорожки, опоясывающей озеро. Шахматисты появлялись повсюду, лишь только весна приходила в город, и не покидали свои места до глубокой осени. Мечта многих – выйти на пенсию и сидеть под кронами деревьев за шахматной доской. Это не только возвращение в детство, это уход от семейных дразг и забот, от говорливых жён. Нельзя сказать, что кто-то мешал Фрадкову в доме, эти времена прошли. Давно уже не стало бабушки, ворчливой, но доброй, ушёл в иной мир и отец. Сын уехал учиться в столицу. Остались жена и мать. Две женщины-соперницы, каждой из которых казалось, что другая мало заботится о нём. Весна приносила в дом новые заботы, жена стала страстной огородницей, приходилось ездить с ней на так называемую дачу. Брать с собой карманные шахматы, чтобы скоротать время в электричке.

Карманные шахматы были и в этот вечер с собой, Фрадков сел на скамейку, стоящую у самого берега, раскрыл изящную коробочку, но расставлять фигуры не хотелось. Весеннее томление, охватившее округу, проникло и в него. Вечер был тёплым, стояла безветренная погода, вокруг всё цвело, уже распустились клейкие молодые листочки на деревьях, заневестились, зацвели алыча и боярышник. Весной не только всё в природе оживало, город тоже прихорашивался. Зелень бинтовала развалины. Хотя прошло после войны уже более четырёх десятков лет, развалины на месте прежних зданий ещё оставались. Среди камней и кирпичей пробивалась трава, даже в окнах разрушенных домов селились зелёные жители – робкие деревца и даже цветы.

Весна и осень – лучшая пора для шахмат: и не жарко и нет холодов. Город тоже словно создан для шахмат. Играть в жаркой стране – ничего хуже не придумаешь, пот застилает глаза. Фрадков испытал уже один раз такое удовольствие в африканском Дакаре, куда зашло научное судно, на котором испытывали покрытие пластин трёхслойкой. Ещё хуже – холод: мысли стынют, ни одного шахматного чемпиона не дали ни Якутия, ни Чукотка. Зато, и в довоенные времена в Кёнигсберге, и в послевоенном Калининграде шахматистов было множество. Конечно, когда человек достигал заметных успехов в Калининграде, его засасывала Москва, но корни оставались здесь. И не отсюда ли начали свой поход шахматы в Россию. Почти все европейские монархи играли в шахматы. Какие только шахматные фигуры им не дарили. И из слоновой кости, и из янтаря. Янтарные шахматы дарили, конечно, в Кёнигсберге. Приятно держать в руках янтарные фигурки, чувствовать тепло солнечного камня, проникать в толщу янтаря, считывать свидетельства прошлых веков. У английского короля были янтарные шахматы, ещё в очень далеком семнадцатом веке привезли их из Кёнигсберга. Петр I был стра-

тным игроком, постоянно играл со своим вице-канцлером Шафировым. Здесь, в Кёнигсберге, сначала в Великом посольстве, а потом уже, когда стал всесильным монархом, играл не только с прусским королем. Наверняка, бил заморских королей за шахматной доской так же, как в настоящих битвах. Ведь недаром шахматисты о проигравшем сопернике говорят: сгорел, как Карл под Полтавой.

Пишут историки, что шахматы в Россию пришли из Хазарии, туда — из Индии. Может быть, и правы, но спросите местных краеведов, в один голос ответят — из Кёнигсберга. И расскажут, что здесь жили великие игроки. Здесь родился Филипп Хиршфельд, не только чайный, но и шахматный король. Владелец чайных компаний, он объездил весь мир и повсюду находил достойных шахматных партнёров. На равных играл с чемпионом мира Стейницем, считался в мире четвертым по силе игроком. А какие грандиозные были здесь турниры! В них участвовали чемпионы: Алёхин, Капабланка, Стейниц. Не потому ли Булгаков в своём романе писал, что Воланд играл в шахматы с Кантом в Кёнигсберге. Писатель зря ничего не писал! Вот и философ Мендельсон — друг Канта, тоже был заядлым шахматистом. Играл постоянно с Лессингом. Это он сказал о шахматах: «Слишком серьёзны для игры и слишком игра, чтобы быть серьёзным делом». Много было в Кёнигсберге философов и много врачей. А врачи тоже через одного — или писатели, или шахматисты. Блестящим игроком был доктор Пауль Леонгардт. Сюда он приехал, получив диплом врача в Берлинском университете и до конца жизни был верен этому городу. В международных турнирах он нередко опережал самых известных игроков. Буквально разгромил Нимцовича. Побеждал Чигорина. Не стал чемпионом — все силы отдавал врачеванию. Видел в шахматах удовольствие и не имел спортивного честолюбия. Так пишут о нём. Фрадков пытался найти его могилу, сейчас там, за улицей Горной, и следа от кладбища не осталось. Остались его книги. И не медицинские, а шахматные. Если бы провести матч калининградских игроков с немецкими шахматистами Кёнигсберга! Не уступили бы... Олег Дементьев, Жёня Романов — это сила! А таких женщин-игроков, как Алла Гринфельд и Аня Сегал, в Германии никогда не было.

И всё же надо признать — школа шахматная была сильной до войны в Германии, но Гитлер прекратил её, очистив ряды шахматистов. Чемпионы сомнительного происхождения отправились в концлагеря. Эммануил Ласкер, дольше всех занимавший шахматный трон, успел эмигрировать. Тарраш был изгнан из клуба: вход в шахматные клубы только для арийцев! Закончилось немецкое господство в шахматах. Нет и не может быть в шахматах ни эллина, ни иудея. Не может быть никаких различий в шахматах — игра объединяющая, игра понятная всем, на каком бы языке ни говорили. Есть один

язык — шахматные обозначения ходов. Эти обозначения Фрадков запомнил раньше, чем таблицу умножения...

Жалко тех, кто не вкусил прелести шахматной игры. Не видно шахматистов на скамейках, возможно, это всё из-за Интернета. Не надо искать партнёра на улице, сиди у себя в комнате и вызывай на бой равных по силе. Сообщаешь свой рейтинг, объявляется желающий сыграть с тобой. И на экране выскакивают первые ходы. Сидишь дома на диване или в удобном кресле, никто не мешает, никто не подсказывает. Никаких препятствий для игры, кроме домашних забот.

Но можно выбрать время, когда все успокоились, улеглись. Фрадков любил эти часы. Докторскую, так и не защищённую, написал именно в эти часы, после полуночи. Можно было бы и в турнирах больше не играть, а полностью перейти на игру с компьютером. Вернее, с невидимыми противниками или же с заранее отработанной программой. Выбрать по сложности программу, равную тебе по силам, и сражаться с ней. Но Фрадков раз и навсегда откинул такой способ игры. В его представлении это было неким извращением, самоудовлетворением. Игра без азарта, безжизненная мёртвая игра. Она не увлекала его. А турниры забирали много сил, да и вырываться на них становилось всё сложнее. Шахматы иногда приходили в сны, особенно перед началом турнира рождались во сне острые, совершенно неожиданные комбинации. Воспроизвести их на доске не удавалось — надо было бы встать сразу, записать, но включать свет и будить жену было неудобно.

В день перед игрой с питерской командой спал крепко без шахматных снов, проснулся как никогда бодрым, но на работе было не до шахмат. Появились трещины на переборке сухогруза. Судовладельцу срочно надо было отправить судно с грузом в Китай, а тут обнаружилась трещина на переборке. Чтобы заварить её, надо было осушать топливные танки. Назревал скандал. Спешнев поручил Фрадкову проверить опытные образцы соединения металла с пластиком. Спешнев мог бы поручить это другому, но сказал, что Регистр настаивает именно на том, чтобы своё заключение сделал Фрадков. Выдумал или действительно было так — неизвестно. Работа в лаборатории хотя и считалась научной, и были здесь все условия для проведения опытов, но на деле часто все эти опыты прикрывали ошибки проектировщиков и эксплуатационников. Корабли работали на износ. И когда требовались замены переборок или бортовой обшивки, чтобы не делать затратных работ, обращались к науке. Были придуманы трёхслойные конструкции. Фрадков тоже приложил к этому руку. В очередной раз надо было доказать, что пластины выдержат. Фрадков занялся расчётами неохотно. Но когда перешёл к испытаниям, не заметил, как увлёкся, да так, что едва не прозевал окончание

рабочего дня. Заводской гудок вернул его к действительности. Он опаздывал на игру. Спешнев тоже это понял. Испугался, наверно, главного инженера.

– Давай заканчивай, – крикнул, – что ты возишься, я всё доделаю.

Тут нечего было заканчивать, все параметры определены, заказчики, сидевшие в кабинете Спешнева, обрадовано засуетились. Фрадков убежал из лаборатории, не прощаясь с ними, времени оставалось в обрез. У проходной его ждала машина главного инженера. Шофёр отвёз к клубу и сразу же заторопился назад, объяснил – главный тоже хочет приехать, сказал, что это очень важно, он сейчас совещание заканчивает и сразу туда.

В рыбацком клубе, называемом дворцом, в фойе были поставлены столики, окружённые рядами стульев для болельщиков, преград между болельщиками и игроками не существовало. Люди вставали со своих мест, теснились за спинами игроков. Многие были в верхней одежде – гардероб не работал. О демонстрационных досках и речи не было. В прежние времена уважающий себя игрок не сел бы за доску в таком помещении. А здесь все уже сидели за столиками, и было сделано по первому ходу. Свободен был единственный стул за первой доской – место, оставленное Фрадкову. Соперник его, играющий белыми фигурами, уже сделал ход пешкой от короля, включил часы и ждал ответного хода опаздывающего партнёра. Фрадков сразу узнал директора по портретам, не редко появляющимся в журналах, как в спортивных, так и в научных. Феномен был в том, что человек этот не только был директором крупного завода, не прекратившего работу в перестроечные годы, он был также доктором технических наук, а вдобавок ещё и победителем международных турниров. Прямое опровержение придуманного постулата о невозможности совмещения шахмат и научных и командных высот. Он был лет на двадцать старше Фрадкова, бросились в глаза толстые пальцы, которыми в ожидании партнера он подпирает тяжёлый выступающий подбородок.

Увидев, что Фрадков усаживается за столик, он посмотрел ему в лицо властным взглядом и директорским тоном сделал выговор:

– Вы что же опаздываете, дерзкий молодой человек?

Можно было обидеться на такое обращение, если бы Фрадков не знал от работников завода о том, что этот директор из старой советской школы директоров, что грубость его порождена теми условиями, в которых в войну ему пришлось поднимать завод.

– Извините, – сказал Фрадков и тоже сделал ход королевской пешкой.

Директор пошёл пешкой f, предлагая королевский гамбит. Рука Фрадкова автоматически сунула под бой свою пешку. Директор удовлетворенно

хмыкнул и, не задумываясь, взял пешку. Это было привычное для Фрадкова начало и когда через четыре хода Фрадков отдал своего слона за пешку и подставил под бой – так называемую вилку – пешку и ладью, директор даже привстал и, взяв ладью, так хлопнул по кнопке часов, что вздрогнули разом все шахматные фигуры на доске. Груда сбитых чёрных фигур на столе росла. Это обрадовало директора, откуда ему было знать о гамбите Фрадкова. За спиной директора уже скопились болельщики, это были всё незнакомые люди. Как потом узнал Фрадков, директор приехал не только со своей командой, с ним приехал ещё вместительный автобус с болельщиками. И теперь они обменивались радостными восклицаниями и показывали друг другу большой палец. Следующий ход директора был несколько необычным – он сам предложил жертву, отдавал свою ладью, чтобы прекратить атаку Фрадкова. Если её взять, то можно было сразу сдаваться, в спокойной позиции у директора было бы преимущество – слон и пешка – и для игрока его ранга этого было достаточно для победы. И директор встал и пошёл смотреть, что делается на остальных девяти досках. Он медленно передвигался от столика к столику, окружённый свитой своих заводских почитателей. Положение почти на всех досках было предпочтительнее у его подчинённых, и директор вернулся к своему столику довольный и улыбающийся. Наверное, ему уже виделась близкая победа, столь неожиданная, ибо всегда на первой доске сражение затягивалось. И жертвы гамбита, которого директор не знал и который был назван именем Фрадкова, показались ему некорректными и даже зевками. Он был уверен, что перед ним сидит явный шахматный неудачник, таких людей директор презирал, он был во всех делах нацелен только на успех, только на победу. Он не знал, что и Фрадков не любит проигрывать. Он ждал – через ход-два этот неудачник положит своего короля, признав поражение. И удивлённо поднял брови, когда очередным ходом Фрадков отверг его жертву и занял седьмую горизонталь своей ладьёй. Это создавало скрытые угрозы, а в чём они заключались – догадаться сразу было невозможно. И директор надолго задумался. В свою очередь, Фрадков поднялся и пошёл вдоль столиков. Спины болельщиков мешали рассмотреть, что делается на шахматных досках. Перед глазами стояла своя доска. Он видел все поля и все возможные варианты. Чтобы лучше её рассмотреть, надо было поднимать голову, тогда открывался белый потолок, который легко расчерчивался на квадраты. Невидимая ладья на седьмой горизонтали скользила у края потолка, партия виделась даже яснее, чем это можно было увидеть на шахматной доске, где тени от фигур мешали замыслам.

Ещё со студенческих лет он удивлял однокурсников игрой вслепую. Ложился на свою койку, отворачивался к стене и играл против всех шестерых

обитателей комнаты. Ни разу не проиграл. Они приводили своих знакомых игроков. Рассказывали о нём, как о некоем феномене, чуде. Ничего особого в этом не было. У каждого шахматиста должно быть хорошее пространственное видение и хорошая память. И куда ему до Алёхина, который мог играть вслепую сразу на пятидесяти досках. Алехин не любил сидеть на месте. Он не замечал окружающих. Он умел видеть только шахматную доску и все варианты сразу. Фрадкову виделась всего одна партия. И сейчас он не просто мерил фойе шагами, невидимая другим доска маячила перед ним. Он искал варианты, позволяющие директору уйти от поражения, к сожалению, такие были. Мельком он иногда окидывал взглядом доски других игроков.

На предпоследней доске игра была закончена. Это было бы место его, Фрадкова. Там партия закончилась поражением питерца. С ним расправился капитан команды Кодацкий. Анекдотчик и весельчак, он всегда получал от игры удовольствие, независимо от результата, и был теперь в особо приподнятом настроении. Заметив Фрадкова, он с силой хлопнул его по плечу и спросил:

– Ну что, скоро сдашься?

– Может быть, скоро, – пообещал Фрадков.

– Ну и правильно, – одобрил Кодацкий, – ты не переживай, твой проигрыш запланирован был. Мы все равно их раздолбаем!

Так сказал и исчез, затерялся среди болельщиков, так что Фрадков не успел спросить, почему рассчитывали на его, Фрадкова, проигрыш. Наверное, подумал Фрадков, «перевернулись хвостом». Так делали они в институте, когда команда играла в первой группе, где в университетской команде на первых досках играли пусть тогда ещё не знаменитые, но почти непобедимые Спасский и Корчной. Выигранное очко есть очко, на первой доске или на последней. Вот и сажали самого сильного игрока на последнюю доску, а самого слабого на первую – на «мясо», на заранее рассчитанный проигрыш. Так было в той давней игре с университетом, когда он сидел и ждал опаздывающего Спасского, которому судья не хотел засчитывать поражение за неявку. И через полчаса выяснилось, что Спасский не придёт, но нашли мастера спорта из университетских преподавателей и посадили против Фрадкова. Партия получилась затяжная, утомительная, Фрадков разгадывал все уловки мастера, играл цепко, и все игроки уже закончили, а у них было ещё полно фигур на доске, и решено было партию присуждать. И тут все судьи встали на сторону мастера, но в последний момент, когда они уже всё решили, Фрадков нашёл выигрыш и показал его на доске, поспешно переставляя фигуры. Судьи несколько раз повторили предложенную позицию, и всё же признали ничью. Было до слёз обидно. Свои игроки, как могли, успокаивали его, потому что именно эти пол-очка принесли команде общую победу.

И он стал играть на первой доске – не обречённый на «мясо», а тот, от которого ждали только победы. И на банкете, когда закончили учёбу, о нём говорили, как о человеке, отстаивавшем честь института. И сказал ректор института прилюдно то, о чём Фрадков только догадывался. Шахматная команда за год до его поступления в институт в мае пятьдесят третьего года потеряла лучших своих игроков. Почему потеряла, ректор тогда не сказал, хотя уже повсюду разоблачали культ кровавого горца. Потом подробности Фрадков узнал от одного из прежних выпускников, игравшего в команде, и в тот злополучный майский день пропустившего траурный митинг и встречавшего весну в одном из парков города со своей будущей женой. «Встреча с ней спасла меня», – сказал этот счастливчик. Оказывается, когда был траурный митинг в актовом зале, шахматисты в соседней аудитории гоняли блиц, и кто-то донёс. Семь человек с концами исчезли. Что с ними стало, этот спасённый любовью игрок не знал.

– И вы не пытались выяснить? – спросил Фрадков.

– Мы пытались, – ответил тот, мы даже ходили в серый дом на Литейный. Нас предупредили, что если мы продолжим поиски, то разделим участь своих товарищей. И взяли подписки о неразглашении.

Оказалось, что избежавший тяжелой участи выпускник после того случая бросил шахматы. Сказал Фрадкову:

– Даже тихие игры бывают очень опасны.

После той встречи Фрадков тоже хотел бросить шахматные игры и долго еще корил себя за то, что во время учёбы не знал всего этого. Полагал, что в знак протеста надо было отказаться от игр в первой группе, сделать этот случай известным, поднять общественность. Всё это было задним числом. А тогда игра в траурный день, конечно, могла показаться кощунством. Ведь и сам не удержался от слёз в тот день, когда их выстроили на школьном дворе и школьный оркестр грянул траурный марш. Правда, слёзы были недолгими. Поступи он в институт раньше, возможно, тоже играл бы блиц. Просто в молодости много не понимаешь и не думаешь о смертельной опасности, которая подстерегает в жизни и даже в игре. Вспоминая об этом происшествии, Фрадков корил себя и не мог успокоиться. Какой всё-таки страх сковал страну, что даже после смерти кровавого вождя боялись лишнее слово сказать. Пора реабилитации прошла, почему же она не коснулась молодых шахматистов. Слишком много жертв. Жизнь, запутанная и нелепая, как захлебнувшаяся шахматная атака, как отказанный гамбит, когда твою жертву никто уже не хочет принимать.

Пора было возвращаться за свой столик, он, однако, увидел издали, что часы директора не остановлены, значит, тот ещё не сделал свой ход. Фрад-

ков остановился возле женской доски, там играла Вера, одна из его учениц, школьницей ещё помнил её, звезд с неба не хватала, но никогда своего не упускала. Это, конечно, не Аня Сегал, жаль, что уехала чемпионка. Да и не школьница давно, располнела, сидит, обычно, ждет зевка соперницы. Фрадков сразу понял, что Вера нацелилась на ферзевой фланг, все фигуры подготовила к атаке, именно на ферзевой, потому что демонстративно Вера смотрела совсем на противоположные поля в центре доски. Фрадков мысленно пожелал ей успеха. За Веру болел Дорохов. Старый его соперник уже давно не играл, а жаль, с ним всегда было весело. От него переняли многие местные шахматисты слова, которыми он сопровождал ходы. Проводя свою пешку в ферзи, любил приговаривать: «пешки не орешки», «пошел, проходимец»; выигрывая партию, обязательно повторял: «не долго мучилась старушка»; ферзя называл – «фербздь». Фрадков не любил ёрничества за игрой, обычно играл молча. Но Дорохова терпел, был тот открытым компанейским парнем. Он и сейчас, заметив Фрадкова, искренне обрадовался, крикнул:

– Привет, гамбитчик!

Чтобы не мешать Вере они отошли от столика, обнялись. Дорохов стал рассказывать о всех играх, у кого какая позиция.

– Хреновей всех – у тебя. Впрочем, простительное, ты и обязан проиграть.

– Ты на что намекаешь, – обиделся Фрадков, – на сговор, что ли?

– А почему и нет, – не смутился Дорохов, – это раньше не прокатывало, а теперь и в шахматах, и в футболе полно договорных игр.

– Ну, раньше, – напомнил Фрадков, – тоже было, но у нас не получилось.

Дорохов засмеялся:

– Молодые были, глупые, – и посоветовал. – Чего тянуть, сдавайся. А то, смотри, сегодня фуршет в Доме актёра, шахматистов тоже приглашают, придём к шапочному разбору.

Ни на какой фуршет Фрадков не собирался. Подумал: «Ну и фигляр Дорохов. И вправду думает, что договорённость есть на проигрыш». Хотел всё объяснить Дорохову, сказать, что специально развернули команду хвостом. Но ведь это не объяснение, в этом тоже есть свой расчёт.

– Как ты мог подумать! – крикнул, но уже в пустоту.

Дорохов исчез среди болельщиков. Отчего Дорохов так легко поверил чьей-то выдумке, понятно. Ведь Дорохов был тем единственным шахматистом, с которым была сыграна Фрадковым договорная партия, как теперь называют такие партии, когда заранее договариваются, что партнёр за определенную сумму сдаст игру. Раньше о деньгах и речи не было. Просто так сложилось на первенстве профсоюзном, что перед последним туром они с Дороховым набрали равное количество очков и лидиро-

вали. И именно в последнем туре им предстояло разыграть между собой, кому достанется приз. Была немалая сумма. Оба были безденежны. И было ещё одно условие в этих соревнованиях, предусматривающее такой случай, когда первое место поделят двое, оба получали приз. Были тогда друзьями. Решили не рисковать. Игра есть игра, кто-то может промахнуться. Договорились заранее сделать ничью. Выбрали защиту каро-кан, глухую, непробиваемую, если в ней не дергаться к двадцатому ходу можно заключать ничью. Играли всё точно по учебнику. И вдруг Фрадков увидел, что учебник не прав, что есть одно неучтённое продолжение, которое делает чёрных из защищающейся стороны стороной атакующей. И машинально, не мог остановить движение рук, пожертвовал пешку и начал неотразимую атаку. Дорохов налился краской, долго думал и ничего не смог предложить. Сделал необязательный ход, сказал: «я в туалет», и удалился. Фрадков ответил, посидел немного в ожидании Дорохова и тоже встал. Встретились они в туалете. Дорохов шипел, пропала его извечная улыбка.

– Как ты посмел, что за подвох, ты мне руки связал обещанием, это нечестно, – возмущался Дорохов и был прав, пришлось долго извиняться перед ним, а потом за доской потихоньку, чтобы судьи не заметили, сплавлять позицию.

Оба чувствовали себя в роли нашкодивших школьников. Фрадкову всё время казалось, что был замечен их сговор, он готов был сквозь пол от стыда провалиться. Проклинал себя, даже не хотел идти получать приз. Нет, никогда после этого ни с кем он не договаривался, да и ни за какие деньги не пошёл бы на сговор. А теперь невольно стал участником сговора. Задумано хитро и почти безошибочно, но расчёт был на то, что он слабак и ещё на то, что ни о чём не догадается. Теперь же он просто обязан был выигрывать. Надо было найти Дорохова, сказать – будешь свидетелем, я не проиграю. И он отчетливо увидел на воображаемой доске свою выигрышную концовку... Перед ним теперь явственно обозначилась позиция, та, что будет на доске через десять ходов. Три пешки против трёх – строем, и его пешки на шаг ближе к цели. Он ещё четко не знал, как получить такую позицию, но она стояла перед глазами. Вроде бы Дорохов мелькнул около его столика. Судья суетится, машет рукой. Фрадков поспешил на свое место.

И в это время директор с силой стукнул по часам. Ход сделан. Этот стук Фрадков сразу различил среди других звуков. Болельщики расступились, и Фрадков сел за доску, почувствовав на себе торжествующий взгляд директора. И ещё по дыханию людей за своей спиной он понял, что все ждут его скорого поражения. Конечно, если уходить в эндшпиль, лишний слон у директора – полная гарантия победы. Против лишней фигуры не попрешь, как любил говорить Дорохов, вот и его улыбающееся лицо мелькнуло среди незнакомых лиц. И даже лы-

сая голова Спешнева появилась слева. Не выдержал, пришёл. О чём-то говорит с главным инженером, что-то ему объясняет. Оба понимают, что крах неминуем, главный инженер тоже улыбается, доволен, его план сработал. Кодацкий сзади говорит за спиной громко, так, чтобы услышал:

– У нас уже на три очка больше. Эта партия ничего не решает.

Не решает для Кодацкого. Для главного инженера решает. Всесильный директор получит свой законный выигрыш, мы получим долгожданные поставки. Но потом, конечно, будут разговоры: Фрадков слил партию. Позорней такого определения ничего для шахматиста нет. Они все видят лишнюю фигуру у директора. Но не хотят увидеть эндшпиль, вернее, не могут увидеть, что будет на доске через двадцать ходов. Надо мысленно снять почти все фигуры, оставив по три пешки каждому, ряд против ряда, и слона, бесполезно торчащего возле своего короля, заслоняющего ему путь к пешкам. Но ведь король в конце игры – это не беззащитный правитель, он рвётся в бой, слон чёрнопольный, ему подвластны только черные поля. Королю доступно любое поле. Теперь надо было заставить директора всем меняться, вовлекая в этот далекий эндшпиль. И Фрадков стал осторожно добиваться разменов, стал уводить от пешек директорского короля, заманивая его кажущейся добычей. Он вёл его через всю доску, как водят заглотившую крючок крупную рыбу, не давая ей сорваться с крючка и терпеливо ожидая, когда она обессилит. Директор и его болельщики недоумевали, почему так затянулась партия, ведь у директора явный выигрыш. Один из болельщиков даже предложил прервать партию и судьям подтвердить безусловный выигрыш.

– Да тише вы, – раздался директорский бас, – думать мешаете.

Он уже начал понимать, что попал в ловушку и искал выход. Его слон бездействовал. И директор сделал выжидательный вялый ход, ничего не дающий, но не проигрывающий. И тут Фрадков двинул вперёд из строя одну пешку, отдавая её на заклятие. Не брать её было нельзя, тогда бы до крайнего поля ей оставалось всего три шага. За ней последовала жертва второй пешки. Одновременный вздох вырвался у болельщиков – у Фрадкова оставалась всего одна пешка, но остановить её превращение в ферзя было уже невозможно.

Директор резко встал, надвинулся всем своим крупным телом над доской, и резким движением положил своего короля. Буквально придавил к доске, как бы мстя за его бездействие. Знакомый всем жест. Сдача партии. И тут же руки судей и болельщиков потянулись к доске, сбитые фигуры возвращались на шахматные поля. А если так? То мы так? Не проходит! Надо было раньше вводить слона. Все были сильны задним умом. Фрадков выскользнул из круга болельщиков, наткнулся на главного инженера. Тот посмотрел на него с презрением, словно не Фрадков выиграл, а директор. И тут же рядом с главным – Спешнев смотрит мимо, не замечая. Показывает главному, что видеть Фрадкова не хочет, говорит что-то на ухо. Разобрать трудно:

– Эгоист, он всегда был эгоистом, ему плевать на коллектив, лишь бы самому вылезти, победитель хренов, – бормочет скороговоркой.

– Надо было яснее его предупредить, – выговаривает главный...

Дома Ануся не встретила ворчанием, не стала выговаривать за поздний приход. Уже знала, что партия затянулась. Знала и о его прорыве ладьей. Наверное, Вера все расписала подробно. Вздыхнула, присела рядом и сказала;

– Что ты наделал? Напрасно выиграл, из-за тебя завод не получит заказанные то ли моторы, то ли приборы, и потому все лишатся зарплаты.

Фрадков попытался успокоить Анусю. Стал расхваливать директора питерского завода. Такой человек не способен на месть за поражение.

– Ах, Пётр, – сказала Ануся, – ты ещё продолжаешь верить в людей. Смотри, как бы нам не пришлось бросать этот город.

Он спросил жену: не жалеет ли она, что бросила шахматы. Ведь могла стать чемпионкой города. После отъезда Ани Сегал серьезных противников не осталось. Она сказала, что никогда не надо жаловаться на судьбу:

– Моя шахматная партия – семья, сын – мой главный выигрыш. А ты, наверное, зря бросил играть в турнирах. Мы с Верой разобрали твою партию – такой рывок ладьей! Вряд ли кто смог бы додуматься. Я тебя понимаю, трудно было удержаться. Ты умеешь жертвовать на шахматной доске. Приходится часто жертвовать и в жизни.

Согласиться с Анусей он не мог, но спорить не стал – по-своему она была права: за каждый выигрыш приходится расплачиваться.

Валерий Батрушевич

БАЛТИКА

На Балтике древней и юной
Немало различных чудес:
Здесь есть и песчаные дюны,
И пьяный танцующий лес.

Но самое главное чудо –
Не древних племён календарь,
Не маска ушастого Будды, –
А солнечный камень янтарь.

С волною балтийскою спорить
Рискнёт лишь реальный герой,
Ведь это не Чёрное море
С горячей, как в ванне, водой.

Хоть с южной погодой тягаться
Для нас драматично весьма,
Зато «субтропической» зваться
Балтийская может зима.

Пусть ветер январский заносит
Дворы прошлогодней листвой,
Но может дождливая осень
Закончиться новой весной.

СНЕГ

Летит уверенный и смелый,
Плывёт, как будто лёгкий дым,
И выражение «снежно-белый» –
Для точного сравнения с ним.

Течёт пушистый и прекрасный
С небес пленительной рекой,
И с виду вовсе не опасный
И фантастический такой.

Лежит ненужный и холодный,
Оставив грязные следы,
Но почему-то очень модный
У поэтической среды.

Здесь есть один оригинальный
Оптимистический ответ:
Снег нужен для души печальной
Как романтический предмет.

ГРОМКИЙ УСПЕХ

Кто с Музой Поэзии страстной
Реально встречался не раз,
Тот знает, что Муза прекрасно
Летает, как резвый Пегас.

Счастливым, чья Муза летала,
Сопутствовал громкий успех.
Моя же – спокойно лежала,
Устав от любовных утех.

Стихами хвалиться не смею –
Возможно, они и плохи.
Я счастлив был близостью с нею,
Забыв совершенно стихи.

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ЗИМА

Зимы не видно настоящей,
И слышен искренний вопрос:
Где снег пушистый и блестящий,
Где крепкий истинный мороз?

Услышав этот вздох печальный,
Я всё же безгранично рад,
Что белый снег забыл случайно
Про зимний мой Калининград.

Погода западного края,
Иных сводящая с ума,
Мне очень нравится такая
Калининградская зима.

*Калининград зимой.
Храм св. Александра Невского.
Фото Л. Фроловой*

ЧЕТЫРЕ СТРОЧКИ

Четверостишья для меня так много значат,
Но бросил их – не то, чтобы плохи,
А времени на них изрядно трачу
И не пишу обычные стихи.

Но изредка, в час позднего затишья,
Случается, немного согрешу,
И, как в былые дни, четверостишье,
Забыв стихи другие, напишу.

УДОБНЫЙ СЦЕНАРИЙ

Однажды «сценарист» проворный
Растолковал довольно смело,
Что мир не белый и не чёрный,
А словно зебра – чёрно-белый.

Что человек, греша во многом,
Живёт с душою полосатой:
В ней есть и светлый образ Бога,
И дьявол – грязный и лохматый.

Забыв про истины простые,
Живём с навешанной «лапшой»:
Мол, только древние святые
Могли быть чистыми душою.

Нам разрешили столь любезно
Порой грешить в большом и малом
И не стремиться к бесполезным,
Недостижимым идеалам.

МНОГОГРАННЫЙ ШЕКСПИР

Жизнь – шикарная штука такая,
Словно шумный, смешной карнавал –
Так, Шекспир молодой, рассуждая,
Лишь весёлые пьесы писал.

И попутно, немного взрослея
И мечтая о первых ролях,
Мрачных драм он создал галерею,
В основном о своих королях.

И уж поздней предсмертной порою
За трагедии взяться решил,
Где он всех своих главных героев,
Как последних щенков, порешил.

ПРОГРЕССИВНЫЙ ШУМ

Шум вокруг безбожно кроя
Стройным матом, не спеша,
Хочет скромного покоя
Моя глупая душа.

Мне понятен – я не пьяный –
Этот творческий процесс:
В громком шуме постоянном
Слышен истинный прогресс.

Но естественная дума
В голове больной шуршит:
Можно, как-нибудь без шума,
Осторожно – для души...

БЛЕСТЯЩИЕ ТОЧКИ

Нам небесная твердь неподвластна,
Но поэтов лирический хор
Напевает, что звёзды – прекрасны,
С самых древних времён до сих пор.

И без нот, непростительно томных,
Нам научную песню поёт,
Что прекрасные звёзды – огромны,
Астрономов учёный народ.

Только тихой безлюдною ночью
За холодным и мрачным окном
Видим мы лишь блестящие точки
В неизведанном небе ночном.

СКАЗКА О ЛЮБВИ

Растаял грусти снежный ком
И серый снег холодных улиц,
И птицы шумным косяком
К нам с юга дружно потянулись.

И мухи, видя птичий клин,
Жужжат вослед ему сердито,
И зайчик сонный – солнца сын –
Сверкает на стекле немытом.

И дуб высокий за окном
Похож на пушкинский немножко,
Под дубом с мартовским котом
Сидит хорошенькая кошка.

И кот, израненный, в крови –
Ну, сразу видно: кот учёный! –
Мурлычет что-то увлечённо,
Наверно, сказку о любви...

СКАЖДЫМ ГОДОМ...

Когда он поступал несправедливо –
Он говорил: Весь мир несправедлив.
И мир несправедливый с каждым годом
Становится ещё несправедливей.

Когда прощал он грешников крутых,
Чья чёрная душа в крови по уши,
Он говорил: А кто из нас не грешен?
И даже добродетель – скрытый грех...

ЕЩЁ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ

Солнце вновь светит ярко и ласково,
Молодая листва шелестит,
Может быть, ещё несколько ласточек
Мимо окон моих пролетит.

И, возможно, мне, больше не ждущему
Ничего в грешной жизни моей,
Будет Богом случайно отпущено
Ещё несколько солнечных дней.

Верить в Бога другим не советую,
Да и мне эта блажь ни к чему,
Но за дни эти, солнцем согретые,
Как же я благодарен ему!

ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ СОЛНЦЕ

Гимн лету

Планета, согрета летом,
За тонким оконным стеклом
Вся светится солнечным светом
И трепетным звёздным теплом.

И солнечной летней игрою
Так сильно весь мир увлечён,
Что слышать приятно порою
Печальные песни ворон.

Нет лучшего времени года,
Чем лёгкого лета полёт,
Когда молодая природа
Под утренним солнцем поёт.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Назад каких-нибудь несчастных
Двенадцать миллиардов лет
Наш мир при божеском участии
Увидел первый свой рассвет.

И после ядерного взрыва
Из точки маленькой совсем
Расцвёл божественно красиво
Созвездьем солнечных систем.

Но на огромном этом свете
Безлюдно, пусто – хоть молись,
Лишь на единственной планете
Есть Богом созданная жизнь.

ПРОСТО ОСЕНЬ

Вспышки отдалённых молний
Гонят прочь ночную мглу,
И струится дождь безмолвный
По оконному стеклу.

И рябиновые кисти
Ждут осенний снегопад,
И летят цветные листья,
Птицы шумные летят.

И душа печально просит
Бросить всякие дела.
Всё понятно – просто осень
Невесёлая пришла.

ОГОНЬКИ

В далёком заброшенном крае
Есть реки с прозрачной водой,
Где гладкая галька речная
Блестит под бегущей волной.

По диким речным перекатам,
Где бродит лесное зверьё,
Свободно бродило когда-то
Забывшее детство моё.

Там, в прежнем просторном покое,
Вдоль русла равнинной реки
Раскинулись рыжей рекою
Степные цветы – огоньки...

Алексей Губин

КАНТОВЕДЕНИЕ

Иммануил Кант нехотя поднялся с кресла, подошёл к окну, отодвинул тяжёлую штору и выглянул на улицу. На улице лил дождь, дул порывистый ветер, кружились жёлтые листья.

«Какая омерзительная погода, – подумал Кант. – В такую погоду хочется выпить глоток доброго вина. Да, но ведь я никогда не пью до обеда – это моё правило. С другой стороны, исключения только подтверждают правила: истина познаётся в сравнениях», – Кант подошёл к буфету, взял бутылку вина и бокальчик, поставил их на доску буфета. Неожиданно звякнул колокольчик входной двери.

«Кого это несёт в неурочное время? – раздражённо подумал Кант. – До званого обеда ещё добрых два часа».

– Лямпе! – крикнул Кант слуге. – Скажи непрошенным гостям, что меня нет дома; пусть запишутся ко мне на приём в общем порядке!

Лямпе зашаркал в переднюю, и Кант услышал его слова:

– Господин профессор не велел мне говорить, что он дома, а велел сказать, что его нет дома!

«Вот, болван, этот Лямпе! – чуть не вслух возмутился Кант. – Пора его выпроводить на пенсию...»

Тем временем в комнату бесцеремонно ввалились два господина в мокрых плащах. Оба они были явно «подшофе». Кант с неудовольствием сразу же узнал в одном господина Рюпеля (Rupel – нахал), а в другом – господина Шмиρφинка (Schmierfink – писака).

«Ну и принесло не вовремя этих несносных типов, – мелькнуло в голове у Канта. – Первый выдаёт себя на доктора наук, хотя в действительности всего лишь бакалавр. Второй мнит из себя великого поэта, но является заурядным рифмоплётом». Господин Рюпель забрасывает его, Канта, псевдонаучными диссертациями и вымаливает положительные рецензии. Господин Шмиρφинк постоянно подсовывает свои бездарные вирши и умоляет дать рекомендации в журналы.

Рюпель наполнил комнату своим громоподобным голосом на скверном французском языке:

– Ваш Лямпе, мой Кант, заразился от вас философскими идеями. Ха-ха-ха! «Мой господин не велел мне говорить, что его нет дома!» Закон «отрицание отрицания» в практическом применении привёл к положительному результату: ведь вы же оказались дома!

Канта внутренне передёрнуло от фамильярного обращения «мой Кант», но он сдержал себя и внешне остался невозмутим.

– А, я вижу на столе вино, – Рюпель перешёл на простонародную немецкую речь. – Ин вино веритас! (Истина в вине). Лямпе, помогите нам снять плащи. Мы промокли до мозга костей и буквально насквозь. Глоток доброго вина нам явно не повредит! Лямпе, подайте нам бокалы!

Рюпель моментально наполнил ёмкости вином и залпом осушил свой бокал. Шмиρφинк выпил свой бокал в три глотка. Кант едва пригубил из вежливости.

– В России, дорогой Кант, – а я побывал в России! – пьют водку кружками, такими же большими, в каких подают пиво в «Блюттрихте», или лакают прямо из ведра. Давайте выпьем ещё по бокалу!

Кант снова поморщился от фамильярного обращения «дорогой Кант», но врождённая деликатность не позволяла ему одёрнуть нахала. Он лишь тихо произнёс:

– До обеда добрых два часа. Не кажется ли вам, господин Рюпель, что пить вино натощак – вредно?

– Ерунда! – отмахнулся Рюпель. – В России пьют с утра до вечера. Бывало, зайдёшь спозаранку в гости к какому-нибудь боярину, слуга тотчас же на подносе выносит большой стакан водки и маленький кусочек хлеба с солью. Приходится пить: отказаться нельзя – оскорбишь хозяина, за такое неуважение он может вызвать на дуэль. Я меткий стрелок, мне дуэль не страшна, но вы не знаете, что такое русская дуэль. Дуэлянтам подают два пистолета, из которых заряжен пулею только один, неизвестно какой. Дуэлянты выбирают себе пистолеты, представляют к виску и по команде секунданта нажимают курки. Тут уж, кому повезёт! Нет, такая дуэль не по мне! Лучше я уж выпью стакан водки! У вас нет водки, профессор? Нет? Тогда придётся пить вино.

Кант недоверчиво покачал головой:

– Может быть, вы скажете, что в России медведи бродят по улицам городов?!

– Конечно! Правда, чаще всего их водят за собой цыгане. Бывало, идёшь по улице, навстречу медведь с цыганом. В лапах у медведя – русская мохнатая шапка. Если не бросишь в шапку монету, цыган тут же натравит на тебя медведя и тот порвёт на части.

– Но позвольте, – возразил Кант, – в России правит просвещённая императрица Катарина, она немка, из приличной семьи; она не допустит такого варварства. Она переписывается с самим Вольтером!

– Как вы наивны, профессор! Любой немец, попав в Россию, моментально становится русским немцем, перенимая азиатские обычаи. А перепис-

ка с безбожником Вольтером лишь усугубляет нравственные беды государства.

Во время этого разговора господин Рюпель, как бы машинально, успевает налить себе пару бокалов и осушить их. Перед тем, как опрокинуть себе в горло очередной бокал, Рюпель продолжил рассказ о России.

– В России, господа, растёт необыкновенное развесистое дерево, которое аборигены называют «клюква» (klukwa!). Из его мелких и кислых плодов русские делают крепкую настойку «спотыкач» (spotykatsch!). Одно ведро этой настойки убивает лошадь!

В разговор вступил поэт Шмирфинк:

– Пока вы рассуждали о высоких материях, господа, мне на ум пришёл небольшой стихотворный экспромт:

*И в ясны дни, и в непогоды
Струит наш Прегель свои воды.
Но не пойму я по сей час:
Когда ж иссякнет вод запас?*

– Гениально! – восторженно прокричал Рюпель. – Какое тонкое наблюдение! Какая глубокая мысль! Какая изумительная параллель между неиссякаемой рекой знаний и неиссякаемостью научных исследований. Я уверен, любезный Кант, что вы не откажете нашему великолепному поэту помочь в публикации этого шедевра. А заодно и дать положительную рецензию на мою последнюю диссертацию, которую невежи из университета даже не приняли к рассмотрению.

– А какова тема вашей диссертации? – острожно спросил Кант, мучительно соображая, под каким благовидным предлогом отказать обоим в просьбах.

– Тема очень актуальна: влияние планет, небесных светил, звёзд и созвездий на судьбы стран, народов и природных стихий. Это новое слово в астрономии!

– Видите ли, господин Рюпель, – извинительным тоном произнёс Кант, – смысл вашей диссертации, насколько я могу судить о ней по титулу, подходит ближе к астрологии, чем к астрономии. А я слабо разбираюсь в астрологии, да и вряд ли распорядюсь временем прочитать ваш труд. А что касается стихотворного опуса, то, простите мне, в поэзии я вообще не сведущ и не могу взять на себя смелость высказываться на этот счёт.

– Да вам и не нужно читать мою диссертацию, – затараторил Рюпель. – Вы просто предложите учёному совету принять её к рассмотрению. А проталкивать её дальше – это уже будет моя забота. Таким же образом вы можете поступить и со стихами нашего любимого поэта. Мы просим и умоляем вас, профессор. Мы преклоняемся перед вашей учёностью.

Снова врождённая деликатность не позволила Канту сразу же отказать этим навязчивым господам. Он нерешительно забормотал:

– Ну, хорошо, оставьте ваши творения у меня, я потом посмотрю, я подумаю, я извещу вас...

Между тем стрелки часов неумолимо приближались ко времени, когда к обеду станут приходить приглашённые гости. А оставить на обед этих бесцеремонных господ не представлялось никакой возможности. Во-первых, нет лишнего столового прибора, во-вторых, своим моветоном эти личности будут шокировать порядочных сотрапезников.

«Надобно от них как-то избавляться. Но как? – лихорадочно думал Кант. Неожиданно ему в голову пришла светлая мысль: А попрошу-ка я у них взаймы денег!» Он вдруг вспомнил, как однажды начинающий философ Фихте попросил у него, Канта, денег и как он, Кант, отказал ему, памятуя о поговорке: «Хочешь потерять друга, дай ему взаймы».

– Кстати, господа! – молвил Кант. – У меня возникла небольшая финансовая проблема. В последние дни я изрядно поистратился: выписал из Гёттингена несколько дорогих книг, закупил провизию. Сейчас у меня буквально нет ни одного свободного пфеннига, я не могу заплатить даже кухарке. А между тем, буквально через две недели университет обещал выплатить мне задолженность за прочитанные ещё в прошлом году лекции. Не могли бы одолжить мне двадцать талеров?

– Однако мы у вас засиделись, – произнёс Рюпель, быстро взяв плащ и надевая его самостоятельно на себя. – Я совсем забыл, что меня ждут мои ученики.

А Шмирфинк сразу же сделал несколько шагов по направлению к двери:

– Ах, я же назначил романтическое свидание у замкового фонтана; девушка, уже давно ждёт меня; я должен бежать, простите!

– Куда же вы, господа! – радостно воскликнул Кант. – Посидите, выпейте ещё вина. И одолжите мне, если не двадцать, то хотя бы десять талеров. Зная вашу отзывчивость, я надеюсь...

– Нет-нет, уважаемый профессор! В следующий раз! – помахав ручкой, скороговоркой сказал Рюпель, скрываясь с поэтом за дверь.

Кант торжествовал.

– Послушайте, Лямпе! – назидательно изрёк Кант. – Если вы ещё раз впустите ко мне этих двух господ, то я вынужден буду расстаться с вами, как бы мне это ни было горько.

К Канту пришло хорошее настроение, и плохая погода уже не омрачала его чистый разум.

В опусе использован сюжет рассказа А.П. Чехова «Гость». Но это – не плагиат, это литературное заимствование. Драматург Шекспир, говоря, тоже заимствовал сюжеты всех своих пьес. Надо шагать вровень с Шекспиром!

Кёнигсберг-Калининград, январь 2015 г.

Александр Ковтун

В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Беру клубок воспоминаний,
По лабиринту отправляюсь в путь.
С тропы надежд и разочарований
И захочу, да не смогу свернуть.

И замелькают у меня перед глазами,
Картинками давно минувших дней:
Прабабушка в углу под образами,
И печь огромная, и кот на ней.

Там дранкой крыты покосившиеся избы,
И запах сена смешан с запахом коней,
И окающий говорок российский –
Туда уходит часть моих корней.

Ещё я милую припомню Украину,
Где ночи всех ночей темней
И хату деда мазанную глиной,
И караваи хлеба на столе,

И пруд, где головастики ловили,
И муравейники огромные в лесу,
Поля меж зарослями ивы,
Я с дедом здесь коров пасу.

Я весь из этого народа,
Во мне весь этот мир большой.
И я люблю любое время года –
Я русский с украинскою душой.

СТРАШИЛКА

Не подвластен я суеверию,
Но кто-то же дышит за дверью.
Слышу чьи-то шаги: скрип, скрип.
Половицы скрипят: суть, суть...
Я ступнями, кажется, к полу прилип,
Мне не сдвинуться ни на чуть.
Замер шорох в углу –
Там живёт полумрак,
Я наверно умру,
Это больше, чем страх....
За стеной страшный зверь.
Вдруг откроется дверь?
И, безумно глазами горя,
Зверь тот будет мычать
И стенать, и стонать,
И узнаю я в нём упыря...
Как мне быть?.. Что потом?
Страх ожёг кипятком.

Засосало в боку,
Не могу включить свет,
И кричать не могу,
И сознания нет.
Но в последнее жизни мгновенье,
Поразило меня удивление:
На спине липкий пот...
А у ног трётся кот.

ЗАБЫТЫЙ УРОК

И не мужчина тот,
кто женщиной не бредил,
Кто никогда не говорил,
Что той прекрасней нет на свете,
Которую он полюбил,

Кто и стихами, и словами,
Как мог её боготворил.
За что? Не всё ль равно нам с вами,
Ведь главное, что он любил.

Любил в одеждах и нагую,
Любил с вином, и без вина,
Он выбрал сам себе такую,
И лишь она ему нужна.

И я, признаюсь, тоже грешен:
Я праведником жить не смог.
И вечный позабыв урок,
Я был отравлен лучшею из женщин.

МЫСЛИ С КОНЁМ

Напала лень, не хочется писать
И думать ни о чём не хочется.
Сейчас бы завалиться на кровать,
В обнимку с одиночеством.

Но, лень под зад я пнул ногою,
Призвал крылатого коня,
И мысли понесли меня –
Так жажда зверя гонит к водопою.

И, забыв про одиночество,
Отбросив бренность бытия,
С собою взяв одни пророчества,
Я в поводу повёл коня.

Его в бока я не пихаю,
Не понукаю почём зря,
Ему я мысли доверяю,
Надеюсь, конь поймёт меня.

Ирина Щербинская

БАЛТИЙСКИЙ КВЕСТ

Приключенческая повесть

Город стоит на голове, народ – на ушах, автомобили – в пробках.

Так говорит мой отец. Этими словами он начинает день, ими же и заканчивает. Никакого разнообразия. С одной стороны, ему должно быть фиолетово: он на работу не ходит. Вообще никуда не ходит, потому как – писатель.

Секта издевается: твой отец не писатель, а стукатель. Целыми днями стучит по «клаве», ваяет нетленку. Ну, это она из зависти. Ей ужасно хочется почитать «свежачок» ещё до того, как выйдет книга, но я на страже. Что моё, то моё. Как только отец отлучается на минуточку-другую, я уже тут, начинаю греть его кресло. Пароль у него детсадовский: моё грудничковое прозвище – Китёныш, и мамин год рождения. Расшифровываю: Китёныш – это помесь кита и детёныша. С детёнышем, думаю, всё ясно, а Китом меня прозвали в младенчестве за привычку довольно посвистывать, лёжа поплавком в ванночке с водой.

Так вот, без всякого зазрения совести скачиваю на флешку текст и сматываюсь к себе в комнату. Иногда у меня не хватает терпения, и я таскаю в свою норку его рукописи по кусочкам. Ну, это что-то с чем-то! Хочется читать дальше, а у отца, к примеру, творческий процесс застопорился.

Страдаем все и по полной программе. Отец бегаёт по ковру, вытаптывая в ворсе даже не колею, а магистраль. Боится не написать больше ни строчки. Мне за этими мучениями наблюдать тоже не в кайф: и отца жалко, и на книжки его я реально подсел, интересно же, чем всё кончится.

Однако, по моему мнению, маме хуже всех. Отец – наше всё, должен быть обласкан, успокоен, вдохновлён и, что совершенно естественно, накормлен и напоен. Оболтус, то есть я, должен быть убран из поля зрения отца, чтобы не отвлекал его от творчества и не провоцировал на воспитательный процесс. Вопрос моего кормления-поения решается, как второстепенный.

Во всём этом есть только один положительный момент: мама передоверяет меня мне самому. В такие дни я волен делать, что угодно, но не забываться: десять часов вечера – это вроде сигнала горна в пионерском лагере: «Спать, спать по палатам пионерам и вожатым!» Тем более, что возраст у меня самый подходящий – четырнадцать лет. Мама по молодости (ей всего тридцать четыре года) никаких таких лагерей не помнит, но у отца о них самые сладкие воспоминания. Кстати, у ба-

бушки, папиной мамы, Лиды-Лидочки тоже. И вот, что странно, помнят они разное. Но об этом в другой раз. Если будет время.

Сегодня у отца плохой день. Пустой монитор ноутбука похож на бельмо бомжа Дайдесятку из соседнего подвала.

У меня праздник. Я получаю приличный кэш на карманные расходы и выскакиваю на раскалённую июльскую улицу.

Да, прав отец: всё стоит на голове, на ушах и в пробках.

Город готовится к чемпионату мира по футболу. Жёлтый цвет дорожной техники – наш национальный колор на сегодняшний день. Маленькие, ужасно деловитые «BobCate» с чёрной головой рыси на пыльных боках, малогабаритные экскаваторы «Caterpillar» роют, трамбуют, сгребают. Напористые и неумолимые, как инопланетные пришельцы. Лязгают чёрными челюстями. Совершенно рехнувшийся крошечный подметальщик «Karcher» с круглыми щётками ползает по тротуару в напрасных усилиях навести чистоту в условиях глобального хаоса.

Разбитые асфальтовые пласты стоят торосами; ямы и траншеи, открытые неизвестно для чего; холмы песка и гравия. Циркулярные пилы кромсают бордюрные камни. Визг – запредельный! Каменный туман висит над улицей. Улетели даже голуби. Жители – в трансе. Живём, как на войне.

Счастливы только Секта и Белый Кроль. Они уже ждут меня, машут с той стороны улицы. Я преодолеваю уличеповал прыжками, словно гигантский кенгуру. Не хватает только толстого хвоста и сумки на животе для гамбургера.

Секта и Кролик смеются, наблюдая за мной. Я парень не слишком спортивный, но надеюсь стать им. Записался в студию окинавской борьбы годзю рю. В зале висит портрет основателя Тёдзюн Мияги. Спокойный такой японец, в кимоно. Каждый раз, получая удары локтями, коленями, ногами и улетаая от очередного броска, я ловил его неодобрительный взгляд. Отбив себе всё, что можно (между прочим, никаких циновок или татами, голимым ламинат), я ушёл в бессрочный отпуск. Решил подумать: оно мне надо?

Друзья стебались надо мной от всей души. Сначала я получил прозвище Годзилла (сами понимаете, от годзю рю, а не от киношной ящерицы). На Годзиллу я не тянул комплекцией. Высокий, но худой. Потом Секта обозвала меня Миногой (так,

по её мнению, звучало имя Тёджюна Мияги). Были ещё варианты. В конце концов вернули имя Дан. Во-первых, я Данила, а во-вторых, дан – мастерская степень в годзю рю. Все остались довольны.

Я, вообще-то, не сторонник всяких прозвищ и кличек. У каждого человека есть имя. Ну, в нашей компании всё более или менее цивилизованно: Секта, Белый Кроль, Ботан и я, Дан.

Надо как-то рассказать о нас, чтобы было ясно, who is who.

У отца в одной книге мне встретился такой приём. Идёт действие, крутой экшен, но по ходу надо кое-что уточнить. И тогда он пишет отступление, где объясняет и уточняет какие-то моменты.

Я решил перенять у отца этот литературный приём. Иначе никак не раскрутиться с представлением членов нашей маленькой, но дружной компании.

Но до этого ещё одно маленькое соображение или IMHO, in my honest opinion, по моему искреннему мнению.

Жизнь – это гигантский трёхмерный пазл, 3D, существующий в пространстве и времени. Он складывается из отдельных фрагментов, плотно пригнанных друг к другу. Если принять меня за центр этого пазла (как же иначе, ведь речь идёт о моей жизни), то ко мне, с одной стороны, примыкают родители и родственники, к ним присоединяются события их жизни, знакомые, их истории и так далее; к другим сторонам «меня» крепятся мои друзья, наши совместные приключения, знакомые, так или иначе влияющие на нашу жизнь, родные и знакомые моих друзей. И так до бесконечности. Мою идею вполне можно представить зримо, если посмотреть на такие 3D-пазлы, как Хоббитон, башня Ортханк, Собор Воскресения Христова или Храм Святого семейства. Все пазлы вроде сами по себе, а в результате возникает некое сооружение, гармоничное или хаотичное (это уж как повезёт), которое называется «Моя жизнь». Вообще-то, можно было бы поразмышлять о четвёртом и пятом измерениях, но это слишком сложно. Хватит и трёх. Вот как-то так.

Итак, пазл-отступление первое. Кстати, отступления не обязательны к просмотру. Если лениво, можете перейти прямо к погоне за сокровищами.

СЕКТА

Лёлька Секта, она же Ольга Сектанова. Нормальная девчонка, хотя одевается и выглядит, как мальчишка.

В детстве я любил фильм «Гусарская баллада». Кто-то скажет, что он девчоночий. May be, но не в этом суть. Так вот, там Кутузов говорит Шуручке Азаровой, переодетой в гусарский мундир: «А девкой был бы краше!» Это про нашу Секту, но попро-

буй, скажи ей такое. Тебя спасёт только звание фельдмаршала, но всё равно есть шанс остаться с одним глазом, как Кутузов. И будешь всю жизнь фотографироваться в профиль.

С ней всегда что-нибудь происходит. Ботан пошутил как-то: «Хорошо, что я не её брат. Вот была бы головная боль!»

С ней вообще всё не так уж просто. Её регулярно «заносит». Мы никогда не знаем, чего от неё ожидать. Она всё время меняется. Нет, конечно, остаётся всё той же Сектой, но какие-то непонятные процессы происходят в ней.

Однажды Секта решила, что неплохо побыть эмо-гёрл. Этакой депрессивной девчонкой в одежде розового и черного цветов. Она выстригла косую, рваную чёлку до кончика носа, закрывающую один глаз. Обзавелась кулоном – розовое сердце с поперечной трещиной. Узкие пепельно-синие джинсы, клетчатая косынка-арафатка, слипоны. Розовый ремень украсила заклёпками и провисающими цепями, которыми брэнчала, словно приведение в английском замке.

Но это, так сказать, внешние приамбасы. Хуже было, что она начала активный поиск возвышенной, романтической любви. Вне нашей компании. Дело в том, что Ботан, Лёлька и я познакомились ещё в дворовой песочнице, где самозабвенно лупили друг друга пластмассовыми совочками. Потом был детский сад, плавно перетёкший в школу. Замечательный получился бы слоган: «Один садик, одна школа, один класс»! Какая уж тут любовь.

Хорошо ещё, что хватило Секты ненадолго. Слишком она была деятельна, чтобы ненавидеть себя и лить в уголке слёзы о несовершенном мире.

Прошлым летом она принялась осваивать культуру японских анимэ. Остановилась на образе Судзуку Мидзутани, мечтающей стать успешной, сильной и независимой. Впрочем, подозреваю, что главной причиной выбора был ужасно положительный Хару Ёсида, парень Судзуки, добрый и заботливый.

И такого Ёсиду она нашла среди нашей тройки. Это был Белый Кроль. Во-первых, он жил в том же доме, а, во-вторых, он был обязан Секте знакомством с нами.

Белый Кроль – особая статья. Он – альбинос. Итак, пазл-отступление номер два.

БЕЛЫЙ КРОЛЬ

Белый Кроль, Виктор Тетенькин по жизни. Он совершенно нормальный, только не такой как все. Альбинос. Классический: совершенно белая кожа (даже не розоватая, как у некоторых альбиносов), белые волосы, бледно-голубые глаза, радужки которых при ярком освещении отсвечивают красным. И ещё у него светобоязнь, не может загорать на солнце. Остальные физиологические подробности

ти, как он сам говорит, не для слабонервных (желающие могут погуглить «альбинос»).

За необычность ему крепко доставалось.

О том, что он урод, его просветили ещё во дворе, уточнили в детском садике и окончательно закрепили в школе.

Кстати, не понимаю, почему белый бенгальский тигр или павлин – это восхитительно, белая ворона тоже не обделена вниманием, находятся любители на белых мышей, крыс и пушистых кроликов, а с ребёнком-альбиносом никто не хотел дружить.

Мама Кроля часами рассматривала семейные фотографии в поисках ответа на вопрос: почему у неё такой сын? С фотографий честными глазами смотрели близкие и дальние родственники, умеренно, без излишеств, окрашенные в среднерусские цвета.

Кроль как-то раз признался, что мечтал прогнуться другого цвета, не важно – какого, главное – другого. Не верил, что это навсегда. Но так и не изменился. Возненавидел всех. Дрался яростно, но был totally бит.

Всё изменил вечер, когда он выскочил за хлебом в соседний магазинчик, накинув на себя отцовскую чёрную куртку с капюшоном.

Вслед за ним в магазин зашли девчонка, синеглазая, с коротко стриженными мышастенькими волосами, в цветастой курточке, и высокий, тощий парень в кожаной косухе. Чем они там затаривались, Кроль, тогда ещё просто Виктор, внимания не обратил, но тут девчонка цапнула багет, на который он не только нацелился, но и ухватил уже его за хрусткий бок. Между прочим, багет был последним на магазинной полке.

Получился тяни-толкай. Виктор дёрнул хлеб к себе, девчонка – к себе. Девчонка надулась, какмышь на крупу, и вцепилась в багет двумя руками. Парень заржал, но на помощь подруге не спешил.

Позабыв гусарский девиз: «Дамы, вперёд!», Виктор со всей дури дёрнул багет к себе. Если бы хлеб не был упакован в полиэтилен, то разорвался бы надвое, и каждый бы получил свой кусок добычи.

Но результат короткой схватки получился другим: цепкая девчонка, не выпуская багета, влетела в соперника. Как следствие, Виктор начал падать на прилавок, капюшон куртки сполз у него с головы. Наступил момент истины. Он привык к гримасам неприязни, но тут получилось нечто совершенно неожиданное.

– Вампир! – взвизгнула девчонка и окончательно упала ему на грудь (кстати, багет остался у неё).

Вот так Виктор и познакомился с Сектой и мной. Лёлька была фанаткой вампирской саги «Затмение» и, разумеется, Роберта Паттисона. Лично мне больше нравились оборотни, всё-таки они живые. В тех же «Сумерках» определённо был хо-рош Тэйлер Лотнер, волк-оборотень.

Слишком долго прячась от травмирующего мира, Виктор не приобрёл навыков существования в коллективе. Теперь навёрстывает упущенное. Он старше нас на два года, но мы дружим на равных. Секта придумала ему стиль и образ жизни: гот. У него теперь чёрные длинные волосы; отливающие красным глаза он прячет за чёрными круглыми очками а ля Григорий Лепс. Белое лицо не нуждается в гриме. Его коллекции металлических ошейников, браслетов и цепей можно позавидовать. Я натаскал Кроля в музыку: готик-рок, дэт-рок, дарквэйв.

Конечно, он не настоящий гот, хотя ему и нравится быть им. Это маска. Одна странность перекрыла другую. Белый Кроль встроен в сообщество. Мой отец говорит: социализирован.

Думаю, мне не надо объяснять, почему Виктор Тетенькина прозвали Белый Кроль? Он не обижается, белый кролик – немышь белая. Какая разница, какого ты цвета? По большому счёту, он мог быть и негром. В чём проблема? Бабушка Лида-Лидочка говорит: важно, чтобы человек был хорошим. С этим у Кроля всё в порядке.

О Ботане расскажу позже.

Перехожу к главному. Сегодня нас ждут великие дела.

К ногам Секты и Кроля верными собаками жмутся велосипеды. У Лёльки – шестискоростной. Не скажу, какой фирмы, название – это скрытая реклама (так мне объяснили). И, держитесь за воздух, этот ситибайк розового цвета! Единственное послабление, которое даёт себе Секта – любовь к розовому, всё-таки бывшая эмо-гёрл. И кто сейчас о них помнит? По крайней мере, в нашем городе они не то вымерли, не то выросли.

Кроль крепко держит горный велосипед. Вообще-то, маунтинбайк мой, но сегодня Кроль – Король Горы. Только ему могу доверить моё двухподвесное карбоновое чудо. Ой-ой! Как же мне хочется назвать его полное достоинства имя. У Дон Кихота был конь по имени Росинант, а у Александра Македонского – конь Буцефал. Мой маунтинбайк ничуть не хуже. Для него раскуроченная улица – тихая гоночная радость.

Как они на трассе договорятся, не знаю. Велик Лёльки весь из себя такой нежный, дорожки в парке – предел возможностей. На своём я гонял кросс-кантри, а один раз самонадеянно присоседился к марафону, но дышалки не хватило, в смысле, у меня, а не у байка. А между тем, с шоссе им придётся уйти на просёлок, а затем совсем пойдёт бездорожье, и так до того места, где, по нашим расчётам, находится бункер с ящиками.

Я присоединюсь к ним позже. Сначала надо закончить кое-какие дела в городе: отдать деньги за бумаги бомжу Дайдесятку (он раскрутил меня ещё на пятисотку), заскочить к Ботану и уговорить

его отправиться искать бункер. Ботан, как та репка из сказки: чтобы выдернуть его из кресла перед компом, нужна вся линейка выдёргивателей – от дедки до мышки.

Ехать недалеко. Можно было всем добраться на велосипедах, но где найти велик под тушку Ботана? Да он и не умеет ездить. Пытался его учить. После того, как Ботан упал на меня в пятый раз, я понял, что надо или отступить от этой идеи, или заказывать венок для себя. Такой, елово-гвоздичный, и чтобы чёрная лента с золотыми буквами: «Ты жертвою пал, на тебя Ботан упал».

Нам без него никуда, хотя парень он сложный. А кто не сложный? Посмотрел бы я на вас, если бы ваше детство закончилось так, как у Ботана.

Вот и пазл-отступление третье.

БОТАН

Женька Серов теперешний Ботан, любил бабушку больше мамы с папой, которых почти и не видел.

Предки были или на работе, или оттягивались за границей. Женьку с собой не брали: мал ещё, да и хлопотно.

Женьке и его бабушке было интересно вместе. Они с одинаковым любопытством заглядывали в горизонтальные зрочки желтоглазого горного барана в зоопарке. От головокружительной карусели лечились шоколадным пломбиром. Плакали над старым фильмом «Белый Бим Чёрное ухо», который смотрели много раз, но продолжали надеяться на счастливый конец. Даже книжки они читали одни и те же: сказки, приключения, фэнтези.

И вот бабушка умерла. Внезапно. Иногда взрослые и любимые люди устраивают такие подлянки. Была-была, а потом – раз и нет. Женькина мама не стала рассказывать сыну, что бабушка сидит где-то на облаке, свесив ножки, и с доброй улыбкой наблюдает за ним. Просто потащила его на кладбище – прощаться. Вот о чём она думала?

Короче, когда восьмилетка увидел бабушку в гробу, услышал завывания этого кошмарного похоронного марша, он потерял сознание и свалился на землю между могилами.

Детский психолог с большим трудом вернул его в норму. Живой и быстрый мальчишка превратился просто в какой-то комок фобий: он боялся спящих людей, тишины и темноты. Года через два это, к счастью, прошло. С тех пор Женька на кладбище ни ногой, кто бы там ни умирал. Не ходил он и на могилу бабушки.

Кроме того, стал он каким-то задумчивым. Из твёрдого троечника переqualificировался в зануду-отличника, приобрёл прозвище Ботан и моё уважение за обширность знаний, не ограниченных школьными уроками.

Когда я думаю, что пережил Ботан, мурашки по спине бегут. Я никогда не видел мёртвых. Все

мои родные и знакомые живы. Мне не нужен такой жизненный опыт. Через смерть. Вполне могу обойтись и без него.

Вот Ботану мы и доверили перевод письма, проданного нам неделю назад бомжем Дайдесятку.

Моя история не продвинется дальше, если я опять не отвлекусь на пазл-отступление номер четыре.

БОМЖ С ПМЖ

Дайдесятку живёт в подвале соседнего подъезда. Жильцы терпят подселенца частично из жалости к этой половинке человека (один глаз, одна нога, одна рука), но и отчасти из соображений эгоистических.

Дайдесятку, хоть и калека, мужик героический и бесстрашный. Своё место под солнцем нашего двора он отстоял в кровавых битвах с другими бомжами. Сам я не помню этого времени, но слышал, что когда-то их было много, и они делили территории и мусорки в нешуточных махаловах. С тех пор никто из них не решался заглянуть к нам во двор. Правда, за прошедшие годы Дайдесятку постарел и ослаб, но задора не утратил.

Его несколько раз увозили в дом-интернат для инвалидов, но он, подлечившись и отъевшись, всегда возвращался. Мама говорит, что он бомж с ПМЖ (постоянным местом жительства). О возрасте его ничего не могу сказать. Не молодой, это точно.

Жизнь бомжа не сказала на его привычке к чистоте. Своё место проживания он аккуратно убирал, крыс и мышей истреблял ещё на подходе и даже уничтожил подвальных блох, из-за которых поход в подвал за банкой маринованных огурцов превращался в смертельное шоу с неясным исходом.

Вечером Дайдесятку отправлялся на промывсел к мусорным контейнерам. Это было захватывающее зрелище.

Жизнь, покалечив Дайдесятку, всё-таки отнеслась к нему с долей сочувствия, уравновесив потери: лишив правой ноги и левой руки. Подпираясь костылём, Дайдесятку бодро передвигался вприпрыжку. Рядом с ним, трубой подняв хвост, подсакивал постоянный спутник – чёрный котёра Мурзавчик, такой же лишенец по жизни, как и хозяин: без одного уха и глаза. Пара смотрелась классно!

Дайдесятку обрабатывал мусорные контейнеры профессионально быстро. Остатки еды брал только для Мурзавчика. Сам отбирал вещи, которые можно было реализовать на барахолках-развалах у стен Центрального рынка. Распродав найденное, шёл покупать еду. Улов день на день не приходился. Густо сменялось на пусто.

Дней десять назад он выловил среди старых газет и журналов невзрачную серенькую папочку, перевязанную крест накрест шпагатом.

Ну, что могло быть в ней? Старые квитанции, инструкции к давно сломавшейся и выброшенной бытовой технике. У меня бы фантазии на большее не хватило.

Но не так думал Дайдесятку. Лишённый семьи, родственников и друзей он подпитывался чувствами из чужих писем. Собирал эти никому не нужные клочки бумаги, расправлял, раскладывал в аккуратные стопочки по дням, месяцам и годам.

Открытки с поздравлениями хранил особо, вынимал по соответствующим праздникам, внимательно читал и вслух благодарил отправителя. Фотографии, когда совсем старые и тусклые, чёрно-белые или цвета сепии, иногда цветные и гляцевые, пристраивал к письмам. Прочитав очередное письмо, раскладывал перед собой найденные фотографии, внимательно вглядывался в лица, решая: могли бы люди, заснятые на них, написать эти строчки. Решив положительно, вкладывал фотографию между страничек письма. В последнее время писем становилось всё меньше, а если и попадались, то уж совсем старые.

Люди переходили на электронку, эсэмэски. Вот я, например, за всю жизнь не написал ни одного письма, ну, если не считать нескольких поздравительных открыток.

Это я к тому, что увидев папку, Дайдесятку обнадёжился, что найдёт в ней письма. И, как говорят в Одессе: таки нашёл! На нашу голову.

Несколько листов желтоватой, ломкой от старости бумаги с обкрошенными краями. Машинопись. Чернила ленты, по которой били когда-то рычажки с литерами, уже тогда были подсохшими. Теперь, за давностью времени, слова читались с трудом. Собственно, письмо было на трёх страницах. К нему прилагалась схема какого-то сооружения и план его расположения на местности. Эти документы тоже обесцветились от времени. Единственное, что хорошо просматривалось – печати. Распростёртые крылья грозных орлов, сжимавших в лапах венки со свастикой.

Тающий текст был на немецком языке!

Это потом мы узнали (ох! чтобы мы делали без Ботана?!) тонкости изображения орлов на печатях. Нам они казались одинаковыми. Но различия между ними были очень важны, потому что, даже не зная учреждение, штампанувшее лист бумаги, можно было понять, кому оно подчиняется.

Всё решал поворот орлиной головы. Орёл смотрит на левое крыло – партийный, символ нацистской партии. Орёл смотрит на правое крыло – государственный, имперский орёл.

Орлы на схеме и плане смотрели на левое плечо и казались почему-то особо зловещими.

Дайдесятку долго перебирал бумаги, рассматривал на просвет и даже нюхал. Пахли они неинтересно – сухой бумагой, затхлостью.

Примерный гражданин, хоть и без прописки, бомж сначала хотел отдать бумаги в музей. Но тут припомнил, как однажды принёс в музей небольшую бронзовую статуэтку поднявшегося на дыбы крылатого коня. Казалось, вот-вот немного и он взлетит, оттолкнувшись от постамента из розового с прожилками камня. Конь был ровного голубовато-зелёного цвета.

Дайдесятку нашёл коня в траншее, вырытой экскаватором под теплотрассу. Он всегда внимательно следил за строительными работами, особенно, когда рыли котлованы, траншеи и канавы.

Современный город стоял на развалинах старого, уничтоженного во время войны, подмывая его под себя, накрыв железобетонным брюхом кирпичи старых фундаментов и засыпанные, обвалившиеся подвалы.

Когда начиналась стройка на очередном пустыре, из земли лезло перекрученное железо, и сочились кирпичной кровью остатки кладки разрушенных домов.

Наступал звёздный час искателей. Кипы полуобгоревших газет и журналов, кухонная утварь, битая и целая посуда, пивные бутылки, аптекарские пузырьки, покалеченные фарфоровые статуэтки – добыча, ради которой стоило часами выстаивать возле стройки, выжидая временного затишья. Всё найденное находило своего покупателя.

Дайдесятку был зорек и удачлив, но крылатый конь оказался вершиной его успеха. Находку бомж любил трепетно, заботливо протирал, полюбовавшись в очередной раз, прятал в подвале так, что никто и никогда не смог бы его найти.

Каждый раз, когда бомж разглядывал своё сокровище, его не оставляло чувство, что он смотрит на коня в перевёрнутый бинокль, и на самом деле это не статуэтка сантиметров тридцати в высоту, а огромная статуя, из тех, что стоят на площадях. Литое, великолепно проработанное тело коня, мощный размах крыльев.

Но жизнь не всегда поощряет нежные чувства. Потребовались деньги. И Дайдесятку отправился в музей. Хотелось, чтобы любимый конь нашёл достойное пристанище, а люди видели его и любовались.

Не сложилось. Дайдесятку встретили душевно и даже напоили кофе, но, напирая на сознательность, стали уговаривать подарить бронзового коня музею. Бомж не вчера родился, поэтому заметил алчный блеск в глазах научной дамы и догадался, что поскачет любезный ему конь «мимо кассы», не стоять этой бронзовой красоте под стеклом музейной витрины.

Опечалась, ушёл из музея и в тот же день продал коня известному в городе коллекционеру, получил очень и очень приличные деньги и решил свои проблемы.

Урок был усвоен. Папочку с документами после короткого колебания собирался отнести в уже известный адрес, положил в замызганный пакет и пошёл со двора.

Уж лучше бы сидел в своём подвале!

Наш двор относился к Дайдесятку благосклонно. Женщины подкармливали, мужики скидывали со своих плеч ношенные вещи.

Но в этот раз он попался на глаза залётной стае подростков, пересекавшей наш двор по диагонали.

Не знаю, как долго его били, но когда мы с Кролем увидели эту картинку, он, как Буратино, был скорее мёртв, чем жив.

Могу сказать честно, что если бы я увидел эту бойню на улице, то вряд ли ввязался. Шансов попасть под раздачу было гораздо больше, чем спасти человека.

Но это был наш двор, наш Дайдесятку! И ни один подонок не имел права здесь хозяйничать.

Короче, мы навалили им, они навалили нам. Моё годзю рю пришлось очень кстати.

Дайдесятку в пылу сражения был забыт, пришёл в себя и тихо уполз в клумбу.

Тут ещё подключились лавочкины бабушки и подняли жуткий крик. Зажужжали мобильники из окон и балконов, фиксируя битву на фото и видео.

Нервы у стаи не выдержали. Парни быстренько растворились в соседних дворах.

Неприятностей с участковым у нас не было. Свидетелей избиения бомжа чужими – хоть отбавляй.

Дайдесятку спасителей в нашем лице запомнил. Мы стали здороваться, разве что шляпы в приветствии не поднимали (ну, не было у нас шляп!).

Это я веду к тому, что, размышляя над вопросом, кому отдать непонятную папочку, Дайдесятку припомнил среди прочих кандидатов меня с Кролем, благородных, понимаете, рыцарей, а также Ботана, известного всему двору Знайку.

Так папочка оказалась у нас и, прикиньте, почти бесплатно. Тысчонку для начала Дайдесятку всё-таки с меня слупил, но я не обиделся. И у бескорыстия есть предел.

Ну, и понеслось!..

Кто не мечтал найти клад?

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца. Йо-хо-хо! И бочонок рома!» Как-то так? Точность цитаты не гарантирую.

Ботан долго отбрыкивался от папки с документами. Ныл, что не знает немецкого, а компьютерный перевод искажает текст и не передаёт нюансов, и вообще, лучше заплатить профессиональному переводчику.

От этих слов дёрнулся всегда уравновешенный Кроль, заявивший, что даже его скромных знаний в немецком хватило, чтобы понять – речь идёт о ценных предметах, спрятанных где-то под городом.

– И как ты думаешь, что сделает переводчик, прочитав письмо? – спросил Кроль Ботана. – Забудет, о чём оно, и никому ничего не расскажет? Ага, как же! Он окажется там раньше нас.

– Письмо написано в июле 1945 года. Если там и было что-то спрятано, то за столько лет это могли тысячу раз найти.

Ботан всё ещё надеялся отвертеться, но тут Секта, молча слушавшая наши препирательства, взяла папку и так шмякнула её по клавиатуре Ботанового компа, что на время отшибла аппарату память. Монитор позеленел и объявил о завершении работы.

Ботан тоже позеленел и согласился на всё.

Терпением мы не отличались и так доставали беднягу, что уже через сутки перевод был готов. Мы сидели на Ботановой кухне, открыв рты, словно голодные кукушата клювы, и слушали письмо, как аудиокнигу.

Думаю, Дайдесятку заценил бы это письмо и отвёл ему почётное место в своём архиве. Вот оно. «Дорогой Вилли!

Надеюсь, ты не сердишься на моё длительное молчание. Я обещал написать сразу, как только станет известно место, куда вывезли груз, подготовленный мною к транспортировке. Однако получилось так, что пришлось искать нечто, гораздо более ценное для меня.

Тильда до конца декабря прошлого года оставалась в Кёнигсберге вместе с детьми и своей матерью, фрау Латгард. Я делал всё возможное, чтобы вывезти их, но какое-то роковое стечение обстоятельств препятствовало этому. Сначала заболела Минна, потом Лотар. Корь. Моя малышка Минна едва не умерла. После болезни дети были так слабы, что жена наотрез отказалась подвергнуть их дорожным трудностям. С самолётом тоже ничего не получилось. Не такая я величина, чтобы моей семье предоставили места в самолёте. Я тогда даже подумал, может быть, это и к лучшему: во время войны небо – не самая безопасная дорога. Ах, Вилли, если бы я только знал, если бы знал!

У фрау Латгард участились приступы астмы. Четыре дорогих мне человека оказались в бедственном положении, а я ничего не мог предпринять, ничем не мог помочь. Пока ещё действовала телефонная связь, хотя бы знал, где они и что с ними. Потом всё прекратилось. Сердце разрывалось.

Да, ещё и мои командировки и эти проклятые, трижды проклятые ящики! Они были, как чугунные ядра на ногах каторжника. Думаю, ты понимаешь, что тогда я не мог дезертировать, чтобы быть рядом с семьёй? Это погубило бы нас. Законы военного времени суровы и беспощадны.

В феврале я встретил в Берлине Зигги (ты помнишь, наш сосед, провизор из «Кройц-аптеки»

на Кёнигштрассе). Он сказал, что в январе мои хотели уйти из Пиллау по льду. Безумие! Он их отговорил.

Больше известий о них я не имел, хотя и задеиствовал все доступные мне каналы. Поиски были безрезультатны.

И вот три дня назад я увидел фрау Латгард на улице в Дрездене. Хотя о какой улице я говорю? Это просто груды обгоревшего, оплавившегося, спёкшегося от невероятного огненного жара кирпича. Всё, что осталось после февральской бомбардировки города английской авиацией. Мать Тильды сидела на каком-то ящике, смотрела на меня и не узнавала. Она больна, серьёзно больна психически, но главное я от неё узнал.

Тильду, как медсестру, прикомандировали к лазарету на лайнере «Вильгельм Густлофф». Разумеется, Минна и Лотар были с ней. Представляю, как она радовалась, что может покинуть Кёнигсберг, спасти детей.

Ты помнишь этот десятипалубный лайнер? В тридцать восьмом году мы ходили на нём в круиз по Средиземному морю.

Корабль вышел в море из Готенхафена. Говорят, при посадке началась паника, не все желающие попали на борт. Фрау Латгард оказалась среди этих счастливиц, оставшихся в порту.

Я знал, что «Густлофф» был торпедирован русской подводной лодкой, но и в страшном сне не мог представить, что среди 9 тысяч погибших были Тильда, Лотар и Минна. Моя семья. Тяжело думать об этом. Трудно писать. Помню, как слушал по радио и читал в газетах сообщения об этой страшной катастрофе, произошедшей 30 января, но не было никакого предчувствия, что трагедия касается меня лично. Теперь, когда прошло почти полгода после гибели жены и детей, я могу только надеяться, что смерть была милосердной к ним, мгновенной.

Мне некого искать, не о ком заботиться. У меня нет больше обязательств перед государством, которого не существует. И я могу выполнить твою просьбу.

В бункере под Кёнигсбергом шесть ящиков. Описи их содержимого у меня не сохранилось. В трёх ящиках должны быть картины Рембрандта, Лукаса Кранаха, Брейгеля-старшего и Хальса (запакowyывал сам), в остальных – янтарные панели, флорентийская мозаика, серебро, бронза. Схему подземных помещений и план местности прилагаю. Думаю, они всё ещё там. Сможешь взять – возьми.

Прощай.

Бернхард Лехнер

1945.07.12.

г. Линц

P.S. Зигги, передавшему тебе письмо, заплати продуктами. Он с семьёй голодает».

Ботан наслаждался. Перевод читал с таким выражением, словно это было письмо Татьяны Лариной к Онегину. Для большего эффекта вставлял текст на немецком языке. Не знаю, как у него обстояло дело с произношением, но впечатляло. Точность перевода оставляю на совести Ботана.

О торпедированном лайнере у нас в городе не знает только ленивый. Есть даже памятник капитану подводной лодки Александру Маринеско.

Меня и раньше впечатлял масштаб катастрофы. Погибли девять тысяч человек. Насколько я знаю, кроме военных, было много гражданских. Вот интересно, если бы наши знали, что на корабле большинство женщин и детей, стали бы торпедировать корабль? Если не ошибаюсь при крушении «Титаника» утонули полторы тысячи. Ледяная вода. Бр-р-р! Не хотел бы я попасть в такую передрыгу.

Секту пробило на чувствительность. Пропустив всю информацию мимо ушей, Лёлька опечалилась семейной трагедией Лехнера. Оно и понятно: бывшая эмо-гёрл, что с неё возьмёшь. Шмыгнув носом, она сказала: «Бедненький!», точно повторив интонацию героини из фильма «Формула любви».

Кстати, я заметил, как много из кино вошло в жизнь. Цитаты, интонации. Правда, это больше у поколения моих родителей. Цитирующие «Гарри Поттера» или «Властелина колец» мне что-то не встречались. Играющие в ролевые игры – сколько угодно.

Ну, ладно, проехали.

– Бедненький-то он, конечно, бедненький, – Кроль был сварлив и непреклонен. – А чужие сокровища украл, и ни в одном глазу. Ещё, ворюга, гордится, что сам картины упаковывал. И, полный беспредел, его фразочка: «Если сможешь взять – возьми». Хорош гусь! Нет, прикиньте, два нацика устроили междусобойчик, и один другому с барского плеча отдал чужое национальное достояние.

– А мы чем лучше? – Ботан отложил письмо в сторону. – Мы тоже охотимся за кладом.

– Мы не такие! – возмутилась Секта. – Найдём и вернём государству. Или у кого-то другие планы?

С Лёлькой всё ясно: враг не пройдёт.

– Ага, респект и уважуха, – мне стало смешно. – Какой смысл делить шкуру неубитого медведя? Может, этот бункер уже семьдесят лет пуст, как выведенное яйцо. Ну, ребята, раскиньте мозгами. Письмо в папочке. Дошло оно до адресата или нет? Худший вариант для нас: Вилли сообщение получил и благополучно вывез ящики.

– Хотел бы я на него посмотреть, – пробубнил Ботан. – В июле сорок пятого здесь были наши войска.

– Я так понимаю, Вилли – местный. Наверняка ему были известны все лазейки, – я задумался. – Остались ящики в бункере или нет, гадать не име-

ет смысла. Надо поехать и посмотреть. Сейчас важнее найти то место, где находится бункер. Найдём его, найдём и бункер.

И опять всё легло на пухлые плечи Ботана. Он вообще такой толстяк-невалишка. Если в сутки ты сидишь за компом 10-12 часов, за спиной у тебя большущий, под потолок, холодильник, то результат понятен. Как понятно и то, почему комп стоит на кухне. Чего бегать туда-сюда, зря время терять? А так руку протянул, и хавчик у тебя.

Кстати, дурной пример заразителен: мы навалились на холодильник всей компанией. В ход пошли суточные щи, голубцы, блинчики с творогом и даже нагетсы. Финишировали пищей, хотя лично я эти «подмётки» терпеть не могу.

Расходиться по домам не хотелось. Расползлись по квартире сытыми удавчиками, вздремнуть. Ботанова мама не по-детски удивится, заглянув вечером в холодильник. Такое тотальное уничтожение продуктовых запасов не под силу даже любимому сыну.

Стыдоба, конечно. Ботан работал, а мы дрыхли, сломленные собственным обжорством.

Когда проснулись, появилось ощущение, что нас телепортнули. Вот только что закрыли глаза, потом открыли, практически моргнули, а напротив сидит Ботан, улыбка до ушей, в руках – карта.

Даже спрашивать не надо. Нашёл!

– Не поверите! – закричал Ботан. – Это совсем рядом. Минут двадцать на автобусе, идущем на Взморье, потом заброшенным просёлком, а затем по лесу. Я посмотрел спутниковые снимки.

– «Мне сверху видно всё, ты так и знай!» – пропела вдохновлённая Секта и чмокнула Ботана в толстую щёку.

– В том-то и дело, что ничего не видно, – довольный Ботан покраснел, но от дела не отвлёкся. – Там еловый лес, старые посадки. Стеной стоят. Придётся ориентироваться на местности.

Договорились надолго поездку не откладывать. Какие наши сборы? Велосипеды. Рюкзачки с минералкой и энергетическими батончиками. О содержимом рюкзака Ботана я не говорю. Это особая песня.

Кроль сказал, что надо взять ломики и сапёрные лопатки. Он считал, что если мы найдём бункер, то, положив руку на сердце, трудно будет удержаться от того, чтобы не заглянуть в него.

Я предложил взять фонари. Вряд ли там до сих пор есть электричество, если оно вообще когда-нибудь было.

Секта, радость наша, вспомнила про газовый баллончик. А что, вдруг пригодится против хулиганов. Безлюдный лес она представляла слабо.

Настал день «Х».

С родителями каждый договаривался самостоятельно. Судя по результату, получилось. У меня

просто удачное стечение обстоятельств: отец в кризисе, мама – в заботе об отце. Им не до меня.

Секта и Кроль унеслись на велосипедах, только шлемы мелькнули, вытянутые, как головы у Чужих в фильмах Скотта и Кэмерона.

Полчаса я выковыривал Ботана, эту упитанную устрицу, из-за стола. Нет, это что-то с чем-то! Перевести письмо, перелопатить уйму карт – это ему в радость, а вот сдвинуться с места – в облом. Хотя когда начинается движение как таковое, он оживляется.

Автобус был полупустым. Через открытые окна загородная прохлада вливалась в нас, как холодная газировка. Ботан оживился и был готов к подвигам.

Нас вытряхнули на остановке «по требованию». Там уже околачивались Секта с Кролем.

Вот тут и пригодилась готовность Ботана к подвигу. По просёлочной дороге пошли пешком. Байки вели в поводу.

Вокруг весёлый зелёный лес, весь в солнце и тених. В кронах свиристели неопознанные птички. Невостребованный грунтовый просёлок зарос травой.

Не знаю, кто как, а я – дитя бензинового чада. Из деревьев узнаю самые известные: ёлки, берёзы, дубы, каштаны, клёны, рябины, тополя да ещё кое-какие плодовые, и то, когда эти самые плоды уже имеются на ветках. Поэтому, когда меня настиг тягуче-медовый запах, я завертел головой и спросил, ни к кому в отдельности не обращаясь:

– Что это за запах?

– Дан, ты прикалываешься? – удивилась Лёлька. – Это же липы цветут. Посмотри справа от дороги. И это не просто запах, это – аромат.

Огромные деревья в жёлтых меленьких звёздах. Ничего общего с бесконечно обрезаемыми страдалицами в городе, которые иногда больше напоминают карандаши, чем деревья. Аромат лип накрывает нас, дорогу, лес и долго не отпускает, даже когда они остаются далеко позади.

Секта и я идём молча. Дышим, слушаем. Последние лирики на земле. Пытаюсь припомнить какое-нибудь стихотворение. В голове вертятся обрывки, не заслуживающие внимания и озвучивания.

Хочется произвести на Лёльку впечатление, лучше всего интеллектом. Не получается. Вижу впереди дерево с горизонтальной веткой. Подскакиваю, хватаюсь за неё, начинаю подтягиваться. Вот это у меня выходит. Чёрт! Лёлька, занятая своими мыслями, проходит мимо. В её волосах застрял цветок липы. Я догоняю Секту, снимаю цветок, подношу к носу, нюхаю. Мёд и солнце.

Братцы! Мне кранты! Я влюбился!

Сзади тащатся Ботан и Кроль. Время от времени они останавливаются, расправляют карту, ска-

чанную из Интернета, и копию немецкого плана, сближают головы и сосредоточенно обсуждают.

А чего тут обсуждать? У меня хорошая зрительная память. Вот просека пересекает просёлочную дорогу, заканчиваются радостные рощицы, и мрачные ели сплошной стеной наступают на нас. Всё, как на спутниковом снимке. Надо сходить с дороги на просеку, и идти на запад. Через три километра должны быть развалины кирхи.

Окликаю Кроля и Ботана, пытающихся в азарте обсуждения проскочить просеку. Нет, два Сусанина на четыре человека – это явное излишество.

Пересекаем просеку и ныряем под еловые лапы.

Я давно заметил, что память иногда похожа на склад забытых вещей. Увиденное, услышанное, на первый взгляд, совершенно не нужное, хранится на пыльных полках и может никогда не пригодиться. Или припомнится очень даже ко времени. Оскользнувшись на опавшей хвое и едва не распоров щеку о какой-то сучок, я вспомнил фразу: в берёзовом лесу – веселиться, в дубовом – молиться, в еловом – удушиться. Не знаю, откуда она, но очень точная, особенно по отношению к этим ёлкам-палкам.

Старый еловый лес – это вовсе не новогодние елочки, вокруг которых зайчики прыг-скок. Нижние сухие ветви свисают до земли. Сломанные ветки торчат во все стороны, на них только и остаётся, что нанизывать таких придурков, как мы. Мох, дремучая паутина. Я уже вышел из детсадовского возраста, но мне стало казаться, что вот-вот мне по спине засадит метлой Баба-Яга. Или того хуже: появится ведьма из Блэра. Фильм ужасов какой-то!

– Зловещее местечко, – пробурчал Кроль, отдирая с лица паутину. – Интересно, как оно выглядело семьдесят лет назад?

– Наверно, немного веселее, – предположил я. – И не таким заросшим, иначе как бы они пронесли ящики.

– Может наконец кто-нибудь поможет мне протащить велик под ёлками, – прокричала отставшая от нас Секта. – Если я его поцарапаю, убью всех!

– Да, не лучшая была идея: брать велосипеды, – сказал я покаянно. – Мне казалось, что так быстрее обернёмся, сэкономим время. А потом повезём на них найденные сокровища. Ага, как же! Мой просчёт.

– Да, ладно, – Кроль был великодушен. – Мы с Лёлькой классно прокатились. И домой быстрее попадём, чем ты с Ботаном. Родители не успеют напрячься. Всё путём.

Весь оставшийся путь до кирхи я волок Лёлькин велосипед, оберегая его пуше собственных глаз.

Наверно, нам бы вовек не пропахаться через лес, если бы не то, что когда-то давно ёлки были высажены правильными рядами. После несколь-

ких попыток идти напролом, Ботан предложил схему движения лесенкой. Всё-таки он голова!

И мы пошли зигзагом, как сумасшедшие зайцы. Проходили два-три ряда поперёк, а потом двигались вдоль деревьев.

Когда наконец выбрались к разрушенной кирхе, смотреть на нас без слёз было нельзя: расцарапанные физиономии и руки, порванные футболки, в волосах еловые иглы, мох и паутина. Четыре леших на прогулке.

Свалились на траву. Небо над головой было как подарок. Прикиньте, здесь пели птицы, и грело солнце.

– От одной мысли, что придётся возвращаться этим же путём, хочется повеситься, – простонала Лёлька. – Нет, самоубийство – грех. Пристрелите меня.

– Хорошенького понемножку, – сказал я, – Некогда валяться. Уже одиннадцать, а ещё надо найти бункер. Если не сможем попасть вовнутрь, вернёмся в следующий раз.

– Кирха – ориентир, – предположил Ботан. – Сохранился угол из двух стен, довольно высокий. Нужно залезть и осмотреться. Но я лично пас.

– Мы бы и не стали рисковать тобой, – утешил я его. – Полежит кто-то менее ценный, кем можно пожертвовать.

– Эй, полегче, – протестующее выставила ладони Секта. – Я не полезу. У меня боязнь высоты.

Кроль тоже собрался что-то возразить, но я прервал его:

– Да что с вами такое? Это просто шутка. Я самый лёгкий из вас и цепкий, заберусь на стену, посмотрю, что там к чему. Какие проблемы?

Но проблемы начались сразу, как только я полез вверх. Кладка толстых стен казалась прочной, но кирпич крошился под моими ногами, осыпался. Я поднимался выше, но обратной дороги уже не было. Для возвращения вниз придётся искать другой спуск.

На что только не идёт человек, если на него смотрят друзья и любимая девушка! Карабкаюсь по стене и чувствую себя козлом, и не то чтобы горным.

Не могу сказать, что открывшийся вид привёл меня в восторг. Представил себя букашкой, которая ползла, ползла вверх, наконец вылезла, оглянулась, и оказалось, что под её лапками не трава газона, а щетина платяной щетки. Вот ужас-то! Плотная, колючая и абсолютно бесперспективная для жизни.

Вот и этот лес сверху выглядел именно так.

– Ребята, ничего не видно! Только елкины верхушки, – прокричал я. – Хотя подождите, тут мне мысль пришла.

И она, действительно, пришла. И не одна. Первая мысль: за каким чёртом меня понесло на стену, когда у нас есть план и карта местности, и всё

можно вычислить прямо на земле? Ну, понятно, захотелось выпендриться. Скалолаз, понимаете, Сильвестр Сталлоне в расцвете лет.

Вторая мысль: посадки немецкие, но, когда строили бункер, корни деревьев могли пострадать, а это, в свою очередь, должно было отразиться на их росте. Если это так, то с высоты можно заметить разницу, что убыстрит поиск.

Смотрю. Есть! Ай, да Дан, ай да!.. Ну, и дальше по пушкинскому тексту. Хотя бы недаром лез на стенку.

С максимально возможной скоростью сползаю вниз, обдирая всё, что не успели порвать злобные ёлки. Главное, не забыть ориентиры.

На земле меня встречают дружески, где-то даже восторженно.

– Ай, молодца, Дан! Хорош! – Кроль.

– Классно выглядишь! Прямо огурец! – Секта.

– Ага, такой же скрюченный и зелёный, – Ботан.

Спасибо, друг, за правду. Не одному тебе зеленеть. Ладно, не время сводить счёты. Быстро сообщая о своих наблюдениях.

Велосипеды оставляем под стеной кирхи и поспринтерски рвём в лес. Ёлки не страшны, когда сокровище манит золотым пальчиком.

Иду впереди. Гончая на двух ногах, разве что не веду по земле носом. Направление помню чётко. Упорный Ботан руководствуется компасом и немецким планом, но молчит. Значит, наши мнения совпадают.

Когда знаешь, где искать и что именно, обязательно найдёшь. На мой взгляд, это должно быть что-то вроде насыпи, невысокой, но всё-таки возвышающейся над ровной землёй.

Первой её замечает Секта, она же индейская скво Зоркий Глаз: чуть левее, чем двигались мы с Ботаном.

Замираем, можно сказать, в священном трепете. Кроль приседает и начинает всматриваться в частокол еловых стволов.

– Точно, как в аптеке. Насыпь, но она какая-то длинная. На плане и схеме она метров двадцать, а тут все сто или больше.

– Ну, это нормально, – Ботан рассматривает бумажки. – Они же не укладывали ящики, как гробы. Тогда бы не писали «бункер», а назвали просто – яма или ров. Бункер – это сооружение. На схеме вычерчены стены, помещения и даже коридор. Кстати, вход с нашей стороны. Далеко бежать не надо.

И наш лентява рассмеялся, довольный до чрезвычайности.

Вы когда-нибудь видели таксёрыша, в упоении роющего ямку в детской песочнице во дворе? Так вот это мы, четыре таксы, схватившись за сапёрные лопатки, вгрызлись в землю.

Ну, немного преувеличиваю, никуда мы не вгрызались, потому что насыпь, не считая верхнего слоя дёрна (если я не ошибаюсь, так называется верхний пласт земли весь в переплетении корней травы), состояла из песка. И это совсем не облегчало наш труд. Песок осыпался под лопатами, и мы едва продвигались. Как в песне: «Два шага налево, два шага направо, шаг назад и поворот».

Не знаю, как у кого, а у меня через полчаса этой каторжной работы мелькнула паршивенькая такая мыслишка о чём-то взрывчатом. Не озвучил её только потому, что понимал – идея бредовая и неосуществимая.

– Сколько мы ещё будет копать? – спросила Лёлька вредным голосом.

– Сколько? Отсюда и до обеда, – ответил Кроль, продолжая окапываться.

Я в очередной раз вогнал лопату в песок и... услышал скрежет металла о металл.

Она была там! Дверь, крышка. Не знаю, как назвать эту прямоугольную металлическую пластину, примерно метр на полтора, закрывающую вход в бункер. Она отлично сохранилась, даже серая краска осталась в целости. Вмонтированная в бетонный проём дверь была похожа на корабельную, с таким вертящимся колесом посередине. Я так долго описываю эту штуку, потому что мы убили не менее часа, прежде чем смогли её открыть.

Когда наконец удалось повернуть колесо на несколько оборотов, крышка дрогнула. Кроль и я встали в щель два небольших ломика и поднажали, а Ботан и Секта изо всех сил стали тащить её вверх.

Дверь встала торчком. Мы тоже заторчали, глядя в открывшийся проём. Ступени уходили в темноту.

– Ну, и кто будет первопроходцем? – спросил Ботан и слегка попятился, явно не собираясь лезть в бункер. – На меня можете не смотреть, я останусь здесь. Кто-то ведь должен караулить вход.

Ботан прав, как всегда. И хотя дверь заклинили ломиками, лучше будет оставить человека снаружи. Мало ли что.

Пока ещё был виден дневной свет, пусть и тусклый под сводами елочных лап, мы спускались довольно бодро: я, Кроль и Секта, в такой последовательности.

Но вот коридор сделал крутой поворот, и свет как обрезало. Это было странное чувство. Мне показалось, что между атомами моего тела вклинилась тьма. Может это звучит несколько заумно, но я, действительно, ощутил это.

Потом на меня налетел Кроль, на него – Секта. Выпутавшись друг из друга, мы включили фонари. Слава изобретателям галогенных ламп!

Конусы яркого и чистого света вернули нам уверенность. Световые «блинчики» запрыгали по стенам и полу, ушли вглубь коридора.

Ничего. Просто ничего. Никаких ящиков, да что там, даже мусора в коридоре не было. Голые бетонные стены и пол.

– Вот чёртов Вилли! – воскликнул Кроль. – Всё-таки добрался до ящиков!

– Выходит, всё зря? – расстроилась Лёлька.

– Надо осмотреть весь бункер, – предложил я. – На схеме есть ещё помещения. Отсюда их не видно. Двинулись.

Мы продвигались по коридору, заглядывая в боковые помещения. Это было не сложно, потому что они не имели дверей, такие глухие бетонные «карманы». Похоже, в бункере собирались разместить большое количество грузов, но что-то не сложилось. В письме речь шла только о шести ящиках. Да и те сделали нам ручкой.

– Дверь, – сказала Лёлька, – ещё одна. И тоже с колесом.

С дверью управились быстро. Она легко поддавалась нашим усилиям. Открылась.

Сердце у меня ёкнуло и свалилось куда-то в колени. Ящики!

– Сокровища Третьего рейха! – засмеялся Кроль. – Леди и джентльмены, мы богаты! Сбылись мечты идиотов! Не возникай, Лёлька! Дай по мечтать.

Мечтать не вредно. Мы рассматривали ящики, ощупывали их. Один попытались открыть, но ломик остался наверху, а он оказался заколочен на совесть.

В этом отсеке бункера хранились более двух десятков ящиков. Разных, больших и маленьких. Некоторые лежали на металлических стеллажах, другие громоздились друг на друге. Несколько стояло вертикально. Наверно, в них были скульптуры. Да, информатор у Лехнера оказался так себе. А Вилли по какой-то причине вообще ничего не обломилось.

– И что мы будем со всем этим делать? – спросила Лёлька.

Кроль предложил, на мой взгляд, разумную вещь: открыть несколько ящиков и убедиться, что в них действительно хранятся произведения искусства. Потом подняться наверх и позвонить. Вот только куда и кому? В полицию, наверно. Лёлька, умница, посоветовала звякнуть ещё и телевизионщикам. А что? Когда нам, подросткам, ещё удастся попиариться? Понаедут серьёзные люди, отодвинут нас в сторону. И окажемся мы ни при чём.

Ботан встретил меня, как давно пропавшего родственника. Когда я рассказал ему о находке и о том, что ящиков в бункере гораздо больше, чем было указано в письме, глаза у него стали круглыми, и он сразу засобирался вниз.

Я не стал возражать. В принципе, ну, что может случиться здесь, наверху? Один ломик мы так и оставили заклинивать дверь, второй взяли с собой, чтобы было чем разбивать ящики, прихватили на всякий случай и сапёрные лопатки.

На ящиках не было никаких надписей, только номера, а по внешнему виду не было понятно, что в них может находиться. После ощупываний, простукиваний и даже обнюхиваний (это Лёлька) мы выбрали один, плоский и сравнительно небольшой. Решили, что в нём могут быть картины или одна картина.

Ботан и я придерживали ящик, Кроль ломиком старался поддеть крышку. Гвозди выходили туго. Тот, кто их когда-то заколачивал в дерево, не экономил. И когда крышка поддалась и пошла вверх, они обнажились, и ящик ощерился ими, словно крокодила пасть зубами.

Крышка отлетела. Мы столкнулись головами, когда склонились над ящиком. Бумага, потом какая-то грубая серая ткань в несколько слоёв и снова бумага.

Мы угадали – картина. Только не на холсте, а на дереве. На голубовато-сером фоне портрет мужчины в чёрном. Думаю, художник не польстил тому, с кого писал портрет: лицо мясистое, обрюзглое; тяжёлые веки наплывают на глаза, узкогубый рот. Мужик, конечно, не красавец, но чувствуются в нём ум и сила. Из-под чёрного берета выбиваются кудряшки, похожие на Лёлькины (до того, как она кардинально постриглась). Художники подписывают свои картины. Вот она, подпись, в верхнем правом углу: сначала цифры года – 1543, а под ними нарисована какая-то волнистая линия, похожая на змею с крыльями и в короне, в пасти у неё что-то вроде кольца.

– Ну, и кто это такой? – вопрошает нетерпеливая Секта.

– Закорючка какая-то непонятная, – бурчит Ботан и переворачивает картину. На обратной стороне приклеен аккуратный прямоугольник желтоватой бумаги и на нём написано: Лукас Кранах. Портрет Мартина Лютера, 1543.

– Круто, – Кролю имена ничего не говорят, но впечатляет дата.

Картина написана более четырёх веков назад. Кранах упоминается в письме Лехнера. Выходит, мы открыли один из шести «наших» ящиков.

Лёлька просит посветить фонарями и делает селфи на фоне прислонённой к ящику картины Кранаха. Мы фотографируем друг друга, ящики.

– Ну, будем ещё открывать? – спрашиваю я.

Скорее всего, в других тоже произведения искусства. Можно с чистой совестью выбирать наверх и вызывать, как говорится, компетентных товарищей.

Но, если честно, очень хочется раскурочить парочку ящиков и посмотреть на их содержимое.

Со вторым ящиком мы управились в считанные минуты. В нём лежали упакованные в стружку кубки, чаши, подносы. Массивные, покрытые затейливыми узорами, по-видимому, серебряные. Ещё там были ложки, вилки с очень длинными руч-

ками и двумя зубцами, плоские лопатки, похожие на те, которые используют для торта.

Когда мы принялись за третий ящик, Секта попыталась нас остановить.

– Это варварство, – сказала она возмущённо. – Вы так обязательно что-нибудь повредите.

– Интересно же, – промямлил я неуверенно; мне не хотелось ссориться с Лёлькой, в которую сегодня так неожиданно влюбился. – Вот бы найти янтарные панели, о которых писал Лехнер. Все ищут Янтарную комнату, а мы, бац! и нашли.

– Хорошо бы, но, по закону подлости, они окажутся в последнем ящике, – Ботан задумчиво наклонился к палец стружку, словно это был локоп волос. – Давайте этот откроем и закроемся.

Что ж, иногда и самые умные ошибаются. Они были там, в третьем ящике. Янтарные панели. Всё шло в той же последовательности: напряжённое пытение моё и Кроля, жуткий скрежет выдираемых гвоздей, грохот отлетевшей на бетонный пол крышки ящика, шорох бумаги (на этот раз смятые в плотные комки газеты в колючках готических букв), ткань.

Секта подсунулась поближе и направила луч фонаря прямо в ящик.

Это было одно из самых больших разочарований в моей жизни. Звучит глупо и высокопарно? Possibly, но это так. Сначала я подумал, что смотрю на куски пластика разного оттенка тусклого жёлтого и коричневого цвета. В магазинах строительных материалов продаются карнизы для потолка. Они белые, но на них похожие рельефы – всякие завитушки, виноградные гроздья. Некоторым чуждакам нравятся такие украшения под старину. А бабушка Лида-Лидочка называет их «пылесборниками». Думаю, она права.

Наверно, янтарь был такого цвета ещё до того, как панели положили в ящик. Старый янтарь, выцветший. Клей, скреплявший резные пластины, высох, они рассыпались и стали похожи на пазлы, до того как их принялись собирать. Под ними поблёскивало что-то, напоминающее фольгу.

– Вау! – разочарованно воскликнула Лёлька. – И это – Янтарная комната?!

– Вряд ли, – сказал я, от всей души надеясь, что дело обстоит именно так. – Просто какие-то янтарные панели. Лехнер же не писал в письме про Янтарную комнату.

Мы помолчали, стоя над открытым ящиком. Ожидали чего-то эпохального, а нашли янтарный мусор.

Для подъёма резко упавшего настроения решили открыть ещё один ящик и на этом уж точно закружиться.

Почему сняли с нижней полки стеллажа именно этот ящик, не знаю. Вообще-то он был очень тяжёлый, хотя и компактный. Мы его даже уронили, едва не отдавив ногу Ботану.

Кроль поворачивал ящик, чтобы было удобнее подцепить крышку ломиком, когда я увидел надпись на той стороне, которая раньше была повернута к стене. Большущими, чёрными буквами. Простая и узнаваемая, даже если ты не знаешь немецкого языка. Сотни раз виденная в кино про войну. ACHTUNG! MINNEN! И ещё там были провода, уходящие из ящика к другим, стоящим на стеллажах

«Картина маслом!», как говорил Давид Гоцман в моём любимом фильме «Ликвидация». Это я сейчас шучу. А тогда нас, как ветром унесло от чёртова ящика. Вот только что стояли вокруг него и всё – нас нет. Распластались по стенам, таращим глаза.

– Уходим? – с надеждой спросил Ботан.

Я хотел сказать, что не просто уходим, а рвём когти, но осип и только облизывал пересохшие губы.

Рванули, конечно, не договариваясь. Мы же этот ящик не только стащили со стеллажа, но и шмякнули на пол. Не так, чтобы очень резко, но всё-таки...

Это был скоростной подъём, доложу я вам! Хоп! и мы наверху. Ёлочки-палочки, солнышко кое-где проглядывает. Нормалёк! Дышим, руки-ноги на месте. В бункер уже категорически не хочется.

Отошли подальше. Меня ноги не очень держали. Хотел присесть на холмик, да вовремя заметил, что это муравьиная куча. Вот её мне и не хватало для полноты счастья. Полный абзац. Никогда не думал, что могу так испугаться. Чуть легче сделалось, когда понял, что и другим не лучше.

Конечно, мины ни с того ни сего не взрываются, хотя кто их знает.

Бункер закрывать не стали, даже ломик оставили торчать в щели. Прихватили рюкзаки, лопаты и в полном молчании пошажали к развалинам, где оставили велосипеды.

Даже не заметили, как преодолели ёлочный частокол, можно сказать, на одном перепуганном дыхании.

У стен кирхи полегли в лопухи, как воины, павшие на поле брани.

– Да, славно мы труса отпраздновали, – хмыкнул Кроль. – Ладно, вы, граждане ещё даже беспаспортные по малолетству, а я-то хорош гусь.

– Ну, давайте начнём разбираться, кто сильнее испугался, – рассердился я. – Может, если бы мы не рванули оттуда, то нас бы рвануло. Сколько там этих ящиков с минами? Лехнер писал о шести ящиках. Мы насчитали более двух десятков. А вдруг в остальных только мины? Кто-то хочет проверить? Я, лично, – нет. Можете обзывать меня трусом, даже возражать не стану.

– Дан прав, – вздохнул Ботан. – Любопытство мы своё удовлетворили. В кладоискателей поиг-

рали. Хватит. Предлагаю заправиться (зря, что ли, еду тащили в рюкзаках), а потом исполнить, как говорится, свой гражданский долг: позвонить, куда следует.

Есть мне не хотелось. Свои припасы отдал Ботану, сам только воду пил. Остальные ели и пили в молчании, без обычной трепотни и приколов. Устали, вымотались, а ещё надо двигаться в обратный путь. Хотя, может быть, добрые компетентные дяди подбросят нас домой?

С этой утешительной мыслью я встал и отправился за уголок по своей пацанской надобности. Приношу извинение за физиологические подробности, но именно они спасли нам жизнь. Иначе, перестреляли бы нас, как сонных кроликов.

Кто-то там, в еловых зарослях, оказался настолько нетерпеливым, что не смог удержаться, чтобы не попытаться выстрелить в затылок человеку, стоящему лицом к стене.

Что-то свистнуло возле уха, и я увидел крошащийся у моего лица кирпич и комочек металла в образовавшейся в нём дырочке. Вы думаете, я сразу опознал в нём пулю? Ха! Вы хорошо обо мне думаете. Выстрелов ведь не было слышно. И под обстрелом я никогда не был.

То, что в меня стреляют, я понял только после третьего промаха стрелка. Вот тут я заорал: «Стреляют!», плюхнулся на землю и – лопухами, лопухами – пополз в сторону своих.

Возможно, я орал очень впечатляюще, потому что, когда приполз, все лежали на животах и только головами осторожноенько вертели, пытаюсь понять, откуда ждать неприятности. Я дополз до Кроля, боднул его головой и сказал о выстрелах. Он прошипел, что и у него мимо головы пару раз свистнуло.

Нам повезло, что мы выбрали для стоянки развалины. С двух сторон нас защищали стены, а внутри бывшей кирхи были такие завалы от рухнувших стен и крыши, что за ними можно было более или менее надёжно укрыться.

Мы сползли в кучку за большим обломком стены и усталились друг на друга. Хотелось понять, что происходит. В нас стреляют, но кто и почему?

– Они нарочно промахиваются? – каким-то дребезжащим голосом спросила Секта. – Может быть, нас хотят только напугать?

– Куда уж больше, – прошептал Ботан. – Сначала мины, теперь пули. Я попробовал позвонить. Фигушки! Мы находимся вне зоны действия сети.

Мы с Кролем нервно заскользили пальцами по дисплеям смартфонов. Результат был тот же.

– И что будем делать? – женский пол Секты позволял задавать нелепые вопросы.

Я усталился на Ботана. Думай, дружище! Ты – наш штаб на линии фронта.

Мои мысли сначала скакали зайчиками, но потом стали выравниваться. И та линейка, по которой они выравнились, мне не понравилась. У меня получилось следующее: мы не вооружены, если не считать одного короткого ломика и четырёх лопат, и не можем дать отпор людям с огнестрельным оружием в руках. Убить нас могут в любой момент, просто подойдут и расстреляют в упор или поохотятся, как на зайцев. Вряд ли нас оставят укрываться за камнями. Вопрос: зачем мы им нужны или, наоборот, не нужны?

Ответ, пришедший мне в голову, озвучил Кроль:

– Нам кранты! Это конкуренты!

– Я тоже так думаю, – согласился Ботан. – Только не ясно, откуда они узнали? Все бумаги у нас.

– Ну, ты даёшь! – нервно хихикнула Лёлька. – Ёжику в тумане понятно, откуда ноги растут. Дайдесятку отксерил документы и сбаврил копии желающим, а нам, в знак особого расположения за своё спасение, загнал подлинники. Интересненько, сколько кладоискателей сейчас шляется по лесу?

– Это зависит от аппетитов Дайдесятку, – мрачно сказал я. – Вот лишенец отвратный! Ну, погоди! Останемся живы, отомщу, и мстя моя будет ужасной. Но зачем нас убивать? Не понимаю. Какой смысл?

– А на всякий случай, и чтоб под ногами не путались, – Кроль, как всегда, был оптимистичен. – Выбираться, однако, надо. У кого есть идея?

Судя по молчанию, ни у кого. Нет, что-то там вертелось в головах, но все варианты были с летальным исходом.

В кирпичи постукивали пули, летела красная крошка.

Время шло. Мы лежали. Я перевернулся на спину и стал смотреть в небо. Вдруг его вижу в последний раз? Вот невезуха! Я так расстроился, что не сразу понял, о чём говорит Секта, горячо дыша мне в ухо. Хотел бы сказать, что это было признание в любви перед смертью, как и полагается в слезливой мелодраме или приличном боевике. Ага, как же!

Это прозвучит нереально, но она просила пересказать что-нибудь из написанного отцом. Скачала, что очень боится и хочет отвлечься. Я не поверил собственным ушам, переспросил.

– А чего так лежать? – прошептала моя любимая. – Если я не буду думать о чём-нибудь другом, то заору и вскочу. Пусть стреляют.

– Ага, щас спою, – ответил я голосом волка из старого мультика и «запел». Что оставалось делать, если Лёлька не желала целоваться, а смотреть, как она погибнет под пулями, было выше моих сил.

Надолго меня не хватило. Я как бы раздваивался: одна моя часть вспоминала и пересказывала отцовский рассказ, а другая – напряженно прислушивалась к происходящему вокруг. В конце кон-

цов, я иссяк, но Секта не потребовала продолжения банкета. Представьте, под моё бормотание она задремала. А ещё говорила, что нервная. Мне бы такие нервы.

Ботан, долго лежавший молча, зашуршал бурьяном и пополз куда-то в сторону.

– Эй, ты куда? – окликнул я его.

– Идея есть, – коротко ответил наш мыслитель, – надо проверить.

С риском получить пулю в голову, я приподнялся: Ботан уползал за угол обвалившейся стены. Ещё пару минут колыхались лопухи, и всё стихло.

– Куда он? – спросил Кроль.

– Сказал, что есть идея, и пополз проверять, – ответил я. – Надеюсь, придумает какую-нибудь дельную вещь.

Нам оставалось только ждать. Солнце припекло. Обстрел прекратился. Не то готовилась какая-то очередная пакость для нас, не то закончились патроны (ну, это вряд ли). Хотелось думать, что стрелок ушёл к своим, побоявшись, что они всё поделят без него.

Снова зашурчала трава. Приполз Ботан. Оказалось, что он осматривал тылы развалины. Утешительного было мало. С той стороны под ёлками сидели два зайчика-стреляльчика. Нашего лазутчика они заметили, но стрелять не стали, а один из них поднялся и показал Ботану кулак.

Ботану этого хватило. Он сказал, что кулак был большой и очень убедительный.

Теперь мы все лежали животами вверх и смотрели на небо (за исключением Секты: она мирно дрыхла).

Первым нарушил молчание Кроль.

– Думаю, у нас есть шанс выжить.

– Это греет, – откликнулся на приятное известие я. – И откуда такой оптимистический вывод?

– Не хотят они нас убивать, – сказал Кроль. – Хотели бы – убили. Подошли и сразу контрольный в голову, без промежуточной пальбы.

– У нас есть сапёрные лопатки. Можем обороняться, – неуверенно возразил Ботан.

– Вот не надо ля-ля, – поморщился Кроль. – Лопатки против винтовок – это, конечно, круто, но ненадолго.

– И что ты предлагаешь? – спросил я.

– У меня два предложения. Оба сумасшедшие, но могут прокатить. Первое: пойти на переговоры с этими типами. По крайней мере, сможем выяснить, чего от них ожидать. Второе: забраться на стену и попытаться позвонить оттуда. Вдруг получится. Нужны добровольцы. Минус моих предложений: возможен смертельный исход. И в том, и в другом случае.

– Ну, блин! – Ботан вспомнил ненормативную лексику, никогда не используемую в нашей компании из уважения к Лёльке. – А иначе никак?

Ответа от Кроля мы не дождались и замолчали, обдумывая сказанное им.

Предположим, у осаждающих масса времени и ещё больше терпения. Так и сидеть среди кирпичей? Кстати, минералку уже всю выпили, а журчания ручья что-то не слышно. Тут и от жажды помереть можно. Хорошо, если осадку снимут. Ну, надоест им. Встанут и уйдут не спеша, тихо ёлками шурша. Если повезёт. А до этого сидеть в полной неизвестности, ожидая с минуты на минуту расправы? Не хочу.

– Хорошо, я в принципе согласен, – сказал я. – И у меня есть встречное предложение: использовать сразу два варианта. Один из нас пойдёт договариваться и отвлечёт внимание, второй полезет на стену звонить. Я пойду сюдой, на стену. Я там уже был. Надеюсь, никто не возражает? А кто пойдёт тудой, на переговоры, решать вам.

«Сюдой» и «тудой», свистнутые мною из «Ликвидации», вызвали улыбки на лицах Ботана и Кроля. Всё-таки хорошо, когда есть общий и любимый фольклор.

Ботан, тяжело вздохнув, самовывдвинулся на парламентария. Тут было всё ясно. Секта, продолжавшая мирно сопеть под лопухом, отпадает безоговорочно: девчонку посылать на переговоры к людям, которые почём зря стреляют в подростков, нельзя ни под каким видом. Кроль может неподготовленного человека неприятно поразить своим белым лицом и красными глазами (прости, друг, но это факт!). Ботан, напоминающий одновременно плюшевого Винни-Пуха и Карлсона, не должен вызывать агрессию. Его хочется кормить плюшками, а не обижать. И у него больше всего шансов если не договориться, то хотя бы узнать о намерениях. Парень он головастый, язык хорошо подвешен. Это мы на себе не раз испытывали.

Кроль, как я его не отговаривал, разбудил Секту и рассказал о сложившейся ситуации и принятых нами решениях. Он считал, что она имеет право всё знать и, на всякий случай, попрощаться с нами. Кроль учёл всё, кроме одного: количества слёз у одной отдельно взятой особы женского пола.

Но Лёлька не была бы той зачётной девчонкой, которую мы знаем и любим, если бы слезами всё закончилось.

Ботан собирался идти на переговоры, подняв над головой огромный лист лопуха (несерьёзный человек, что с него возьмёшь!), но Секта стянула с меня синюю футболку, точнее, её лохмотья, и надела на себя, а свой белый топик отдала ему.

Привязав топик к какой-то кривой палке, найденной среди кирпичей, Ботан некоторое время размахивал им, не поднимаясь с земли, а потом встал и сделал первый шаг. Пожалуй, мы могли смело

поручить это дело Кролю, потому что Ботан от страха стал такого же белого цвета.

Мы шутим, но нам реально страшно. Мы не знаем, как вести себя в такой ситуации.

– Не стреляйте! – кричит Ботан. – Прошу вас! Нам надо поговорить!

Они не стреляют. Мы с Ботаном договорились: если он увидит, что стрелки отвлеклись на него, то крикнет: «Всё нормально, ребята!» И тогда я пойду на стену. Не раньше.

Я стою на низком старте, прислушиваюсь.

Секта и Кроль тоже затаили дыхание.

Слышны голоса. Слов не разобрать, но говорят несколько человек.

И вот оно: «Всё нормально, ребята!»

Ботановский зычный голос. Год назад у него прорезался бас.

Лезу вверх. Отличная мишень на фоне голубого неба. В карманах джинсов и за поясом – три смартфона и Лёлькин простенький мобильник. Мне ничего не нужно, кроме удачи и связи.

Не хватает смелости встать на стене в полный рост, прижимаюсь к выветренным кирпичам.

Смартфон, подарок отца. Давай! Давай! Есть!

– Папа, это я, Дан. Послушай, не перебивай, пожалуйста! Тут такое дело...

Наверно, было в моём голосе что-то, заставившее отца слушать, не перебивая.

– Хорошо, сынок. Не волнуйся. Я всё понял. Вы там не геройствуйте, но, если придётся туго, защищайтесь.

– Пап, ты маме ничего не говори.

– Я тебя сначала выпорю, а уж потом отдам в руки мамы. Индиана Джонс из Хацапетовки. Так, теперь к делу. Высылай фото и видео. Попробуй заснять тех, с кем говорит Женя.

Какой Женя? До меня с трудом доходит, что отец говорит о Ботане. Да, плохо моё дело, забываю имена друзей.

Так, готово.

Слышу, как отец ходит по комнате, скрипнуло кресло, зашуршали бумаги.

– Нашёл. План местности и схема бункера, так? Теперь ещё раз повтори, как до вас добраться от шоссе. Просёлок и...?

Объясняю. Отец слушает, уточняет.

Вот странно. Ничего не изменилось. Я лежу на стене, распластавшись на кирпичах, как перегревшаяся ящерица; внизу Лёлька и Кроль нервы на кулаки наматывают; в ёлках Ботан договаривается с неизвестными.

И далеко не факт, что мне удастся спуститься незамеченным. А я не боюсь. Мне спокойно. Словно всё плохое уже осталось позади.

Вслушиваюсь в голос отца. Сейчас слезу со стены, и связь снова пропадёт.

Спускаюсь вниз. Руки, голый живот и грудь расцарапаны о камни так, словно я с кошками дрался. Лёлька, смеясь и плача одновременно, целует меня. За такую встречу я готов снова лезть на стену. Шутка. Отчасти.

Кроль хлопает меня по плечу. Чёрт, больно же!

Пересказываю разговор с отцом. Уже закругляюсь, когда со стороны ёлок раздаётся голос Ботана:

– Ребята, я возвращаюсь!

Идёт, машет Лёлькиным топиком, даже отсюда видна его довольная физиономия.

Ботан уже миновал каменистую плешь, отделяющую мелкую лесную поросль от кирпичных завалов разрушенной кирпичи, когда мы сначала услышали вскрик, а потом увидели, что он падает, словно споткнувшись.

Я так и подумал: споткнулся. Только Секта закричала и бросилась к Ботану.

Не могу сказать, о чём я думал, когда выскочил из-за укрытия и скачками помчался вперёд, по дороге толкнув Секту в спину так, что она распласталась на земле. За мной рванул Кроль, оступаясь на кирпичах и чертыхаясь. До Ботана мы добежали ноздря в ноздю.

Он лежал лицом вниз, на правом плече быстро расплзлось красное пятно. И это был не кетчуп. Наклонившись, я стал переворачивать Ботана на спину. К моему облегчению, он застонал и зашевелился, пытаясь подняться.

И тут прямо над моей головой заорал Кроль:

– Лёлька, лежать! Стреляют!

Меня он просто долбанул кулаком по спине, и я рухнул на землю рядом с Ботаном. Уже лёжа, я приподнял голову и взглянул в ту сторону, где была Лёлька. Надо знать Секту. Конечно, она не послушалась и ужиком поползла в нашу сторону. Военные пластуны могли бы обзавидоваться такому безупречному продвижению по пересечённой местности.

Ура, мы воссоединились! Четыре караса на сковородке. Неслышные пули вышибали фонтанчики земли вокруг нас.

В смерть всё-таки не верилось.

Ботану Лёлька перевязала плечо топиком. Мы предприняли попытку повторить героический подвиг Секты и отползти к развалинам.

Фонтанчики земли стали ближе. Эти сволочи развлекались!

– Женька, о чём вы там говорили? – спросил Кроль, тоже вспомнивший имя Ботана. – Мы видели, ты возвращался довольный.

– Они сказали, что ничего нам не сделают. Просто мы должны до утра оставаться здесь, пока не вывезут ящики, – губы у Ботана посинели, но говорил он вполне внятно. – Кофе из термоса угостили, бутерброд с колбасой дали, гады! Мне же надо

было их отвлекать. Несколько историй рассказал про поиски кладов. Они слушали, как нормальные люди. С интересом, даже переживали. Там три человека с винтовками, не снайперскими, обычными, но на них ещё такие штуки навинчены, глушители вроде. И, как я понял, ещё несколько человек в бункере. Я сел на поваленное дерево так, чтобы они повернулись спинами к развалке. Получилось. Увидел, как ты, Дан, спустился вниз. И меня как выключили. Сижу, молчу. Один из них, качок такой бритый, сказал: «Ты, пацан, иди к своим. Не оглядывайся». Я и пошёл. А они выстрелили мне в спину.

Ботан шумно втянул носом воздух, но не заплакал. Чтобы как-то отвлек его, я рассказал о разговоре с отцом. Он порадовался, но я видел, как быстро радость сменилась сомнением, которое чувствовали теперь и мы все: успеет ли прийти помощь. Не будет ли слишком поздно?

Мы снова и снова пытались отползти к спасительным развалинам, но с каждым нашим крошечным продвижением фонтанчики приближались, становился слышен свист пуль.

Стрелкам начинала надоедать игра. Я взглянул на Лёльку. Слёзы наполняли её синие глаза и стекали быстрыми ручейками по чумазым щекам.

– Всё будет хорошо, Лёлька, – сказал я, совершенно не веря своим словам. – С нами всё будет хорошо. Мы выберемся.

– Ага, – прошептала она и тоже не поверила.

Кроль вскрикнул и выругался. Пуля задела его левую руку, когда он в очередной раз попытался ползти.

Я приблизился к Лёльке вплотную, стараясь отгородить её от стреляющих. Нет, у меня даже мысли не было ни о каком самопожертвовании, просто я был значительно крупнее и... А, ладно, была такая мысль! Не то, чтобы нечто, чётко сформулированное, а, скорее, инстинктивное желание защитить близкого человека.

Мы понимали, что счёт пошёл уже не на минуты, на секунды. И особого выбора у нас не было.

– Бежим?! – не то спросил, не то приказал Кроль.

Мы вскочили. Впереди меня мчалась Лёлька, почти не касаясь ногами земли. Справа носорогом пёр Ботан, придерживая правой рукой простреленное плечо. Зигзагами неслись Кроль, матерясь так, как я никогда от него не слышал раньше. А я... что я? Тоже бежал, видя перед собой только одну цель – кирпичный завал под стенами кирпичи.

Мы уже почти добежали до укрытия, когда земля подскочила под нашими ногами, и оглушительный грохот накрыл нас с головой. Потом был ещё один толчок такой силы, что мы повалились, как сбитые кегли. Где-то в ёлках орала люди.

Ещё взрыв и всё стихло. Совсем всё: ни грохота, ни птиц, ни человеческих голосов.

Когда я поднялся, мне показалось, что земля плывёт под моими ногами, а в ушах стоял тонкий звон, словно комары зудели над головой.

Мы стояли кучкой, поддерживая друг друга и не задавая глупых вопросов типа, «что это было?».

Взорвались мины в бункере. Те самые, «лишние», ящики.

А потом мы пошли. Хотите – верьте, хотите – нет, но мы отправились к бункеру. О своих несостоявшихся убийцах даже не думали. Понимали, что им сейчас нет до нас дела.

Новых взрывов мы не боялись, догадывались: рванул весь минный запас бункера. И чем ближе походили к этому месту, тем виднее становился масштаб разрушения.

Сначала ели стояли, слегка накренившись, потеряв всю свою сухую хвою; потом они уже лежали, завалившись друг на друга, словно шархнули от взрыва; и наконец от старого леса остались только расщепленные стволы, над которыми курился и опадая серый туман.

И посреди лесоповала – огромная воронка, из которой торчали куски железобетона с перекрученной арматурой.

Я подумал, что для такого мощного взрыва нужно было гораздо больше взрывчатки, чем мы видели в бункере с ящиками. Кролю тоже пришла в голову эта мысль, и он сказал:

– Не слабо рвануло! Мы же не весь бункер прошли. Там, наверно, были и другие помещения. Это вообще мог быть склад боеприпасов, только приспособленный для временного хранения ящиков.

– Скорее всего, – согласился я. – Немцы же не предполагали, что уходят навсегда. Тогда бы они всё вывезли, а не прятали ящики по всяким схрамам.

– Накрылся клад, – резюмировал наши рассуждения Ботан.

– Ну, хотя бы сами живы остались, – утешила нас Секта.

Стало грустно. Столько трудов и переживаний, были на волоске от смерти, Ботан и Кроль получили боевые ранения, а оказались пустые хлопоты.

И в эти минуты я подумал об отце и похолодел. Нет, под взрыв он не мог попасть, потому что должен был сначала выйти к развалинам, откуда я ему звонил. Но, по времени, он должен был быть уже на подходе к нам и, значит, слышал взрыв. Даже не представляю, о чём он подумал и что почувствовал. А если уже вышел к кирхе, а меня и ребят там нет... Жуть! И не созвониться. Связи здесь, внизу, как не было, так и нет.

Ой, мама дорогая! Я схватился за голову и принялся раскачиваться, как китайский болванчик.

Думаю, о чём-то схожем размышляли и другие, судя по печальным физиономиям. Мы были

так потрёпаны (я не говорю о ранениях), что отговориться пустяками от родителей не удастся. Они нам ещё покажут небо в алмазах.

Мои печальные размышления прервала Секта, закричавшая откуда-то издалека:

– Эй, идите сюда! Смотрите, что я нашла! Скорее!

Она прыгала на толстом стволе сломанной ели и махала нам руками.

Если Секта требует внимания, это всегда по делу. Так оказалось и на этот раз.

На земле, под защитой упавшего ствола, лежал плоский ящик, тот самый, с картиной Лукаса Кранаха. Крышки не было, и Мартин Лютер хмуро глядел на развороченный лес.

Видимо, наши враги-конкуренты успели кое-что вытащить из бункера прежде, чем рванули мины, или что там ещё было.

Мы забегали кругами, в азарте поиска с трудом увёртываясь от расщепленных стволов и веток. Ящик с серебром попал под удар, и его содержимое раскидало по земле, но кое-что нам удалось собрать: пару кубков, лопатку для торта. Двухзубую вилку взрывной волной вогнало в еловый ствол. Секта воодушевлённо размахивала найденным подносом, и солнечные зайчики отбивались от его поверхности и прыгали нам в глаза.

Нашли ящик с янтарными панелями, но от них почти ничего не осталось, так, маловразумительное крошево. Кроль вытащил из-под упавшего ствола обрывок картины с куском рамы и железку, похожую на браслет со змеиными головами. И это всё, что мы нашли на тот момент.

Было не очень понятно: найденное нами – это единственное, что уцелело после взрыва, а может быть, другие ящики или только их содержимое перенесли дальше и погрузили на какой-то транспорт.

Ботан в поисках участия не принимал, ранение было нешуточным. Сидел, привалившись к стволу ели, смотрел на нашу беготню. При других обстоятельствах мы, конечно, попытались бы отбуксировать его к дороге, но сейчас ждали моего отца и очень надеялись на помощь.

Ботан вспомнил трёх весёлых стрелков, напивших и накормивших его, а потом выстреливших в спину. После взрыва они убежали первыми, но к бункеру, по-видимому, так и не вернулись. И хорошо, только их и не хватало на этом развале.

В какой-то момент ему надоело сидеть, он встал и осторожно приблизился к воронке, ещё недавно бывшей бункером. Конечно, там ничего не могло сохраниться, всё было разорвано в клочья, стёрто в порошок. Ботан философски поразмышлял о том, что человечеству придётся распрощаться с картинами Рембрандта, Брейгеля-старшего и Хальса; пообещал себе посмотреть репродукции картин в

книгах по искусству, ну а если будет лениво тащиться в библиотеку, то в Интернете.

Ботан ещё раз посмотрел на нагромождение железобетона и собрался уже возвращаться к насиженному местечку под ёлкой, как вдруг между двух вставших дыбом глыб заметил какое-то яркое цветное пятно, похожее на большой кусок ткани. Остроты зрения ему не хватило, чтобы понять, что это такое, и он позвал Секту.

Она прискакала, нежно прижимая к себе поднос. Смотрела так и сяк, по-птичьи наклоняя голову, отчего напонила Ботану курочку, пытающуюся углядеть зерно в куче известного чего. Наконец махнула рукой и полезла вниз, оступаясь и взвизгивая. Только тут до Ботана дошло, что он отправил девчонку в центр взрыва, в скопление разбитых плит, неизвестно на чём и как держащихся.

– Ой, идиот! – застонал он и принялся звать нас.

Когда я увидел, куда полезла Лёлька, хотел врезать Ботану по затылку, но сдержался. Раненый всё-таки.

Мы с Кролем быстро настигли Секту. Я потащил её обратно, несмотря на активное сопротивление, А Кроль отправился дальше – исследовать загадочный предмет.

Ждали его недолго. Он вернулся быстро, мрачный и без трофея.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросила Секта. – Картина?

– Почти. Человек, вернее то, что от него осталось. Жуткое зрелище, – Кроль передёрнулся. – Такое только в кино видел.

– Дан, может быть, пойдём навстречу твоему отцу? Стрёмно здесь как-то, – Ботан держался за раненое плечо. – Может, они не все погибли в бункере и ещё вернутся? Пошли?

Кто бы возражал? Двинулись в обратный путь через поваленные елки. Я извлёк из ящика картину Кранаха и нёс её в руках, завернув в ткань, в которую она была упакована. Секта тащила свой любимый поднос и остальную серебряную фигуру, постоянно что-то роняя. Кроль тянул на себе самое дорогое – Ботана, еле передвигавшего ноги.

Мы так устали, что почти не заметили появление множества одетых в тёмное фигур. Они быстро проскакивали мимо нас и устремлялись дальше, в сторону бункера. Двое остановились возле Кроля с Ботаном, обменялись несколькими фразами, подхватили нашего раненого друга и, как трудолюбивые муравьи, потащили с собой. Надеюсь, у них есть поблизости «Скорая помощь» или что-то вроде. Царапину Кроля они вниманием не удостоили.

Я так внимательно смотрел под ноги, опасаясь споткнуться и полететь на расщеплённые стволы

деревьев, что буквально воткнулся в отца, вставшего у меня на дороге.

– Тебя что, собаки драли? – спросил он вместо приветствия.

– Папа, – сказал я с плаксивыми детсадовскими интонация типа: «Папа, заberi меня домой! Мне здесь не нравится!» – Я так тебя ждал.

– Я торопился, сын, – он обнял меня за плечи. – Очень торопился.

– Хорошо, что всё кончилось, – это Лёлька подошла и тоже пристроилась в объятия к моему отцу.

– Не думаю, что всё кончилось. Кое-кто явно захочет с вами пообщаться, – хмыкнул отец. – Не каждый день прогулка подростков по лесу заканчивается падением Тунгусского метеорита.

Кроль стеснительно маячил в стороне, не решаясь упасть в родственные объятия.

Всю обратную дорогу мы – я, Лёлька и Кроль, проспали на заднем сидении отцовского джипа. Без сновидений.

В принципе, так всё и закончилось. Спецназовцы, пришедшие с отцом, обнаружили на просеке синий грузовой микроавтобус «мерседес», пустой, ни людей, ни груза. Наверно, они погибли, когда ещё только начали выносить ящики.

Не нашли и трёх стрелков, хотя Ботан ещё долго ходил в полицию, описывал их, смотрел бесчисленные фотографии. Он так вошёл во вкус всех этих полицейских расследований, что у нас возникло подозрение: не собирается ли наш Ботан стать сыщиком. А что, было бы клёво! Конечно, гоняться за преступниками по улицам – это вряд ли, а вот судебная экспертиза со всякими техническими заморочками – в самый раз для него. Кстати, на снимках и видео, которые я делал со стены кирпичи, видны только спины стрелков и вдохновенная физиономия Ботана.

Секта мужественно перенесла расставание с подносом, но, томимая грустью, некоторое время ходила к нему на свидания в музей, где он был выставлен в разделе «Декоративно-прикладное искусство XVIII века». Я часто вспоминал заросший травой просёлок и цветок липы в волосах у Лёльки. Влюблённость никак не проходила и даже перешла в хроническую форму, сильно затруднив для меня дружеское общение с Сектой.

По глубокому убеждению Кроля, в лесу ещё оставались ценности из ящиков, разбросанные взрывом. Он пытался уговорить нас на поиски, но мы сказали ему, что у нас открылась аллергия на ёлки. Кроль хмуро выслушал наши жалобы и сказал, что эту аллергию он нам припомнит на Новый год. Да, пожалуй, мы останемся без натуральных ёлочек. Печально.

Надо сказать, Кроля наше дезертирство из рядов искателей сокровищ не остановило. При каждом удобном случае он отправляется в лес. И, представьте, кое-что находит.

Картину Лукаса Кранаха увезли в столицу; только мы её и видели. Не сделали про нас и сенсационного телерепортажа. Компетентный дядя пригрозил пальчиком и посоветовал молчать. Это трудно или, как сказал бы Давид Гоцман: «Это больно!»

Чуть не забыл. Я же говорил, что отомщу Дайдесятку, и мстят моя будет ужасной. Не срослось. Он так талантливо впал в маразм, что его не смогли расколоть даже следователи, пытавшиеся узнать, кому он продал копии бумаг. Когда же я, подловив бомжа у мусорного контейнера, пообещал пригласить во двор его старых знакомцев, он свёл глаза в кучку и сказал, что кое-что знает о затопленном в заливе корабле викингов – драккаре и святилище древних пруссов в Ромово. Я открыл и снова закрыл рот, а Дайдесятку ухмыльнулся и подмигнул.

И последнее. В пазлах-отступлениях я рассказывал о друзьях и даже об этом лишенце, бомже Дайдесятку, но совсем упустил из виду самого себя.

Хотя, положи руку на сердце, рассказывать мне особенно нечего. За исключением этой случившейся вдруг кладоискательской лихорадки, со мной не происходит ничего экстраординарного. Если я захочу изобразить свою жизнь в виде линии, которую чертит кардиограф, то получится та самая картинка, при которой медики в американских фильмах заполошно кричат: «Мы его теряем!» и начинают бешено метаться, устрашающе потирая утюги дефибрилляторов.

Ровненько так живу, но не особенно огорчаюсь по этому поводу. В конце концов, вся жизнь впереди, и многое может измениться.

Ирина Моргулёва

ФЕЙСБУЧИНКИ

...
Села поудобней
Потому что – на диету
...
Ещё не вся диета
Съета
...
Диета: с завтрашнего дня –
До послезавтрашнего дня
...
Кто бы ни провоцировал на грубость,
Оставайся всегда внаглую вежливым
...
Философские камни
На дороге не валяются
...
Баба живёт полной жизнью –
Брови красит...
...
То ли мало времени,
То ли много лени
...
Женщина я выдержанная:
Пять звёзд
...
Чем книга умнее,
Тем она противозачаточнее...
...
Блондинки предпочитают супру.
Потому и блондинки
...
С утра люблю весь мир.
К обеду отпускает.
...
Сна ни в одном глазу.
Может, сходить к окулисту?
...
Политическая фрикция
...
Кто помнит: мы для счастья рождены?
...
Одиночество – это когда за стенкой
Ржут чужие люди
...
Ну почему: когда ты замужем,
Все подруги – холостые.
А когда наоборот –
То наоборот...
...
Можно выпить, когда очень хорошо.
Иначе будет очень плохо...

...
Ни дня без ночки...
...
Если в голове – каша,
То хорошо бы – с маслом...
...
Красота требует... жуть...
...
Красота требует...
И требует, и требует...
...
Не ври: уже всё соврано
...
Будет утро –
Будет сон...
...
На душе арбузно.
Осень...
...
Предаст –
И не придаст значения...
...
Люди энд джентльменз...
...
Лжентельмен
...
Бабники себе не изменяют
...
Он не такой...
Он – никакой...
...
Жизнь – это то, что мы из неё лепим.
А скульпторы мы, надо сказать, никудышные...
...
Все будет так или иначе.
И не иначе...
...
Кто-то пьёт от счастья, кто-то – с горя.
И то, и другое – не фонтан.
И, все-таки, разный эффект на лице...
...
Влюбился Аппетит в Обжираловку.
И потерял аппетит.
...
Даже некогда на грабли наступить...
...
Приятно, если ручку вам
Целует дилетант...
...
Созрела – падай...

...
СоВрать улики...
...
– Сережа, на кого ты хочешь выучиться?
– На миллионера.
...
– Приглашаю вас на чашку коньяка...
Ой: на рюмку чая...
...
Тётки в магазине
Облаяли мою собачку
...
От уважения до любви порою целая дружба...
...
Так складывается жизнь,
что запиваю коньяк томатным соком...
...
Опошлят всё:
Чтоб всем хватило...
...
Не на всякого хочется тратить слова
...
Лето выпито и съето...
...
Стакан наполовину – ста...
...
Ну какое же оно сухое –
Это красное вино!!!
...
От бокала вина развезло:
Аж до самого дома...
...
Нас с собакой не пустили в ресторан.
Нелюди...
...
Мелодрёма
...
Завтра снова накроют дела.
Вопрос: чем?
...
Не пусто, но легко...
...
Пойду – выйду без косметики:
Пусть знают...
...
Никогда не надеваю масок:
Душно...
...
В общем-то, в жизни всё просто.
Просто мы непростые...
...
Под бой курантов начала новую жизнь.
Назавтра решила продолжить старую.
...
– Фотографиуй ты уже!
– На заднем плане – люди...
– Да плевать: люблю людей!

...
Есть места, где ждут всегда.
Лучше туда не ходить...
...
Есть повод напиться,
Но нет желания...
...
Со мной ссориться –
Одно удовольствие...
...
Утром Серенька заходит на кухню:
– Ма, что поесть?
– Курица и овощной салат.
– А нормальной нет еды?
– Что бы ты хотел?
– Денег.
...
Хамон – на оба ваших дома!
...
То бабочка – в окно,
То пчела – в туфельку.
Лето...
...
Путник (а лучше бы спутник) в ночи...
...
В жару на море тень
Особенно сближает...
...
Вот стою я у зеркала – вся из себя.
А вокруг – понедельник...
...
Полчаса как наблюдаю картину:
Юноша стоит на солнцепеке.
Девушка по-хозяйски расположилась
в его тени.
Любовь...
...
Дома забыла выключить воду.
Но возвращаться не стала:
Дурная примета...
...
Иногда не пушают – и всё.
Всё равно куда.
Лишь бы не пущать...
...
Порою быт сближает.
Но чаще – сталкивает...
...
Только вышла из отпуска,
Работа, прям накинута...
Обнялись...
...
Личность он разносторонняя:
Вчера – ликер,
Сегодня – водка с пивом...

...
 На приёме у врача.
 – Дышу на ладан.
 – Дышите глубже...
 ...
 Когда бы я вас не любила, то спала б...
 ...
 Оговорка по лету:
 На берегу... дома...
 ...
 Гурмановид
 ...
 Что да,
 То нет...
 ...
 – Девушка!
 Где девушка?
 ...
 Отдых – это когда
 Ты никому ничего не должен.
 Только себе...
 ...
 Так легко сказать: «Прости».
 А простить – легко сказать...
 ...
 Я вспомнила – я вас не знаю.
 ...
 В голове сегодня... только мысли...
 ...
 Женщина спросила у кукушки:
 Сколько денег ей осталось...
 ...
 Видавшие виды очки...
 ...
 – Ты кто вообще?
 – Я летчик!
 – Докажи!
 – Как?
 – Полетай!
 ...
 ПАЛИТРА водки
 ...
 Пьяная, весомых достоинств тётенька
 Прижалась к выразительному дубу
 И медленно, и несексуально
 Сползает по дереву...
 ...
 Заказала глинтвейн.
 Есть подозрение,
 Что при его изготовлении
 Ни одно спиртное не пострадало.
 ...
 Ещё немного съем –
 И будет много.
 ...
 Ну как привычки
 Могут быть вредными...

...
 Отдых – это вам не отдыхать...
 ...
 Ненависть – затратная фигня...
 ...
 Не ждите радостей от жизни –
 Она ждёт радости от нас...
 ...
 Наверно, буду спать...
 Но если что...
 ...
 Вкусно переел...
 ...
 Поржать про пожары
 ...
 Ему 50, и он холостяк.
 И вот наконец он решил...
 Никогда не жениться...
 ...
 Я к вам пишу...
 А к вам ли я пишу...
 ...
 Мне грустно оттого,
 Что «весело» устало.
 ...
 Человек – это звучит... именно так...
 ...
 Красиво жить –
 Не каждый день...
 ...
 Соседа снова сытно напоили.
 ...
 Фантазёрам даётся любовь без труда
 ...
 – Скорее обижайся: мне пора...
 ...
 Где эта легкость?
 Или, хотя бы – та?
 ...
 В мужчине должно быть мужское молчало
 ...
 Мужчины меня боятся.
 Не боятся только наглецы.
 Наглецов боюсь я...
 ...
 Мы из разного текста
 ...
 Из разного мы теста. Блин...
 ...
 Люблю людей. Но их поступки...
 ...
 Куда бы пойти от бедра?
 ...
 Исполненный чувства собственного достоинства
 Официант выдал каждому посетителю
 по зубочистке

Дмитрий Воронин

ВОРЫ

Геннадий Михайлович Авилов привечал гостя. Ещё вчерашним вечером, когда огромный красный диск холодного мартовского солнца только только скрылся за горизонтом, у новосельцевского подворья заплескал свет автомобильных фар.

— Кого ж на ночь-то глядя к нам занесло? — стоя на крыльце, тревожно вглядывался в другой край Филипповки Авилов. — Никак воры к Сане за поживой наехали. Вот ведь нехристи, совсем уж без страха живут, почти в открытую безобразничают. Спугнуть бы как, — и Геннадий Михайлович протянул руку к выключателю.

Через мгновение его сторона деревни ярко осветилась множеством мощных ламп, развешанных тут и там вокруг авиловского участка. А ещё через минуту в кармане рабочей куртки, второпях брошенной на плечи, зазвонил мобильник.

— Ген, ты дома?

— Саня, ты, что ли?

— Я, Ген, я. Вот приехал кое-чего забрать для дела, а тут, понимаешь, света в хате нет, и наладить не могу, в темноте не понять, в чём причина. Ничего, если до тебя доскочу? Хоть руку пожать.

— Так это, ещё спрашиваешь! Конечно, давай заезжай, — обрадовался неожиданному гостю Геннадий Михайлович. — Только, это, осторожней дамбой смотри, тут у нас бобры безобразят, в нижнем пруду хатку сподобили, а может, и не одну. Есть там среди них один, видал его пару раз, зверюгу, варнак варнаком. Так, паскуда, дамбу пробил точняк посередке, что вода наполовину из пруда сошла. Там земля ползёт, поостерегись гнать-то, помаленечку езжай, с оглядкой, а то, не ровён час, скувыркнёшься в откос.

— Хорошо, Ген, учту. Сейчас и подъеду.

Ну а уж Геннадий Михайлович гостя не упустил, сосватал у себя ночевать. Саша Новосельцев гость всегда желанный, с почтением человек, и слушатель на Генины байки, каких ещё поискать. Да и гармонист забойный. Как растянёт свою двухрядку да песню родную, добрую, русскую запоёт, слеза сама накапывает. Геннадий Михайлович слёз таких не стыдится, поёт песню, плачет и смеётся потом — как хорошо-то душу отмыл!

И в этот раз Александр в самый раз в Филипповке оказался. Авилов-то уже совсем заkis было, почти всю зиму проведя в одиночестве в деревне. Ну, бабка Марина не в счёт. Что с неё, сидит в доме у себя, на улицу нос не высовывает. Только разве когда в морозный солнечный денёк выйдет во двор поправить что-нибудь. Где штaketину набьёт, где

снег чуток отгребёт с порога, на большее и сил-то нету. А поговорить с ней надумаешь, всё без толку, молчит да хмурится. Геннадий Михайлович, конечно, ей в зиму помощник первый и снег раскидать, и калитку, сорванную ветром, приладить. Когда дров принесёт, печку растопит, это если бабка Марина болеть налаживается. Тут и за лекарством на центральную усадьбу к фельдшеру, а то и за самим фельдшером на своей «Ниве» мотаться приходится. А так Филипповка пуста. Народ только в лето деревню заполняет. Ну что с него возьмёшь, одно слово — дачники.

Саша Новосельцев тоже из чудных. Приедет к себе по весне, грядку вскопает, навтыкает туда лук-чеснок, а летом ходит, любителю, руки от удовольствия потирает.

— Ген, смотри, какой у меня урожай-то нынче наметился, — хвастает Авилову наливающимися луковичками знатный огородник.

— Да уж, — подыгрывает ему Геннадий Михайлович, — как раз по одной на каждый месяц. До следующей весны точно хватит. Проживёшь.

А по правде-то Новосельцеву недосуг землёй заниматься. Он всё больше пишет чего-то днями напролёт, а то и ночами свет в окошке подолгу горит.

И остальные дачники такие же. Одни песни поют-перепевают, другие картины рисуют. Вот Николай Климов, к примеру, спозаранку уже на крыльце. Ноги дальше не ходят, так он сядет на свой табурет и давай Филипповку срисовывать. И так он её родимую выписывает, что любо-дорого. А Андрей Непряхин, тот всё по полям да перелескам бегаёт. У него-то с ногами полный порядок, вот и гоняет, как чумной. То в одном месте с кисточками да красками возникнет, то в другом объявится.

А некоторые на гармони играют, но всё больше на гитарах.

Короче, летом в Филипповке весело, и ежу понятно, а вот зимой... И в особенности к апрелю, когда снег плывёт, а поля от льда отходят. По дорогам в это время ни пройти ни проехать, и в деревне потому полный «гитлер капут» наступает.

Вот Новосельцев в такой момент и рискнул.

— Я уже было подумал, что воры пожаловали, в такое время больше некому, — улыбался гостю Геннадий Михайлович, разливая по стопкам привезённую Новосельцевым водку.

— А что, наезжают, Ген?

— А то. По раз пять-шесть на месяц.

– Что-то часто больно, Ген?

– Почто часто-то, не часто вовсе. Нормально. Сам посуди. Вокруг Филипповки сколько полуброшенных деревень? Давай считать. Сосновка – раз, Ольховка – два, Речка – три, Конюховка – четыре, Пятихатовка – пять, Румяшино – шесть. Вот тебе с каждой в месяц по разу и объезд как на смотрины.

– Так неужто в каждой деревне воры живут?

– Ну так что ж, живут, как не жить. Колхозов нынче нет, хозяйства – где как, да и берут только твердых, что к делу приучены. А молодёжи что, коль ни специальности, ни работы? Вот только и воровать. Вот оне и воруют. У себя в деревне да у соседей. А у нас в Филипповке уж само собой. Пусто же зимой, сам знаешь, нет никого. А в начале-то весны так и вовсе им благодать, и милиция не рискнёт в такую-то кашу-малашу.

– И не страшно тебе, Ген?

– Так чего не страшно, страшно порой. Но Бог милует. Ныне под Новый год наехали на двух машинах уже к вечеру. Вышел к калитке, а оне на меня: «Ну что, старый, деньги маешь, пенсию получил?» – «После праздников обещали, сынки», – отвечаю. «Брешешь, старый, – и по матерному на меня. – Кто там у тебя ещё, может, у них что есть?» А у меня на тот момент во дворе две машины стояло – «Нива» моя верная да женин «мерс» лупоглазый, сломался перед её отъездом. Я Верку-то на своей вывез, а ейную машину потом откантовать решили, с оказией. Вот этот-то мерс и помог. Вижу, сомневаются оне что-то, ну как бы с опаской поглядывают на тачку забугорную. Я и сообрази: «В дому, – говорю, – прокурорские в гости за мёдом заехали, счас спрошу, есть ли при них для вас гроши какие». Такое сказанул и в сени – шмыг. А у самого душа в пятки. Счас как за мной ломанутся, а у меня нет никого. Вот уж будет тогда, мама не горюй. Я хоть и крупной мужик, сам знаешь, – показал свои пудовые кулачищи Новосельцеву Геннадий Михайлович, – но всё ж их-то аж семеро. Топор в руки взял, он у меня вон за той дверью завсегда стоит, и жду. Через минуту-другую с улицы моторы затарахтели, а потом смолкать стали издали. Храбрости набрался, вышел на порог, а их и след простыл. Только на взгорке, что на Конюховку выходит, свет от фар мелькнул.

– Да уж, Ген, – пришёлкнул языком Новосельцев, – выкрутился ты. Спугнул их знатно, сообразил. Потом-то не приезжали?

– Кто их знает. Может, и приезжали, но к моему дому не лазали.

– Получается, Ген, что не так уж сильно и тревожат вас тут эти воры, всё больше, видать, по пустым дворам шарятся. Так?

– Так-то так, Сань, эти-то особо не достают – воруют, что плохо лежит да что не шибко дорогое, зато уж другие – о-го-го как!

– Это ж кто ещё?

– О-о, Сань, тут целая напасть приключилась. Приселился к нам Чубайс-лихоимец со своей бандой, будь оне неладны, и разоряет тут всё кругом.

– К-х, к-х! – закашлялся Новосельцев, поперхнувшись куском тушёнки.

– Ну да, – постучал Новосельцева по спине Геннадий Михайлович, – бобёр-варнак, про которого я давеча сказывал, со всей своей семейкой. Здоровый, гад, мордатый.

– А что Чубайсом-то ты его прозвал?

– Так как же не Чубайс? Именно Чубайс, больше никак. Наглый такой же, как тот, всамделишный, и варнак, каких поискать ещё. Разбойник натуральный. Ты вот, Сань, завтра с утречка-то прогуляйся по деревне, некоторых мест-то и не узнаешь. Вокруг прудков наших пройдишь, полюбуешься, что натворил, супостат, – раскраснелся от возмущения Геннадий Михайлович. – Воду с одного пруда уже наполовину спустил, где ты сегодня проезжал. Рыбы сколько из-за этого сгубил, выморил. А деревьев сколько сничтожил для своих запруд да хаток! Сплошной бурелом.

– И потому Чубайсом ты его?

– Ну а как? Смотри, Сань, вот тебе пересчёт, – стал загибать пальцы Геннадий Михайлович. – Тот Чубайс страну обмишурил своими ваучерами? Обмишурил. Хозяйство, что отцы, деды своим потом и кровью создали, пустил в распыл? Пустил. И наш Чубайс таков же. Мы тут эти пруды всей деревней копали, выстраивали, чтоб и вода для колхоза была, и рыба на столе, и отдых с устатку. Ни один год трудились, пока всё до ума довели. А этот лихоманец пришёл и в одну осень почти половину нашего труда сгубил. Это как? Мы сад кругом прудков садили, растили, а он со своей бандой тепереча всё кромсает, увечит. Ну как тот, настоящий, точная копия. Всё народное под себя подгрести и губят. Ломают ради своих прибылей, ради хаток-дворцов да утех-веселух. Да и в отношении простого люда... Смотри. Вот помнишь, когда всё в тран-тарары покатилося, сколько народу сгнуло? Тысячи тысяч, небось. Кто с пьянства да зелья всякого, кто от безнадёги, кто от нервов да болезней, а кто и от голода-холода. И у нас тут та ж картина. Наш-то Чубайс сколь рыбы сгубил! Знаешь, какой тут замор был по осени из-за упадка воды? Воняло с недели две на всю деревню, пока птицы да зверьё всякое всю эту гниль не прибрали. Так что верное у нашего варнака имя, самое то.

– А изловить пытались?

– Ну а как же! И капканы ставили, и ловушки, и в засаде с ружьём Иван Макуихин сидел, я его специально вызвонил. Уж он-то по бобрам спец спец, а и ему не совладать с Чубайсом оказалось. Только молодых изловили двоих, а Чубайса так и не

взяли. Хитёр варнак. И злой! Опасный, чёрт. Так он ещё и по подворьям повадился, то ли в отместку, то ли куражится. У кого яблоню-грушу сгубит, у кого к припасам приступится. Глаза завидующие; мало ему прудов, всю деревню подавай, хозяином тут себя выставляет. Ну ничего, я его всё равно подловлю! Не место Чубайсам на нашей земле.

– Ишь ты, как всё подвёл, – восхищённо присвистнул Новосельцев.

– А как, Сань? Эти ж воры всем вора воры. Страшнее-то их и нет никого. Супостаты-разорители. Простой-то вор скрадёт что, урон-то на день-другой. Через неделю или месяц, глядишь, и выправится. А этот, ты вот посмотришь, нагадил так, что и годы пройдут – не наладишь.

– Ты это про кого?

– Да про бобра своего, Чубайса.

– Гляди-ка, Ген, – рассмеялся Новосельцев, – он у тебя уже и свой.

– Ну а то ж, – улыбнулся в ответ Геннадий Михайлович, – чей же ещё. Свой, варнак, свой. Это тот, что в столицах, может, американский, а наш свой, не забугорный. Вот только как его известить, погубителя, пока придумать не могу.

– А ничего, Ген, не переживай шибко. Скоро лето, в Филипповку со всех сторон ребята наши съедутся, вот тогда всё и решим. Найдём на твоего Чубайса управу всем обществом.

– Вот и хорошо, Сань, вот и хорошо, – разлил по стопкам остатки водки Геннадий Михайлович, – всем миром-то мы его точно прищучим! Против мира-то он пшик один, не извернётся. Вот так бы и в стране, всем миром-то, а, Сань? Глядишь, и извели бы супостатов-лихоимцев под корень. Вот бы так-то! За это и по стопарику не стрёмно!

Наутро проснувшись и позавтракав доброй яичней с салцем, Новосельцев начал разговор о поездке в Румяшино на усадьбу известного писателя, как вдруг неожиданно перевёл тему.

– Ген, или мне показалось, будто проехал кто за окном?

– Не, Сань, не показалось, жигулёк проскочил.

– Жигулёк? – удивился Новосельцев. – А какой модели, Ген?

– Да вроде «пятёрочка».

– Это по такой-то дороге? Герои, видать!

– Да какие герои, Сань, – досадливо отмахнулся Геннадий Михайлович, – воры это обыкновенные.

– Да ты что, откуда знаешь?

– Знаю. Кому ещё тут надобно в такую пору. Я уж все их тачки давно вычислил.

– Так, может, в полицию сразу отзвонить?

– Да ну их! Нет смысла, Саня. Воры-то наши машины срисовали. Знают, деревня не пустая, лазать не будут. Уехали уже. А полиция... Так пока всколыхнутся, а то и вовсе не пошевелиятся. Им эти

ребята без интереса, что с них взять. Они ж и ташут-то рухлядь всякую на пару сотен рублей, чтобы на бензин да на выпивку хватило, хороших-то вещей на зиму почти никто не оставляет. Ты ж не оставляешь?

– Нет.

– Вот. А полиция только за теми гоняет, кто разбойничает да ворует по-крупному.

– Ген, если они только мелочь всякую воруют, то откуда у них машины?

– Чего ты, Саня, не машины, название одно! Так купили за копейки у пенсионеров каких, да и добывают их окончательно по нашим бездорогам.

Через час «Нива-Шевроле» Александра Новосельцева вместе с Геннадием Михайловичем выехала из Филипповки в сторону Румяшино. Машина шла полем, изредка заезжая в берёзовую лесополосу. Новосельцев выбирал участки, что не успели раскиснуть под весенним солнцем, и в то же время старался не заехать в сугробы, наметённые за зиму. «Ниву» постоянно бросало из стороны в сторону, и не мудрено – передвигаться приходилось то по прошлогодней пахоте, то по валежнику, скопившемуся у опушек и лесополос. Но Новосельцев мастерски вёл свой внедорожник. И вот когда до трассы оставалось километра два-три, путники одновременно увидели бордовый жигулёнок, плотно засевший в расплывшемся чернозёме по самое брюхо. Вокруг него бестолково сустились два молодых парня, уже сильно извозившихся в грязи.

– Во влипли, так влипли. Намертво! Без буксира тут ну никак. Помочь надо бы, – повернулся к водителю Геннадий Михайлович. – Давай, Сань, заворачивай.

«Нива» сбавила обороты и на тихом ходу осторожно подъехала к застрявшему старенькому жигулёнку.

– Чего, парни, завязли, гляжу, вы основательно. Это ж как вам в голову пришло в самую низину заехать, да ещё на такой машине? – обошёл жигулёнок Геннадий Михайлович.

– Да, понимаешь, батя, – обрадовались возможной помощи парни, – мы вроде и не гнали чтоб очень, но вон там, на взгорке, откуда вы подъехали, нас повело. Может, близко к краю подались, ну, и прямо на эту проталину вынесло. А нам нет чтобы тут же движок заглушить да лесин от полосы под колёса натаскать, так мы в обрат ещё и по газам. Ну вот, и полный аншлаг в итоге. Теперь таскай не таскай, один чёрт не поможет. Может, вы подсобите, а, отцы? Подтолкнёте чуток машинку.

– Не, сынки, – покачал головой Геннадий Михайлович, – толкать не станем. Вон мы в каких одеждах, по делу важному едем. А вас толкни -

назад возвертайся, мойся, переодевайся. Времени нету и желания.

– И что нам теперь? — сникли парни.

– Как что? Трос доставайте, на подцепе спробуем.

– Ох, точняк, батя, — засмеялся один из парней и повернулся к товарищу. — Колян, давай верёвку.

Колян открыл багажник и, с минуту погромыхав в нём, растерянно произнёс:

– А нету.

– Верёвки нету? — удивлённо уставился на него напарник. — Колян, я ж тебе ещё с вечера заказал приготовить. Припух совсем?

– Отвали, Андрюха, не накатывай! Я что, обо всём помнить должен? Это приготовь, то положи. Я тебе лох, что ли? Сам бы и налаживался, если такой умный. А то привык — Колян это, Колян то!

– Я так понимаю, нету троса, сынки, — насмешливо прищурился Геннадий Михайлович. — Что ж вы этак ездите по бездорогам и буксира не имеете? Эх, молодёжь, учить вас некому. Сань, доставай уж свой, чего теперь.

Новосельцев виновато развёл руками.

– Ген, так и у меня нет.

– Сань, да как же так, а? Я тут этих охламонов костерю, а ты тоже без башки едешь!

– А мне на Ниве-то трос зачем? Я и так вылезу.

– И как теперь-то? — загрустили парни.

– Ну как, как, — сдвинул на лоб шапку-ушанку Геннадий Михайлович, — а никак. Сидите тут да и кукуйте пока что, нас ждите. Мы сейчас до деревни проскочим — тракториста какого кликнем, к вам подошлём. А не будет трактора, так трос найдём и сами приедем. Только дела свои ещё сделаем. А не хотите ждать, тогда сами дотопайте до жилья, тут километра полтора до первой хаты будет, рядом почти.

– Не, батя, спасибо, мы подождём, — смахнул ком грязи с капота жигулёнка Андрюха, — вам скорее дадут, а нас могут и подальше куда отправить.

– Ну, тогда ожидайте, — закрыл за собой дверцу «Нивы» Геннадий Михайлович.

– Вы уж, отцы, про нас не забудьте там в суете, а то замёрзнем, как французы под Бородино, — донеслось вслед удаляющейся машине.

– Слыхал, Ген, замёрзшие французы под Бородино! — чертыхнулся Новосельцев. — Историки, итить их, чему в школе только учились!

– А может, и не учились, Сань, в школе-то. По ним видать, что на девяностые учиться-то выпало, а кто там на них внимание-то обращал. В других местах их уму-разуму учили, другую науку в головы им втолковывали.

– Так получается, что парни-то эти, те воры, которые мимо нас поутру проскочили?

– Ну, а кто ж ещё? Да и узнал я этого, которого Андрюхой звать. Он нынешней зимой несколько раз крутился по деревне, видал его.

– Так, может, того, Ген, ну их! Что, мы им обязаны, что ли? Сам говоришь, что воры, так и чего помогать.

– А воры что, не люди, что ли? Э, нет, Саня, надо помочь. А как же?

– Ген, так ты им поможешь, а они опять тебя за шкирятник?

– Не-е, Сань, не станут, у них тоже совесть своя имеется! Это ж не Чубайс какой, что вовсе без совести. У нормальных воров её никто не отменял. Да и что мы, не русские с тобой, что ли, а, Сань?

– Русские, Ген, конечно, русские!

– Вот то-то и оно, Сань, что русские. А какой же русский-то в беде человека оставит? Да ещё и своего же, такого же русского. Не по-русски будет! Так что поехали по-быстрому дела делать. А то ещё и вправду наши воры замёрзнут, к вечеру-то морозец студёным обещали.

Борис Бартфельд

* * *

Ангелы низко
летают сегодня.
Всевышний поводья
отпустил невольно.
Кругом непогоде,
свободны
и счастливы рядом
люди и ангелы. Дружно
смотрятся в лужи
нарядные.

* * *

Того, кто всех простил,
Но сам был не прощен
Не называй по имени, молчи.
Пусть робкие лучи
Ночных светил
Сперва ресниц коснутся.
Я нежностью её смущен,
Боюсь очнуться
В темноте один,
Среди руин,
Чьи кирпичи
Разбросаны повсюду,
Как отыскать ключи
От тех дверей, где чудо
Рождается в крови рябин.

* * *

Уметь прощать, велик ли дар?
Преодолеть в себе гордыню,
Смирненно голову склонить,
Сдержать удар,
Душою обмирая, стыть,
Дрожа от праведного гнева,
Хранить твердыню
Чести, но не позволить стать
Душе своей рабыней мести.
Прощать
Не через силу, а от любви
к ребенку, к женщине и миру.
Прощать,
Как воздухом дышать.

ФЕВРАЛЬ

Нынче робка, как дева, зима
то пришла, то ушла. Сиротливы дома
без пушистого снега,
но проклонется скоро
на вербе листва и в струях дождя
будет долго тянуться весна,
как бродяга вдоль озёрного берега.

Что поделать. Хоть жизнь коротка,
переждём, переждём, как сухие дрова
эти месяцы грусти,
как не медлит река,
но кораблики детства сбиваются в устье
и эскадрами канут в века
салютуя гудками и пеньем волчка.

Сядь поближе. Попробуй сберечь,
хоть немного тепла, хоть немного. Печь
остынет за долгую ночь,
и спасеньем для зябнувших плеч
лишь объятая останутся, впрочем, прочь
уходит зима, птичья ранняя речь
за окном, обещаьем неожиданных встреч.

* * *

Снег выпал в ночь на воскресенье.
Весь город спал, а в тишине
Кружился снег, и во спасенье
Рождалось чудо в вышине.
Кружился снег и падал в реку
Ещё свободную от льда,
Мне всё казалось - Человеку
Жить без любви никак нельзя.
Мне всё казалось, где-то, где-то
За старой школой во дворах
Идут два юных человека
И держат счастье в руках.
Пойдём и мы бродить по паркам,
По стихшим к ночи площадям,
Через мосты пройдем украдкой
И выйдем к первым поездам.
Где всё так зыбко, так тревожно,
Но невозможное возможно,
Где я из старенькой тетрадки
Стихи читаю по слогам.

* * *

Когда стают босых кармелиток следы на снегу,
невесомых, как птицы, небесных невест,
почерневшие ветки берёз обогреет зойд-вест,
я случайно влюблюсь и по первой траве пробегу
вдоль Преголи туда, где в апреле цветет горицвет.

В этой поздней любви не гореть мне дотла,
в парках чуткого сна не бродить до рассвета,
но в тяжёлом дыхании моря, в рыданиях ветра
я услышу тебя, моя первая дева, нет числа
обещаниям, но память сгорает в костре, как газета.

Ты забудешь меня, своих не нарушив обетов
о, как сёстры строги твои, целомудрено-босы,
Я обета не дал, остался на воле, пусть вопросы
повисли, как дым, не храни на груди амулетов,
осы кружат над ними,
как матросы, вернувшись из рейса.

ВРЕМЕНА ГОДА

В наш город полный тайн и волшебства
нагрянет осень. Выходных не зная,
срывает листья, под ноги швыряет из щедрости,
а больше озорства.
Ах, эта осень пьяная, глухая, дождливая,
но всё-таки моя.

Охапки листьев в жажде торжества
познания изменчивой природы,
расстелит щедро осень пред тобою
и ты определитель насекомых раскроешь,
словно книгу бытия,
и считаешься, и будешь поглощён зимою.

В наш век наивных мудрецов, забыв о неге сна
и муках яви, ты допьяна напьёшься талой влаги,
очнёшься от зимы и прохрипишь - пришла весна.

Но грянут грозы, из небытия восстанут травы,
оживут дубравы и с нежностью небесного отца
тебя объемлет лето.
Так жизнь летит и нет на времена управы.

ГДАНЬСК СЕМИДЕСЯТЫХ

Весна. Висит над старым Гданьском дождь,
вода со старых плит смывает время,
век оседлав, вдвев ногу в золотое стремя,
очередного возрожденья ожидает вождь,
многоголос о любви, разноязыкое горланит племя.

За ложным мифом, как за мшистым камнем,
Он прячется, в своё предназначенье веря,
до времени в себе скрывая зверя,
опричники стоят за каждым ставнем
и ржавых воронок скрипят тревожно двери.

Когда холодный пепел твоих, мой Гданьск, домов,
балтийский ветер разносил по миру, твоих легенд,
скрепляющий цемент, от забвения спасал, я тот студент,
блуждающий в развалинах твоих, любить готов
принцесс трёхградья, горчайший разочарования,
испив абсент.

Что может человек, чего не может Бог?
Вдохнуть в руины жизнь, очеловечить камень,
остановить войну, убийства, жадный пламень.
Диктатор полигамен и всеяден,
но краткий поколениям отмерен срок,
не разгадать за жизнь египетский пергамент.
Пророк умолк в пыли чужих дорог.

ПАРИЖСКАЯ ОСЕНЬ

В Париже осень, снег ещё не скоро,
ещё листва бульварами кружит, меноры
семисвечной свет дрожит на досках старого забора
"О время, подожди", - кричу я, пароходу вторя.

Но как прозрачен воздух, радость баловства,
в Париже осень, время хвастовства
настало, скворец чирикает, хоть жизнь не дешева,
твержу, как свой, сонет Ростана,
и нет ни капли в этом воровства.

Разлито утром Сены торжество,
туман над городом,
как будто вернулось время Рококо.
В Париже осень, девушка в трико
бежит по парку сонному легко,
кричит петух и солнце слизывает с улиц молоко.

Есть в городе поэтов дом и в нём ночлег
для всех, есть в городе река,
переноси́щая из века в век,
есть в городе любовь, а значит детский смех.
В Париже осень, но не скоро укроет крыши снег.

НОВЫЕ ГОЛОСА

Константин Хотимченко

30 лет, родился и живёт в Калининграде. Окончил Калининградскую Высшую школу управления (КВШУ) по специальности «менеджер по рекламе и связям с общественностью». Проходил стажировку в «Комсомольской правде». Работал журналистом в журнале «Балтийский статус», «Новый Кёнигсберг», газете «Дворник» и других изданиях. Писал статьи и тексты для новостных Интернет-порталов. В настоящее время занят творчеством, сочинением стихов и рассказов для детей. Публикуется в журнале «Мурр+», участвует в литературных конкурсах.

МАРИЯ

Эта история произошла в одном из Российских городов.

В обычном провинциальном городке жила девушка с простым и красивым именем – Мария. Жила она не одна, а вместе со своими любящими родителями. Жила вполне обычной и среднестатистической жизнью российского подростка. Родители трудились в офисе, Маша училась в школе.

А потом случилась трагедия: автомобиль со всей семьей попал в аварию. Грузовая фура с отказавшими тормозами лишила жизни родных Марии. К счастью, девушке удалось выжить.

Хотя, по ее собственному мнению, это нельзя было назвать счастьем. Она получила травму позвоночника и оказалась прикованной к кровати. И судьба усмехнулась снова – родственников поблизости не оказалось. Заботу об осиротевшей красавице взяла на себя соседка, мамина подруга. Она любила Машу, как собственного ребенка, и всячески пыталась подбодрить и выходить девушку. Первые несколько месяцев добрая женщина не отходила от кровати Маши. Но финансовые сложности заставили ее выйти на работу. И теперь посещения соседки стали лишь по утрам и вечерам. Бывало, удавалось прибежать в обеденный перерыв, но это все же редкость.

Мария не очень любила эти ежедневные приходы доброй женщины. Во-первых, они снова и снова напоминали о трагедии, во-вторых, ставили девушку в неудобное положение. Она понимала, что соседка делает очень многое, а вот взамен девушке предложить абсолютно нечего.

Вот и сегодня утром, сделав все хозяйственные дела и принеся поднос с едой прямо к кровати, соседка поправила одеяло и поцеловала Марию в лоб.

– Я побежала на работу, – соседка улыбнулась и взглянула в лицо подростка. – Ты не грусти!

Девушка услышала, как соседка зашла в ванную, вымыла руки и вскоре щелкнула дверным замком.

Мария отпила стакан апельсинового сока и поставила поднос с едой в сторону.

Ей не хотелось есть, не хотелось спать и тем более не хотелось жить.

Она отвернулась к стене и закрыла глаза.

Кап-кап! Кап-кап!

Соседка не до конца закрыла водопроводный кран, и капли воды монотонно стучали по раковине. И каждая капля отсчитывала минуту жизни, драгоценной жизни, которой надо суметь распорядиться.

В это же время на другом конце города молодой человек по имени Дима вышел на улицу.

Была ранняя осень, и он неспешно пошел по набережной. Под ногами шелестели желтые листья. Через полчаса начнется сеанс в кинотеатре. Новый американский блокбастер. Дима купил билет и, заняв свое место в мягком красном кресле, стал следить за развитием сюжета.

Кап-кап! Кап-кап!

Мария открыла глаза и протянула руку за стаканом. Во рту пересохло, и наконец-то желудок захотел еды. Макароны с сыром пришлось ей по вкусу. Вообще это было одним из ее любимых блюд. В свое время Мария окончила кулинарные курсы и научилась готовить экзотические блюда, но душа по-прежнему требовала элементарной картошки, макарон или гречки.

Кап-Кап! Кап-кап!

Дмитрий вышел из кинотеатра в хорошем расположении духа. Фильм оказался впечатляющим. Он достал смартфон и вошел в Интернет. Рассказать всем друзьям об увиденном хотелось сразу же. Пальцы проворно бегали по виртуальной клавиатуре. Заодно можно было и прочитать новостную ленту, и проверить страницу своей знакомой. На прошлой неделе она выложила фото с выставки кошек. Милые пушистые озорники очень фотогеничные.

Кап-Кап! Кап-кап!

Мария попыталась приподнять свою ногу, но это вызвало только адскую боль в пояснице. Однако девушка решила пойти до конца. Сила воли вперемишку с чувством обиды и безысходности все же сделали свое дело – один из пальцев на ноге пошевелился. Обессиленная девушка снова плюхнулась на подушку. Волосы попали на лицо – одно движение, и вот они собраны в конский хвост.

Кап-Кап! Кап-кап!

Приехав домой, Дмитрий первым делом завалялся на кровать. Можно и вздремнуть немного. Он растянулся на диване и стал рассматривать потолок. Самое время для музыки! Найдя вчерашний трек-лист, Дима окунулся в мир зарубежной эстрады. Покачивая головой, он расслабился.

Кап-Кап! Кап-кап!

Тем временем, девушка-подросток аккуратно составила поднос с тарелками в сторону и взяла в руки листок бумаги с карандашом. Она принялась составлять список желаний и неотложных дел. В первую графу были внесены планы, которые хотелось бы осуществить, во вторую те, что необходимо сделать как можно быстрее. Карандаш уперся грифелем в бумагу и замер. Рука немного дрогнула.

Кап-кап! Кап-кап!

Дмитрий рассеяно слушал музыку, но вдруг остановился. Сняв наушники, он пошел в соседнюю комнату и сел за компьютер. На этой неделе он установил новую игру и только сейчас вспомнил, как можно пройти уровень с колодцем. Достаточно перепрыгнуть через первый забор, и тогда персонаж игры не падает в яму! Запустив игру, Дима увлекся происходящими событиями. Единственное, что его отвлекло, это мать, которая уже пришла с работы и позвала кушать. Быстро и незаметно пролетел целый день. Дима устало протер глаза и поставил игру на паузу.

Кап-Кап! Кап-кап!

Женщина вошла в квартиру и тут же услышала звук капель. Разозлившись на себя за оставленный не до конца закрытый кран, она быстро закрутила барашек – на воде надо экономить, вода очень дорогая. Соседка, стараясь не шуметь, прошла в комнату к Маше. Та уже спала. В ее руке был зажат листок бумаги. Женщина аккуратно, чтобы не спугнуть сон, вытащила листочек и посмотрела.

На белом листке была всего пара строк: первый из пунктов плана : встать на ноги.

Женщина улыбнулась и поправила одеяло, затем взяла поднос с тарелками и быстро вышла из комнаты. Наступила ночь.

Затем ещё одна ночь и ещё. Потребовалось немало дней и ночей, чтобы хрупкое тело девушки научилось самостоятельно спускаться с кровати.

Этот маленький, но такой важный успех вдохновлял Марию. А расплатой была сильная боль в пояснице, что предательски отдавалась во всём теле и заставляла дрожать.

Переговорив с врачами и хирургом, соседка расписала план реабилитации, а в один из дней принесла в комнату костыли. Эти пластиковые монстры с резиновыми наконечниками одновременно внушали и страх и надежду.

Мария улыбнулась, когда её мысли прервал сигнал электронных часов. Он оповещал о времени приёма новой порции таблеток.

Пип-пип! Пип-Пип!

В это же время, но в другой части города Дмитрий без особой на то надежды открыл свежую газету с вакансиями. Он искал себе работу. Пробегая глазами по вакансиям, где зарплата превышала 50 тысяч рублей. Таких оказалось всего две. Неудовлетворённо хмыкнув, он со злости скомкал газету и выкинул в мусор. «Найдётся работа, чего спешить», – мелькнула мысль и быстро исчезла.

Пип-пип! Пип-Пип!

21 век – век высоких технологий! Именно в этом убедилась Мария. Она взяла свой планшет и, войдя в Интернет, быстро нашла сайт с бесплатными он-лайн семинарами. Можно было дистанционно изучать иностранные языки, юриспруденцию или программирование. Так как прогресс идёт семимильными шагами, выбор пал на компьютерные технологии.

Пару щелчков и вот уже Мария погрузилась в изучение Java – основного языка программирования, на котором работает часть мобильных приложений и игр.

Пип-пип! Пип-пип!

Получив денежный перевод от своей бабушки, Дмитрий задумался. Его выбор был между «Ара-ратом», что в 1887 году начал производить Нарсес Таиранц, или «Бароном Отардом». Если уж баловать себя коньяком, то, конечно, приличным!

Дмитрий пересчитал деньги и в очень хорошем расположении духа пошёл на остановку. Впрочем, чтобы сэкономить, можно и пешком пройти. Его ноги в модных кедах быстро зашуршали по осенней листве.

Пип-пип! Пип-Пип!

Сантиметр за сантиметром Мария передвигала свои ноги. Каждое движение причиняло боль. Однако внутренне она ликовала. Это было очень странным ощущением. По щекам холодной струйкой катилась слеза... вот она уже на подбородке, вот оборвалась в районе шеи. А губы разошлись в улыбке.

Опираясь с двух сторон на перекладины турникета, Мария смотрела то на свои ноги, то на свою вторую мать. Соседка стояла рядом, готовая в любой момент броситься на помощь. От волнения она потирала ладони, вглядываясь в лицо своей подопечной.

Пип-пи! Пип-пип!

Дмитрий шёл по тихому двору и пинал перед собой алюминиевую банку из под кока-колы. Он был зол и обижен! Его родители вышли на пенсию, и количество денег катастрофически уменьшилось. Теперь пришёл конец его вольготной жизни. «Никаких карманных денег! Возьмись за ум! Найди работу!» – кричала на него мать.

Дима похлопал себя по карману и нащупал несколько купюр. Ставки. Можно выиграть деньги на тотализаторе, поправить своё финансовое положение и утереть всем нос.

Пип– пип! Пип-пип!

Ровно пять лет ушло на то, чтобы встать на ноги. Мария терпеливо ждала этого момента, прокручивая в голове всю свою жизнь. Сложная операция. Курс реабилитации и множество обезболивающих. Таблетки немного подпортили её желудок и сказались на цвете волос. Кое-где пробивалась седина... Пустяк! Главное – она встала на ноги. Её постоянная спутница, добрая женщина, что взяла над ней шефство, крепко-крепко обняла Марию.

– Я знала, что этот день настанет, – она прослезилась. – Теперь твоя очередь сходить в магазин за пирожным «картошка»!

– Мне не хватит жизни, чтобы сказать вам, как сильно я вас люблю.

– Подожди! – соседка полезла куда-то в шкаф. – У меня для тебя подарок.

– Опять сладкое? Я же потолстею!

Соседка достала листок бумаги и протянула его девушке.

– Я его хранила все эти годы.

Это была та самая записка с планами на будущее, что когда-то составляла прикованная к кровати девушка.

Типичный подъезд типичного провинциального города. Мария – на послушных ногах – спускается по лестнице вниз. На плече – тонкая сумочка, в карманах позвякивают ключи и мелочь.

Этот звук привлекает внимание грязного и плохо пахнущего бродягу на первом этаже. Он сидит на картонке возле почтовых ящиков. Недельная щетина. Мешки под глазами. Лицо расплывается в улыбке:

– Милая, не подкинешь мелочи?

Мария, испугавшись голоса, вздрагивает и останавливается.

– С-сейчас, посмотрю.

Она опускает руку в карман и вываливает в протянутую ладонь всё его содержимое. Затем очень быстро выходит на улицу. Дверь закрывает свет и отделяет одного человека от другого.

Мужчина рассматривает монеты вперемешку с трамвайными билетами и бумажками. Судя по весу и количеству пятаков, рублей сто, как минимум.

Он выкидывает всякие бумажки и кладёт мелочь в карман. Всё, пора идти дальше. Одна из бумажек упорно застревает между монет. Дмитрий разворачивает листок и читает всего одно предложение, написанное неровным девичьим почерком: «Встать на ноги».

КАЗАРИУС

Эта история началась банально и вполне безобидно. Если говорить откровенно, то это был поход в гости. Мне, как молодому писателю, выпала честь пообщаться с гениальным российским писателем – Владимиром Мао. Его повесть «Разрушитель иллюзий» стала бестселлером. Издательство выпустило книгу миллионным тиражом. На днях должен выйти тираж на английском языке. Критики пели дифирамбы таланту Мао, читатели брали штурмом книжные магазины, коллеги разводили руками и уходили в тень.

Бешеная популярность Мао была чем-то невероятным! И поэтому, ради встречи с мэтром, я не пожалел денег на такси.

Владимир Мао жил в большом доме на окраине. Такси въехало в кованые железные ворота. «Та-

лант и богатство ходят где-то рядом», – подумалось мне.

Большой кирпичный дом с красной черепицей был окружен рядом высоких деревьев. Перед входом я увидел узкую гравийную дорожку.

Владимир Мао сам открыл дверь. Писатель оказался хорошо одетым джентльменом чуть за сорок лет, невысоким, неполным, с серебристыми волосами. Он вызывал доверие и почему-то тоску.

– Вы читали мою книгу? – прямо с порога начал Владимир Мао.

– Конечно, – улыбнулся я, – хорошая книга.

– Нет! – писатель резко повысил голос. – Она гениальная!

Он провёл меня внутрь дома. В комнате, в которой мы оказались, стоял большой стол, несколько книжных шкафов, пара полок и журнальный столик с печатной машинкой у окна.

– Так сказать, дань традициям, – хозяин явно перехватил мой взгляд и решил предвосхитить вопрос. – Каждая буква должна хранить тепло.

Я согласно кивнул.

Писатель принёс две чашки чая и только тогда опустился на стул.

– Что самое важное в жизни?

– Быть хорошим человеком.

Владимир улыбнулся.

– Как говорил Публий Сир, римский мимический поэт: «Важно не то, кем тебя считают, а кто ты на самом деле». Мало быть просто хорошим человеком, надо ещё оставить после себя след... что-то важное. А может, и другую жизнь.

– Вы говорите про детей?

– Забудьте, молодой человек. Я много говорю... и ещё больше пишу.

Мао оказался очень интересным собеседником. И почти час мы провели в разговорах о литературе и искусстве. Единственное, что настораживало, это часто неуместное самовосхваление и очень большое самомнение писателя.

И вот, когда разговор зашёл о роли таланта в жизни каждого творческого человека, скрипнула дверь, и в комнату вошёл большой чёрный кот с пышной шерстью и ясными зелёными глазами. Он неспешно прошагал в сторону стола и ловко на него запрыгнул. При больших размерах кот обладал поистине кошачьей грацией.

– Вам следует уйти! – голос Мао прозвучал неожиданно громко. – Наша встреча закончена.

Я перевёл взгляд с кота на писателя.

– Что-то случилось?

Мао заколебался, на мгновение почувствовав себя не в своей тарелке, но потом заговорил:

– Невежливо злоупотреблять гостеприимством.

Он отставил чашку с недопитым чаем и быстро вышел из комнаты.

Необычное поведение писателя довольно быстро забылось в круговороте последующих событий. Однако уже через несколько месяцев та встреча предстала в моей памяти в новых красках.

Катализатором стала газетная статья. В ней говорилось о смерти музыканта и певца Царевича. Он был найден в лифте собственной звукозаписывающей студии. Буквально накануне, как выяснилось, он записал свой лучший и успешный альбом.

И вроде бы новость была не столь и необычна, если бы не фото к газетной статье – на ней музыкант, известный как Царевич, позировал с чёрным котом, сидящим у него на коленях. Очень знакомым котом.

Я долго размышлял об этом совпадении, когда получил интересный звонок от кинорежиссёра-любителя. Мы договорились встретиться на стройке в два часа дня.

Трудно объяснить, откуда столько внимания к обычному чёрному коту, но все мои мысли в тот день были посвящены именно ему.

Когда я приехал в назначенное место, то увидел реально большой строительный хаос: неоштукатуренные стены, штабеля досок и брусьев, двери в полиэтиленовой упаковке, прислоненные к кирпичной кладке. Везде пыль и остатки песка.

Я пересёк стройку по диагонали, с трудом пробираясь через строительный мусор, и обнаружил за штабелями досок молодого парня в клетчатой рубашке. Это был начинающий режиссёр, известный по нескольким рекламным роликам. Звали его Евгений Прибрежный.

Когда я похлопал его по плечу, он испуганно вздрогнул и обернулся.

– А, это ты!

– Да вроде я, – улыбка тронула мои губы. – А ты кого ожидал?

– Это не важно, – он осмотрелся. – Ты не видел за собой кота?

Я покачал головой.

– Я знаю, он следит за мной! Он приходит во сне и говорит, что надо делать, потом я это делаю, но взамен должен отдать что-то важное.

– Ты про кота? – я решил уточнить, потому что логическая цепочка упрямо не хотела складываться в моей голове. – Ты говоришь про обычного кота?

– Чёрного кота!

– А есть разница?

– Чёрные кошки помечены дьяволом! По преданию, все кошки берут начало с Египта, где были почитаемы и считались воплощением богини Баст. Центром культа кошек считается Бубатист, где кошкам приносили жертвоприношения и дары. Но, как только одна из кошек была убита человеком не случайно, а осознанно – это запустило древнее проклятие. И с тех самых пор все коты с чёрным окрасом мстили людям за котоубийство.

– Это было давно и, скорее всего, неправда.

– В 1848 году Папа Иннокентий VIII заклеивал чёрных котов как «языческих тварей, состоящих в сговоре с дьяволом». На кошек устраивались специальные облавы, а сотни тысяч их были сожжены на кострах. В Японии чёрная кошка принимает вид демона Неко-Баке и пожирает людей!

– Ты же это несерьёзно?

– Более чем, – Евгений понизил голос, словно боялся, что его услышат. – У славянских народов чёрную кошку приносили в жертву, чтобы получить от богов богатый урожай. Еще недавно аптекари и алхимики добавляли в свои снадобья кровь чёрных котов.

– Я понял, это – кошачий расизм. Но к чему ты это всё?

– Я знаю, что чёрный кот заберёт мою душу в обмен на талант! Этого кота зовут Казариус. Он живёт спокон веков и находит себе новые жертвы, он не знает границ и времени, он может быть где угодно и когда угодно.

– Ты меня пугаешь!

Где-то рядом раздалось кошачье мяуканье. Оно звучало сначала тихо, а потом всё громче и громче!

– Вот и твой волшебный кот! – я повернулся к режиссёру, но того и след простыл.

Это был последний раз, когда я видел великого режиссёра Евгения Прибрежного.

Сейчас я сижу в кресле и кручу в руках билет на его фильм «Революция мысли». Данная картина участвовала в Венецианском кинофестивале и получила «Золотого льва святого Марка». В конце года он будет претендовать на «Оскара». Ажиотаж и восхищение этой лентой уже несколько недель не дают покоя большому числу людей.

Я так и не попал на тот сеанс и не посмотрел великое творение мастера. Буквально через день после нашей странной встречи я включил телевизор: показывали крупную автокатастрофу.

Несколько машин врезались в грузовик. Пожарные и экстренные службы пытались с помощью тяжелой техники и резаков распутать железный клубок, лежащий в луже бензина. Свет мигалок скорой помощи выхватывал черные пакеты. В ужасной аварии погиб режиссёр Прибрежный.

Череда странных встреч и событий поразительно складывалась в общую картину. Возможно, это просто усталость или стресс, или болезненные игры памяти выстраивали события в мистический ребус.

Дополняло странности и необъяснимое исчезновение писателя Мао где-то в Сибирских горах. Об этом уже несколько дней писали федеральные СМИ.

Я сел за свой компьютер и запросил в Google: проклятие чёрного кота. Как и ожидалось, получил сотни результатов. Тут же зазвенел знакомый сигнал, оповещающий, что в социальной сети мне пришло новое сообщение. Письмо было от сестры. В последнее время она писала редко, поскольку всё время у неё отнимала подготовка к собственной фотовыставке. Она писала, что подобрала у подъезда котёнка и решила приютить бедное животное.

Это был чёрный кот.

Алиса Васина

Живёт и работает в Калининграде, занимается в студии «Пираты пера» при библиотеке С. Снегова. Пишет прозу и стихи, публикуется в Интернете (proza.ru).

ОСЕНЬ

В лавке, торгующей северным холодом,
Осень расплатится липовым золотом.
Кинула ближнего – дело житейское!
Вслед ей сирены вопят полицейские.
Ветер продажный порывами стылыми
С кленов сорвет в этот вечер от скуки
Желтые листья с кровавыми жилами,
Как старушечьи руки
С набухшими венами,
Эту старую кровь надо сбросить немедленно!
Очень спокойно и без отчаянья,
С отжившим прощаясь без жалости,
Осень устроила кровопускание,
Так надо, чтобы жизнь продолжалась.
И летят эти листья, летят
В ритме джазе легко, в ритме джаза,
И на солнце роскошно блестят
В позолоте и стразах.
Эта роскошь прощания –
Праздник, а не поминки,
Радость в легком дыхании,
Только дождик роняет слезинки.

Только мрачные елки
Своих уходящих стыдятся,
Пожелтевшие прячут иголки,
И прозрачной смолою слезятся.
Остальные на празднике этом
Поют и смеются,
И, танцуя, прощаются с летом,
И с отжившим легко расстаются.

НОВОГОДНЕЕ

Новогодний праздник не окончен
В зеркалах украшенных витрин,
Аромат сгустится ближе к ночи
Елок, шоколада, мандарин.
Это – детских снов моих осколки
Вспыхнут среди взрослой суеты,
Мандарины, шоколадки, елки –
Идеал бесхитростной мечты.
Чудеса встречаются нечасто,
Но вернуть так хочется назад
Детское, безоблачное счастье:
Елки, мандарины, шоколад.

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Страстная пятница, грехи мои тяжки!
На мне новое платье, золотые пряжки.
Прибран дом и чист, на столе скатерка,
Бела, как бумажный лист, яйца-крашенки горкой.

В церкви служба идёт, свечи плавятся,
Душа случая ждёт в грехах каяться.
Колокольный звон глух да жалостен,
На сегодня он день без радости.

На моем окне кулич пряничный,
Не пришёл ко мне друг мой праздничный.
Видно, зря ждала друга нежного,
А на церкви купола ярче прежнего.

Это грех роптать да судьбу винить,
Сверху лучше знать, так тому и быть.
Обошли мой дом зло да горести,
Спасибо и на том, всё по совести!

У Христа испрошу утешения,
Я потом согрешу с разрешения.

ХИЩНИК

Я – хищник, я – леопард, я – зверь!
Движенья мои грациозные, плавные,
Я – бесстрашный охотник, поверь!
Усвоил я в жизни правила главные,
Так мир устроен, вот правила игры:
Ты – либо охотник, либо жертва.
Ты хочешь быть вторым?
А я всегда хочу быть первым,
И другого не потерплю!
Боятся меня существа травоядные,
А я их люблю,
Они на вкус такие приятные!
Я обожаю тебя,
Мой милый кролик,
Я убью тебя нежно, любя,
Почти без боли.
Погоня, прыжок!
И вонзаются острые когти,
Попался дружок!

И брызжет кровь из живой ещё плоти.
На запах пьянящий свежей крови
Сбегаются все окрестные кошки
С предложением бескорыстной любви,
Скорее сюда! Ко мне, мои крошки!
Я – хищник, я – зверь, я – победитель!
Мне нравится быть охотником,
Жизнь – это театр, я – актер, а не зритель.
А тебе не наскучило вечно быть кроликом?
Кролик, конечно, полезная, пища,
Но, может, пора самому стать хищником?
Может, пора сменить ампула?
И попробовать себя в роли орла!

О СБОРЕ ЯБЛОК НА ЗАКАТЕ

– Приходите послушать сверчков,
Посмотреть на закаты дивные,
Усмехнитесь сквозь стёкла очков,
Задавая вопросы наивные.
– Что мы будем делать потом?
– Как в какой-нибудь детской сказочке,
На закате с корзинкой пойдем
Собирать в саду моём яблочки.
Умирающий день отдаёт
Спелым яблокам магию лета,
Волшебства таинственный мед,
Силу солнца и силу света.
Если их на закате собрать,
Пока сумрак ночной не стусится,
Могут яблоки силу свою предать,
И своим волшебством поделиться.
Эти яблоки – не еда,
Эти яблоки – магия сада,
Только их на закате всегда
Собирать непременно надо.
Вы же знаете, это не их вина,
Только яблоки – вещь непростая!
Из-за яблока может начаться война,
А могут просто – изгнать из Рая.
Приходите ж, пускай уже спят светлячки,
Улетели стрижи и зяблики,
Но пока что поют на закате сверчки,
И остались в саду ещё яблоки.

Леонид Горбушин

Родился 22 февраля 1957 года в г. Потсдаме (Германия), женат, проживает в Калининграде. В 1978 году окончил высшее военное командное училище в Ленинграде. Уволен в запас в 2004 г. в звании подполковника запаса ФСБ России.

Окончил музыкальную школу по классу скрипки, играет на гитаре. Член Союза свободных писателей, лауреат международного Балтийского фестиваля авторской песни 2002 г., ряда других фестивалей и конкурсов авторской песни. Автор сборника стихов «Прикосновение» (2000 г.), сборника рассказов «Сценарист» (2010 г.). Отдельные публикации в ряде журналов и книг: литературный сборник «Магнолия» (Санкт-Петербург, 2007г.), «Янтарная струна. Песни бардов Калининградской области» (2006г.) и др.

ЭТО ЕГО ВЫБОР

Вечер встречи выпускников подходил к своему логическому завершению. Некоторые бывшие одноклассники были уже под заметным хмельком. Воспоминания, обнимания, смех, слезы, радостные лица... Постепенно стали расходиться по домам и гостиницам. Серега, Санька и Влад (в школе были друзьями – не разлей вода) решили завтра (выспавшись) поговорить о вариантах совместного бизнеса в кафе с непонятным названием (раньше оно называлось «Брют»). У каждого из них был свой бизнес и довольно-таки внушительный: у Влада – гостиничный, у Сереги – ресторанный, у Сашки – мусорный.

Без пяти двенадцать уже были на площади и двинулись в намеченное кафе. Разговаривая, они подошли к пешеходному переходу и стали ожидать зеленого света – кафе располагалось на другой стороне улицы. На краю тротуара около перехода на корточках сидел нищий. Оборванный, грязный, с подбитым правым глазом, с протянутой рукой, в которой в полуоткрытой ладони блестели несколько монеток. Какая-то сердобольная женщина с грустным вздохом положила ему в ладонь горсть мелочи. Отступив на шаг назад, она перекрестилась. Серега мельком посмотрел на попрошайку и отвернулся. Но что-то заставило его вновь обратить на него внимание.

– Ребята, посмотрите на него. Вчера вспоминали Кольку Прохорова из нашего класса. Никто не знает, куда он делся. А бомжара похож немного на него. Вот бы здорово было, если бы это действительно был он.

– Что здорово? Это, Сережа, наоборот грустно, – Влад пристально всматривался в лицо нищего.

– А вот сейчас и выясним, он это или нет, – Сашка подошел ближе к сидящему и, наклонившись, обратился к нему, – Привет, Коля, что сидишь? Узнаешь меня?

«Коля» медленно поднял голову и посмотрел на Сашку. Какое-то мгновение они смотрели друг другу в глаза, затем «Коля» закрыл ладонями лицо, плечи его затряслись.

– Парни, это он, – Сашка присел рядом на корточки, – Коля, ну-ка поднимайся, нечего сопلي размазывать.

Коля отвернулся и заскулил как собака. Сергей и Влад смотрели и не верили своим глазам.

– Ну-ка, вставай! Поднимайся-поднимайся, – Сашка помог ему встать, – фу, как ты воняешь! Говнищем от тебя, брат, пахнет.

Коля протянул было руку, но потом, подумав, убрал.

– А я вас узнал. Вы не думайте... Я, к сожалению, стал вот таким. Во как жизнь повернулась, – он снова заплакал, размазывая слезы грязными руками по грязному лицу.

Принято было единоголосное решение сначала привести Колю в должный порядок, а потом подумать, что делать дальше. Влад вспомнил, что недалеко отсюда видел частную баньку. Они направились туда. По дороге Коля что-то бубнил себе под нос. Из обрывистых фраз толком ничего понять было нельзя. Наконец они пришли.

– Всё, заходим. Вы давайте отмывайте его, а я куплю что-нибудь из одежды. Размерчик, похоже, почти такой же, как у меня, только похудее. Ладно, разберемся, – Сашка повернулся и вышел на улицу.

Администратор бани косо и подозрительно смотрел на троих мужиков, один из которых ему очень не нравился.

– А этот урод с вами или сам по себе? Слышь, ты, давай отсюда! – он двинулся на Колю.

– Этот, как ты назвал, урод, с нами. Да не кипятись. Это мы фильм снимаем. Роль у него такая. Сейчас грим смоем и пойдем отмечать день рождения. У него, – он показал на Колю, – сегодня день рождения.

– Извините, я не хотел обидеть. Сами понимаете... Ладно, легкого вам пара. Да, с Днем рождения!

Когда Сашка вернулся, Коля, отмтый, сидел в простыне и загадочно улыбался. Он ничего уже не говорил, только каким-то радостно-безумным

взглядом посматривал по сторонам. Сашка разворачивал свертки.

– Надевай, Коля, нормальную одежду, – он по очереди протягивал трусы, майку, рубашку, брюки, пиджак, – галстук завязывать можешь? Ботинки сорок первый? Угадал?

Коля заметно преобразился. Вид портили только прическа и заросшие щетиной лицо и шея.

Планы, понятно, изменились. Мужики вдруг единодушно решили принять активное участие в жизни бывшего одноклассника. Что-то внутри загорелось, защемило. Наверное – жалость, смешанная с чувством некоего долга. Осознание, что все это необходимо, подталкивало к действию. С одной стороны, когда у самих все вполне благополучно (тем более в таком контрасте) и нет каких-то срочных дел, можно было заняться решением неожиданно подвернувшейся проблемы, с другой стороны было просто интересно. Каждый успел объездить полмира, твердо стоял на ногах, удивить их особо было нечем. И вот тут такая неожиданная встреча.

В ресторане Коля с жадностью ел, с ещё большей жадностью пил коньяк. Его заметно развезло. Ребята, перебивая друг друга, делились с ним воспоминаниями. Коля только кивал (иногда невольно) и молчал.

В гостинице, где они остановились, сняли одноместный номер и для Коли. Изрядно обмякшего водрузили на кровать и пошли в свой люкс. В разговоре совместно было принято решение найти ему жилье, подобрать работу. Из невнятных сумбурных повествований Коли они поняли только то, что его бросила жена Лизка (уж не та ли красавица Лиза из параллельного класса?), когда его уволили с работы, а затем нехорошие люди выдавили его из однокомнатной квартиры (трешку Лизка разменяла на две однушки). Кем он работал, они так толком и не поняли.

Уже через неделю Николаю Прохорову вложили в руки ножницы для разрезания ленточки, натянутой на входной двери однокомнатной квартиры в доме гостиничного типа. Квартиры, которую купили ему одноклассники. Купили полностью с мебелью, молниеносно (вопрос цены особо не напрягал). Для них это было не особо сложное, но значимое событие. Значимость совершенного наливалась грудью гордостью, расправляла плечи – вот

какие мы молодцы! Коля не переставал благодарить, обещал все отработать, периодически всхлипывал и по-дурацки кланялся. Новоселье обозначили вчетвером.

Сашка ещё оставался в городе, а Влад с Сергеем вылетели каждый к себе – возникла необходимость их присутствия дома – бизнес есть бизнес. Сашка встретился с местными коллегами по мусорным делам, обмен опытом принес обоюдное удовлетворение. Вариант совместного приобретения и дальнейшего использования мусороперерабатывающего заводика устроил обе стороны переговорщиков. Потом и он уехал.

В течение месяца они неоднократно созванивались друг с другом и приняли решение навесить Колю, которого они устроили работать (через знакомых в городе) на склад. После их отъезда Коля пару раз звонил каждому из них, рассказывал, что все у него в порядке и все благодарил, благодарил. Потом звонки прекратились. Они прилетели в город, не сообщая Коле – пусть будет сюрприз. Подошли к двери его квартиры. Странное чувство возникло у каждого, когда увидели приоткрытую дверь с раскученным замком. Внутренность квартиры ударила в ноздри «ароматом», похожим на аммиачный. Квартира была совершенно пустой, в комнате на единственном обсопанном матрасе в блевотине валялся какой-то мужик. Мусор, пустые бутылки, вонь... Увиденное так шарахнуло каждому по мозгам, что ни у кого не нашлось ни желания, ни сил что-либо сказать. Молча, не сговариваясь, они вышли на улицу. Глотнув свежего воздуха, они сели на лавочку перед подъездом.

– Мужики, что это? Меня всего трясет... – Сашка первым нарушил молчание. Просидев пару минут, они встали и пошли в центр города. Ноги сами (случайно ли?) направили их к тому самому перекрестку, где они встретили Колю.

– Вот сейчас подойдем, а он снова там сидит, гад, – Серега со злостью сплюнул. Не доходя метров двадцать, они действительно увидели стоящего на коленях около перекрестка Колю. Оборванный, грязный, с протянутой рукой... Мужики остановились и примерно минуту молча смотрели на него, затем Влад медленно произнес:

– У каждого есть выбор. Это его выбор...

75 лет
со Дня рождения
Татьяны Григорьевны
Буруковской!

«ТИРЕ ВЫТЯГИВАЯ В НИТЬ ...»

В 1999 году вышел первый сборник стихов Татьяны Григорьевны «Мелодия и свет», где в стихотворении «Всеми есть мера и цена» взяты, в качестве эпиграфа, строки из произведения Фёдора Ивановича Тютчева: «Нам не дано предугадать/ Как наше слово отзовётся./И нам сочувствие даётся, /Как нам даётся благодать», она написала:

*Всеми есть мера и цена,
Во всем есть смысл и суть.
И нам земная жизнь дана,
Чтоб к вечности шагнуть.
И что назначено судьбой,
Нам не предугадать.
И лишь дарована любовь,
Как божья благодать.
Ей уготовано царить
Меж двух заветных дат,
Тире вытягивая в нить,
И нас манить туда,
Где нет предела высоте,
Где воля и полёт,
Где на итоговой черте
Открыт мгновеньям счет.
И эту истину любви,
И этот горный путь
О, Господи, благослови,
Пройти когда-нибудь!*

И сегодня мы попробуем Тире вытянуть в нить...
...Шёл второй год войны, когда в далёкой Средней Азии, а точнее, в г. Ходженге (Ленинабаде) Таджикистана, где свирепствовали басмачи, среди тревожных, мелодичных звуков на фарси раздался голос маленького существа, смешавшийся с многоголосием этого города. Младенца, пришедшего в этот мир 28 июля 1942 года духи, дэвы, пери и джины одарили массой талантов: от любви к жизни с её причудами до тонкой поэзии. Имя выбрали для девочки красивое – Таня. Милые бабушки, ждавшие этого момента в своей жизни, ласково называли Татулькой, Таточкой. А первые детские впечат-

ления: южное солнце, виноград, тутовник и орех во дворе её первого дома.

*В мой маленький дом
у лиловой горы
глядели азийские луны,
и были пронзительно юны
айва и миндаль.
И стекали в арык
их полупрозрачные тени –
приметы страны наваждений.
В той полузабытой
заветной стране
всё было светло и понятно,
тюльпано, орехово, мятно.
И невозвратимое
виделось мне
прочитанной сказкой нестрашной,
где завтрашний день – как вчерашний.*

Но в три года в её жизнь вмешалась малярия, и родители по совету врачей решили сменить климат. Семья переехала в Вологду. Этот город на всю жизнь остался в Таниной душе. Северная красота города, его быт и устои, прямота людей и их разговор покорили девочку.

*А после был дом
возле белой реки
под сереньким северным небом,
пропахшим смолою и хлебом.
В заснеженных ветках
прибрежных ракушек
качалось застывшее солнце
и рыбкой плескалось в оконце.
Казалось мне прорубью
это окно.
И, в чёрный квадрат заключённый,
устало, стально, обречённо
весь видимый мир
опускался на дно –
запуганный, но не смиренный.
И всё-таки пленный, пленный.*

Когда Тане было 5 лет, семья отправилась отдыхать по путёвке в Одессу. Но после малярии Тане нельзя было находиться на пляже больше 15 минут. Девочке было скучно, и она запросилась хотя бы в кино. Тут мама предложила пойти в знаменитый на всю страну оперный театр. Таня не знала, что это такое, и согласилась из любопытства. Этот необыкновенный вечер она описала в автобиографической новелле «Приступ вдохновения»:

...Под вечер начались сборы, и после приготовлений семейство тожественно покинуло санаторный «люкс» и отправилось пешком в театр. О приближении к нему Таня догадалась по увеличению в гомонливом потоке проходящего количества людей. Узкая, как ручей, тесная тенистая улочка окончилась и впадала в площадь, центром которой оказалось освещённое здание, похожее на огромный бело-бирюзовый торт. От неожиданности и восторга Таня вцепилась в мамину руку и остановилась. Она не просто смотрела – она глазела.

– Пойдем, Татуля, а то опоздаем, – прервал Танины раздумья голос мамы.

– Это – театр? – дрожащим от восторга и нетерпения голосом спросила девочка.

– Да, оперный.

– А внутри он тоже оперный? – почему-то этот вопрос очень рассмешил родителей, Таня не любила, когда над ней смеются, а потому обиделась и пошла, выпустив из кулачков указательные пальцы мамы и папы.

– Федул, чего губы надул? – примирительно пошутил папа. – Конечно, этот театр весь оперный. А внутри ещё красивее, чем снаружи. И сцена там есть, почти как в обычном театре.

– А почему – почти?

– Потому, что перед сценой есть специальное место за ... – папа явно подыскивал нужное слово, – перегородкой, где рассаживается оркестр.

– А почему он не сидит на сцене?

– Так на сцене же поют артисты!

– Всё время?!

– Ну да! Я же тебе рассказывала, – включилась в разговор мама.

Таня ускорила шаг, торопясь увидеть и услышать оперный театр изнутри.

Вход находился за колоннами, открывался в белый вестибюль с гардеробами и зеркалами по обе стороны от высокой, украшенной резьбой двери. Около неё стояли две седые старушки в одинаковых платьях и проверяли билеты. Их предъявила мама, пока подходил папа, покупавший программку возле гардероба.

– С ребёнком нельзя! – голосом, неожиданно резким для такой благостной внешности, заявила билетёрша.

– Почему? – удивилась мама.

– Шо ви хотите? Шоб она давила вам колени три часа? Или суршала фантиками?

Мама даже ответить не успела, как Таня, подняв к старушке огромные, полные слёз, глаза, проговорила:

– Пожалуйста, разрешите! Я ещё никогда не была в оперном театре.

– Детка, шо такое? Вырастишь – придёшь!

– Я уже выросла и умею вести себя прилично. А фантиками я шуршать не буду, потому что не люблю конфеты.

– Шо такое?! Шо же ты любишь, ха?

– Скумбрию, которую продают на пляже.

Лицо билетёрши как-то разгладилось, подобрело, даже помолодело.

– Шоб ты-таки била жива-здоровая, как ты права! Иди, детка, слушай оперу! – и, обращаясь к подошедшему папе, добавила: – Слушайте, у вашей жены счастливый живот, шо она выносила такого умного ребёнка.

Папа улыбнулся, и семейство вошло в зрительный зал. От неожиданного золотого блеска лепных украшений на белоснежных ограждениях балконных ярусов, переливов света хрустальных люстр, малинового бархата перил, кресел, шитого золотым узором занавеса Таня зажмурилась и невольно остановилась. Так бы, наверное, она ещё долго стояла, если бы не низкий, как у цыганки голос:

– Ну шо ви застряли у двэрях?! Дайтэ ваши билэтики, я вас усажу, шоб ви вже прыкалялыся!

Таня распахнула ресницы и... Впереди стоящее кресло мешало Танюшке. Девчушка попыталась выглянуть в просвет между передними креслами, но – не тут-то было.

– Танюша, не ёрзай! Когда начнётся спектакль, ты сядешь на любой подлокотник между нами всё увидишь, – пообещал папа.

– А пока вспомни, что я тебе рассказывала об этой опере и о том, как надо себя вести!

Таня согласно кивнула маме. Вскоре наступила тишина. Таня взгромоздилась на подлокотник поближе к маме. Зазвучала незнакомая могучая музыка, которая захватила всё её существо. Разные мелодии, красивые голоса, которыми пели люди, одетые так, словно внезапно ожили картинки в книге со сказками и сошли на сцену. Но музыка! Такую Таня не слышала никогда. Тем более, что она воспринимала всё оперное действие, как звучащую сказку, где больше всего Тане было жалко нищего, у которого дети отняли копеечку. Девочка склонилась к папиному уху и попросила шёпотом:

– Папочка, миленький, скорее, дай мне копеечку, я этому нищему верну!

– Обязательно дам. В антракте.

– Где?

– Когда перерыв будет.

– Но нищий же уйдет и будет голодным! – чуть не плача, объяснила Таня.

– Не волнуйся, царь его покормит и даст много денег, – успокоил папа.

В антракте девчушка напомнила папе про копеечку.

– Знаешь, дочка, тебе лучше побыть с мамой, а я схожу в буфет, куплю вам что-нибудь вкусненького, заодно найду этого нищего и передам от тебя денежку. Ладно?

Таня внимательно посмотрела папе в глаза и согласилась: папа никогда её не обманывал.

Вскоре появился папа – молодой, самый красивый, быстро подошёл, открыл коробку, которую нёс почему-то горизонтально.

– Угощайтесь, любимые мои девчонки! – на дне коробки из-под конфет лежали бутерброды с чёрной и красной икрой. Таня обожала такие.

– Ой, папочка, спасибо!

– На здоровье! Бери скорее, а то антракт кончается.

Таня взяла – с красной икрой – и вопросительно посмотрела в папины глаза.

– А это тебе расписка от нищего о получении копеечки.

Девочка взяла листок, на лицевой стороне которого была размашистая красивая подпись и её расшифровка: *Иван Козловский*.

Этот автограф Таня хранила много-много лет, как много раз слышала потом и в других театрах, и по радио, и по телевидению гениального певца в роли Юродивого из оперы «Борис Годунов», но самое яркое впечатление оставил тот, одесский, спектакль и то, одесское, исполнение знаменитой партии.

Между тем, спектакль продолжался, Таня как губка впитывала музыку, стараясь запомнить её навсегда. Когда сказка закончилась, все пошли к выходу. Папа сначала держал Таню на руках, после пересадил на плечи. Боясь испачкать туфельками светлый папин китель, Таня чуть разогнула колени, но долго сидеть спокойно и молчать бесёнок не мог. И во весь голос запела. Каждую тему, каждую арию. Без слов. И только партию Юродивого – дословно, от начала до конца. Так получилось, что именно в это время семья проходила мимо оркестровой ямы, где несколько запоздалых музыкантов закладывали в футляры свои ноты и скрипки. На звук тоненького детского голоса скрипачи все, как один, повернулись и удивлённо застыли, как в игре «Замри!», но Таню это не беспокоило, и она продолжала петь. И в зале, и в холле, и на улице. Не желая прерывать этот концерт, папа продолжал нести дочку на плечах, а форменную рубашку – в руке. В те годы такое нарушение Устава грозило очень плохими последствиями: любой патруль мог папу арестовать, о чём и сообщила Тане мама. Концерт был окончен. В этот же миг откуда-то сзади вынырнул невысокий, кругленький, как его лысоватая голова, человек со скрипкой в футляре.

– Товарищ, это ваш ребёнок?

– Наш.

– Тогда слушайте сюда. Если вы не будете учить музыке это маленькое чудо с бантом, вы-таки будете преступниками, а я – последним дураком, шо не заставил вас это сделать.

– Вы так думаете?

– Шо вы прикидываетесь?! Шо, у вас нет ушей? Поверьте старому профессору консерватории, одесситу в седьмом колене, шо мы ещё услышим её имя. Девочка, так как тебя зовут?

– Танечка...

– А фамилия?

Она назвала.

– Я запомнил. Детка, где ты живёшь? Я слышу, шо вы не одесситы. И там есть музыкальная школа?

– Есть! – радостно ответила мама, которая мечтала учить Таню игре на фортепиано.

– Так езжайте немедленно в вашу Вологду, – с ударением на «у» требовательно заявил скрипач, – и учите ребёнка! Срочно! Вы слышите меня?!

– Да, конечно, спасибо! – радостно выпалила мама. И никто не спросил, хочет ли этого Таня. Впрочем, она и сама не знала. Но так началась её музыкальная жизнь.

Учёба давалась девочке легко, росли и развивались мастерство, настойчивость, уверенность в себе. С 1 по 7 класс Таня Розенберг училась сначала в 8-й женской школе, а потом в 1-й средней, успевая заниматься, кроме игры на фортепиано, ещё и лыжным спортом. Тогда же возник и первый интерес к минералогии. Свои геологические находки она превращает в коллекцию. А знакомство с трудами А.Е. Ферсмана помогает в её первой попытке научно обоснованного коллекционирования. Но, как часто случается в жизни, приходит время перемен...

Давняя мечта родителей переехать в город их детства, Киев, наконец-то сбылась. И в 1956 году 14-летняя Таня оказывается в Киеве, ставшим её третьим домом. Здесь открылся ещё один талант – она с лёгкостью за два месяца учит украинскую мову. А в киевской музыкальной школе на прослушивании она так исполняет произведения внешкольной программы, что её направляют в школу для одарённых детей при консерватории.

Блестяще, с золотой медалью, окончив 65-ю среднюю школу, в 1959 году Татьяна поступает в Киевский госуниверситет на географический факультет (помните увлечение минералами). Но в то время действовал указ Н.С. Хрущева об учёбе без отрыва от производства, так что студентка устраивается на работу в Киевоблпроект копировщицей. Преподаватели старой закалки нашли в ней благодатную почву и благодарную душу. И, конечно же, вместе со знаниями Таня впитывала и педагогический опыт, тот бесценный опыт мамы-учителя и университетских наставников, который делает обычного учителя Учителем с большой буквы. За

лекциями, практикой и работой время всё шло, шло, шло и вдруг...

Нет, наверное, не вдруг, а просто незаметно наступила Весна, Весна в её душе. На улице Саксаганского, у тётушек, в так называемой «голубятне» многочисленные родственники собирались в определённые дни на посиделки. Молодёжь приходила со своими друзьями, пришла и Таня. Вот там-то появился и ОН: целеустремлённый, мужественный, творческий, увлечённый, начитанный, тонкий (в прямом смысле слова), непьющий, обаятельный – почти волшебник. И Весна стала набирать силу. А в январе 1963 года ОН, Буруковский Рудольф Николаевич, околдовав, окольцевал, зарегистрировал и наметил пути миграции.

*Был третий мой дом
на скрещении дорог.
Опльвишие свечи каишана
мерцали печально и странно,
как будто манили
меня за порог,
за край полутёмного круга,
где вертится вольная вьюга,
где восемь ветров
раздувают костры,
где живы надеждами люди,
где мыслят, и верят, и любят ...
Я вышла из круга.
С той давней поры
иду по бескрайнему полю
на волю, на волю, на волю.*

Таня осталась заканчивать университет, переводясь на заочное отделение, а любимый муж отправился по распределению в Калининград, куда через два года, в мае 1965, переезжает и она.

«Свили своё гнездо», выучились и для начала в 1967 году обзавелись «птеном» Инкой. Птенец рос, развивался и однажды сделал первые шаги по дому. Родители были счастливы и на радостях вывезли птенца под Балтийск к заставе. Там детёныш доказал, что может ходить самостоятельно и принёс первые цветы маме. Время шло своим чередом, Рудольф Николаевич ходил в моря, занимаясь наукой, а Татьяна ждала своего Рыжего волка. А в 1969 году родился второй «птенец» по имени Ленка. Забот прибавилось, и поочерёдно они учили детей жизни. Папа в промежутках между рейсами учил деток ходить, слушать, о чём поют ракушки, читать и даже танцевать. Но, конечно же, в основном воспитание девочек легло на плечи мамы. Праздники, утренники, новогодние карнавалы требовали чего-то необычного, интересного. И Таня придумывала для своих «двойняшек с разницей в два года» необычные платья и новогодние костюмы, учила девочек шитью и вышивке, моделировала на куклах платья разных времён, передавала бабушкины рецепты кулинарии. И при этом продолжала рабо-

тать копировщицей, учителем географии, младшим научным сотрудником в КТИ, старшим лаборантом в АтлантНИРО, в в/ч, а в 1972 году пришла в Калининградский госуниверситет на кафедру географии океана.

Нет, Татьяна не вошла, а впорхнула в аудиторию: легкая, красивая с распущенными волосами в крепдешинном платье. Её лекции, практические работы, участие в СНО вызывали восхищение. И здесь чувствовался очередной талант – педагогический.

Но 1973 год провёл черту. Она сильно заболела, и старые друзья куда-то исчезли. Муж был в рейсе. Только горстка студентов оказала поддержку ей и её птенцам. Когда она встала на ноги, работы не оказалось. И опять помогли студенты, ставшие друзьями её семьи. Давнее увлечение Татьяны Григорьевны минералами приняло новое направление: она стала страстным коллекционером знаний в разных областях науки и этим «заразила» своих учеников. А в 1972-1974 году на местном телевидении ей предлагают провести цикл передач «Удивительный мир минералов». Она с радостью принимает это предложение и полностью отдаётся работе. Вышло шесть красивейших, увлекательных передач, которые положили начало писательской деятельности Татьяны Григорьевны. Она садится за написание научно-популярной книги. В 1975-1976 годах из-под её пера на свет появляется рукопись «Разные грани кристаллов». Первые слушатели, студенты, были в восторге, и Татьяна Григорьевна убедилась, что она выбрала правильный путь. Но книге не суждено было быть изданной: рукопись пропала. Горечь отчаяния не останавливает Татьяну. В 1978 году местное телевидение вновь приглашает её к сотрудничеству, и вот появляется цикл из 8 программ «Рождённые морем». А с 1980 по 1986 годы на телевидении выходит цикл еженедельных передач «По родному краю» (всего 210 теленовелл). И в это время она пишет новую книгу «Этот удивительный песок», которую в 1981 году положила на стол редактору. Сдав эту книгу, мечтает новую написать о янтаре. И судьба подарила такую возможность: в начале 1982 года редактор приглашает к себе Татьяну Григорьевну и предлагает написать путеводитель по будущему Музею янтара, обещая издать книгу. Но на работу есть всего пятнадцать дней. Татьяна Григорьевна взялась и, как говорила, «отсидела пятнадцать суток». В срок рукопись лежала перед редактором, да не путеводитель, а книга! Изумлённый редактор только ахнула, и летом того же года книга «Калининградский музей янтара» вышла в свет, а весной 1983 года отмечали день рождения книги «Этот удивительный песок». Поверив в силу мысли, Татьяна делится дома ещё одной мечтой – книгой о Ботаническом саду. И тут снова – заказ от издательства. И новая надежда на исполнение мечты. Два года она работает бок о

бок с сотрудниками Ботанического сада. Как-то после очередной прогулки её муж, Рудольф Николаевич, пришел и спросил: «Как бы, Танюшка, посмотрела на такое название книги "Сад неожиданных встреч"?» Поблагодарив супруга, она своим каллиграфическим почерком вывела название рукописи, которая стала книгой в 1985 году.

В это же время Татьяна Григорьевна предложила в Карельском издательстве рукопись о своих любимых камнях. И, не без сопротивления местных геологов и редакторов, осенью 1985 года все-таки выходит её книга «Отвори сердце камню», которая приносит огромный успех. На празднике «Калевала» книга занимает призовое место и переводится на угоро-финский язык в журнале «Punalipru» (1985, № 8). А с 1986 по 1987 годы в журнале «Уральский следопыт» выходит серия исследований, рассказов, эссе, новелл о минералах и их роли в жизни людей.

С одной из таких историй довелось столкнуться воочию. Это – находка гранатового браслета, о котором писал Иван Александрович Куприн. Сомнения, которые занимали и тревожили Татьяну Григорьевну, подтвердились. В результате долгих поисков она не только нашла тот гранатовый браслет, но и была удостоена чести поддержать его в руках. Так проявился талант исследователя, который она впоследствии передавала своим ученикам.

В 1989 году в свет выходит очередная книга «Занимательное краеведение», задуманная как ответ на массу «почему?» И опять издательский заказ. И на стол легла не просто научно-популярная рукопись, а проект учебника, написанного художественным языком с заданиями и программами обучения. Появился этот учебник в результате работы, на которую её пригласили в 1987 году. Татьяна Григорьевна стала работать руководителем геолого-краеведческого кружка на Станции юных туристов. Первый набор детей из интерната № 3 с их тысячами «почему» и подтолкнул к написанию книги «Занимательное краеведение».

До 1997 года она пишет, как говорится, в стол. В это время Татьяна Григорьевна отдается умной, тонкой, чуткой, деликатной педагогической деятельностью. Накопленные за многие годы опыт и знание, чутье и грамотность она вкладывает в детей с разных школ и районов области. Это конференции и соревнования, отчёты и концерты, где она учит детей не реферативности в работе, а тонкой исследовательской деятельности, не бояться литературы, думать и спорить, развивать свой кругозор. Вот почему её ученики всегда выходили победителями на конференциях любого уровня, будь то в Калининграде, Москве или Питере. За этот педагогический талант ей и была присвоена высшая квалификационная категория. А в 1997 году она переходит на работу в гимназию № 32, где весь педагогический талант раскрывается с новой си-

*На снимках
1980-х годов
Татьяна
Григорьевна
с ребятами из
геолого-
краеведческого
кружка
«Кристалл»*

лой. В школьном научном обществе, сразу введя настрой на поступление в ВУЗ, Татьяна Григорьевна прививает детям привычку видеть дальше школьной программы, бежать в библиотеку и рыться в книгах, расширять свой кругозор и научно обосновывать выводы в работе, не бояться конкуренции на конференциях, а бороться и побеждать. И дети это делали, привозя Дипломы и Грамоты, призы и подарки домой. За это её труд был неоднократно отмечен не только Дипломами и наградами, но и званием Академик.

А какие были увлекательные летние поездки в экспедиции по Подмосквовью и на Урал, в Чехию, откуда детвора приезжала окрепшая и жизнерадостная. Воздух, хорошее питание и интересная работа с находками делали свое дело. Такого заряда хватало надолго. И за всем этим опять стояла она, как заглазно называли дети: воспитательница, медик, повар, и за всем этим – учитель с большой буквы, потому что учила не проживать жизнь, а жить ею. Поэтому связь с ТГ у них сохранялась много-много лет.

Но при всём при этом Татьяна Григорьевна не забывает о литературном творчестве. Ещё в конце 70-х она пробует писать стихи. Робкие, но мудрые. И часто прячет в стол. А тут новая мечта захлестнула её. С 1965 года она влюбилась в природу этого края. Застава под Балтийском и Куршская коса стали излюбленными местами отдыха. Пройдя всю Куршскую косу от Зеленоградска до Клайпеды, видя смену не только растительности, но и животного мира, ландшафтов, этнографии, культуры населения, она вынашивает идею – эссе о Куршской косе. И сборник эссе «Этюды о Куршской косе» был написан, но вышел он лишь в 2001 году. А до этого, в 1999 году, вышел первый сборник стихов «Мелодия и свет». А потом, в 2002, второй сборник стихов под названием «Пространство», куда вошло то, что не попало в первый.

Опять же в 2002-м выходит книга, навеянная не только организацией общества почитателей А.С. Пушкина, но проникновением в пушкинскую поэзию и прозу, в тему роли минералов в жизни поэта под названием, «Воспетый вдохновенно...» А в 2003-м выходит продолжение этой книги «Ищу талисман», в которой «литературные камни» связаны с жизнью писателей и поэтов XIX-XX веков.

Но была у Татьяны Григорьевны одна заветная мечта. Мечта, которой нет давности. Распевные мелодии стихов на языке фарси с детства звучали в её душе, а подкрепленные минералами – особенно. Собирая по крохам корявые «подстрочники» восточных поэтов VI-XII веков, занимаясь переводами сама, в 2004 году выпускает книгу, содержащую более 200 стихов арабских и персидских поэтов того времени.

И вновь душа тянется к Куршской косе. Ей кажется, что она мало сказала об этом дивном кусочке нашего края. И в свет выходит новая книга «Путешествия по Куршской косе» с рассказами о растительности как о ботаническом саде косы. И, конечно же, пишет стихи – сборники: «Раздумья», «Приношения Куршской косе», «Остров откровений» – дома, во время отдыха на косе, при первом удобном случае... Стихи, полные любви...

А в 2010 году вышла ещё одна её книга, посвященная любимым минералам, под названием «Рожденные морем».

Записано со слов Татьяны Григорьевны с использованием стихотворения «Три дома» из сборника «Мелодия и свет» В.Ф. Кожиным

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

У тебя сегодня день рожденья.
Между нами много сотен миль.
Очень скуп, родная, к сожаленью,
Телеграммы лапидарный стиль.
Но тебе сегодня океаны,
Синь небес и алую зарю –
Шар земной в сети меридианов,
Как арбуз в авоське, я дарю.

*Рудольф Буруковский
июль 1966, Гвинейский залив,
борт СРТР 9086 «Осташков»*

БАБУЛЕ

Я, к сожаленью, помню мало...
Не вспомню даже цвета глаз...
Но ты когда-то обнимала
Нежнее прочих в сотни раз.
Я помню цвет твоей помады...
И как духами пахла шаль....
Тебе от жизни было надо
Так много... Не случилось... Жаль!

Родная, знаешь, я скучаю.
Читать пытаюсь между строк...
Оставив столько за плечами,
Ты словно вышла за порог

И, кажется, вернешься снова,
Чтоб быть всегда-всегда со мной,
Своей улыбкой, добрым словом
Оберегать мой путь земной.

*Алина Лыскова,
09.02.2017*

Татьяна Буруковская

НАХЛЕБНИК

Автобус остановился на повороте к турбазе «Дюны», гармошка двери сложилась, и пассажиры, кто – восторженно восклицая, а кто – солидно помалкивая, стали выходить в июльское пекло косы. И потому, как они это делали, нетрудно было отличить новичка турбазы от завсегдатая.

Я в этой череде была ни тем, ни другим, так как приехала навестить отдыхающих здесь друзей. Двигаясь к выходу автобусной «галерки», я подошла уже к первому ряду сидений, когда пронзительный крик: «Кабан!» повернул столпившихся у обочины пассажиров и погнал их обратно в автобус. Давка в дверях создалась невероятная, кто-то проталкивался, кто-то падал и вновь цеплялся за поручень.

Экстравагантная девица с оторванным рукавом ворвалась в салон, причитая басом: «Помогите, боюсь! Помогите, боюсь!» Её успокаивал грушеподобный мужчина: «Лапа, лапа, не надо, я с тобой!» Девица прижимала рукав к торчащему веснушчатому плечу и не умолкала.

Кто-то пытался вытащить через окно забравшуюся на колесо дородную матрону лет сорока.

И тут грушеподобный завопил дискантом: «Закройте окна! Он же запрыгнет сюда и всех нас убьёт!» Лапа закатила глазки и стала оседать. Я спихнула её на сиденье и сказала:

– Не бойтесь, девушка, кабан сюда не впрыгнет. У него ноги короткие.

– Да? – сразу оклемавшись, с надеждой спросила девица.

– Конечно, тем более, что матрона заклинилась в окне.

Действительно, то, что у матроны было выше, так сказать, талии, торчало в салоне, остальное, как «Весёлый Роджер» в безветрие, висело снаружи. Матрона тихо выла.

Давка в дверях рассосалась, гармошка выровнялась, пассажиры обменивались впечатлениями, отчего в салоне стоял ровный гул.

Матрона, заливаясь слезами и мёртвой хваткой вцепившись в спинки двух сидений, безрезультатно пыталась втянуться внутрь.

Я через окно наблюдала за матёрым кабаном, спокойно стоявшим всё это время позади автобуса. Неожиданно зверь двинулся вдоль него и остановился прямо под зависшими в воздухе ногами матроны. Дикий истерический хохот, в котором бились слова: «Щекотно, ой, щекотно!» – наполнил салон, и матрона, нырнув в его спасительное нутро, плюхнулась животом на сиденье. Кабан был забыт. Все собрались вокруг Матроны.

Воспользовавшись этим, я решила пробраться к двери и попробовать задобрить кабана, поскольку он не подавал никаких надежд на скорое наше освобождение из автобусного плена.

Не то, чтобы я не боялась. Совсем даже наоборот. Но друзья, к которым я приехала, во время нашей прошлой встречи рассказывали, что есть возле турбазы кабан-нахлебник. Пока, мол, его не задобиришь, не отстанет. Вот мне и подумалось, не тот ли это нахлебник нас встретил.

В общем, упробив водителя приоткрыть дверь, я кинула тут же просунувшемуся в щель клыкастому рылу свеженький кекс, припасённый для друзей. Рыло тут же кекс убрало, но размер взятки был явно меньше запросов нахлебника. Тогда я бросила клич «скинуться» у кого что есть. Двое пожертвовали батоны, Лапа дала конфетку, кто-то ещё что-то по мелочи подбросил.

Только Матрона сидела с непоколебимым лицом и, видимо, подсчитывала, сколько должен кабан ей, дабы возместить моральный ущерб. Я выразительно глянула на неё. Тогда она демонстративно достала из сумочки плитку шоколада и, оторвав уголок обёртки, громко, так, что кабан ощерился и повёл в сторону Матроны глазом, отгрызла внушительный шмат, потом ещё, ещё. Если бы она могла предвидеть последствия этой «шутки с природой!» Однако я забегаю вперед.

Итак, взятка Нахлебнику была собрана и я, впервые в жизни, стала взяткодателем. Правда, на общественных началах, что меня как-то извиняет. Кабан съел всё, даже конфетку в фантике, сытно рыгнул, потрусил прочь от автобуса в сторону моря и вскоре скрылся из виду.

Я настоятельно попросила всех соблюдать тишину, дабы снова не завладеть вниманием кабана, и мы в полном молчании покинули автобус.

Встреча с друзьями была особенно радостной, поскольку на базе стало уже известно об очередной наглости Нахлебника и моём общении с ним. За явным преимуществом других тем, обсуждение «подвигов Геракла» на всепрямом поприще было у нас недолгим. День мы провели отменно, а под вечер пошли побродить по турбазе. На крыльце одного из домиков я увидела Матрону. По её вызывающе-презрительному взгляду, брошенному в мою сторону, я поняла, что душевная рана Матроны ещё кровоточит.

Мы уже миновали соседний домик, как вдруг я услышала знакомое подвывание, оглянулась и... Возле обезумевшей от страха Матроны стоял Нахлебник и, тупо глядя снизу-вверх, обжевывал по-

дол её немислимых размеров цветастой юбки. Надо сказать, аппетит у Нахлебника оказался отменным и, судя по всему, кабан был большим гурманом. Во всяком случае, пока мы с друзьями, реквизируя на чьём-то крыльце связку сушек, добежали до Матроны, юбка на ней больше походила на скудное одеяние туземки из племени мумбу-юмбу.

Один из моих друзей, отец семейства и в других обстоятельствах человек очень интеллигентный, благородно кинулся со связкой сушек на кабана, сопровождая этот неистовый бросок непереводаемыми идиоматическими оборотами из жаргона биндюжников.

Нахлебник всё понял и, не понюхав сушек, ретировался. Матрона наконец приглушила завывание и, смиренно потупив глазки, удалилась в домик.

Недели через три друзья мне рассказали, что Нахлебник постоянно навевался на турбазу, ни-

кого не обижал, а тихо ждал подачку и возле домиков, и рядом со столовой. Но как бы ни был сыт злопамятный кабан, он ежедневно в течение недели приходил к Матроне и поедал что-либо из одежды. Последней каплей, переполнившей сосуд её терпения, оказались разодранные им прямо на пороге домика импортные кроссовки. Лишившись такой престижной для курорта вещи, она сочла своё пребывание на дюнах нецелесообразным и отбыла.

Нахлебник проводил её до самого автобуса. Конечно, кабан хоть на прощание ждал гостинца. Но Матрона себе не изменила. Тогда-то Нахлебник её и поддел. Слегка.

Но это был единственный случай, когда он злоупотребил доверием человека. По крайней мере, так утверждают старожилы.

КАЛИНИНГРАД

Открою дверь и выйду за порог
И окунусь в озёра площадей,
И синеву асфальтовых дорог
Раскинет город радужных дождей.

Он не красавец и не сердцеед,
Мой сизый город на краю земли,
Но столько видел он побед и бед –
Спасибо, хоть таким уберегли.

Конечно, есть на свете города
С нетиповой застройкой авеню,
Где солнце ярче и мокрей вода –
Я их, как фотографии, храню,

Загромождая память для утех.
Но лишь тебя сквозь годы пронесу,
Через печали, радости, успех,
Мой трудный город, плоть моя и суть.

Открою дверь и выйду за порог
И окунусь в озёра площадей.
Вновь синеву асфальтовых дорог
Раскинет город радужных дождей.

* * *

Звучал Шопен, как будто лишь вчера
ноктюрн он сочинил, и это стало важным.
И каждый такт пророчеством дышал,
и каждый звук со струями сливался,
и знала я – ты в этот час решал,
какой огонь в твоей душе остался.
И что-то ты ловил в моих глазах,
старательно заглядывая в душу
и наконец тихонько мне сказал:
«Не опасайся – уж теперь не струшу».
И свет возник в глубинах жарких глаз,
и рьяный дождь внезапно прекратился.
Звучал Шопен, вновь связывая нас,
и мир вокруг любовью озарился.

01. 2010

* * *

Был ясен день,
в горах горело солнце,
в лазурном небе плыли облака,
казался мир бескрайним и бездонным
и мы на мир смотрели свысока.
Вдруг ветер взвыл,
и рухнул дождь –
не то, чтоб из ведра,
а словно из огромной старой ванны,
не гость – хозяин на восьми ветрах...

02. 2010

«КУДА ИДЕТ ДОЖДЬ?..»

Пьесы Владимира Сухова «Дождь за окном» и «Чудо из чудес»

«Дождь, дождь, дождь... Он идёт, и всё останавливается. Всё останавливается, а он идёт. Всегда идёт... Куда он идёт? Откуда?» — это реплика звучит почти в самом начале пьесы В. Сухова «Дождь за окном», которую сам автор назвал «театральной игрой в одном действии».

Эту фразу произносит Мужчина. Хотя для автора, в принципе, пожалуй, это неважно — её мог бы произнести любой из персонажей: Женщина, Девушка, Юноша. Даже Гитара. Включение её автором в список действующих лиц — не случайность и не прихоть, но тот поэтический закон, по которому он строит свои драматические произведения, где влюбленные, ссорящиеся, расстающиеся, хозяйева, гости, цветы (тоже влюбляющиеся), дождь (тоже приходящий в гости), прохожие, песни, их исполнители, гитара сосуществуют на равных. Ибо перо Владимира Сухова — прежде всего и, в первую очередь, перо поэтическое.

Суть поэзии, поэтического произведения — не в действии, но в сказанном. И три стихотворения-песни в канве пьесы — не дополнительный иллюстративный элемент, но тот основной эмоциональный стержень, на котором она и держится. В них — ключ и шифр к тому, что сказано и что не досказано в пьесе.

Проигрывая свои «театральные игры», в соответствии с законами поэтического слова, поэт и лирик В. Сухов не отталкивается от принципов драматургии, но, скорее, отталкивает их. И, по мере движения его пера, рассыпаются — как неловко сооруженная башенка из детских кубиков — драматургические шаблоны и клише.

Вот, кажется, уже в самом начале пьесы мы уловили суть конфликта: внутренний психологический (пятнадцатилетний!) конфликт семейной драмы. Ан, вот и нет! — ещё один конфликт налицо, конфликт поколений: «парникового», нового, проблемного, и старшего, с провозглашаемыми им моральными ценностями, с его тоской о разрушенных идеалах. Ой, а внутри нового поколения тоже, оказывается, конфликт зреет: на вопрос романтического влюбленного: «Тебе не холодно?» любимая отвечает: «Разумеется, в машине было бы теплее». Вот он, конфликт духовного и материального, конфликт приоритетов ценностей. И этот конфликт, как нам кажется, вот уж как нельзя более явственно вырисовывается и в пьесе «Чудо из чудес»...

Но не об этом говорит поэт Владимир Сухов. Точнее, об этом, конечно же. Но не в этом главное для поэта. Наивность старшего поколения, прагматизм молодых, мужской инфантилизм, женский

цинизм — всё это существует, разумеется. Но, по Сухову, проблемы и противоречия эти вторичны, производны.

Суть в том, что конфликт сидит внутри каждого из нас. Конфликт этот — в тотальном, бесконечном непонимании друг друга.

В пьесах Сухова все персонажи — Мужчина, Женщина, Юноша, Девушка, Роза, Вика, Коля — говорят на разных языках.

Так и хочется крикнуть им, героям этим:

Милые, вы — разные, абсолютно, несовпадаемо разные! Так зачем же вы — вместе?! А если вы — всё-таки, вопреки! — вместе, попытайтесь совпасть. Хоть в чём-то!..

Юноша, что же ты, не понимаешь слов, что произносит любимая? Она ведь тебе, в который уж раз, твердит: «Давай разойдемся», а ты, в упрямой глухоте своей, бубнишь в ответ: «Сначала давай поженимся!..» А дальше-то — что? Почему ты не слышишь её?! Почему мы вообще не слышим друг друга?!

Коля, дорогой, ну, зачем у тебя в жёнах цветочек Фиалка (Вика), если ты хочешь жареной картошки? Вот и умирает цветочек Фиалка в условиях несовпадения... Но — Фиалка, милая, драгоценная, мама её, фея и волшебница, удивительная Роза, а вы-то, феи и волшебницы, куда смотрите?! Упрекаю Колю в непонимании вашего мира, зачем же вы обе, феи и волшебницы, корёжите, калечите его мир?! Когда он, примитивно, возможно, приземлённо, но защищает свой — примитивный, возможно, приземлённый — мир, кто дал вам право снисходительно изрекать: «Это пройдёт...» С чего вы, феи и волшебницы, вообразили, что ваш мир — единственно правильный и совершенный?!

Поэт Владимир Сухов не лепит характеры, не продумывает драматически напряжённые ситуации. Он задает вопросы. «Поэты — вопросы», как говорил его любимый Вознесенский.

Поэта волнует то, что, фатально разучившись понимать и слышать других, мы перестали понимать себя. Виртуозно управляя словами, мы разучились управлять нашими поступками, мыслями. Ибо слово наше уже не соответствует ни мыслям нашим, ни поступкам. Превратившись в суррогат человеческого общения, оно давно уже существует само по себе. «Печаль — это вечно не тот»... И самое печальное в том, что мы, на самом деле, не знаем, а кто для нас — тот?

Но общение необходимо как воздух. И, слепо не различая того, кто рядом, Женщина приглашает из дождливого сумрака к тёплому чаю тех, кто ей совершенно неведом. Что она жаждет получить

от них? – она и сама не знает. И также, слепо не различая того, кто рядом, Девушка стремится, как мотылёк, на свет в чужом окне.

Зачем нам свет в чужом окне? Почему нам света своего окна не хватает? И что же с нами со всеми случилось, если мы зажигаем свет в окне собственного дома для кого угодно, но только не для тех, кто рядом с нами живёт в этом доме? И не поэтому ли что-то неладно со светом в окне нашего дома?

*Дождь протянул через окно
свою ладонь, свою ладонь,
но было в комнате темно,
и за окном, и за окном.*

Вот и стоят они, Мужчина и Женщина, у окна своего дома. Только стоят они с разных сторон этого окна, он – снаружи, она внутри. А надо бы – чтобы в доме и рядом!..

Герои обеих пьес отчаянно пытаются вырваться из общей нашей глобальной слепоглухонемоты. Но в этом естественном их движении друг к другу они в какой-то момент оказываются наиболее уязвимыми. Ибо существует граница, которую, по Владимиру Сухову, переступить ни в коем случае нельзя. Ни во имя искреннего стремления изменить другого в лучшую сторону, ни во имя столь же искреннего желания изменить себя ради того, кто тебе дорог. Содеянное тобою может беспощадным бумерангом обрушиться на тебя. Умирают ведь – пытаюсь изменить, пытаюсь измениться – Роза и Вика. Правда, они с такой же лёгкостью и возвращаются из небытия – цветы, что с них возьмёшь! –

но лёгкость эта обманчива, и вопрос, заданный поэтом, в своей «не совсем серьёзной пьесе», звучит абсолютно серьёзно. Где она, та черта, с которой начинается точка невозврата, за которой начинается если не распад личности, то пугающая утрата чего-то главного в тебе?

«Я жизнью расплатился», – говорит Мужчина. Готовы ли мы к такой плате? Не высока ли цена? Плата это или расплата? Коля в желании удержать Вику идет на компромисс с самим собой и получает в награду – одиночество. Это проигрыш или победа? Дар высокого волшебства, утраченный Фиалкой в её соприкосновении с повседневностью, – это высокая жертва или бессмысленная потеря? Что лучше: золотой лев или ящик с пивом?

У поэта ответов нет. Смысл поэта – задавать вопросы.

«Какая-то ходьба по кругу», – это уже не о дожде. Это о всех нас. Все мы ходим по кругу. Всю жизнь. Неужели «только и остаётся, что чай пить»?

Куда идёт дождь? Куда идём все мы под этим распроклятым, прекрасным, беспощадным дождём сомнений, взаимных обид, неверия, редких прозрений и крохотных надежд?

Поэт Владимир Сухов предлагает нам вопрос – но не рецепт! – как вырваться из этого круга?..

Нам стоит только притормозить в безостановочном плутании бытовой круговерти и – хотя бы попытаться найти ответ на этот вопрос... И, вероятно, тогда исчезнут сомнения в том, что дождь вырос именно из земли, ибо суть движения – только вверх. Но – не по кругу. Не по кругу!..

Аполлинария Зуева

Владимир Сухов

ДОЖДЬ ЗА ОКНОМ

Театральная игра в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мужчина
Женщина
Юноша
Девушка
Он, Она и Гитара

В центре сцены или иной игровой площадки – окно. Слева от него – условная квартира: кресло, торшер, стол. Справа – уличная скамейка. Она освещается сверху, как если бы на неё падал свет фонаря.

Он и Она – исполнители трёх песен – могут петь, находясь среди зрителей.

Первая песня

Дождь вырос из земли, обвитый снизу лесом,
и слабая трава запуталась в корнях.
Он страшно изумил живущих под навесом
и любящих игру дрожащего огня.

Дождь вырос до небес основой гобелена,
и птицы стали ткать стеклянный гобелен.
И выткались на нём не вставшие с колена,
и выткались на нём не гнувшие колен.

Дождь вырос из земли и сшил земное с вечным –
две стороны одной не жизни, но судьбы, –
чтобы печальный мир казался нам беспечным.
А струи всё росли, и множились грибы.

Дождь вырос из земли, как явь из сновидений,
и лес торжествовал, что понят и продлён.
Дождь рос и повторял строение растений
И солнцем, как цветком, заканчивался он.

В КОМНАТЕ

Мужчина: Может, нам огород завести? А то мы с тобой, как сироты – ни собаки, ни огорода.

/Пауза/ Я что-нибудь не так сказал? Не молчи, социологи утверждают, что молчать вредно: человек теряет вкус к общению.

Женщина: Чаше вкус к общению отбивает само общение.

Мужчина: Вот и тема для беседы. Да-а... искусство вести беседу постепенно утрачивается. Людям остаются кроссворды, люди уже не делятся информацией: смешно делиться тем, что у всех есть. Общаться, значит, говорить на общие темы. А чтобы тебя поняли, говорить приходится на общем языке. Элементарно! Безусловно! Колоссально! Гениально! Эффективней.

Женщина: Общий язык – это общие мысли, а не общие слова на общие темы.

Мужчина: Ну вот, захочешь с ней поговорить, а она сыплет каламбурами и афоризмами, поставь лучше чайник, всё теплее будет, */подходит к окну/* дождь, дождь, дождь... Он идёт, и всё останавливается. Всё останавливается, а он идёт. Всегда идёт. Не висит, не стоит, не течёт. Куда он идёт? Откуда? Какая-то ходьба на месте.

Женщина: Должно быть, его выпускают на прогулку. По кругу.

Мужчина: Ты, кажется, на что-то намекаешь?

Женщина: Я намекаю на те годы, которые ходили по кругу, как этот дождь. На те пятнадцать лет.

Мужчина: Опять слишком мудрено, поговорим о чем-нибудь простом.

Женщина: Он уже начинает влиять.

Мужчина: Выбирай выражения, в самом деле!

Женщина: Когда мужчины пытаются обмануть свою совесть, им всегда кажется, что дело тут только в выражениях.

Мужчина: Уже и совесть!

Женщина: Впрочем, совесть – не женская прихоть. С ней можно и не считаться.

Мужчина: Я всегда говорил: остроумная женщина – это очень злая женщина...

Женщина: Да, ты говорил это всегда. Видимо, тебе эта фраза заменяет собственное остроумие.

Мужчина: Да что с тобой сегодня! Я весь утыкан твоими шпильками, как подушка для булавок. Всё! Хватит!

/Молчание/

Ну, извини меня. Что случилось?

/Женщина отходит к окну/

Женщина: Сегодня день нашей первой свадьбы. И сегодня я подумала, что у нас никогда не будет золотой свадьбы. Смешно сказать, но я всегда мечтала о золотой свадьбе. Такой праздник на старости лет!

Мужчина: Почему не будет? Думаешь, не доживём?

Женщина: Доживём, только до чего? с какого года счёт вести? Свадьба с перерывом в пятнадцать лет. Пятнадцать лет, которые ни прибавить, ни отнять, вот такая арифметика.

Мужчина: И из-за этого ты переживаешь? Да если хочешь знать, нам повезло, что так случилось! Мы отпразднуем две золотые свадьбы! Не так уж и плохо. Если доживём.

Женщина: Если доживём до второй, я тебе прощу первую. Но не раньше. А пока пойдёшь поставь чайник.

Мужчина: Я думал, он уже вскипел.

Женщина: Ничего страшного, пятнадцать минут – не пятнадцать лет. А они всё сидят.

Мужчина: Кто?

Женщина: Вчерашняя парочка за окном. Дождь идёт, а они сидят.

Мужчина: Целуются?

Женщина: Я не вглядываюсь. Да и неинтересно.

Мужчина: Не могу представить, о чём они могут сейчас говорить?

Женщина: О чём все говорят. О чём ты говоришь, о будущем. О пустяках и звёздах, о модах.

Мужчина: Да, говорить они могут о многом. Они все теперь умные, только ведь умом полено не расколешь. Парниковое поколение. Ты посмотри, как они одеваются: штаны – сто рублей, рубашка – пятьдесят, туфли – семьдесят. А дешевле – униженно, потому что платят они деньгами, а не трудом. А деньги – родителей, бабушки-профессора, тётки-спекулянтки. Никаких проблем.

Женщина: Да, одежда для них не проблема. Но как честно жизнь прожить – проблема, как быть счастливым – проблема, как мир познать, как своё место найти – проблема. А ты им тут – помощник? Ты им – пример? Луч света? В том трагедия твоя, и не только твоя: учите тому, чему сами не учены. Каждый второй пенсионер считает себя царем Соломоном, а у самих вместо авторитета – возраст, вместо своего опыта – чужой, вместо знаний – инструкции. Для тебя собственное прошлое – пороховой склад. Моралист. «По газонам не ходить, идеалов не топтать!» Чай мы будем пить сегодня?

Мужчина: Только и остается, что чай пить.
Затемнение.

НА СКАМЕЙКЕ

Юноша: Опять это окно светится.

Девушка: Почему опять?

Юноша: Мы здесь второй раз.
Девушка: Я и не заметила.
Юноша: Тебе не холодно?
Девушка: Разумеется, в машине было бы теплее.
Юноша: В какой машине?
Девушка: Если бы у тебя была машина, мы сидели бы в ней.
Юноша: Может, обойдёмся пока без машины?
Девушка: Может, и обойдёмся.
Юноша: А то, может, купим?
Девушка: Тебе троячок одолжить?
Юноша: Да нет, лучше пудру купи.
Девушка: Пудра стоит немного дороже.
Юноша: Где же ты возьмёшь денег на пудру?
Девушка: Там же, где ты – на машину.
Юноша: Все остроумные женщины – злые.
Девушка: Где-то я это уже слышала.
Юноша: В трамвае, наверное.
Девушка: Давай зайдём к ним в гости.
Юноша: К кому?
Девушка: Кто-то, наверное, живёт за этим окном?
Юноша: Неудобно.
Девушка: Ну да! – зачем мешать людям?
Юноша: А в самом деле, зачем мешать людям?!**Девушка:** Ты скучный, бескрылый человек.
Юноша: А ты просто бессовестный человек.
Девушка: А зачем мне совесть, милый, если у меня есть ты?
Юноша: По-моему, я нужен тебе не больше, чем совесть.
Девушка: Я уже говорила – давай разойдёмся.
Юноша: Давай сначала поженимся.
Девушка: Из принципа?
Юноша: А может, в самом деле, – любовь это принцип?
Девушка: Дождь идёт.
Юноша: А ты прижмись ко мне покрепче.
Девушка: Надоело
Юноша: Ну, пойдём ко мне.
Девушка: Нет уж. Чтобы все твои родственники на меня глазели...
Юноша: А что делать!
Девушка: Мог бы снять квартиру!
Юноша: Думаешь, это так просто?
Девушка: Думаешь ты. А пока ты думаешь, другие что-то делают.
Юноша: Другим что-то достают, других куда-то устраивают, у них квартиры, машины, путёвки и книги.
Девушка: Ты, конечно, выше этого.
Юноша: Просто это выше меня, мой папа не министр.
Девушка: Если бы ты любил меня по-настоящему, ты больше бы думал о простых вещах, без которых не проживёшь. Ты бы заботился обо мне, а не читал морали. Хочешь, чтобы руки были чистыми, и не вынимаешь их из карманов. Мог бы вагоны разгружать по ночам. Пять ночей – пятьдесят рублей.

Юноша: Как раз на флакончик французских, духов.
Девушка: Красивая женщина дорого стоит. По карману ли я тебе?
Юноша: Поражаюсь: откуда в вас этот цинизм?
Девушка: Кто это – мы?
Юноша: Молодые красивые. В золоте на папины деньги.
Девушка: На дядины.
Юноша: Извини. Я забыл.
Девушка: Ты увлёкся.
Юноша: Извини.
/Целует её/

В КОМНАТЕ

Женщина: Где-то ещё варенье было.
Мужчина: Почему так много чашек?
Женщина: Мне кажется, у нас сегодня будут гости.
Мужчина: Странно. Кто?
Женщина: У нас будут молодые люди.
Мужчина: Знакомые?
Женщина: Молодые всегда незнакомые,
/Звонок в дверь. Женщина открывает/
Проходите, мы вас ждали.
Юноша: Наверное, не нас?
Женщина: Но это вы сидели на скамейке?
Юноша: Да.
Женщина: Чай уже готов. Пожалуйста, к столу.
Девушка: Добрый вечер. Всё так неожиданно.
Мужчина: Добрый вечер. Для нас тоже.
Девушка: Вы живёте вдвоём?
Мужчина: Пока, слава Богу, да.
Девушка: И вам не скучно?
Мужчина: Скучно бывает только молодым, от безделья.
Девушка: А вы, наверное, пишете мемуары?
Мужчина: Кто читать будет? Не вы ли?
Девушка: Старички вроде вас. Которым нескучно.
Юноша: Мемуары надо писать, как исповедь. Тому, кто исповедуется, безразлично – кто его слушает.
Девушка: А если слушающим не интересно?
Юноша: Исповедь – это правда. А правда всегда интересна.
Женщина: Ещё чай не пили, а разговор уже вон куда зашёл.
Мужчина: Повезло тебе с собеседниками.
Девушка: Все интеллигенты очаровательны. Когда светит солнышко.
Женщина: Садитесь, пожалуйста, к столу.
Девушка: Какая прелестная сахарница! Балдёж!
Мужчина: Что!
Девушка: Жаргон. Высшая степень восхищения.
Мужчина: А что, иначе никак нельзя его выразить?
Девушка: А зачем? В том-то и дело, что можно, но так – лаконичнее.
Мужчина: Привыкнете вот так – лаконичнее, и родной язык забудете.

Девушка: Великий и могучий?

Мужчина: Вы и в этом сомневаетесь?

Девушка: Ну что вы! Мы же газеты читаем.

Мужчина: А книги? Толстого, Тургенева?

Девушка: В нашем магазине такие не продаются.

Женщина: Не надо нападать на гостей.

Юноша: И с хозяевами можно быть повежливее.

Девушка: Всё читать – жизни не хватит. А когда жить? Когда совершать ошибки? Когда их исправлять?

Женщина: Девушка права. Давно ли ты сам взялся за книги? Ты же служил всю жизнь, исправлял чужие ошибки, и не замечал своих, именно поэтому, что было некогда.

Мужчина: Время было другое. Мы не виноваты, что не читали. Мы историю делали.

Юноша: Извините, но вот всегда так говорят: время было не то. А сейчас вроде бы время то, а вот люди не те. Так получается? Когда же оно будет-то?

Мужчина: Вот, молодые люди, перед вами женщина, умная и правильная. Её жизнь, как она считает, не удалась. Нас с этой женщиной связывает то, что обычно людей разлучает. Мы расстались с ней нелепо перед самой войной, а встретились через пятнадцать лет.

Женщина: Могли бы и не встретиться.

Мужчина: Я искал тебя.

Женщина: Я никуда не уезжала.

Мужчина: Но я этого не знал. Мне в голову не приходило, что ты живёшь в том же доме, в той же самой комнате.

Женщина: Он бросил меня, когда мне было тяжело. Он испугался. Моего отца арестовали, и мой жених не рискнул ставить под удар свою карьеру – уехал в командировку на пятнадцать лет.

Мужчина: Началась война, и было не до этого.

Женщина: А потом?

Мужчина: Ты же знаешь, я не мог бросить работу.

Женщина: Ты мог бы написать.

Мужчина: Я приехал, как только смог. Я был счастлив, что нашёл тебя.

Женщина: Я не ждала тебя. Я не ждала его. Он меня бросил, и я умерла, что-то случилось со мной, что-то остановилось внутри. Я и сейчас не чувствую возраста. Мне двадцать лет, и он меня бросил. Год за годом я проживаю эту боль сначала. Она не проходит.

Мужчина: Что же мне делать? Я забыл, когда мы по-человечески говорили друг с другом, всё это изысканное остроумие, весь этот поток слов для того, чтобы медленно сводить меня с ума.

Девушка: Вам давно надо было разойтись.

Женщина: Я отдала ему всю жизнь. С чем бы я осталась?

Мужчина: Иногда нам бывает хорошо, потом её голова снова заполняется словами, как песочные часы, и вот слова текут и падают, и капают мне на темя. Ежедневная китайская пытка.

Девушка: Как вам не надоеет такая жизнь!

Мужчина: Какая жизнь в старости! Это только она как будто всё ещё чего-то ждёт.

Женщина: Справедливости она ждёт.

Мужчина: Все ждут справедливости, однако зачем отравлять другим жизнь во имя своей справедливости?

Женщина: А ты сделал счастливым хоть одного человека? Хотя бы за те пятнадцать лет.

Мужчина: Мы для всех счастье строили.

Женщина: Счастье – не общежитие, и даже не фонтан. Ты вернулся ко мне, чтобы быть счастливым. Всю мою жизнь ты взял себе, и что в итоге?

Девушка: Жизнь – это не то, что в итоге, а то, что в процессе. Счастье, наверное, тоже.

Женщина: А мне нужна справедливость. Хотя бы в итоге жизни. Сегодня мне, почему-то, особенно тяжело, уходи, я не могу тебя видеть сейчас.

Мужчина: Дождь на улице.

Женщина: Господи, как тяжело!

Вторая песня

Дождь протянул через окно
свою ладонь, свою ладонь,
но было в комнате темно
и за окном, и за окном.

Дождь долго шарил по траве.
Быть может, он искал очки,
забыв на мокрой голове –
совсем, как ты, как ты почти...

Дождь был беспомощен и слеп.
Читались в нём твои черты:
чтоб преломить со мною хлеб,
он шёл весь день, до темноты.

О дождь, о брат, прости меня!
Я взял свечу, зажёл огонь –
и дождь отдёргнул от огня
свою ладонь, свою ладонь...

НА СКАМЕЙКЕ

Юноша: Вы не расстраивайтесь. Она простит. Это нервы, всю жизнь вместе прожили как-никак.

Девушка: Она не простит.

Мужчина: Молодые люди, разберитесь в своих делах.

Юноша: Извините.

Девушка: Вы в своих за сорок лет не разобрались, а нам предлагаете.

Мужчина: Вот, пока не поздно, и разберитесь.

Юноша: У нас, кажется, всё ясно. Была бы квартира, мы бы поженились.

Девушка: Ты уверен?

Юноша: После этого вопроса – нет.

Мужчина: Значит, дело не только в квартире?

Юноша: Видимо, да. Я первый раз об этом слышу.

Девушка: Роль жены – не моё амплуа. Я слишком хорошо знаю мужчин.

Мужчина: Даже так!

Девушка: Природный дар. Мужчины слишком старательны, вот он станет образцовым мужем, внушив себе, что при этом он от слишком многого отказался, и будет требовать от меня такой же жертвенности.

Юноша: А как же иначе!

Девушка: Я выйду замуж за человека, который мне не в тягость.

Юноша: Зачем же ты мне голову морочила?

Девушка: Иногда мне с тобой было приятно, за неимением гербовой пишем на простой. Семья – форма экономической зависимости, а я в кабалу идти не хочу. Ты не тот человек, для которого можно было бы отказаться от себя.

Юноша: Пойду я. Другую себе девушку найду. Чистую и светлую.

Девушка: Бери прямо из химчистки.

/Юноша уходит/

Мужчина: А разве можно – так?

Девушка: Я не признаю такого понятия как святая ложь. У меня ко всякой лжи отвращение.

Мужчина: Понять вас, наверное, можно, но принять... вы безжалостные какие-то.

Девушка: Мы уж сами разберёмся, вы лучше не мешайте. Мы и Толстого сами почитаем, без ваших комментариев. Себя вы научились обманывать, а нас не надо.

Мужчина: Не вечно же вы будете молодыми и красивыми.

Девушка: Пока есть силы, жить надо в полную силу. В наше время женщина и без семьи – член общества.

Мужчина: Уверенная вы девушка, только не думайте, что ваша правота – окончательная.

Девушка: Я из своей правоты закона не делаю. У каждого он свой.

Мужчина: А юношу вам не жалко?

Девушка: Его нельзя жалеть. Если бы он приобрёл меня, он бы великим князем себя почувствовал.

Мужчина: Да, жестокое поколение сидит на лавочке в полночный час.

Девушка: Мой вам совет – разойдитесь, пока не поздно, честнее будет, всё равно, вы друг другу неродные.

/Девушка уходит/

Мужчина: А как я её брошу? – она же совсем больная. И врач говорит, что лечить поздно. Теперь уж всё. Молодым, конечно, проще. Они все-му оправдание найдут. Пьёт – оправдывается, гуляет –

оправдывается, из Маркса цитату приведёт. Верно сказали сегодня: то время не то, то люди не те. Живешь – ошибаешься, умрешь – оправдаешься

/Подходит к окну/

Прощенья просить, вроде, не за что. Я жизнью расплатился, тоже не сладко было. Сама выйдет и позовёт.

/Стоит у окна, пока не погаснет свет/

Третья песня

Печаль – это печки тепло,
где вместе – огонь и зола.
Закат – словно птичье крыло,
а в нём – с опереньем стрела.
Печаль – это дом и очаг,
курчавой хозяйки плечо,
и чёртики в чёрных очах,
и речи в ночи ни о чём.

Свеча догорит на полу,
а в окна заглянет рассвет.
К чему ворошите золу?
Огня в ней вчерашнего нет.
Печаль – это речка в лесу.
А дома – тепло и уют,
и сохнет слеза на весу,
которой упасть не дают.

Печаль – это вечно не тот,
а вместо любви – письмецо.
Луна, как ночной пешеход,
за тучами прячет лицо.
Откройте печали сердца.
Печаль не предаст, не пройдёт.
Печаль – ощущение конца
в начале грядущих забот.

Печаль – это дождь проливной,
прошедший вчера поутру.
Не помню, что было со мной,
но кажется, что не умру.
Печально, мой друг, сознавать,
что наши года позади.
Пьём чай, но пора ночевать.
Прощай, иногда заходи.

Проходит и дождь, и любовь,
что делать – причуды судьбы!
Не листья опали с дубов,
а рухнули сами дубы.
Печаль – это смена богов
меж временем тем и иным.
Одиннадцать мерных шагов
пред верным ударом штрафным.

ЧУДО ИЗ ЧУДЕС

Не совсем серьёзная пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Коля – обыкновенный человек
Вика – необыкновенная девушка, его жена
Тетя Роза – удивительная женщина, её мать
Трое друзей
Прохожий

КАРТИНА 1. *В полумраке, подняв воротники, неуютно стоят трое друзей с гитарой, поют песню на чужие слова, но при этом переживают что-то своё.*

Обо всём забыл я давным-давно,
Допьяна я пил твоих губ вино.
От глотка хмелел и ходил конём.
Я тобой болел по утрам и днём.

Я мосты рубил, не глядел назад.
Я тебя любил, как свои глаза.
Я работал в ночь, сколько было сил,
Я тебя, как дочь, на руках носил.

Знал, что ты сгоришь в предпоследний миг,
И запомнил лишь запах губ твоих.
Пели соловьи целый день потом.
Ты следы свои замела хвостом.
Не горит окно, не блестит стекло.
Всё твоё вино по усам стекло...
/Долгая пауза/

Первый: Эх! Врезать бы кому-нибудь сейчас!

Второй: Спели песню, дураки!

Третий: И за что мы такие – люди русские? Не выпьем – мучимся, выпьем – еще больше мучимся, а споем – и жить не хочется, как будто в этом дело...

/Бросает гитару/

Первый: Вон человек идет.

Второй: Довольный, с портфелем.

Первый: Из ресторана идет. Или в ресторан.

Второй: Да нет, ученый. С портфелем.

Первый: Зарплату несет домой. Или не домой.

Второй: Давно я, ребята, в ресторане не был!

Третий: Не для тебя там музыка играет...

Второй: Эй, товарищ!

/Прохожий останавливается в нерешительности: то ли подойти, то ли бежать. Ребята сами подходят/

Прохожий: Лучше вы меня не трогайте!

Второй: Здравсьте! С чего это он взял, что мы его будем трогать?

Прохожий: Вы меня лучше не трогайте!

Первый: Да кто тебя трогает? Кому ты нужен?

Прохожий: Лучше бы вам меня не трогать! Ох, не советую я вам трогать меня!

Третий: Вот завёлся! Не человек, а будильник какой-то!

Прохожий: Не надо меня трогать. Вам же лучше будет.

Первый: А если тронем? Что будет? Что?

Прохожий: Не советую я вам меня трогать. Лучше не надо.

Второй: По-моему, он псих.

Третий: Конечно, псих. Пусть идёт.

Первый: Ладно, иди. А то документы проверим.

/Прохожий скрывается в темноте/

Второй: Он, что, за хулиганов нас принял?

Третий: Видимо, да. Все-таки, подходят трое, темно...

Первый: Странный тип. Надо было врезать ему. А то заладил: не трогайте, не трогайте, как будто кто-то собирался... Гляди! Еще один идёт.

Второй: Ага, идёт. И что-то, вроде бы, несёт.

Третий: Наверное, это красная шапочка.

Второй: А пирожки у нее! Ох и вкусные!

Первый: Это мужик какой-то. Молодой.

Второй: Ты один подожди, заведи разговор, а потом крикни: наших бьют! Да смотри, чтобы не убежал!

/Первый догоняет молодого человека, несущего тяжёлую сетку с картошкой/

Второй: погоди, это же Колька!

Третий: Да? Точно, Колька. Эй, Колян!

Коля: Привет.

/Он смущен и недоволен/

Второй: Ты что? Не узнал? Не рад?

Коля: Я узнал. Я спешу.

Третий: Ты поговори с друзьями.

Первый: А я его не знаю.

Второй: Это приятель наш старый.

Первый: А мне-то что? Я его не знаю.

Второй: Ну, как жизнь? Закурить есть?

Коля: Я не курю. Бросил.

Первый: Он не курит.

Второй: Ты где сейчас? Говорят, женился?

Коля: Да, женился. Ребята, мне некогда.

Первый: Ему некогда. Он женился.

Третий: Ты поговори немного с друзьями, а потом иди.

Второй: Кто она у тебя?

Коля: Кто-кто... девушка.

Третий: Всё ещё девушка?

Коля: Да ну вас!?

Второй: погоди, не обижайся. Расскажи, я, может, тоже жениться хочу.

Первый: Он, может, тоже хочет.

Коля: Что рассказывать? Познакомился, потом женился, повезло.

Третий: Тезке твоему, Кольке Прохорову, тоже повезло. На мотоцикле девушку катал: она – без руки, он – насмерть.

Коля: А я мотоцикл продал. Кровать купил с тумбочкой. Гуляли два дня. На эти деньги.

Второй: Она у тебя красивая?

Коля: Она необыкновенная.

Третий: Что – очень толстая?

Коля: Вам разве объяснишь? Вам лишь бы поржать. А она действительно необыкновенная! И мать у неё удивительная!

Второй: Тёща?

Третий: Тёщи всегда удивительные.

Коля: Нет, я серьёзно! Как бы сказать? Она, ну, не совсем нормальная.

/Друзья радостно ржут/

ТЬфу! Не могу я вам сказать правильно. Выразить. Она феноменальная, её мать...

Второй: Тёща?

Коля: Да не тёща она!

Первый: Не тёща?

Коля: Не подходит ей это слово. Тёща – слово грубое, а тетя Роза вся такая... она как музыка!

/Пауза/

Второй: Ладно, Коля, иди.

Третий: Иди, Коля, слушай музыку.

Первый: Приобщайся!

/Коля уходит, втянув голову в плечи/

Второй: С нашей улицы парень.

Третий: Вместе в техникуме учились. Он кончил, а я нет.

Первый: И этот псих. Все они психи. «Только меня не трогайте». Хотел я ему врезать, да картошку пожалел. Собрать потом...

Второй: В гости не позвал...

Первый: С женой не познакомил.

Второй: Пренебрёг, жизнь его за это накажет.

Третий: Ребята, вы увлеклись. Жизнь – не вашего ума дело. Вы свою роль сыграли. Хорошо, что не успели совершить ничего плохого, но больше нам тут делать нечего. Наше место в зале. Зритель нам не доверяет – сами станем зрителями! Сами будем судить – что хорошо, что плохо. Самая выгодная позиция, между прочим! На сцене ты статист, а в зале – судья.

Второй: Айда в зал!

Первый: Все же, мы приличные люди. Не век же стоять в подворотне!

/Спускаются в зал и становятся зрителями/

КАРТИНА 2. Свет, сияние, радостный смех.

Коля: Вика, я картошку принес!

Вика: /Вбегая или влетая/ Коля, а у нас радость – мама пришла!

Коля: Опять радость? Я думал, хоть сегодня мы побудем вдвоём.

Вика: Моя удивительная мама принесла нам с тобой подарок.

/Входит тётя Роза, на голове у неё кресло/

Тетя Роза: Дети мои, как я рада вас видеть! Коля, поставь кресло куда-нибудь в угол.

Коля: Почему в угол?

Тетя Роза: А в центре у нас будет стоять стол.

Коля: У нас нет стола. Пока ещё.

Тетя Роза: Ах, Коля, извини. */Вносит стол/*

Коля: Откуда этот стол?

Вика: Коля, моя мама удивительная! Чудеса – её слабость. Мама, а на чём Коля будет сидеть?

Тетя Роза: Извини. */Вносит второе кресло/*

Вика: А ты?

Тетя Роза: Я постою.

Коля: Откуда вся эта мебель?

Тетя Роза: Коля, прими это как подарок.

Коля: Должно быть, он стоит немалых денег.

Тетя Роза: Всё это ровно ничего не стоит. Обычное волшебство.

Вика: Моя мама удивительная...

Коля: Я знаю. А стол сколько стоит?

Тетя Роза: Коля, хочешь, я взмахну рукавом, и этот стол исчезнет?

Коля: Пусть стоит. Если чудо – пусть стоит, только, пожалуйста, больше ничего не надо. Я сам зарабатываю, и могу купить необходимое. А то совестно.

Тетя Роза: Коля, побори в себе этот вещизм, эту привычку мыслить приземлённо. Поверь в чудеса, Коля! Не ты для вещей, а вещи для тебя! Настоящая, чудесная жизнь открывается перед тобой! Пойди в неё и останься!

Вика: Останься, Коля.

Коля: Спасибо. А ты, Вика, почисти картошку.

Вика: Мама...

Тетя Роза: Да! Совсем забыла. Коля, у нас сегодня праздничный ужин – гусь в яблоках.

Коля: Откуда яблоки?

Вика: Коля, ведь договорились же!

Коля: Я помню! Чудо, поэзия, музыка, полеты с завязанными глазами под куполом цирка! Но гусь! В яблоках, как лошадь! Двадцать рублей за ужин! Вы знаете, почём на рынке гуси?

Тетя Роза: Коля?

Вика: Это пройдет, мама. Неси гуся.

/Тетя Роза вносит гусятницу/

Вика: Коля, где вилки?

Тетя Роза: Да! Совсем забыла! Столовый прибор.

/Достает из рукава ножи и вилки/

Серебро и мельхиор. Чудесные вещи!

Коля: За это серебро мне полгода работать надо! Уберите! Унесите обратно!

Тетя Роза: Куда обратно, Коля? Все создано одной любовью. Из сердца моего, из души.

/Плачет/ Ну хочешь, – махну рукавом...

Коля: Ладно, любовь из мельхиора. Пусть будет.

Вика: Ты угрюмый сегодня, Коля! В тебе не хватает витаминов.

Тетя Роза: О! Это идея!

/Вынимает откуда-то банку/

Ананасы! Из Южной Америки. Есть такое растение. Вкус у него чудесный.

Коля: Это здорово – ананасы, это – подумать только!

Тетя Роза: Кушай, Коля, ананасы и не думай. Думай о любви, о радости.

Коля: Я картошки хочу!

Тетя Роза: Сейчас!

Коля: Я своей хочу. Той, что принёс. И чтобы Вика почистила.

Вика: Коля, зачем чистить? Из принципа?

Коля: Чтобы чистая была. Без кожуры.

Вика: Мама, сделай чудо, почисти картошку.

Коля: Не мама, а ты!

Вика: А ты грубый, Коля, ты хочешь унижить меня домашней работой?

Коля: Работа – это необходимость!

Вика: Зачем же тогда техника, кибернетика, пылесос?

Коля: Они – понятно. А ты зачем, если работать не хочешь?

Тетя Роза: Коля, ты так ставишь вопрос?

Вика: Я не нужна тебе?

Коля: Нужна! Только мне ты нужна, а не фея из сказки. Я тебя люблю!

Вика: Любишь?

Коля: Люблю!

Вика: Что мне сделать для тебя?

Коля: Чисть картошку! */Вика уходит/*

Тетя Роза: Коля, это не случайность, это симптом. Я доверила тебе свою дочь, а ты хочешь сделать из неё домработницу. Ты варвар.

Коля: Да? Если хотите знать, я почти всё делаю сам.

Тетя Роза: А зачем? Предоставь это мне. Мне эти мелочи ничего не стоят, зато вы будете свободны, будете слушать музыку, читать, выращивать цветы на обоях, летать по ночам.

Коля: Я не умею летать.

Тетя Роза: Научишься! У тебя чудесная жена.

Коля: У меня закружится голова. Я же не херувим.

Тетя Роза: О такой жизни мечтали поэты! «Только мыслей и слов постигая красу, жить в сосновом лесу между красных стволов...»

Коля: Турбаза? Нам это доступно.

Тетя Роза: В лесу, Коля! И никого вокруг!

Коля: А питаться чем? Шишками?

Тетя Роза: А я?

Коля: Знаете что, тетя Роза?

Тетя Роза: Да?

Коля: Я не хотел бы, чтобы вы всё время были рядом с нами. У нас должна быть своя жизнь. Я вас обидел?

Тетя Роза: Коля, мне больно это слышать, но я думаю не о себе. Вика при таком образе жизни разучится делать всё, чему я её учила с детства. Ты помнишь, какой ковёр она выткала за одну ночь? А вечная сирень на баскетбольной площадке? А волшебный фонарь для детей? Она умеет творить чудеса, а ты заваливаешь её грязной картошкой! Ты имеешь дело с чудом, пойми!

Коля: Когда слишком много чудес, они начинают смахивать на махинации. Откуда у вас деньги? Откуда вещи?

Тетя Роза: Ах! */Упадает в кресло/*

Вика: Я не слишком долго? */Вносит в стеклянной вазе нечто, напоминающее букет роз/*

Коля: */с отвращением/* Что это ещё?

Вика: Мой сюрприз. Картофель, фаршированный изюмом и грецкими орехами, обжаренный в гусином жире и завернутый в розовые лепестки. Коля, что с мамой?

Коля: Все в порядке. Сидит, отдыхает,

Вика: Нет, Коля, ты не чувствуешь. Маме очень плохо. */Ставит вазу на пол/*

Коля: Может, «скорую помощь»? Я сбегаю.

Вика: Не надо.

Тетя Роза: Это даже смешно, что может сделать «скорая помощь» с разбитым сердцем матери? Я умираю, Коля.

Коля: Да вы что? Серьезно? Я вызову «скорую»!

Вика: Не надо. Как ты не поймёшь! Маме ничто уже не поможет.

Тетя Роза: Не удивляйся, Коля. У нас, цветов, это бывает. Ты дочь мою люби. Не застуди её. Не урони. */Умирает, погружаясь в темноту/*

Коля: Вика! Ты что, с ума сошла? Надо же как-то помочь! Что ты стоишь?

Вика: Чем ты, человек, можешь ей помочь? Она умерла.

Коля: Как ты спокойно об этом говоришь! Чувовище!

Вика: У нас, цветов, это бывает.

Коля: Какие цветы? Или я сплю? Человеку плохо, человек умер, надо кого-то вызвать, тело куда-то убрать!

Вика: У фей не бывает тела. Ты же видишь – её уже нет.

Коля: Вижу. А где она?

Вика: Ты всё равно не поймёшь в таком состоянии. Ужинать будешь?

Коля: Ужас какой-то! Я ваших фокусов не понимаю! Ты мне скажи, что случилось с твоей матерью?

Вика: Она умерла.

Коля: А где тело?

Вика: У неё нет тела. Она фея.

Коля: А я – гном? Как интересно!

Вика: Ты – человек, Коля. К сожалению.

Коля: А ты?

Вика: И я. Немножко, с кем поведёшься...

Коля: А у тебя есть тело?

Вика: А ты не знаешь?

Коля: Я забыл.

Вика: Вспомни, Коля. Уже ночь наступает. Какая сегодня ночь, Коля?

Коля: */Берет её на руки/* Какая?

Вика: Самая короткая.

Коля: Летнее равноденствие.

Вика: Год на переломе. А поженились мы – помнишь?

Коля: Было зимнее равноденствие.

Вика: Самая длинная ночь.

Коля: Самая длинная ночь. Я это помню.

Вика: А сейчас?

Коля: Я помню, помню. Самая короткая.

Вика: «Уж больно ночи коротки июньского порой...» это чьи стихи?

Коля: Не знаю, Вика, давай спать. Ночь коротка.

/Несёт её на руках, обходя сцену/

Вика: Коля, у меня есть тело? Я не чувствую.

Коля: У тебя волшебное тело. У тебя живое тело, горячее, чуткое. Спи.

Вика: Я совсем человек, да, Коля?

Коля: Совсем. Спи.

Вика: Я совсем-совсем женщина? Коля?

Коля: Спи, спи.

/Медленно несёт её на руках, обходя зал/

Уже жасмин просился в дом,
и ночь была прологом утра.
Стояли кони под седлом,
чтоб завтра послужить кому-то.

Во тьме у запертых ворот
шли тайные приготовления.
Созрел ночной переворот,
но ждали света как знамения.

Своих сочли по именам,
чужим – на двери белый крестик.
О, лишь векам и стремнам
известна тяжесть равновесия!

Отмерив смерть, давали жить,
и, как весы, висели птицы,
и ночь ещё могла решить,
какому дню в седло садиться.

А остальные письма жгли,
бросали книги и оружие
и прочь бежали от зари
назад, в ночное полукружье.

Был брошен город, словно хлам,
среди отъезжающей природы,
и год ломался пополам,
и век ломался – год за годом.

Но недоспали – и ушли.

И под уклон крутого года
катилось колесо Земли,
где белкой прыгала Природа.

/Испуганно/ Вика!

Вика: Что?

Коля: */Опуская её на землю/* Что за стихи я читал всю ночь?

Вика: Свои стихи.

Коля: Я никогда не сочинял стихов. И наизусть знаю только из школьной программы.

Вика: Ты сам сочинил, Коля! «И как весы, висели птицы...»

Коля: Нет, это не моё! Я не умею так! Мне это не нравится!

Вика: Это талант, Коля. Он в тебе проснулся.

Коля: Нет во мне никакого таланта! Он мне не нужен! Он чужой!

Вика: Коля, ты убиваешь меня.

Коля: Я нормальный человек. Я не хочу. Мне не нужны ваши ночные полёты и стихи дурацкие. Хотите сделать из меня душевнобольного?

Вика: Но я – фея!

Коля: Не ври! Это материно воспитание. Ты женщина, ты должна работать, рожать детей.

Вика: А красота, а чудо?

Коля: Всему свое время.

Вика: Ты не веришь! Ты опять мне не веришь!

Коля: Вика, я полюбил тебя за то, что ты необыкновенная, но жить-то надо нормально!

Вика: Не веришь в чудо?

Коля: Да верю я, верю! Я вот, например, не удивлюсь, если сейчас вдруг войдет... ну, Кассиус Клей или Шамаханская царица. Ты можешь это сделать, я верю.

Вика: И ты не удивишься?

Коля: Не удивлюсь.

Вика: Не удивишься?

Коля: Ни капельки! Я даже глазом не моргну.

Вика: Ну, смотри, Коля, вот если сейчас сюда войдет золотой лев или рыцарь – ты не удивишься? Поверишь в чудо?

Коля: Не удивлюсь! Поверю!

Вика: Ну, смотри, Коля. */Ждут/*

Вика: Я не могу! */Плачет/* Я разучилась!?

Коля: Вот видишь, чудо чудом, а у жизни свои законы.

Вика: Неужели, я все забыла?

Коля: Не переживай, Вика. Просто ты становишься нормальным человеком. Ты выздоравливаешь, я знаю, ты фея, но нельзя же так серьёзно из-за этого расстраиваться.

Вика: Понятно. Скажи, чего бы ты сейчас хотел?

Коля: Пива. Чешского. Холодного. Сегодняшнего.

Вика: Стакан? Бутылку?

Коля: Ящик!

Вика: Возьми за креслом.

/Коля выволакивает ящик пива/

Вот видишь! А ты не верил, все-таки, ты не верил.

Коля: Да-а. Ну, а что я буду делать с этим ящиком?

Вика: Пей.

Коля: Одному неинтересно. Позову друзей. Они спросят – где достал? Что я им скажу?

Вика: А ты никого не зови. Чудо потому и чудо, что не для всех.

Коля: Тогда и мне не надо. Я лучше в очереди у бочки постою.

Вика: Значит, тебе мой подарок не нужен?

Коля: Не нужен!

Вика: И ни одно из моих чудес не нужно?

Коля: Одно – нужно!

Вика: Какое?

Коля: Ты сама!

Вика: Ты мещанин, Коля. Собственник. Тебе нужно только своё.

Коля: Ну так я принимаю твой подарок!

Вика: Поцелуй меня! */Коля целует её/*

Ах! Мне холодно!

Коля: Не понял.

Вика: Умираю. */Умирает/*

Коля: Ну что ты будешь делать! Мрут как мухи!

Тетя Роза: Как цветы, Коля.

Коля: Тетя Роза?

Тетя Роза: Зашла проведать. И вот – картина...

Коля: Что за фокусы? В вашем возрасте... Эти розыгрыши... Жестоко и глупо!

Тетя Роза: Что с моей очерью?

Коля: То же, что и с вами!

Тетя Роза: Ты убил её.

Коля: Я её не трогал.

Тетя Роза: Ты её заморозил. Я предупреждала.

Коля: Тут не теплица. Тут естественный отбор.

Тетя Роза: Это не человеческий закон, Коля, а закон природы.

Коля: С вами все законы перепутаешь. Она оживёт?

Тетя Роза: Вряд ли. А если оживёт, жить с тобой не будет.

Коля: Я вам не доверяю. Вы слишком легко расстаётесь с жизнью.

Тетя Роза: Просто мы живем чувствами. Как все цветы. Как все женщины.

Коля: Кто вас разберёт? Может, вы и правы.

Тетя Роза: Человеческие чувства – чудо. Иначе к ним относиться нельзя. Только бережно, иначе – железобетон вместо тёплых губ и волнения.

Коля: Я так и живу. Я, в общем-то, добрый и чуткий. Я Вику люблю, не обижаю никого.

Тетя Роза: У вас мозги повернуты, ты уж извини, задом наперёд, вы сначала проживёте жизнь, а

потом начинаете думать о том, зачем вы жили. Что, не так?

Коля: Так, тетя Роза. Так ведь и будет на склоне лет. Тетя Роза, совершите чудо? Верните всё назад! Вика, вставай! Самый длинный день начинается! Чудеса ваши буду ценить, только мне чужого не надо, полетаем ещё, потанцуем. Гуся съедим. Верю я вам, тетя Роза! Без чуда нельзя! Душа должна жить разнообразно, чтоб человеку самому с собой быть не надоело. Чтобы любовь была радостной, чтобы удивление было. И феи нужны, и гномы. Иначе – для чего же их народ выдумывал, правда?

Вика: Ну, смотри, Коля! Теперь – последний раз.

Тетя Роза: А то другого себе найдём.

Коля: Я все понял! Только назад всё верните! Хочу перед друзьями извиниться. Я их обидел, скрыл от них всех чудо, в гости не позвал. А тут – пива целый ящик! Нельзя без друзей. Дружба – это тоже чудо. А как же! Давайте всё начнём с того момента, когда, помните, прохожий вот здесь стоял?

Прохожий: Не надо, молодой человек. Лучше не надо, вы ведь помните, в каком они были состоянии? Меня хотели побить. А вас, это уж точно, побьют.

Коля: И пусть! Значит, сам виноват. Другьям изменил. Ребята! Вернитесь! Встаньте как стояли! Я снова пройду – и будь что будет! Набейте мне морду, чтобы мне неповадно было в другой раз от друзей отворачиваться! Ребята! Вернитесь!

/Из зала выходит Третий/

Третий: Что ты кричишь? Неудобно. Кого ты зовёшь? Своих друзей или хулиганов из подворотни? Кем ты нас перед людьми выставляешь? Мы люди, Коля, мы в театр пришли. На тебя вот смотрим. Со всеми вместе. Театр, Коля, это чудо, живи в нём, Коля. Приобщайся. А в подворотне, запомни, никто не живёт.

Все это временно и не главное. Давай, сам выкручивайся. */Спускается снова в зал/*

Коля: Что же это, ребята? Вы вышли из игры, а я не могу? Я с вами хочу! Сидеть и смотреть. Что такое? Ноги приросли! Со сцены не могу сойти! Со стороны на себя посмотреть! Вика, тетя Роза! Сделайте что-нибудь!

Тетя Роза: Мы всё уже сделали, Коля.

/Все уходят со сцены, кроме Коли/

Коля: В гробу я видал такие чудеса! Вот люди! Сыграли свою роль – и привет! А на меня так и будут все смотреть? Натё, смотрите! Только смотреть больше не на что. Театр кончается там, где кончается подобие жизни, где кончается игра. А я больше ничего играть не буду. Буду стоять и ждать, пока вы уйдёте.

/Стоит и ждёт, пока все уйдут/

Поздравляем с юбилеем, Евгения Валентиновна!

Ваше творчество также разнообразно, как и ваша жизнь. Начало поэтическое — в морских походах, когда молодой судовой врач спешила на шлюпках от траулера к траулеру, чтобы оказать помощь. Российские врачи издавна славятся своим литературным даром. Почти тридцать лет работы на станции «скорой помощи» — это тоже фундамент для стихов и прозы. Но сначала были стихи — лирические, наполненные драматизмом человеческих отношений. Блеснула яркая под-

борка в «Солнечном дожде», наполнила ритмами поэзии книгу «Берега». Талантливый человек талантлив во всем, музыка рвалась от сердца, выливалась в песни. Не только в Калининграде помнят о талантливом враче, но и на дальних берегах, в Бостоне, где называли за красоту «мисс Россия». Чужие языки давались легко: в совершенстве владеет английским и немецким. Создаваемая проза была столь же лирична и наполнена музыкой слова, как и стихи. Рассказ «Серфинг», впервые напечатанный в журнале «Запад России», открыл для нас нового прозаика из стана поэтов. С годами пришла тяга к созданию крупномасштабных произведений. Повесть «Пейзаж с голубым до самого горизонта» раскрывала сложные отношения переселенцев с немецким населением. Это были впечатления детства. Калининградская земля стала второй родиной. И в дальнейшем проза питалась событиями, происходящими здесь. Романы «Интрига», «Бенефис», «Квадрат» поднимали острые проблемы современности. Прошедший год пополнил книжную полку автора, вылила сборники стихов и поэм «Карнавал» и рассказов «Сухой закон».

Желаем Вам, Евгения Валентиновна, сохранять свойственные Вам оптимизм и тягу к творчеству! Крепкого здоровья и новых книг!

*Калининградские писатели,
Союз российских писателей,
редакция журнала «Балтика»*

В преддверии замечательного юбилея мы попросили Евгению Валентиновну поведать нашим читателям о себе, ответив на несколько вопросов:

Как и когда ваша семья оказалась в Калининграде?

В 1946 году, мой отец, офицер военно-морского флота, был направлен в Кёнигсберг для дальнейшего прохождения службы. Приехали из Владивостока, где я родилась.

Сначала это был Балтийск. Небольшой посёлок Севастопольский в трёх километрах от Балтийска (Комстигал). Там была база торпедных катеров. Всё население — семьи военнослужащих. Но ещё были и немцы, которые уезжали потом в течение трёх лет, до 1949 года. Мне было четыре года.

Тогда в Балтийске было очень много интересных людей — только что закончилась война, приказа о демобилизации ещё не было, но все ждали. По посёлку ходили орденоносные фронтовики как рядового, так и офицерского состава. Среди них было много Героев Советского Союза, кавалеров

других орденов. Из уст в уста передавались истории о подвигах, которые они совершили. Иногда даже люди, узнававшие о ком-нибудь из них подробности, но не будучи знакомы с ними, просто здоровались и улыбались. Названия улиц в нашем Комстигале были самые что ни есть военно-морские: Якорная, Катерная, Синопская, Киркинеская, Гангутская...

К военнослужащим, которые должны были продолжать службу здесь, приезжали семьи. Очень много было образованных женщин, жен офицеров. Это были выпускницы пединститута им. Герцена, институтов иностранных языков, медицинских институтов, и даже, правда, это уже немного позже, какое-то время здесь жила актриса Кира Иванова, которая играла княгиню Ростову старшую в фильме «ВОЙНА и МИР». Тогда она была замужем за адмиралом Головкин. И мы все смотрели в окно из-за занавески, когда она шла по улице.

Немцы ждали депортации. Жилось им трудно. Голодно и холодно. Кое-кто из них находил себе работу и подрабатывал на овощных складах, выполняли работы по уборке помещений. За это они получали какие-то маленькие деньги. Но этого всё равно было недостаточно, чтобы жить хоть как-то сносно. Я немного писала о том времени в своей книге «Пейзаж с голубым до самого горизонта».

Досуг и праздники проводились в военной части. Устраивались спортивные соревнования: футбол, волейбол, баскетбол, водное поло, перетягивание каната... К праздникам силами художественной самодеятельности готовились литературно-художественные монтажи, иногда очень талантливые. В этой работе активное участие принимала моя мать. Всех приглашали посмотреть. Кто хотел, приходили. Иногда приходили с нами даже немецкие ребята.

Наконец пришла пора идти в школу – школа тоже была на территории части – и там я проучилась до 1952 года, когда была построена новая одноэтажная просторная начальная школа в Комстигале №2. Это примерно километр от нашего дома.

Помню интересные уроки истории и литературы. Устраивались учебные часы по литературе. Каждый мог рассказать что-нибудь из того, что он недавно прочитал. Дать свою оценку. И объяснить тот или иной эпизод. Это были самые интересные уроки, которые и сейчас не уходят из памяти. Обсуждаемые книги были, конечно же, все о войне, о наших героях, о том, как дети нашего возраста или немного старше помогали Красной Армии победить врага. Вспоминая сейчас то время, я понимаю, что даже тогда, когда мы были детьми, мы чувствовали себя победителями. То есть, мы росли и выросли абсолютно незакомплексованными. И наши родители, наши орденосные отцы так или по-другому поддерживали в нас это чувство. Мы никого не боялись, ни перед кем не пресмыкались, а вежливая манера общения только подчеркивала эту неукоснительно собственную позицию во всём.

Помню март 1953 года, когда вся школа стояла на траурной линейке с заплаканными лицами. Вспоминая это сейчас, я думаю – ведь никто не заставлял нас плакать. Плакали сами. И, я думаю, невозможно было кому-нибудь упрекнуть себя в лицемерии. Такое было время. И, вступая в жизнь, мы ничего об этом времени не знали. Помню, что я собралась ехать в Москву на похороны товарища Сталина в товарном вагоне. Отец поднял всех по тревоге. И в районе Приморска с поезда меня ссадили.

Потом была пятая школа, сразу за мостом, соединяющим наши посёлки с Балтийском, где я тоже проучилась немного. Школа была семилетней. И последней школой в Балтийске была школа

№1, с башенкой, которая немного описана мной в романе «Квадрат». Когда я училась в десятом классе, наша семья переехала в Калининград, и я заканчивала учёбу в школе № 33, на улице Александра Невского.

Когда и что Вы начали писать, какие темы вас интересовали тогда, а какие теперь?

Писать начала приблизительно в 8-9 классах. Первые стихи были, конечно, о любви. Причём никакого прототипа моих литературных опусов не было. Была просто какая-то среднестатистическая гипотетическая любовь, о которой мне почему-то хотелось тогда писать.

Интересно, что, написав стихотворение, я даже не могла сознаться самой себе, что это написала я, девочка. И даже в тексте позиционировала себя как мальчик. Не говоря уже о том, чтобы поставить под стихотворением свою фамилию.

Однажды мой хороший дружок-одноклассник, Юра Кузнецов, сын адмирала Кузнецова, отнёс мои стихи в газету «Страж Балтики» (тогда редакция газеты располагалась в Балтийске). Его попросили привести меня. Я ужасно на него рассердилась, но он всё вынес и уговорил-таки меня отправиться в редакцию газеты.

Никогда не забуду литературного редактора, капитана Шляховского. «Так, это девочка?» – изумился он. И я благодарно посмотрела на Юру, понимая, что он не выдал мою тайну. Капитан взял листок, ещё раз пробежал глазами и сказал: «Одно могу сказать – тебе надо пробовать писать. Но сначала надо влюбиться, чтобы писать о любви... Вот когда влюбишься, придёшь...» И я подумала, что напрасно боялась. Оказалось, это было совсем не страшно. И даже весело.

Но влюбиться никак не получалось. И однажды, когда я уже познакомилась с Никитой Суслевичем, и он как-то провожал меня домой, я ему рассказала, что мне сказали в редакции: «Вот, – говорю, – влюбиться никак не получается». И он дал мне, как я думаю, очень дельный совет: «А ты не пиши о любви, – сказал он, – когда придёт, тогда и напишешь». «И правда, – подумала я тогда. – Какой простой, а, главное, – действенный выход».

А потом был Калининград, медицинское училище, фельдшер «скорой помощи», судовой врач на судах промыслового флота, химико-биологический факультет университета, специализация по медицинской микробиологии, врач-бактериолог, работа в СЭС, преподавание в Медицинском училище, которое окончила сама.

Но была ещё одна вещь – литература.

В 1980 году я окончательно вернулась на «скорую», где и проработала до самой пенсии. И теперь у меня было время писать, поскольку на «скорой» не надо было ходить на работу каждый день.

Чему вы всё же отдаёте предпочтение в своём творчестве – прозе или поэзии, что вам даёт-ся легче?

Предпочтение я всегда отдавала прозе. Мне нравится её язык, её построение, её периоды, в которых есть своя особенная, вкусная логика. Нравятся детали, которых в прозе может быть много. Нравится её музыка. Ведь в прозе тоже есть музыка, кто бы что бы там ни говорил. Но тогда, в детстве, у меня как-то не было возможности заниматься прозой. Для этого нужно много свободного времени. Нужно хоть какое-то уединение. Проза требует тебя всего. А этого как раз и не получалось. И теперь приходится жалеть, что ушло столько времени зря. Без прозы. Хотя, конечно, теперь уже, сроднившись со стихами, я тоже не думаю о них, как о пасынках.

На этот вопрос есть совсем простой ответ – есть темы для прозы, а есть темы для стихов.

Что вы читаете в свободное время?

В свободное время сейчас читаю английскую поэзию. Удивительно интересное занятие: Шелли, Байрон, Шекспир, Хант, Браунинг, Уитмен, Киплинг... Прекрасные образцы. Стараюсь читать в подлиннике. Потому что любой, даже гениальный перевод очень много теряет... И эти потери, по закону подлости, оказываются смысловыми.

Есть мысль что-нибудь перевести, но это как-то не вписывается пока в мои занятия.

Как вы оцениваете современную литературу – есть ли сейчас пушкины, толстые?

Думаю, прежде чем говорить об этом, надо ответить на вопрос – что это значит быть Пушкиным или Толстым?

Кто решает вопрос о том, кто должен занять главное, лидирующее положение в литературной иерархии среди других более или менее талантливых писателей России?

Или кто решал этот вопрос когда бы то ни было?

Кто решает вопрос, что «это – наше всё», а это «не всё»?

И несмотря на то, что вопрос об этих безусловно талантливейших лидерах нашей литературы решался в двадцатые годы, он и сегодня остаётся актуальным. И вызывает много различных мнений, пристрастий и заблуждений, как и сама наша жизнь, и жизнь нашей литературы, которая и сама есть воплощение этой жизни в печатном слове, связанном с официозом во все времена.

Но почему же все-таки нет равных им, этим двум столпам российской литературы?

Лично я думаю, что они есть, были и будут...

Но, по разным причинам не обрели всемирную и какую бы то ни было известность. И чтобы хоть немного поговорить об этом, без краткого экскурса в недавнюю историю не обойтись. И главная причина – это, конечно, острейшая политическая борьба в течение всего предыдущего столетия, перманентное неприятие тех или других постулатов, разнообразие мнений, что не дает возможности подойти к самым талантливым, выразившим свою, отличную от официоза, позицию с такой меркой. Тем более, что эти двое уже заняли свои подобающие им места в русской литературе. Но ведь и в одном, и в другом случае, речь идет о дореволюционной литературе. Литературе, которая наполнена традиционно русской, ничем не разбавленной жизнью. И хотя тогда, в двадцатые годы, оба эти выдающиеся писатели как нельзя более подходили официозу – Пушкин, убитый на дуэли, не был особо почитаем при дворе, получил лишь статус камер-юнкера, что многие сочли оскорбительным, был косвенно связан с декабристами и не жаловал прежнюю власть, но был безусловно очень талантлив.

Итак, были соблюдены два условия: оппозиция к прежней власти и талант.

Лев Толстой, которому было «позволено» говорить о русской жизни так, как он хотел, имел интернациональную семью, что было очень в духе того времени. Ну и, конечно, – талант.

Я часто думаю – почему не Лесков с его великолепными романами «Некуда», «Соборяне», «На ножах»; с его прекрасными рассказами («Тупейный художник», например), часто прямо направленных на крепостничество, на самодержавие; с его искрящимся юмором; с его великолепным «вторым фоном», без которого литература – не литература; с его несколько не менее интересным талантом, чем у Толстого. Но у него было абсолютно русское мышление, он говорил об абсолютно русской жизни, и Гуго Карлович Пекторалис только оттенял её. Это было уже неинтересно.

Уже с последней четверти XIX века во всем мире, и особенно в Европе, стали заметны минорные настроения в области культуры: снижение интонации в области живописи, архитектуры, литературы и других областях искусства. Повеяло кризисом. А известно, что приближение кризиса первым чувствует искусство. В эти годы явственно заявило о себе недовольство общества положением в промышленности, политике, экономике. То же происходило и в России (поскольку кризис только в одной стране не бывает). Мировой капитал требовал новых рынков сбыта, сфер влияний, прибылей. И, владея средствами производства и рабочими местами, в очередной раз вступил в конфронтацию с плодотворностью тех, кто эти прибыли создавал, что было вызвано частной собственнос-

тью и глубоким социальным неравенством. Появились первые марксистские кружки как в Европе, так и в России, где обсуждались вопросы снижения и упадка не только Западной культуры, но и состояние дел в стране. Примечательно, что сам марксизм никогда не говорил о тоталитарном упадке многовековой Западной цивилизации. Об этом говорили западноевропейские ученые, которые лучше других чувствовали и понимали это. Уже перед Первой Мировой войной были опубликованы две большие работы на эту тему: «Закат Европы» Шпенглера и «Осень средневековья» Хайзинги. В них с большей или меньшей степенью убедительности доказывалась неминуемая гибель западноевропейской культуры, вследствие реальной угрозы для существования Западной цивилизации в назревающей Первой Мировой войне, а мы добавим – и всей цивилизации, поскольку теперь ещё добавилась угроза ядерной войны.

И, конечно, западноевропейская литература, как и другие литературы, не могла не отозваться на эти критические настроения, на снижение общего тона, на необходимость создания чего-то нового, вопреки существующей литературе как продукта капиталистической индустриализации, машинной цивилизации, протестантской этики, буржуазного евангелия труда, воспитавшего фрагментарного человека, который пожертвовал труду, порядку и накоплению всем человеческим.

Все эти процессы, как уже было сказано, не могли не повлиять на литературный процесс и в других странах, в том числе и в России.

На рубеже XIX – XX веков в России стала быстро развиваться поэзия. Это – А. Блок, А. Белый, А. Ахматова, О. Мандельштам. Все ощущали назревающий кризис.

Искусство стало искать новые пути, новые формы выражения в противовес старому искусству. В Европе появился импрессионизм с его пафосом струящегося пространства, на грани музыки, что почему-то Шпенглер стремился усмотреть во всей истории западноевропейской живописи. Импрессионизм был радостным всплеском, обострившим внимание к миру вокруг, с его красками и звучанием, воздухом и светом. Это был настоящий праздник. Хотя по Шпенглеру, импрессионизм лишь принял эстафету обесплочивания мира из рук живописи предшествующих столетий, продолжив идею ирреализации окружающего пространства: синие дали Леонардо, фоны Рембрандта, серебристые пейзажи Каро. Старую школу «коричневого тона ателье» Шпенглер помещает почему-то в единую с импрессионизмом перспективу – якобы отвращение европейского духа от чувства действительности. Явно не увидев в импрессионизме очевидной новизны. В этом же ряду он отмечает и любовно им описанные архитектурные сооруже-

ния рококо – последнем хрупком цветке западного зодчества: отсутствие меры, отсутствие формы, неосвязаемость, волнообразность, мерцание, разрушение плоскостей, оптическая расчлененность. Пространство импрессионистов – это факт интеллектуальный, а не духовный, считал он. В отличие от рембрандтовского коричневого цвета здесь есть сопротивление души интеллекту. Об этом следует знать, поскольку возникает вопрос: почему же он, так убедительно провозглашая гибель старого искусства, не заметил его новизны?

Но поиски нового продолжались. И Сезанн, и Ренуар не смогли закончить многие свои работы не потому, что не сумели, но потому, что стремились к новому, другому, чем-то, что было до сих пор.

Все эти тенденции развивались не только в живописи, но и в кино, архитектуре, музыке, литературе. Везде, во всех видах искусства происходили важные изменения.

В 1917 году в России изменилось всё. В экономике, политике, в науке, технологии, культуре, искусстве, литературе.

В литературе возникает острейший драматизм. По катастрофическим эпизодам внутренних конфликтов Россия опережала любую другую страну. С одной стороны ещё существовала старая, традиционная, литература. Особенно поэзия. С другой стороны ощущение нарождающегося чего-то нового, связанного с надеждой на светлое будущее, на справедливое общество. Этот период считался перепутьем, переломным временем, и произведения, которые создавались в этот период, имели соответствующие названия – «Без дороги» (Вересель), «На повороте»... «Закат старого века» – роман-хроника Арцыбашева.

Это была эпоха небывалого, современного значения литературы. Возросли связи писателей с близкими по мировоззрению литераторами. Создавались литературные кружки единомышленников. Количество писателей заметно возросло, а качество усложнилось. Это была многосторонняя художественная реальность, где индивидуальное дарование есть часть грандиозного целого. Это были Чехов, Бунин, Горький, Вересаев, Шолохов, Блок, Ахматова, Маяковский, Цветаева.

Всюду была манящая новизна, желание творить, переделывать мир, вера в светлое будущее.

Активно работали и деятели других видов искусства. Особенно значителен вклад в поиски нового был со стороны русского Авангарда и других деятелей искусства Новой Волны.

Авангард запрещали, потому что наиболее проницательные стражи установившегося официоза поняли, что говоря вроде бы только об искусстве, философия этого предмета переходила в стадию децентрализации, плюралистической дезинтеграции общества, индустрии, политики, техно- и ноу хау...

А это всё – символы утопического желания противостоять тоталитаризму политических, технологических, информационных, индустриальных систем, что неизбежно когда-нибудь должно было привести к «WEAKILIKS». И даже сама Революция была и остается очень в духе Авангарда.

Модернизм запрещали, громили выставки, но это ни к чему не приводило. Искусство продолжало искать новые пути выражения и новые формы. Но оно, искусство, не может развиваться по линейке. И эти гонки по автобану закончились тем, что художники стали искать новые формы не только на одной прямой, но и слева и справа, и вперёд, и даже назад.

Модернистская (авангардистская) нетерпеливость, забегание вперед, направленность только к светлому будущему закончились. И процесс перешёл в стадию разрастания в разные стороны. Это направление в искусстве стали называть постмодернизмом.

Таким образом, постмодернизм синонимичен авангарду. И это касается не только искусства, но и всего ментального комплекса, породившего социальный и научно-технический прогресс, то окружение мира, которое дало заряд – по своим этическим и религиозным основам – Циолковскому, Шардену, Малевичу. Ведь постмодернизм – это не только форма, но и философия человечества, уставшего ходить на привязи по кругу.

Понятно, что эти полуанархические призывы утопичны и едва ли осуществимы, пока господствует централизм и идеологический прессинг. Но установка, рожденная такой философией, плодотворна ещё и потому, что даёт возможность отдельной личности противостоять доминации. Характерные признаки искусства Новой Волны – это фактурность, яркость, экспрессивность, склонность к странным очертаниям, чувственная наполненность, поскольку это была реакция на определённые явления предшествующего времени.

Это не только литература, но и музыка, архитектура, кино, и другие визуальные искусства.

Это и новая стилистика комиксов, и постмодернистская архитектура, видеоклипы, книги, балансирующие между бульварной и высокой литературой.

Это и мода – сочетание дешёвого и дорогого, красивого и уродливого, старого и сверхсовременного.

Всё это – знаки изменения отношения к этим вещам. Изменение отношения к миру, пока постепенно ни пришло изменение отношения к общей эйфории и надежде на позитивные изменения в общественной жизни.

Снижение интереса привело к переоценке ценностей, к выставлению счетов, к психологическому противостоянию. К оппозиции к официозу.

Здесь нужно говорить о таких известных писателях, как А. Платонов («Котлован»), Е. Замятин («Мы»), Ю. Домбровский («Факультет ненужных вещей»), В. Дудинцев («Белые одежды»), А. Рыбаков («Дети Арбата»), М. Булгаков («Белая гвардия», «Собачье сердце»), В. Шаламов («Колымские рассказы»). Наверняка, кто-нибудь из них мог бы претендовать на более достойное место в официозе. Но они в него не вписывались, несмотря ни на какие литературные достоинства этих произведений. А общественное разочарование зашло так далеко, что от безысходности легче было объявить их изгоями, чем бороться за легализацию этих произведений, что и успешно делалось прикормленными официозом функционерами от литературы и писателями. Надо ли говорить, что ждать от них создания чего-то значительного, сопоставимого с Пушкиным и Толстым, было бессмысленно.

Но литература продолжала бороться. Постепенно происходит эмоциональное снижение постулатов соцреализма, которого в произведениях советских ещё тогда писателей становилось всё меньше. Всё меньше становилось славословия в адрес доблестного труда, ведущего в коммунистический рай. В литературе появляется тема серой будничной действительности, которая уже никуда не вела. Это был эпатаж на эстетике сниженного, почти физиологического бытия. Это были бомжи, бараки и коммуналки, бутылки с алкоголем и декларации в пьяном угаре. Это была переоценка жизни не с позиций официоза, а изнутри, с позиций мировоззрения живого ещё человека. Это – В. Макин, С. Довлатов, В. Ерофеев.

В этой связи интересен С. Довлатов с его неистребимой тягой к изгоям, к плебсу. Его герои – лишние в цивилизованном мире.

Я бы назвала этот метод в литературе «трагическим реализмом», который как-то незаметно пришёл на смену социалистическому.

Эти лишние люди – нелепые неудачники, непонятные существа, неизвестно каким образом выжившие и выживающие в условиях, которые они не могли и теперь уже не хотели менять (цикл рассказов С. Довлатова «Чемодан», «Компромисс»). Герои Довлатова автобиографичны. Автор не отделяет себя от героя. Он стоит рядом с ним и всем своим существованием старается противостоять, как и его герой, этому миру. Герои Довлатова нелепы и смешны с точки зрения здравого смысла и морали. Но они – люди в большей степени, чем те, кто правит этим миром. Не желая приспособиваться к страшным порядкам времени, они выпадают из него и выглядят несообразно. За гиперболизированной нелепостью, которая очень смешно выглядит в его рассказах, виден человек с искренней душой, и его герои рассказывают нам правду жизни с насмешливой улыбкой. В его героях нам

видно истинное содержание жизни. Довлатов любил людей слабых, смешных. Им нечему учить читателя, потому что они слишком слабы, чтобы поделиться из погрязшего в пороках мира.

Назовём ещё одного автора антигероев. Это – Людмила Петрушевская. Иногда её герои даже сами рассказывают о себе («Свой круг»).

Это, как правило, слабые, уставшие от жизни женщины. Они не могут устроить судьбу, они уверены, что в любой просьбе им откажут, что их не любят. Устояв в борьбе, они начинают говорить людям нелицеприятную правду. Её героини часто попадают в экстремальную ситуацию, когда все человеческие качества проявляются как нельзя полно. Одна из них обнаруживает у себя признаки неизлечимой болезни. Муж ушёл к другой. И, чтобы обеспечить своему маленькому сыну жизнь в семье после её смерти, она объявляет, что уже при жизни отдаёт его в детский дом.

Таким образом, жизнь сводилась к быту, к его преодолению и попытке устоять перед ним. Всеобщая эйфория, сменившаяся перманентным ожиданием и надеждой, трансформировалась в безнадежную картину трагического реализма. Я употребляю этот термин, чтобы подчеркнуть, что никакая трагедия долго продолжаться не может. Если это – процесс...

А развитие литературы – это процесс. И этот процесс по своему уровню всеобъемлющей трансформации перешёл в новую, всем предыдущим существованием подготовленную фазу – нового перманентного ожидания, совмещённого с поисками чего-то приемлемого, что само по себе – в очень постмодернистской традиции. И эта новая реальность ещё ждёт своего исследования в литературе.

Может быть, он, этот Толстой или Пушкин, уже есть, но мы о нём ничего не знаем. Может быть, он ещё не родился.

Говорят, чтобы осмыслить происходящее, надо отойти, посмотреть издали, почувствовать расстояние и время, которое всё расставило бы по

своим местам. Если такой человек появится, он займёт своё, подобающее ему, место в нашей литературе, НЕВЗИРАЯ НА Пушкина и Толстого, которые всегда будут стоять на своих пьедесталах. Он будет, безусловно, талантливым и отвечать самому взыскательному официозу – ПРАВДЕ.

А пока – перманентное ожидание. И надежда. Ждем-с...

Могли бы вы сравнить творчество молодых и возрастных авторов, кому из них что лучше удаётся?

Просматривая иногда литературные журналы и компьютерные сайты, что делаю с очень большим интересом, я с удовольствием отмечаю очень многие талантливые публикации. Подавляющее большинство из них – молодые авторы. И это очень приятно знать. Литература по-прежнему рекрутирует пишущую молодёжь. Молодые писатели – очень разные. И уже сейчас можно сказать, кого будут читать, а кого – нет. Потому что писатель – это прежде всего – личность. И в этом необъятном море жизни каждому будет отведено своё место.

Сегодняшние молодые – это совсем другие люди, чем были мы. И проблемы у них другие. И способы достижения своих чаяний у них другие. Но можно сказать одно – у нас очень талантливая, образованная молодёжь. Хотя нужно отметить, что не у всех ещё сформировано понимание самого себя и своего места в жизни и, конечно, в литературе, раз уже он взял в руки перо...

Но каждому хочется пожелать успеха.

Что, кроме литературы, составляет сейчас вашу жизнь?

Если, кроме литературы, то – «ПРАЗДНОСТЬ ЛЕГКАЯ, ПОДРУГА РАЗМЫШЛЕНИЯ»...

Очень люблю гулять у моря, печь пироги и мечтать о лете, потому что очень не люблю холод.

Евгения Палетте

Стихи из будущей книги «Точка отсчета»

* * *

Умолкнет телефон в полночном изголовье,
и в нижнем этаже закроется окно,
и многотрудный день, вздыхая по-волось,
уйдёт в небытие, где тихо и темно.
Останутся слова, абзацы, фразы, строки,
раздумий фейерверк, знакомый окоём,
любви и нелюбви воздушные потоки
и вспышки их в ночи, как днём.
И запоёт Земля вполголоса в полслова
о солнце, о дожде, о радости – живи! –
о хлебе пополам. Ей отдавать не ново.

И шёпотом для всех – о празднике любви.
И необъятна ночь. И высоко дыханье.
И понимаешь жизнь – в ней главное и не...
Благословенна ночь, прозреньё мироздания.
И тихая звезда в окне.
И нежный синий свет, и тайна – око в око.
И заповедных чувств настойчивый призыв.
И тихие слова о близком и далёком,
понятном и большом, которым каждый жив.
И времени движок жужжит неторопливо,
и нервом бьётся жизнь, что не увидишь днём.

Благословенна ночь, где можно быть счастливым,
и эта тишина, и комната с окном.
Пока крикливый день, взорвавшись, не проснулся.
Пока не вспомнил он про бранные дела.
Пока не понял мир, что он перевернулся.
Пока, исчезнув, жизнь из мира не ушла.

* * *

Норд-Ост взлетел, и в суете минут
рванулся парус, будто вспомнил что-то.
И шкипер, оторвавшись от работы,
взглянул на мыс, открывшийся, – Гангут.
А перед ним, в ранжир, как на парад,
в порядке боевом застыли шведы
в полшаге от привычной, от победы,
что не случилась триста лет назад.
И по велению гения Петра –
да будет жив в веках петровский гений –
Россия встала, отряхнув колени,
благословив балтийские ветра.
И в их игре, а чаще – вне игры,
в сиянии Азова и Полтавы,
она уже была... И только Слава
узнала это вдруг. Её дары
тотчас же стали недопониманьем,
неверием, острасткой тоже, тем,
кто дружным и чванливым непризнаньем
плёл тупики из хитроумных схем.
Тем, у кого зашевелились нервы,
и день за днём о том, одном, забот...
Гангут! Победный бой! И был он первым
из тех, что совершил Российский Флот.
От Яузы и малых вод российских,
от Астролябии до топовых огней
он поднялся. И берегов балтийских
достиг во славу тех и этих дней...
Он пережил и взгляд, как на забаву,
и малый ход, в чём не был виноват,
что принесло России мир и славу.
И неизменно вечное – VIVAT!

* * *

Во всякой жизни поздно или рано,
когда судьба свой замедляет бег,
виденьем странным роза ГЕФСИМАНА
является, как чей-то вечный грех.
И это чувство неостановимо
в пространстве станет шириться, расти.
И сын отцу и явственно, и зримо
поведает об избранном пути.
Пурпурной красотой цветка пленённый,
до лепестка дотронется рукой,
и вздрогнет вдруг от боли изумленно,
глядя на каплю крови. Но покой
уже покинул мысли, и тревогой
вечерний воздух до утра объят...
Он говорил и говорил о многом.
И слушал, слушал Гефсиманский сад –

о красоте, в которой зло таится,
о вероломстве близких и чужих,
о слабости людской и о границах
любви мирской, пока не тесно в них...
Но вот пришло, случилось ниоткуда
Предательство... Миг трепетен и нем...
И верх паденья – поцелуй Иуды –
печальный опыт мировых проблем.
«О мой отец! Пошли мне сил остаться
в самом себе. Сегодня и всегда.
Не дрогнуть. От тебя не отречься.
Предатель мой уже идёт сюда.
Ты видишь – я один. Душа болит, как рана.
Здесь никого. Лишь камни да цветок,
да спящие тела Петра и Иоана...»
И вдруг поник, взглянув на лепесток.

* * *

Проснётся день, таинственный и новый.
В нём – облака, к Востоку, как вчера.
И отблеск ночи, жёлтый и лиловый –
в сознание, как вселенская дыра.
Она крадёт, крадёт в ночи у мира
всё, чем он жив – реке ли обмелеть –
что создала любви бессмертной лира
за тем одним, чтобы не умереть.
Она крадёт тепло и состраданье,
и у души её саму крадёт.
И непослушной пастве в назиданье
грозит всеотлученьем наперёд.
И с каждым днём дыра всё шире, шире.
И в мире всё темней, и холодней.
И формула, что дважды два четыре,
сомненьям подвергается, а в ней –
вся будущность и продолжение мира.
Другого нет, и не было пути.
Но в сотворении себе кумира –
тельца златого – мира не найти.
Мешают веки жизненного кода
и тех, других, молящие глаза.
И эта данность – продолжение рода,
извечной жизни светлая слеза.
Взгляни на небо в середине ночи –
там тишь и безмятежность до утра.
Но между звёздами, как между строчек, –
огромная Вселенская Дыра.
В ней человечьи тайные желанья
о хлебе, о приязни, о добре,
с родными лицами нерасставанье
и о тепле от печки в декабре.

* * *

Накидка на плечах – верблужий волос.
Сума на толстом кожаном ремне,
просторный взгляд и мягкий, тихий голос,
услышанный и ближними и не...
И Ренессанс потом, холсты рисуя –
любовь, которой мир ещё не знал,

и не поймёт, что времена тасуя,
он вечный символ веры создавал.
И кто-нибудь, задавленный нуждою,
острастками до самых до седины,
вдруг ощутит способность быть собою
и знать, что он на свете не один.
И все заботы, тайные желанья,
мольбы и неудачи, даже грех
разделит с ним посланник Предсказания,
свершившегося... И один за всех.
За безвозвратно павших, преступивших,
споткнувшихся и, не умея встать,
влачивших жизнь среди когда-то бывших...
Не ведавших о НЁМ, уставших ждать...
Блаженны все, о ком он помолился,
все искупившие – простил им Бог за то,
все, за кого пред жизнью заступился.
Но за него в последний час – никто...

* * *

Счастливым день! Весёлый дух царит
в словах, улыбках и вокруг, и мимо...
Несут ковчег. Пусть радость воспарит
над розовым холмом Иерусалима.
Всех впереди – ликующий Давид.
О радость духа! Вот и место Богу,
пока нет храма. И окрестный вид
возликовал священным звуком рога.
Разбужены и камни, и сады –
свершённому хвалу поют, ликуя.
И струйкою стекающей воды
звучит над всем двойная Алиллауя.
И сквозь всеобщий радостный канон,
сквозь безмятежность умиротворенья
случайный взгляд запомнился и он...
И он – чужой. Остановись, мгновенье!
Он быстр и нем, и уловим едва.
И лишь потом строптивая Мелхола
одной струной рассерженной виолы
проговорит незрячие слова –
пусть веселится разноликий люд,
пусть пляшут домотканые одежды.
Их громогласный смех и этот гуд,
рождённый им, сродни делам невежды.
Но ты есть Царь! Где свита, где кураж,
где царская туника, меч и стража,
где поклонений благодарных раж,
и слава из того же антуража?..
– Ты должен быть над ними... Не беда,
что это празднество всего народа...
– А значит, – мой... И небесам в угоду,
пока я жив, я с ними навсегда.
К тому же, до последних бликов дня
все взгляды на него – не на меня...

* * *

Итак – на Ханаан! Верблюды, кони, люди...
Протяжный за спиной пустыни знойный зов...

И Иордан – стеной. Как путь бы ни был труден,
он легче во сто крат, когда к нему готов.
Когда разбужен дух. И вновь уснуть не может.
Когда колодец пуст, вся выпита вода.
А где-то – виноград... смоковник...

Бог поможет.

И ханонеев след исчезнет навсегда.
Они сильны в бою, удачливы в сраженье.
Их дом закрыт стеной от всех людских дорог.
Прекрасна их страна. И даже приближенье
к их землям... PARADIS... Ну, да поможет Бог!
В доме уже лазутчики. Их двое –
узнать, где трон и кто сидит на нём...
Про город Иерихон, и про другое.
Но вот ушли, проговорив «шалом»...
Блудницу же не Иерихон тревожит.
Предательство – «бессмертия» залог.
И, повторяя всеу «Бог поможет»,
Она-то знала – не поможет Бог..
Ещё пять дней он простоял виденьем
на долгие века и на года...
Но трубный голос мироразрушенья
пронзит – «В колодце кончилась вода».

* * *

Страстная пятница. И светлая печаль
уже с утра воспоминанья множит.
И каждое волнует и тревожит,
смещая неизбежно календарь.
То ненавистники блистательного Гая,
вонзив свой нож, не дрогнув ни на миг,
привидятся, желаньем изнывая
стать Цезарем. Но убиенный лик
не позволял им никому подняться.
И даже Брут не преуспел в делах...
Никто из них, рождённых пресмыкаться,
не воспарил, преодолев свой прах.
То царствующий Ирод, убоясь,
что вечная любовь пришла на землю,
предвосхищая пагубную страсть,
за новою звездой послал, не внемля
неверию, что вдруг пришёл конец
обману, вероломству, униженью...
Что где-то есть невидимый Отец,
пославший Сына своего на Землю,
чтобы спасти людей от них самих
и мир от скверны суетной избавить.
И грешник в колпаке, презревший их,
в огне не перестал бы Бога славить,
хоть тот того не чаял, не просил...
Лишь одного хотел, чтоб были чище люди...
Учил добру, учил, что было сил,
любви к тому, что должно быть и будет
между людьми, которым всё простил...

И вот, за невозможностью того,
ПРОЩЁННЫЕ и предали его...

Александр Гахову - 65!

Александр Константинович Гахов родился 12 февраля 1952 года в Курской области, в небольшом, утопающем в зелени садов городке с тёплым, душевным названием Обоянь. Росистые луга, рощи, холмы и овраги, берущая начало неподалеку от городка речка Псёл всегда живут в его памяти.

По окончании средней школы в 1970 году он поступил в Тамбовское военное авиационно-техническое училище им. Ф. Э. Дзержинского. За время двадцатипятилетней службы в армии побывал с семьёй в разных гарнизонах бывшего СССР.

Стихи всегда являлись неотъемлемой частью его жизни, а после увольнения из армии, решив остаться в этом удивительном и необыкновенном крае — Калининградской области, он серьёзно занялся литературной деятельностью.

Жизненный опыт, встречи с интересными людьми хотелось воплотить в произведения на бумаге. Увидели свет книги его стихов, рассказов, повестей.

В 2006 году Александр Гахов был принят в члены Союза писателей России, в 2009 стал членом МАПП (Международной ассоциации писателей и публицистов), в 2012 — в год своего шестидесятилетия — удостоен звания члена-корреспондента Академии Поэзии (Москва).

«В своём творчестве, — говорит Александр, — как и многие писатели до меня, я иду от познания самого себя через окружающий мир. Отыскивая выход там, где его, казалось бы, нет, я пытаюсь "навести на жизнь резкость". Когда мне это удаётся, я преодолеваю недуг машинального существования, а это, в свою очередь, влечёт за собой понимание ценности жизни.

Любая человеческая жизнь не бывает простой, как истина. Все мы в этом мире в какой-то степени играем Гамлета, постоянно задавая себе извечный вопрос: "Быть или не быть?" Драматизм жизни — выдумка не моя. Драма скрыта в природе вещей, и мы зачастую не обращаем на это внимания потому, что вещи её застыт».

Он считает, что жизнь творческого человека определяется не тем, что и в каком количестве у него издано, напечатано, получилось, а тем, что он делает в данный момент, на каком уровне творческого процесса находится. И в этом критерий его отношения к себе как к профессионалу. Именно эта напряженная, богатая внутренняя жизнь души наделила поэта и писателя способностью с первых строк вводить читателя в созданное им пространство, окутывать его волшебной атмосферой своего мира чувств, размышлений, поисков и обретений, вызывать у него желание сопереживать, дышать в унисон с автором и наслаждаться различными гранями его творчества, будь то стихи или проза.

В своих произведениях он ненавязчиво становится воспитателем чувств и чутким наставником души, оставляющим в ней свет Веры, Надежды и Любви, без чего невозможно существование человека.

Поистине, справедливы и точны слова поэта: «Талант дарует Провиденье, но лишь терпение и труд алмазу грани придают».

Коллеги по Калининградскому региональному отделению Союза писателей России от души поздравляют Александра Гахова с 65-летием, которое он отмечает в этом году, и желают ему творческого вдохновения в поисках новых сюжетов и образов, здоровья и благополучия.

Редакция журнала присоединяется к поздравлению коллег юбиляра и надеется на плодотворное сотрудничество.

Александр Гахов

ЗНАЮ, ТЫ ГДЕ-ТО РЯДОМ...

Всех перелётов доля – лёгкое чувство стресса.
Шум, терминал де Голя. В баре возьму «эспрессо».
Всё, что могло, случилось. Я посреди Европы.
Пасмурно. Нет светила. Весь небосвод заштопан!
Знаю, ты где-то рядом...

вышедшая из пены.

В мягкий автобус сяду, мысли свои раздену...
Полчаса до Парижа, стоящим чьей-то мессы.
Дождь средь зимы – бесстыжий,

словно Мольера пьеса.

Эйфель снимает шляпу, пальцем грозит железным,
Век заставляя плакать, роком парит над бездной.
Знаю, ты где-то рядом...

неизмеримо близко.

Марево эскапады – мыслей бездомных пристань.
Думал, тебя увижу, чтоб умереть однажды.
Всё, что приходит свыше, не повторится дважды.
В голых ветвях каштанов узеньких переулков
Эхо кафешантанов вязнет аккордом гулким.
Знаю, ты где-то рядом...

Вечер стекает в завтра.

Я ощущаю взгляды окон косых Монматра.
Лёгкий твой флирт с Шагалом – времени мелодрама,
«Пара на фоне алом» – искусом для Нотр-Дама.
Воздух соблазном дышит, Новый Завет разрушив.
Милая, я в Париже, в свете фонарных кружев!
Знаю, ты где-то рядом

в таинстве мизансцены.

Город сменил наряды, в дымке белёсой Сена...

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Секстина

Пьём с земляничкой чай. Нам чашки жгут ладони.
Неспешный разговор... Заката горный свет.
Лампады лёгкий вздох жизнь придаёт иконе
В туманных витражах давно минувших лет.
Средь суеты земной небесное не тонет, –
Я в патине веков твой вижу силуэт...

В мерцании свечи – застывший силуэт.
Предназначенья крест начерчен на ладони.
Средь суеты земной небесное не тонет,
И льёт моя любовь молитв незримый свет.
Я, инок молодой, в томленье горьких лет
Твои черты придал написанной иконе.

Молясь, я припадал не раз к святой иконе,
Ведь, обнажая меч, зрил смерти силуэт.
Искал одну тебя в тумане прошлых лет
По линиям судьбы раскрывшейся ладони;

И лился надо мной звезды холодный свет,
Средь суеты земной небесное не тонет.

Средь суеты земной небесное не тонет.
Сгущение теней в намоленной иконе –
Движение души и первозданный свет.
Все беды отводил твой строгий силуэт
Благословляющим движением ладони.
Застыло таинство в щепоти сжатых лет...

Пролилось истиной вино минувших лет:
Средь суеты земной небесное не тонет.
Я целовал твои запястья и ладони,
И времени песок сквозь пальцы на иконе
Незримо истекал. Но лёгкий силуэт
Нёс в этот сложный мир свой изначальный свет.

Неспешно гасит ночь зари вечерней свет,
Ты шла всегда со мной дорогой бурных лет.
Там, в сумраке веков, расплывчат силуэт...
Средь суеты земной небесное не тонет,
Ведь нас переживёт твой облик на иконе.
Пьём с земляничкой чай... Нам чашки жгут ладони.

Я ОТ ЛЮБВИ СВОБОДЕН

*Из всех вин самое пьянящее – это воля
Э.Лотяну, «Табор уходит в небо»*

В забытом людьми и Богом Лепенсо – или Бертино –
Заклинил мотор машины, и я сошёл с серпантина.
Присев на валун замшелый – выпавший зуб столетий,
Предавшись скупой надежде, я табора не заметил.
Вечер развесил шифона лёгкие занавески,
Тени спустились по склонам смальтою арабески.
Под рондо костра ночного

сердцу чуть-чуть взгрустнулось,
Ночь с глазами цыганки бездною распахнулась.
Скрипка – сестра печали – плакала и смеялась,
Пламя костра дрожало и разливало алость.
Я от любви свободен, как глупый счастливый мачо.
Скрипка, так отчего же ты и грустишь, и плачешь?
Томным любовным стоном,

что таинством преисполнен,
Привкус слезы солёной зачем былое напомнил?
Ведь сердце давно остыло, ветер принёс ненастье,
Пеплом слова развеял, призрачным стало счастье.
В каком-то краю убогом – Парайба или Ла-Плата,
Звезду задевая рогом, плыл месяц, пели цикады.
Утро с горы спустилось.

Быль, а возможно, небыль –
Искры костра ночного... Табор, ушедший в небо...

ОСЕНЬ С ГОРЧИНКОЙ

Осень с горчинкой в театре абсурда.
Расписаны роли, заполнен реестр,
Художники-ветры неспешно под утро
Афиши деревьев раскрасят окрест.

Осень с горчинкой – то свадьбы, то смерти,
Хмельное – то в радость, то горе залить.
Являются в полночь несносные черти,
Пытаясь порвать путеводную нить.

Осень с горчинкой в своём безрассудстве.
Как в детстве, для истины – чаша пуста.
Судьбой лишь для избранных в жизни даются
Дуэли с кончиной под возраст Христа.

Осень с горчинкой стоит у порога,
Рябин светофоры тревожно зажглись.
Ведёт к горизонту, сужаясь, дорога.
Без точки возврата. С названием «жизнь».

ПАНТОМИМА

*...ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.*

И. Бродский

Шуршит в печальной пантомиме
Листвой сирени под окошком,
Луж проявляя фотоснимок,
Дождь – то из сита, то с лукошка.
С ментальностью движений мима
Он одного понять не может:
Зачем я зонтик над любимой
Поднял, на парашют похожий?
Шуршит в печальной пантомиме
По лужам старенький автобус,
Дорогу, поделив на мили,
Шофёр вращает, словно глобус.
С ментальностью движений мима
Он смотрит пристально и скорбно,
Неспешно проезжает мимо,
Разбавив дождь своей валторной.

В кипящих лужах тонет утро,
Своей тоски не объясняя,
Любимой развивает кудри
Вода заоблачного рая.
Тригоны в знаке перехода
Не ищет дождь, качнувшись влево.
Незримо подпирая своды,
Атлант-ярыжка пахнет небом.
В кипящих лужах тонет утро,
Рулетку суеты вращая,
Дорога в блеске перламутра
Без приключений лишь по краю.

Тригоны в знаке перехода
Скрывает дождь от нас лукаво,
Он лишь поёт шальные оды
И зонтик гнёт, качнувшись вправо.

СИНИЙ СНЕГ В ФЕВРАЛЕ

Синий снег в феврале
По утрам на заре алый.
Он, как дымка, летит
Из-под конских копыт шалых.
Унести не резон,
Приподняв горизонт серый.
Что там ждёт впереди?
Даст Господь – поглядим с верой.
Вдаль дорога бежит...
День почти что прожит – вечер.
Путь найдёт верный конь,
Коль задует огонь ветер.
Заметает мой след,
Так летит с вишен цвет, – кружит.
Только сердцу светло,
Мне с тобою тепло в стужу.
...С колыбели до тризн
Миг с названием «жизнь» – Вечность.
Но в небес окоём
Мы уходим путём Млечным.

В СНАХ ПОЛЕТАТЬ БЫ...

Жарко и влажно... Безоблачно небо над нами...
Облюбовал Пиренеи несносный сирокко.
Тянутся сонные мухи к нарезке салями,
Вермут испанский мешаю с закатным сиропом.

Сон как билет побродить по тропинкам Вселенной.
Все мы летаем, но только не все признаются.
Сны среди бессонниц дают нам монетой разменной,
В них растворяются глаз твоих тёмные блюда.

Я, обезумев, решил с судьбою поспорить,
Видя в движении ног очертания круга.
Слово упало... Печальное эхо мне вторит,
Звук разнося над коричневой патиной луга.

Жажду испытывал в снах, просыпался в истоме,
После абсента безумцем Дали называя.
Краски заката ночь, медля, стирала с ладони...
Истины нет, хотя чаша почти что пустая.

...Медля, колеблются в воздухе стылые звёзды,
Небо усеяла лёгкая пыль перламутра.
Снова картина Дали... но рассматривать поздно...
В снах полетать бы... да вряд ли усну я под утро.

ГОСТЬ НОМЕРА

Евгений Чигрин:

***«Больше всего ценю в поэзии новизну
в каноне. Музыку. Мастерство. Оригина-
льность подачи. Незатёртость – но и
не крикливость! – метафоры. Свой голос.
Некую суггестивную сумасшедшинку».***

Евгений Чигрин — член Международного ПЕН-клуба, Союза российских писателей и Союза писателей Москвы. Поэт, эссеист, автор четырёх книг стихотворений. Последние: «НЕСПЯЩАЯ БУХТА» (изд. «Время», Москва. 2014), «ПОДВОДНЫЙ ШАР» (изд. «У Никитских ворот», Москва. 2015). Публиковался во многих литературных журналах, в ряде престижных европейских и российских антологий. Стихи переведены на 13 языков мира: английский, испанский, польский, сербский, македонский, чешский, французский, арабский, турецкий, хинди, азербайджанский, украинский, белорусский. Лауреат премии Центрального федерального округа России в области литературы и искусства (2012), Международной премии имени Арсения и Андрея Тарковских (2013), Горьковской литературной премии в поэтической номинации (2014), Всероссийской литературной премии имени Павла Бажова (2014), а также общенациональной премии «Золотой Дельвиг» (2016). Награждён несколькими медалями, в том числе медалью Николая Гоголя за книгу «Погонич» (на украинском языке: перевод Игоря Павлюка, изд. «ДІА», Киев, 2014). Является участником многих российских и международных литературных фестивалей и книжных ярмарок: в том числе в Канаде, Польше, Индии, Украине, Армении, Чехии, Сербии, Македонии, России. В 2015 году в Польше вышла книга стихотворений Евгения Чигрина «POGONIACZ» на польском языке (перевод В. Штокмана, Краков). О творчестве поэта писали Евгений Рейн, Андрей Битов, Юрий Кублановский, Олег Хлебников, Бахыт Кенжеев, Данила Давыдов, Михаил Синельников, Павел Басинский, Кирилл Анкудинов, Игорь Белов, Станислав Айдинян, Виталий Науменко, Виталий Молчанов, Максим Замшев, Нина Гейдэ, Даниил Чкония, Наталья Горбаневская, Емельян Марков, Инна Ростовцева и др. Принимал участие во многих радио и телевизионных программах. Живёт в Москве и подмосковном Красногорске.

«...Евгений Чигрин пришел в поэзию в холостое и катастрофически пустое время. Кончены пути авангарда, реализма, модерна... И мы на пустыре — непонятно, что делать? Но остается «стиха виноградное мясо», как сказал Осип Мандельштам. И это есть в поэзии Чигрина. Он безусловный поэт. Ему являются собственные дикий образы.

Давид Самойлов как-то пошутил, что поэты, которые хотят писать стихи, но не знают, как за это приняться, называют себя авангардистами.

Евгений Чигрин, безусловно, знает, как за это приняться».

Евгений Рейн

«... "Я" поэта наполнено всюду самодостаточностью, достоинством, набором интонаций. Всё уже было. Был акмеизм, имажинизм, футуризм, модерн, постмодерн, метафора и метаметафора. Всё это преломилось в стихах Евгения Чигрина.

Он судьбу себе не выбирал. Она его выбрала, выбрала место действия, время действия. И самое главное — выбрала душу поэта».

Андрей Битов

«Евгений Чигрин — поэт настолько самостоятельный, самобытный, что его не причислишь ни к одному литературному направлению, ни к одной поэтической тусовке, ни к одному клану. Чигрин — отдельный. Он сам по себе. Особую же силу всем его стихам, как мне кажется, придаёт неповторимый чигринский understatement — сдержанность человека, отдающего себе отчёт в том, что он способен и должен сказать... Воображение Евгения Чигрина работает с такой силой, что и наше воображение легко стряхивает своё повседневное оцепенение и вдруг включается на полную мощь...»

Игорь Белов. «Вызывающе Другой» (Новая Газета. Журнал День и Ночь. 2012 г.)

Евгений Чигрин

БАЛКАНСКИЙ ПРАЗДНИК

* * *

...Подкармливаю музыку стишками, в мозгах - музей от мамы до любви,
 Которая краснела коготками и смешивалась с запахом айвы,
 Мешалась с поцелуями до света, и жизнь пила, и пела петухом,
 Стихотвореньем офицера Фета нас на заре не мучила... Кругом
 Цвели цветы в роскошных опереньях: я вру сейчас, а кто не врал вчера?
 Шептала ты о мыслящих растениях, цвели мозги до самого утра.
 ...Подкармливаю музыку и снова бросаю взгляд в прошедшие миры:
 Я - космонавт постпушкинского слова, я - огонёк постблоковской поры.
 ...Включаю свет... и снова выключаю, и музыка стоит над головой.
 К исходу дня, к бутылочному чаю стекает жизнь рифмованной игрой.
 Цветёт апрель и - вспыхивает к маю: мне с китайкой было хорошо
 Царапать ад, притискиваться к раю, шептать на ухо дьяволу: ещё...
 ...В мозгах - музей вчерашнего... кладовка: фрагменты, сновидения, дары,
 Билет в кино, от счастья упаковка и лёгкий свет, и яркие шары...

МЯКИНИНО: БЕЛЫЙ МОСТ

Мой дар убог, и голос мой не громок...
 Евгений Баратынский

Мой голос *так себе*, мой дар убог: навряд ли это может называться
 Талантом. Сочинил немного строк, которые кому-нибудь приснятся
 По случаю? По музыке души? Я ставлю вопросительные знаки,
 Как в космосе плыву себе в тиши... Живу себе. Рису на бумаге
 Кириллицу, которую давно нам выдумали умные мужчины:
 Смотрю в окно, равно гляжу кино, там белый мост, там огненные джинны
 Рекламы, охмурительный яхт-клуб, Москва-река и ширится, и длится,
 Текущий мир в любом раскладе люб, там море пароходу «Крокус» снится...
 Мой голос так... Две рифмочки, глагол, конечно, прилагательных немного,
 Как Рейн учил! Борисович вколол наркотики от греческого бога.
 Но что-то, как сновидец, знаю я... Смеркается. Туманится. Я вижу
 То сновиденье бога-муравья, то парадиза призрачную крышу,
 То некого приятеля, ему мой голос *так себе* сгодится крайне,
 Я это понимаю по всему: в Мякинино, в Дамаске, в Самарканде...

РЯДОМ С РЕКОЮ

Воздушным Синьяком пейзажи везде текут, зеленеют и даже
 Смеются, как дети, спускаясь к воде, чьи дали, как будто миражи.
 Там парус и порт, и бутылочный рай от кисточек Поля Синьяка,
 Да плещется синий, да солнышко-Ра, да Сущего сохнет рубаха.
 Там тянут улов рыбаки в свитерах, в залатанных джинсах и кедах,
 И Господь удачи у них на губах дымится в простых сигаретах.
 Зелёным Синьяком пейзажи... Кому послание скинуть об этом?
 И впасть, как в вино, в золотистую тьму заштатным до боли поэтом?
 И в цвет пангии окрашен закат, разъятый мирами на части,
 Под вирусом Африки птицы летят, чтоб крикнуть по птичьему «здрости».
 Монархи миров марсианских спешат в тарелках невидимых нами,
 И скользкие аспиды небо когтят, и бьются в престолы хвостами...
 ...Там Бог семимильный листает словарь: висят на верёвочке души
 И рыцарь поёт про Священный Грааль, по небу идя, как по суше...

* * *

...Молчит июль, но – раскрывает рот
 Делирий ночи: чудисем неясным
*Промеж ушью рог имать** встаёт
 Над почерневшим и холмообразным
 Болотным местом. Лето северян –
 Зверей, людей и далее по списку...
 Течёт с востока пепельный туман,
 Приписанный к пожизненному сыску
 Наркушник с трубкой вылутился и...
 Не понимая музу подсознания,
 Кому сказать вполголоса – «свои»?
 Как будто в ожидании свиданья.
 Стучится кто? – Костлявая с косой?
 Скелет из шкафа вывалился бодро:
 Костями машет, как дурак метлой;
 Цирк Ирода? Скорее цирк урода,
 Селены цирк желтеющей окрест...
 Который час? Четыре или больше?
 ...Бормочет призрак старый анапест
 И птичий дольник понимаешь тоньше...
 И видится: в болотистых местах
 Деревья переходят вброд поляну
 В пудовых старомодных сапогах,
 Как буйволы горячую саванну...
 И робко входит мокрая заря,
 И лепится на скотч руками Бога.
 Разводит нюни Ньюкта... Сектора
 Нечистых сил скрываются... Сорока
 Вчерашнее приносит на хвосте:
 Кто на болота отправляет вести?
 Стреляйте, Холмс, мы будем на щите!
 Эй, Бэрримор, – накройте стол в поместье.

СЕВЕРНЫЕ ВОРОТА

Щекастый гномик музыку корпит:
 У дудочки бамбуковой везенье...
 Какой опять невидимый пиит
 Вышёптывает мне стихотворенье?
 В четвёртый раз затягивает снег,
 С подземным сочинителем не споря, –
 Который где? Который – саундтрек
 Фантазий холоднеющего моря?
 В четвёртый раз заваливает снег,
 По буквочке становится счастливо:
 Я слышу твой с иголочками смех,
 Я вижу свет... Я вру неторопливо...
 В четвёртый раз у Северных Ворот
 Маяк захвачен действием небесным,
 Приговорён буксирный пароход
 Бессмертием? – безмолвием воскресным.
 В четвёртый раз шарманку крутит снег,
 Расплещем жизнь в слабеющее небо,

Я слышу твой с изюминкою смех
 У маяка, смотрящего налево.
 ...Текут слова, за музыкой плывут
 Смятением приправленные крыши,
 Неместный ангел? Гномиков приют?
 Светильник зажигает кто-то выше...

ОСТРОВНОЕ: 2001

Большие тыквы, маленькие листья,
 Прибился остров к осени такой,
 И пишутся соломенные письма,
 И тянется закатной желтизной
 Холстина высей, растекаясь кругом,
 Дырявый лес прихватывает за...
 Два ангела скользят за виадуком,
 Змеистый поезд выпучил глаза.

Под башмаками оживает тропка,
 (Я местный сочинитель и ещё...)
 Пойду налево – золотится сопка,
 Пойду направо – тоже хорошо,
 Ведь рядом фиолетовое море
 И ороки угожья сторожат...
 ...Корсаковский маяк в большом дозоре,
 В безумье мира чаечки кричат.

* * *

Ступает Никта. Некто держит мир.
 Озёрный парк в полночное отплыл...
 ...Бредут шуты и сны Иеронима:
 Знакомый в красном, в синем интроверт,
 На колесе из пекла катит смерд,
 Присел закат на крыше анонима.

Сказания библейские в кустах
 Тёмно-зелёных, тянет когти Страх,
 В пахучей мгле забудешь имя девы
 С которой жил на крепких берегах,
 Ловил снега, кутил на облаках,
 Как сын Адама, попадался в дебри:

То – Змий меня, то – местный василиск
 Читать учили бестиарий. Диск,
 Желтеющийверху, до йоты в теме.
 Великий бес над нами молча ржёт,
 Листает бред да кушает компот
 Из сухофруктов: старый мерин в теле!

Ступает Никта. Некто держит мир.
 Художник свет лютнисту потушил,
 Пророчества в подушку сунул детям.
 Что бросит нам? Что вымотреть пора? –
 Алхимия морочит до утра...
 По курсу мифологий и приметам –

*) Азбуковник: единорог

Кому – лафа, кому – нескучный ад,
 Жужжащий мухой и встающий над...
 ...Как по приказу души танцевали,
 Впуская то, что днём бы никогда...
 Кричат зверьём в потёмках поезда,
 И мы зверей, как музыку, прощали.

ОТКРЫТКА АНДАМАНСКИХ ОСТРОВОВ

Джарава с Андаманских или кто
 Сойдёт с открытки прямо в сновиденье?
 И длится роковое шапито,
 Мозги при этом, ровно решето.
 Такое в 3.15 наблюденье.

Всё книжек экзотических посыл,
 Контент в планшете длился тем же самым.
 Идёт охота? Кто кого убил?
 Селену крови над водой включил?
 Кто станет дымом над большим вигвамом?

Дух трапезы по кайфу дикарям,
 Как будто так в писаньях Марко Поло...
 В 4.30 гладит по вискам
 Старуха-смерть. Привиделось? К чертям
 Чертей и тех, которые атолла

Послы и беспредельщики. И то –
 Всего открытка и – вхождение в джунгли...
 Джарава с Андаманских или кто?
 Мозги при этом, будто решето...
 Пигмеи черепаховой лагуны

Пугают ядовитой стрелой.
 ... «Я скоро сновидение покину»,
 Кто говорит? Как будто за стеной? –
 Сам говорю. Отравленный игрой
 Кому-то корчу дьявольскую мину.

БАЛКАНСКОЕ

Вдоль набережной призраки и те,
 Что быть могли бы призраками места.
 Оплот того, кто спасся на кресте, –
 За крепостной... Как спелая невеста
 Белеет яхта, лодки, катера,
 И тянет светом мусорных окраин,
 Ворота в гавань музыка прожгла,
 Свалившись из трактира местным раем.
 И не с кем ежевичного вина
 Мне накатить до первых аллегорий:
 Смотреть Софоклом до хмельного дна?
 Быть кораблём локальных акваторий.
 Тут афинянин что-то сочинял –
 Убойный трагик! Что сказать об этом?
 Садовник пел и мирный грек канал
 С кифарою таким же потным летом.
 Я мастер фраз, в которых жизнь встаёт,

Но падает, хотя стоять должна бы...
 Прибрежный мир захватывает йод,
 Как мальчика анапесты и ямбы,
 Как музыка, которая – вот-вот –
 Могла бы стать воздушными стихами.
 Всё море, как свинцовый кашалот,
 Цветы и мгла, которую руками
 Сорвать нельзя, и некому сказать
 Спасибо за полночное объятие,
 И что-то под словами понимать
 В рифмующемся с небом променаде.
 Уже случилась эта жизнь во мне,
 В которой Серафим и дети смерти –
 Перемешались в европейской мгле
 И расплатились по библейской смете.

* * *

Светает Адриатика... В дожде
 Всё Монтенегро, облако по скалам
 Ползёт невинным зверем. На воде
 Кораблики и шарики... Усталым
 Глядится мир, как будто выжал ночь,
 Отдав все силы женщине, натуре?
 Лохмотья туч приляпаны на скотч,
 Жизнь вымокла, как ветер после бури.
 И музыка, что длится без тебя,
 Не требует нечистых аллегорий.
 В миндальный мир смотря-бредя-гребя
 (Вдыхая недосказанность предгорий),
 Я забываю твой порочный взгляд,
 Желаящий того, что дню враждебно,
 И музыку, которую де Сад
 Водил гулять на дьявольское небо.
 Я понимаю жизнь среди агав,
 В которых неразборчивая Будва
 В плену моих сомнительных октав
 Плывёт кефалью в черепашие будто,
 И вал за валом поднимает грудь
 И падает к святилищу «на мысе»,
 И, растекаясь, продолжает путь
 Скорее в серой, чем в молочной ризе.
 Здесь кипарисы в глянцевої тиши,
 Всей хвойной сутью понимают судно,
 Приписанное к бухте. Ни души,
 Верней, душа – задумчивая Будва,
 Застывшая в тональности любви
 Венецианской* сущности. Я слышу
 Густую гамбу в массе синевы,
 Ловлю бемолей правильную фишку...
 Соперничать с растленной гамбой?... как
 Соперничать с губительной волною,
 В которой жизнь перетекает в страх,
 И сильный мир, порезанный скалою,
 То ангелом, то зверем на меня
 Глазами Адриатики глядится,

*) С 1420 по 1797 годы Будва была частью Венецианской республики.

Дырявых туч свисает простыня,
 Святой Никола вытянуты тщится
 И стать заметней. Лепятся слова –
 Всё зарастает местными словами...
 Светает Адриатика. Лафа
 Айвой ноты веет над домами.
 Светает Адриатика. Зачем
 Другая жизнь, когда и этой много?
 И музыка сейчас с небытием
 Перемешалась на пороге Бога,
 Чтоб в будущем затеяться опять,
 В таком порыве, о котором море
 Не устаёт всё глуше повторять
 Творцу на ухо, заходясь в повторе.
 Но даже там, в грядущем, вряд ли мы
 Сумеем вместе обрести Балканы...
 Летает йод от лодки до кормы
 Кораблика и запахи кафаны
 Уже спешат в туристскую попу...
 Молчат стихи поэты и уроды...
 Такую жизнь по буквочке несусь,
 Как музыкант неписанные ноты.

ПЕРАСТ

Всё сильнее размах Адриатики, бьющей хвостом
 Переливчатой рыбы – стихами колеблется море...
 Я живу между смертью и солнечным нежным огнём,
 Где смятение стиха и греха неизменно в повторе
 Ожиданья тебя в колокольной деревне Пераст,
 Непонятная жизнь перемешана с музыкой лета,
 Поблудневшей волной этот мир повернулся в анфас
 И смеётся зверьком в окруженье прозрачного света.
 Это море опять я вышёптывал, чтобы шептать
 Твои плечи и звук амфибрахия, дактиля, ямба
 В почерневшую быстро от буковок верных тетрадь,
 Понимая любовь, как весёлое лёгкое пламя.
 И, как праздник, вода Адриатики пела вокруг,
 И барочная скрипка откуда-то слева звучала,
 Забирая в себя, вынимая изысканный звук,
 И бемольного света и в паузах было немало...
 И глаза голубых гребешков голубели в воде –
 Говорили тебя, все моллюски тебя говорили,
 Этот бухтовый свет возникал и стелился везде,
 И задабривал жизнь, и подбадривал водные мили.
 Этот праздник воды говорил на моём языке,
 Растекался строфой и чернел в черногорской тетради,
 И глаза голубых гребешков голубели в строке,
 И барочная нежность стояла на скрипках Амати...
 И, как праздник воды, я вышёптывал жизнь без тебя,
 Вспоминая тебя, натываясь на древние стены
 Заблудившимся взглядом (стихала стиха ворожба),
 Говорящей на русском, молчавшей на местном Камены.
 И хотелось молчать, и за облачком взглядом блуждать,
 И на лодочке плыть за каким-то ребячьим секретом...
 Всё по рифмочке букв эту музыку копил тетрадь,
 И последнее солнце блазнится последним поэтом.

* * *

Сновидение по Занусси:
 Бред волшебника, свет зимы...
 С китайкой в индийской блузе
 Над постелью взлетаем мы.
 Пробуждение по Занусси:
 Сладко в облаке тесных рук,
 Наши тени висят на люстре.
 На компакт бемольный звук
 Тянет музыку Феррабоско,
 Тянут гамбы воловий свет.
 Эта ангельская повозка
 Из почти неизвестных недр
 К нам втащила виолу: ангел
 Сдвинул крылышки, заиграл:
 Эту музыку, точно нанял,
 С малым космосом повязал.
 Ветер в трубах, как в страшных сказках,
 Пахнет голым Непалом чай.
 Привидения в белых масках –
 Вынут ножички и – прощай!
 Это мнится? На белом свете
 Зарастает зимою всё:
 Серафимы и дети смерти,
 В парке «чёртого колеса»,
 И смиренная октава...
 Январём зарастает всё:
 В Польше – небо, в Крыму – агава,
 Стихотворное ремесло...
 Это мнится в таком раскладе –
 Завихрение по Зану...
 Половая, белеет кстати,
 Жизнь стоящая на кону
 Неизбежного... и другого...
 Напишу и сумею здесь
 В белой простыне спрятать слово,
 Чтоб кому и зачем прочесть?
 ...Наваждение по Занусси,
 К точке «G» приведёт вино?...
 В дедморозовом захолюстье
 Слово вытянешь и – темно:
 Так темно, перепутать впору
 Всё, что запросто написал.
 ...Ангел взмыл в облака виолу,
 Сам бессовестно запропал.

ЮБИЛЕЙ ПЕЧАЛЬНОЙ ДАТЫ: 180 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

*Портрет А.С. Пушкина работы
В.А. Тропинина. 1827 г.*

Сотни версий, догадок и предположений были высказаны за эти 180 лет по поводу авторов злополучного письма, ставшего последней каплей, переполнившей чашу терпения поэта, купившего два дуэльных пистолета на заложенное серебро и бросившего вызов обидчику.

Свою версию имеет и научный сотрудник АтлантНИРО, наш постоянный автор Елена Михайловна Карасёва.

РОССИИ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ: РОКОВАЯ ДУЭЛЬ ПУШКИНА

Об этой истории, кажется, написаны тома, но поток публикаций не иссякает. Ведь он – солнце русской поэзии, наше всё, Пушкин, которого, как первую любовь, России сердце не забудет. И как только приближается очередная дата рождения или смерти, так появляются если не новые версии этой драмы, то пересказ старых. Теперь уже в Интернете. Вот строки из текста, появившегося в сети накануне 6 июня 2016 г., подписанные Сергеем Поповым. «Чем дальше вникаешь в обстоятельства этой истории, тем запутанней и непонятней она кажется. Прошу всех вдуматься: мы не знаем, кто именно раздул скандал до точки невозврата, сочинив пасквилы и, значит, мы не знаем, кто стал виновником дуэли (ну, кроме самого Дантеса). Это удивительно, если осознать... Выстраивались десятки версий, но окончательно установить авторство анонимных пасквилей не представляется возможным».

Действительно, с момента получения Пушкиным 4 ноября 1836 года известного «диплома Ордена Рогоносцев» начался отсчёт времени, которое осталось прожить поэту – менее трёх месяцев. Сам Пушкин подозревал в авторстве голландского посланника Геккерн, приёмного отца Жоржа Дантеса. В обществе подозревались молодые повесы – князь Иван Гагарин и Пётр Долгоруков. Чуть ли не сто лет графологи исследовали образцы их почерка, сначала их авторство признавалось, потом отрицалось, в итоге их причастность была окончательно опровергнута. Наконец известно публичное заявление молодого императора Александра II, что он знает автора: это Нессельроде. Кто такой или такие – Нессельроде? В 1836 году это был очень влиятельный министр иностранных дел Карл Нессельроде и его жена Мария Дмитриевна, имевшая светский салон в Петербурге. Кста-

ти, ненавидящая Пушкина за то, что он высмеял в эпиграмме (зло, но заслуженно) её отца графа Гурьева. Никто не решился расспросить императора, что он имел в виду, и его заявление ясности не прибавило. Тут надо сказать, что в так называемом дипломе содержался намёк вовсе не на Дантеса, донимавшего своими ухаживаниями Наталью Николаевну, а на самого императора Николая I.

Но вернёмся к семье Пушкина. После рождения четвёртого ребёнка в мае 1836 года Натали тяжело болела. Только в сентябре Пушкины вернулись в Петербург. В октябре Наталья Николаевна начала выезжать. И тут её начал донимать уже сам Геккерн. Он говорил, что его сын чуть ли не смертельно болен и всё из-за любви к ней. «Верните мне сына!» – взывал старый интриган, пытаясь передать письмо от Дантеса. Натали не взяла, но потом ей все же стало известно (из письма или ей на словах передали), что Дантес в отчаянии и угрожает убить себя, если не встретится с ней. Подстроенная Дантесом встреча всё же состоялась в доме светской дамы Идалии Полетики 2 ноября 1836 года (но, возможно, и раньше, в октябре). Наивная и доверчивая Натали, видимо, думала, что она в присутствии Идалии даст отповедь Дантесу, после чего удалится с гордо поднятой головой, таким образом, решив этот вопрос самостоятельно, не прибегая к помощи мужа. Но Идалия тут же исчезла из квартиры, не забыв оставить у дома для наблюдения сослуживца мужа и своего знакомого полковника Петра Ланского. Дантес, разумеется, не стал слушать отповедей, а бросился к ногам Натали. Но она, ответив «нет», выбежала из дома. Ланской мог видеть, что через несколько минут жена Пушкина (и будущая жена Ланского) в смятении пробежала мимо него. Есть и другие доказательства того, что сцена у Полетики завершилась

именно таким образом. Дело в том, что Дантес не стал стреляться, а отправился сватать княжну Марию Барятинскую. Та решила навести справки у его приятеля Трубецкого, и тот сказал ей, что жена Пушкина отказала Дантесу. Мария поступила также, записав эту историю в свой дневник.

Но дадим слово самой Наталье Николаевне, правда, в пересказе её дочери от второго брака А.П. Араповой-Ланской. Как-то раз она сказала воспитательнице своих детей: «Столько лет прошло с тех пор, а я не переставала строго допытывать свою совесть и единственный поступок, в котором она меня уличает, это согласие на роковое свидание. Свидание, за которое муж заплатил своей кровью, а я счастьем и покоем всей своей жизни. Бог свидетель, что оно было столь кратко, сколько невинно: единственным извинением мне послужит моя неопытность на почве сострадания».

На второй день после рокового свидания, 4 ноября, друзья Пушкина стали получать двойные конверты. Внешний конверт был с их адресом, а внутренний адресовался Пушкину. Вяземский бросил письмо в огонь, решив не отсылать его Пушкину и никому ничего не говорить о его содержании. К сожалению, не все последовали его примеру, и два-три письма были переданы поэту. В них и находился пасквиль об избрании поэта коадьютером великого магистра ордена рогоносцев и историографом ордена. Председателем и великим магистром указывался Д.Л. Нарышкин, жена которого была многолетней любовницей Александра I. Таким образом, в письме содержался намёк на связь Натали и императора Николая I. Пасквили были написаны на французском языке кем-то, для которого этот язык явно не был родным. Видимо, чуть позже пришло и письмо от некоего доброжелателя, сообщавшего о визите Натали к Полетике. Расспросив жену, Пушкин ни на минуту не усомнился в её верности. Он решил, что пасквиль был изготовлен Геккерном. Действительно, невозможно было представить, что кто-либо из русских подданных осмелился бы делать такие намёки. А если бы решился, то самым мягким наказанием была бы ссылка в какую-нибудь весьма отдалённую губернию, в худшем случае могли объявить сумасшедшим, а то и забрать в солдаты. Такие случаи известны. Но и Геккерну бы не поздоровилось. Ведь сестра императора Анна Павловна была голландской королевой. Геккерн лишился бы своей должности (что и произошло после убийства Пушкина на дуэли), а Дантеса, как минимум, выгнали бы с русской службы. Но в том-то и дело, что за писание пасквилей никто не был наказан. Никто и никогда.

Был ли император увлечён Натальей Николаевной? Видимо, да. Во всяком случае, Пушкин именно так и думал, откровенно сказав об этом Николаю I при их последней встрече. Но при жизни Пушкина император никогда не пытался установить

*Наталья Николаевна Пушкина невестой.
С акварели А.П. Брюллова. 1831 г.*

с ней какие-либо особые отношения. Тем более, что на эту роль откровенно набивался Дантес.

Анна Ахматова была первой, кто обратил внимание на то, что пасквили были разосланы только друзьям Пушкина, видимо, с расчётом, что они уговорят поэта покинуть Петербург вместе с семьей. Она также считала автором Геккерна, исходя из его гомосексуальной связи с Дантесом. Но эта версия противоречит тому, что именно посланник и уговаривал Натали встретиться с его приёмным сыном. Собственно, после гибели поэта все его друзья стали считать, что Пушкин стал жертвой адских козней, к которым был причастен и Геккерн.

Однако возможна и другая версия, которая до сих пор никем не рассматривалась. Несомненно, текст пасквилей вышел из-под пера людей, которые были врагами Пушкина. Но, возможно, их основной целью было не опозорить Пушкина, а, как бы это не казалось невероятным, — спасти Дантеса от гнева императора. В таком случае у французского пришельца должен был быть весьма высокопоставленный покровитель или, скорее, покровительница. Назовём имя женщины, которая, возможно, и была таинственной защитницей Дантеса. Это Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская, она же Александра Федоровна, государыня Всея Руси и жена Николая I. Она была дочерью знаменитой королевы Луизы, известной и в нашем городе в связи с её причастностью к заключению Тильзитского мира между русским императором Александром I и Наполеоном. Брат русской царицы был королём Пруссии.

Вот что пишет итальянская исследовательница Серена Витале о сохранившихся дневниках царицы: «тайное прибежище нежной души, покрытое

розовыми вуалями, защищавшего её от реального мира». И дальше: «она была красавицей-блондинкой, чья воздушная грация поражала самого Пушкина. Те, кто хорошо её знали, смотрели на неё как на девочку, впервые столкнувшуюся с жизнью. Она любила нравиться и наивно флиртowała с мужчинами, обожала танцевать. Она танцевала ночи напролет». По мнению Витале, её дневники содержат и упоминание о первом появлении Дантеса в высшем обществе: «28 февраля 1834 года мы приехали к Фикельмонам, где я переоделась в платье с лилиями, очень красивое... Дантес продолжал смотреть на меня». Впрочем, Витале было известно, что общепризнанным и вполне платоническим обожателем императрицы был Александр Трубецкой. Надо ли удивляться, что именно с ним Дантес и сошёлся ближе всего. Но стать фаворитом императрицы в общепринятом смысле Дантесу не удалось.

Тем не менее, как следует из её переписки, вплоть до гибели Пушкина, она воспринимала ухаживание Дантеса за Натали, как поклонение рыцаря прекрасной даме сердца. Императрица ведь была из Германии, а 30-е годы XIX века были периодом расцвета романтизма в немецкой поэзии и, в некотором роде, возрождения культа прекрасных дам и их рыцарей.

Говоря языком современных гуманитариев, это был её национальный культурный код, в соответствии с которым она и воспринимала причудливую российскую действительность.

А в этой самой действительности происходило следующее. Император был взбешён наглостью Дантеса, посмевшего заманить Натали на квартиру Полетики. Надо было срочно спасать бедного скитальца, который один был способен бросать такие трогательные взгляды – и робкие и смелые одновременно. Она вспомнила про его дальних родственников в России. Собственно, родственником Дантеса был Карл Васильевич Нессельроде. Но императрица обратилась к его жене Марье Дмитриевне, которая прочно занимала ведущие позиции на самом вершине светского общества. И та обещала помочь и вообще взяла это дело в свои руки (поверим императору Александру II). Императрица, возможно, даже и не поняла, насколько блестящим был предложенный план. Ну, сразу три в одном. Во-первых, друзья Пушкина узнают, что он рогоносец – обхохочешься. Во-вторых, император Николай I не сможет видеть Натали, которая отныне будет сидеть в деревне. В-третьих, Дантес переключится на другую даму, которая уже не будет объектом внимания императора.

Император, разумеется, узнал об истинных авторах пасквиля. Но из-за причастности императрицы к этому делу он не мог наказывать главных участников. Да и, в самом деле, не обижаться же на собственную жену за намёки на его похождения.

К. Рейхель. Портрет императрицы Александры Фёдоровны. 1846 г.

Заговорщики не знали, что Пушкин ещё летом 1834 года хотел переехать в деревню на постоянное жительство, но с разрешением от царя на работу в Государственном архиве. Николай отказал. Более того, он передал через Жуковского, что в случае отъезда Пушкина между ними будет всё кончено. И Пушкин был вынужден остаться в Петербурге.

Реакция Пушкина на анонимные пасквили и, по видимому, также на письмо доброжелателя хорошо известна: 4 ноября 1836 года он послал дуэльный вызов Дантесу. Он был коротким, без объяснения причины. Этот вызов сильно испугал как Дантеса, так и Геккерна. Через Жуковского они известили Пушкина, что Дантес уже давно хочет жениться на Екатерине, старшей сестре Натали, проживающей вместе с Пушкиными. Сестре было уже 29 лет, и она была фактически бесприданницей. Пушкин не сразу, но дал согласие отозвать вызов. Он воображал, как в обществе буду смеяться над Дантесом, решившим из-за трусости жениться на бедной и некрасивой Екатерине. Пушкин и представить не мог, что буквально через несколько дней это самое общество уверует, что Дантес пожертвовал собой ради любимой Натали, женившись, чтобы, во-первых, спасти её репутацию, а во-вторых, чтобы видеть её на правах родственника. В общем, рыцарь при прекрасной даме. У них что – тоже был тот же культурный код, что у императрицы? Да никакого национального культурного кода вообще, кроме умения ловить флюиды сверху! В январе вышел номер журнала «Современник» с повестью Пушкина «Капитанская дочка». Из ожидаемых двух с половиной тысяч подписчиков оказалось только семьсот человек. Расходы на издание

журнала невозможно было покрыть. Этой публике было совсем неинтересно читать живого классика. А вот таскаться по всем местам, где можно было встретить Пушкина с Натали и Дантеса с Екатериной, ловить их фразы, обсуждать, рассылать сплетни в письмах — это у многих стало любимым занятием. Внезапно семья Пушкина оказалась как бы на сцене, где на них были устремлены десятки жадных до пересудов глаз. Но он не был рождён для того, чтобы участвовать в этом водевиле. Дантес тем временем всё больше наггел, возможно, чувствуя незримое покровительство. Он был достаточно расчётливым человеком, чтобы продолжать играть роль принесшего жертву влюблённого. Кроме того, Пушкин дал обещание Николаю I не посылать больше дуэльные вызовы и известить его, если история с дуэлью возобновится. Дантес поэтому ничего не боялся и пользовался любым случаем, чтобы отпустить в адрес Натали весьма сомнительный каламбур. Какой? А вот, например, сказанный по тому поводу, что у сестёр Гончаровых был общий, как тогда говорили, оператор по удалению мозолей: «Я теперь знаю, что ваша мозоль красивее мозоли моей жены». Поскольку по-французски слово мозоль (*cor*) звучит так же, как слово тело (*corps*), каждый мог оценить, что он ей сказал и на что намекал. Он мстил этой женщине, из-за которой ему пришлось так невыгодно жениться.

Эти нахальные выходки только увеличивали его успех в высшем обществе Петербурга. Сборище сплетников ловило все словечки француза и жаждало новостей. И они получили эту самую главную новость, прервавшую великосветскую «дантесоманию».

25 января Пушкин написал письмо Геккерну, обвинив его в сводничестве и требуя, чтобы его приёмный сын не смел говорить его жене казарменные каламбуры. Дантес в письме был назван подлецом. Формально Пушкин не нарушил обещания императору, но письмо было настолько оскорбительным, что он ждал вызова на дуэль. Вызов пришёл от Дантеса. Исход дуэли, состоявшейся 27 января, всем известен. Пушкин получил смертельное ранение, от которого скончался 29 января 1837 года.

Что заставило поэта пойти на этот роковой шаг? «Не вынесла душа поэта позора мелочных обид», — как написал тогда ещё совсем молодой Лермонтов. Но Пушкин не был слабым человеком. Он испытывал сильные физические муки перед смертью. Но когда Даль сказал ему: «Стони, тебе будет легче», Пушкин ответил: «Нет, не надо... И смешно же это, чтобы этот вздор меня пересилил». Они его не пересилили. Просто, как сказал о нём другой

поэт сто лет спустя (Галактион Табидзе): «Для избранника этого ранга честь жены, честь эпохи — одно».

Смерть Пушкина потрясла русское общество. Как следует из донесения прусского посланника своему правительству: «Смерть Пушкина представляется здесь как несравнимая потеря для страны, как общественное бедствие... Думают, что со времени смерти Пушкина и до перенесения его праха в церковь в его доме перебивало 50 тысяч человек».

В основном это были обычные люди, его истинные поклонники и читатели, которым творения Пушкина были необходимы как духовная пища. Как воздух, которого самому Пушкину не хватало в последние месяцы его жизни. Пушкин был первым в ряду тех великих писателей, которые и заложили основу нашего национального культурного кода. А чтобы этот код стал общим для миллионов людей, только и надо было ввести обязательное среднее образование и уроки русской литературы в школе.

По решению суда Дантес был разжалован в рядовые, но как нерусский подданный был выслан в сопровождении жандарма за границу. Это случилось 19 марта 1837 года. По стечению обстоятельств он после пересечения прусской границы должен был задержаться в Кёнигсберге, поджидая Геккер-на, лишившегося должности посланника, и свою жену. В начале апреля кто-то из жителей города, возможно, обратил внимание на троицу иностранцев: безучастного красавца, молодую женщину, не сводившую с него обожающих глаз, и неприятного пожилого господина, притворявшегося отцом благородного семейства. Из этих троих радовалась только Екатерина, не зная, что ей осталось жить только несколько лет.

Как написала Серена Витале: «можно только удивляться той страсти, с которой в России исписаны тысячи страниц о смерти Пушкина. Может, лучше восхищаться страной, которая не перестает скорбеть о своих поэтах?»

Нет сомнения, что ещё многое будет написано. Потому что загадки остались. А как сказано другим писателем и по другому поводу, ни одно явление не имеет единственной причины, а порождается комплексом разномасштабных причин, сошедшихся в неповторимой комбинации. Как неповторим был и Пушкин — солнце русской поэзии на все времена.

Е.М. Карасёва

«В ЯЗЫКЕ... ОСТАЮТСЯ СЛЕДЫ ЕГО ПРЕЖНИХ СУДЕБ...»

К 205-летию И.И. Срезневского

«Всякий живой язык есть такое народное достояние, которым каждый член народа по закону природы должен пользоваться».

И.И. Срезневский

Срезневский Измаил Иванович (1812-1880), выдающийся русский ученый XIX столетия, человек энциклопедических знаний, академик тридцати двух академий, оставил неизгладимый след в развитии российской науки. Его имя в истории русского просвещения – это целая эпоха. Он – филолог, основатель Петербургской школы славистов, знаток древней русской литературы и народной словесности, диалектолог, лексикограф, основоположник истории изучения русского языка.

И.И. Срезневский стоял у истоков сравнительно-исторического языкознания и внёс большой вклад в его развитие. Не менее он известен и как учёный-методист. Его перу принадлежат научные работы по проблемам изучения отечественного языка в детской аудитории. Им были определены перспективы развития передовой русской школы на многие годы, во многом сохранив свою актуальность и в наше время.

В деятельности И.И. Срезневского находили удивительную гармонию и строгие грамматические исследования, и работа со словарными материалами и народный фольклор, и труды по расшифровке и изданию древней старины.

Особое место в наследии Измаила Ивановича Срезневского занимают его беседы о русском языке, собранные в книгу «Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте». В ней представлена смелая, на тот момент, концепция ученого в области методики преподавания русского языка на первоначальном этапе. Значимо, что Срезневский говорит о языке как о «скрепе семей и поколений, как о свидетельстве человечности личности, и важнейшим свойством этой личности называет владение родным языком». Изучение родного языка учёный соотносит с просвещением, культурной традицией, возвращающей нацию.

Он писал: *«Цель изучения родного языка – не счастливые ответы на каком-нибудь экзамене, а овладение им в должной мере для жизни, для жизни внутренней и вместе с той внешней, без которой и сама внутренняя жизнь – вообще говоря – невозможна. Идти к этой цели, значит, всматриваться и вдумываться в средства, представляемые языком для выражения мыслей, и привыкать ими пользоваться, приучать думать определенно...»*

Измаил Иванович Срезневский родился 1 июня 1812 года в Ярославле в семье профессора «словесности древних языков и российского красноречия» Демидовского училища высших наук. В том же году отец будущего учёного был переведён в Харьковский университет. Детство и молодость Измаила Ивановича слились с Украиной, которую он полюбил и считал своей второй родиной. Батюшка, Иван Евсеевич, скончался в 1819 г., оставив мать Срезневского, Елену Ивановну, вдовой в 26 лет с тремя малолетними детьми. Умная и одарённая женщина она дала им серьёзное образование. С детских лет Измаил полюбил литературу и музыку, писал стихи. Глубокая дружба и истинная любовь связывала Измаила Ивановича с матушкой. Об этом свидетельствует их переписка и убеждение Срезневского в том, что матери принадлежит главная роль в начальном образовании детей.

В четырнадцать лет И.И. Срезневский поступил в Харьковский университет, окончив его в 1829 г. со степенью кандидата. Став юристом, несколько лет служил в «присутственных местах». Затем некоторое время трудился на должности библиотекаря Харьковской городской библиотеки. Плодом библиотечных занятий Срезневского стал изданный им «Систематический указатель книг и рукописей, находящихся в Харьковской публичной библиотеке № 1». Вместе с тем, «он всё время занимался преподаванием русского языка и словесности, истории и географии в частных училищах и в семьях».

Под влиянием людей, увлечённых литературой, у Измаила Ивановича пробудился интерес к народной словесности. Работы по народной словесности особое развитие получили в 1832-1833 гг., когда он служил в Екатеринославской губернии в качестве учителя у помещиков Подольских. В этот период им были изданы «Украинский альманах» (1831) и «Словацкие песни» (1832), записанные Срезневским у торговцев-словаков. Здесь он столкнулся с «живыми памятниками минувшего» – стариками-запорожцами. Затем были выпущены сборники «Запорожская старина» (1833-1838). Высокую оценку последнему изданию дал украинский поэт Т.Г. Шевченко. Имя И.И. Срезневского стало известно на Украине и в столицах.

В 1837 году Срезневский защитил магистерскую диссертацию на тему «О сущности и содержании теории в науках политических» и был назначен адъюнктом кафедры политической экономии и статистики Харьковского университета. В 1838 году он представил докторскую диссертацию «Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнительно», но советом Харьковского университета труд не был допущен к публичной защите из-за неприемлемого основного тезиса работы. После этого в судьбе молодого человека наступил перелом. В связи с неудачным исходом своей защиты Срезневский принимает предложение занять кафедру славяноведения и отправляется в длительное путешествие по славянским землям.

И.И. Срезневский выехал из Харькова в сентябре 1839 года. Его поездка продолжалась три года, и только осенью 1842 года он возвратился в Россию. Путь его лежал через Москву, Санкт-Петербург, Ригу, Клайпеду, Кёнигсберг в Берлин. Здесь Срезневский прослушал курс лекций по санскриту. В ходе путешествия он писал донесения в Министерство народного просвещения, а особенно подробно об увиденном – в письмах к матери, впоследствии опубликованных. В поездке особое внимание Срезневский обращал на важность практического изучения славянских языков.

В Кёнигсберг учёный прибыл в начале декабря 1839 года и пробыл здесь пять дней, желая познакомиться и с городом, и с его учёными. Он писал матушке: *«В Кёнигсберге я видел всё, что стоит внимания – и собор, и музей, и библиотеку, и замок, и университет, и дом Канта, и театр, и обсерваторию. Собор велик, но хуже римского; в соборе погребены разные маркиграфы и пр. С северной его стороны есть галерея, называемая Stoa Kantiana, и в глубине ея, в чулане, за железной решеткой гробница Канта, над которою на чёрной стене какой-нибудь, верно, студент написал «Думай, действую» (Denke, Wirke)»*. Далее Срезневский изображает в письме дом Канта собственным рисунком и пишет: *«Над входом есть надпись, по чёрному полю золотыми буквами, что в нём жил и учил Кант с 1784 по 1804 г.»* Переходя к другому сюжету Измаил Иванович сообщает матушке: *«В Кёнигсберге многие умеют жить: прекрасная мебель, чистота, хорошее кушанье, наряды и пр. это доказывают. И профессора живут очень хорошо. Даже моя комната в Deutsche Haus была с мебелью красного дерева, с кисейною драпир, украшенною бронзой на окнах, голландским бельём на постели, с фарфором в умывальне»*.

Затем Срезневский сообщает, что познакомился с пятью профессорами Кёнигсбергского университета и у двух был на лекции. Профессору политических наук Ф.В. Шуберту (1799-1865) Измаил Иванович подарил экземпляр своей диссертации,

материал которой тот одобрил. Предметом для разговоров большей частью была статистика. Далее Срезневский указывает на профессора философии И.К.Ф. Розенкранца (1805-1879), с которым он провёл часы в разговоре о народной поэзии. Упоминает профессора физики Л.Ф. Мозера (рожд. 1805), историка И.Ф. Фойгта (Voigt, 1786-1963), а также К.Ф. Швейкарта (1780-1857), который в 1813-1816 годах был профессором юридико-политического факультета Харьковского университета. О нём он писал: *«Добрый старик помнит папеньку, Вас, меня, Харьков и приказал передать Вам свой душевный поклон»*. Заключает Срезневский сведения о городе следующим: *«Вообще, я провёл в Кёнигсберге время очень, очень приятно, кое-что успел и прочесть, и даже достал одну старинную славянскую грамоту (от Фохта)»*.

5 декабря 1839 года И.И. Срезневский покинул Кёнигсберг и 8 декабря был уже в Берлине. Затем отправился в Галле и далее в Прагу и славянские земли, которые он основательно изучил, а впоследствии стал одним из крупнейших авторитетов в области славянской филологии. Из заграничного путешествия Срезневский вывез массу самых разнообразных литературно-научных материалов.

В октябре 1842 года И.И. Срезневский начал читать лекции по истории и литературе славянских наречий в Харьковском университете. Успех лекций был громадным. Студенты всех факультетов толпами собирались слушать красноречивого профессора. «Новость предмета, ... бойкость изложения, то восторженного и приправленного цитатами из Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго критического, не лишённого юмора и иронии – всё это действовало на учащуюся молодёжь самым возбуждающим образом, всё это было так своеобразно и ещё ни разу не случалось», – как гласило предание, на университетской кафедре.

Помимо лекций И.И. Срезневский деятельно трудится над подготовкой статей по материалам, собранным в путешествии. Обширные исследования позволили ему подготовить и в 1846 году защитить докторскую диссертацию на тему: «Святынища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям». Тогда же его начинают интересовать работы по истории старорусского языка и старорусской грамматики.

Отсутствие необходимых материалов для научной работы в харьковских библиотеках вынудило И.И. Срезневского в январе 1847 года выехать в Санкт-Петербург. Здесь вскоре он был утверждён профессором Петербургского университета по кафедре славяноведения. С 1849 года Срезневский становится адъюнктом, а с 1854 года ординарным академиком Академии наук. До конца своих дней он был связан с университетом и Академией наук.

Многие годы Срезневский открывал, описывал и изучал памятники древнерусского языка и состав-

лял древнерусский словарь, обработанный и изданный после его смерти в виде «Материала для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». Учёный постоянно следил за подготовкой серьёзных лексикографических трудов, как в России, так и за границей. Наиболее содержателен и значителен его разбор «Словаря церковнославянского и русского языка».

Помимо деятельности в университете и Академии наук И.И. Срезневский постоянно занимался учебно-методической работой, связанной с преподаванием русского языка и литературы. Он был инспектором по наблюдению за преподаванием и испытаниями по русскому языку и словесности в петербургских гимназиях, инспектором школ и частных пансионов Петербурга, членом Учёного комитета при Главном управлении училищ по русской словесности.

Когда в середине XIX века развернулась острая борьба между классическим и реальным направлениями развития отечественной школы, И.И. Срезневский, как и А.И. Герцен, Д.И. Писарев, Д.И. Менделеев, К.Д. Ушинский, Н.А. Добролюбов, поддержал реальное направление, связывающее обучение с жизнью. Этот вектор развития педагогической мысли давал возможность русскому языку как учебному предмету занять достойное место в гимназическом образовании. Срезневский был глубоко убеждён, что образование своими корнями должно уходить в национальную почву, поэтому он считал отечественный язык надёжным фундаментом для полноценного умственного и нравственного развития учащихся. Учёный считал, что необходимо изучать русскую грамматику более подробно по сравнению с латинской или греческой грамматиками.

Формированию взглядов И.И. Срезневского на лингвистическое образование школьников во многом способствовало его живое общение с учителями. На вопрос, чему должны научиться дети в период обучения в школе, И.И. Срезневский отвечал: *«Читать внятно и выразительно, грамматически правильно писать, толково пересказывать прочитанное и услышанное, умело выражать свои мысли, знания и впечатления, а также точно, связно и хорошим языком излагать их на письме, понимать язык художественных произведений»*.

Учёный включает в гимназическую программу отечественного языка педагогически значимые идеи науки о красноречии. Он искусно вводит в канву школьного курса русского языка риторические идеи, о чём свидетельствует рукописный учебник отечественного языка для первоначального обучения, записанный под диктовку его дочерью Ольгой Измайловной, когда ей было 10-13 лет. Рассматривая во взаимосвязи коммуникативные качества речи, И.И. Срезневский закладывал основы ком-

плексного подхода к их формированию в школьном возрасте.

В течение всего петербургского периода своей жизни, длившегося 30 лет, И.И. Срезневский целенаправленно работал над словарём древнерусского языка: систематизировал памятники письменности, создавал на базе выписок из этих памятников картотеку материалов для словаря. Он был увлечён этим трудом, увлёк им и своих близких. Младший из сыновей И.И. Срезневского, впоследствии член-корреспондент Академии наук СССР Всеволод Измайлович Срезневский писал о тех годах: *«Я привык видеть, как вся наша семья, особенно летом, более свободная, выписывала на карточки слова из ряда изданий памятников, прочитанных отцом, с подчёркнутыми им словами»*. Словарь после смерти Срезневского остался в рукописи, вернее – в массе карточек (около 120000 выписок) и ряде частных словарей к отдельным памятникам. Значение труда ещё при его жизни было высоко оценено.

В начале XX века, к столетию со дня рождения И.И. Срезневского (1812-1880), были опубликованы «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». Они выходили отдельными выпусками с 1890 по 1912 год и составили целую эпоху в русской лексикографии, утвердив право на существование исторической лексикографии как самостоятельного жанра. По мнению специалистов «Материалы...» как бы синтезировали философские познания XIX века в области славистики, истории русского языка. Признётся, что этот трёхтомный труд стоит в одном ряду с великими лексикографическими творениями Я. Гримма, В. Даля, В. Караджича.

Приготовление к печати Словаря И.И. Срезневского было поручено дочери Измаила Ивановича Ольге Измайловне Срезневской, издавна помогавшей своему отцу в его работах и, благодаря этому, ещё при жизни Измаила Ивановича ознакомившейся с его планами и предложениями относительно издания Словаря. В работах её впоследствии принял участие и брат Всеволод Измайлович Срезневский.

В 1958 году педагог, лингвист, специалист по грамматике и лексике русского языка, профессор, член-корреспондент АН СССР, редактор много томного «Словаря русского литературного языка» С.Г. Бархударов (1894-1983) писал: «Словарь И.И. Срезневского – величественный памятник русской исторической лексикографии. Как всякий классический труд, он никогда не утратит своего

исторического значения даже тогда, когда будут изданы более совершенные словари древнерусского языка».

Лексикографическое наследие И.И. Срезневского тем и интересно, что оно выросло в результате обобщения данных исторических направлений: языкознания, истории, этнографии. Срезневский был одним из цензоров, к которому сходились учёные силы России и славянских земель. Благодаря его живому, общительному характеру, отсутствию замкнутости, сношения его были в высшей степени обильны и разнообразны. Число писем к Срезневскому, сохранившихся в его архиве, может считаться тысячами, число корреспондентов сотнями – свыше 900.

Измаил Иванович Срезневский был отцом большого семейства: четыре сына и четыре дочери. Он дорожил своими детьми, независимо от их возраста и способностей, уважал выбор их жизненного пути. Так, Ольга Измайловна (1845-1930) стала писателем, Владимир Измайлович (1848-1920) – преподавателем русской словесности, известным статистом, Вячеслав Измайлович (1849-1937) – филолог-славист, технический и спортивный деятель, учёный в области научно-технической фотографии, в 1911-1918 годы возглавлял Российский олимпийский комитет, был членом Оргкомитета Первой и Второй Российских Олимпиад, Борис Измайлович (1857-1934) – метеоролог, профессор Юрьевского университета, декан физико-математического факультета, Всеволод Измайлович (1867-1936) – историк литературы, археограф, палеограф, библиограф, член-корреспондент Академии наук СССР. Сведения о каждом из детей, о самом Измаиле Ивановиче Срезневском и его отце Иване Евсеевиче Срезневском (1779-1820) включены в Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.

Измаил Иванович считал, что настоящее классическое образование требует от человека вообще умения всё делать. Всеволод Измайлович, сын ученого, вспоминал о совместных с отцом делах: «... мы с ним переплётничали, клеили коробки, точили ножи, строгали доски, столярничали, работали на верстаке, красили заборы, оклеивали стены обоями, копались в саду, хлопотали по домашнему... Как не поблагодарить за всё это отца... исподволь готовившего сына к жизни, как будто он сам, этот малыш, доходил до всего своим умом».

Срезневского И.И. не стало 8 февраля 1880 года. По своему завещанию он был похоронен в селе Срезнево Спасского уезда Рязанской губернии, которое впервые упоминается в XVI веке. Из этих мест вышли его предки – род священников, проповедников, профессоров первых российских университетов. Своей известностью они обязаны,

Духовно-культурный центр и могила И.И. Срезневского в селе Срезнево Рязанской области

прежде всего, Ивану («сыну Евсея из села Срезнево»), получившему фамилию Срезневский после окончания Рязанской духовной семинарии в 1791 году. Любовь к родному краю была передана и сохранена Измаилом Ивановичем.

Через десять лет племянник И.И. Срезневского, священник Покровской церкви села Срезнева Василий Григорьевич Катинский построил подлинный памятник ученому – сельскую школу, носившую его имя до 1917 года.

Ученики И.И. Срезневского, среди которых немало талантливых историков, этнографов, филологов, педагогов: П.А. Лавровский, В.И. Ламанский, М.И. Сухомлинов, Р.Ф. Бранд, Т.Д. Флоринский – остались преданными делу своего учителя, создав самобытные труды и продолжив каждый по-своему развивать его идеи.

Неподдельной человеческой любовью, искренним чувством к своей Родине и верой в её исключительные духовные силы были проникнуты вся его жизнь и деятельность, каждый его труд. Жизнь И.И. Срезневского – «драгоценное достояние и памятник нашей народной образованности».

Фонд редких книг Калининградской областной научной библиотеки владеет трёхтомным репринтным изданием первого словаря древнерусского языка И.И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» 1893 года выпуска, составленного им на основе исследования около 2700 письменных памятников. Специалисты считают, что до сих пор «Материалы...» сохранили свою ценность, так как остаются самым значительным собранием древнерусских слов XI-XIV и отчасти XV-XVI веков. Словарь И.И. Срезневского может быть настольной книгой для тех, кто изучает прошлое русского языка, своеобразной хрестоматией нашей древней литературы, сокровищницей знаний народа.

Н. Г. Макарьева

Леонид Бондарь
Он ушёл 27 февраля в 28 лет.
Мы будем помнить...

ЕСЛИ Я ЗАВТРА УМРУ

Если я завтра умру
 Так и останемся
 Не пойми кем

Главное успеть до того
 Как выйдешь из дома
 Как встанешь с кровати
 И ничего не узнает
 Не увидит сын

Сухая кожа на моих руках
 Больше не будет
 Неприятностью

Если я завтра умру это будет случайность
 Без пытки болезнью
 Без допроса которым является старость
 Не лучше ли так
 Когда ощущение счастья

Если я завтра умру
 Ты разрешишь вопросы
 Не скажешь отложенных фраз
 Моих не услышишь ответов
 Раздражённых моих насмешек

Последними словами
 Будет
 Спокойной ночи
 А что я там бормотал во сне
 Повспоминаешь
 Махнёшь рукой.

09.02.2017

Игорь Белов, поэт: *«Я не могу до сих пор поверить во всё это. От нас ушёл поэт, настоящий, замечательный. Это был молодой человек, но я не могу назвать его молодым поэтом. Лёня был прекрасным русским – уже не калининградским – поэтом. Я бы его не помещал в узкие рамки региональной литературы. Я следил за тем, как он работает. Это поколение, которое о себе очень круто, громко и профессионально заявило – поколение «Сквозняков» и «Эффекта Доп(н)лера». Он отлично владел техникой: и рифмованные стихи, и дольник, и верлибр. В своей профессии – назовём это так – он умел всё. Он прекрасно понимал величину своего дара, в нём была осознанность. Не было богомности, показушности. Он прекрасно понимал, что делает. Как настоящий поэт, он много писал о смерти. Последнее его стихотворение я прочитал буквально пару недель назад. Ушёл очень любивший эту жизнь замечательный человек. Это страшная потеря не только для близких, но и для всех нас».*

Светлана Трусенёва, министр образования КО: *«Молодой педагог учил детей мыслить, не бояться излагать и отстаивать свою точку зрения, уважал мнение каждого ребенка».*

Алла Исаева, директор Центра непрерывного образования: *«Мы традиционно проводим конкурс молодых педагогов, и в одном из них в 2014 году принимал участие и Леонид. Уже тогда он заявил о себе настолько ярко и творчески, что у других конкурсантов не осталось никакого шанса на победу. В своём эссе он сравнил себя с ручьем, из которого вытекает большая река. Оно просто покорило членов жюри и самих конкурсантов. Это было настолько интересно, что когда оглашали имена победителей, мы представили его через это творческое выступление. Такое искрометное, интеллигентное творчество пронизывает всё его существо».*

Пётр Старцев, корреспондент ИА «Русский Запад»: *«Он был принципиальным человеком. Не сдавался ни в словах, ни в делах. С его уходом это качество в нашем городе стало ещё большей редкостью, чем раньше».*

Борис Бартфельд, поэт, председатель калининградской областной писательской организации: *«У него был и поэтический, и писательский, и организаторский талант. Он работал с молодёжью. Это огромная потеря для всех нас и для будущего калининградской культуры».*

Лидия Фролова, главный редактор журнала «Балтика»: *«В редакцию журнала он зашёл в самом начале февраля, сказал, что доработал и принёс материалы, подарил свою книгу стихов. Рассказал, что ушёл из школы и «отправился в свободное плавание». Обещал подумать не просто о сотрудничестве, но о том, чтобы войти в состав редакции. Думала о нём как о своей смене – увы!»*

По материалам сайта klops.ru

Предлагаем обсудить проблему:

«ОТКРЫВАЙ КНИГУ, А ТО ПЛАНШЕТ ОТБЕРУ»: ПОЧЕМУ ВАШ РЕБЁНОК НЕ ХОЧЕТ ЧИТАТЬ

«Как привить ребёнку любовь к чтению?» – этот вопрос задают мне часто. Чаше, чем хотелось бы мне на него отвечать. В первую очередь, потому, что задавать мне его начали, когда я только учился в университете и подрабатывал репетиторством, то есть не имел опыта работы в школе (мой опыт и сейчас невелик). А я человек вежливый и в какой-то степени трусливый, поэтому всегда отвечал общими фразами, всем известными сентенциями, приводил высказывания тех, кто считается авторитетом в деле научения детей чтению.

Но сейчас я готов начать сначала. Внимание, вопрос...

Как привить ребёнку любовь к чтению?

Я знаю, что невежливо отвечать вопросом на вопрос, но. Зачем вы хотите привить ребёнку любовь к чтению?

Если вам сейчас нестерпимо захотелось бросить в меня чем-нибудь тяжёлым, значит, одно из двух: либо вы не знаете ответа (не можете его чётко сформулировать), либо вы тот человек, который должен писать этот текст за меня.

Конечно, все мы знаем, что нельзя стать образованным человеком, не читая книг. Но прекрасно можно получить образование – среднее и высшее. Невозможно проникнуть в культуру и историю народа, не читая произведений, написанных его представителями. Но культурный человек в широком представлении – это тот, кто не матерится при женщинах и детях. Без литературы не получится воспитать вкус и отрегулировать уровень эмоционального восприятия. Да, не получится. А так ли это важно?

Чего хочет ваш ребёнок?

И чего хотите вы?

Вопрос мотивации, на мой взгляд, главный вопрос современной педагогики.

Увы нам! Ребёнок гораздо лучше нас знает, что ему нужно. А мы ему мешаем.

Но тут можно уйти в невообразимые дебри и так и не найти ответа.

Скажу одно: для того чтобы учиться, достаточно уметь читать. Любить читать не обязательно. Точно также любовь к книге не гарантирует успешной карьеры, лёгких денег, дорогих машин, свободного времени, уважения сверстников и известности.

Что же даст страсть к чтению?

Миопию, сколиоз, идеалы (впоследствии разбитые), стремление анализировать, умение сомневаться, иммунитет к стереотипам и нормам поведения, отторжение общества (-ом), отказ от псевдоблаг, отвращение ко лжи, которая является смазкой в машине коммуникации, разочарование в... (подставьте сами).

Будет ли читающий ребёнок счастлив? Возможно. Как и не читающий. Не от чтения зависит.

От философии к практике

– Наш ребёнок не читает...

А вы? Вы сами читаете? Не газету, не новостную ленту, не бегущую строку. Есть ли у вас дома книжный шкаф? Есть ли выбор художественной и научно-популярной литературы? Есть ли у вас час-два в день, чтобы посидеть или полежать с настоящей бумажной книгой? Не в транспорте, не с аудиокнигой, не в туалете. Видит ли ваш ребёнок, что вы читаете? И что? вы читаете? На мой взгляд, это особенно важно в дошкольный период и в начальной школе. Принцип «делай как я!» Вы можете сто раз рассказать ребёнку, как это здорово, но пока вы своим примером не покажете, что чтение стоит вашего времени, он ни за что не поверит.

До тех пор, пока у ребёнка не появится потребность читать, он читать не будет. Развить эту потребность можно попробовать так: читайте всей семьёй, обсуждайте прочитанное. Если ребёнок ещё не до конца оторван от общения с вами (если его не поглотили компьютер, приставка, телевизор, интернет, друзья, спортивная секция, улица), он будет вынужден подстроиться под ваши правила коммуникации, иначе он не сможет с вами общаться. А ему этого очень хочется, поверьте! Впрочем, как это ни прискорбно, семьи, в которых с общением всё хорошо, как правило, не задают мне подобных вопросов. Следовательно, этот вопрос приходит из семей, где случился разрыв коммуникации между родителями и детьми. И, простите, вам не к учителю литературы.

Кажется, на самый главный вопрос я ответил. Все остальные – лишь следствие описанной ситуации.

– ...уж мы ему и книг накупили...

А толку, если ребёнок читать не хочет? Конечно, здорово, если дома много книг. Но они долж-

ны «работать». Их должны читать, в первую очередь, взрослые.

– ...и компьютер с планшетом отобрали...

И что? Вы применили насилие. Ребёнок, если не хочет читать, будет играть в телефон. Отберёте телефон – он пойдёт играть к друзьям. Запрёте дома? Будет смотреть телевизор, лежать на кровати, мучить кошку, мстя за свои страдания. Но читать он всё равно не будет. Или будет, если захочет.

– ...теперь он каждый вечер должен пересказывать мне десять прочитанных страниц...

Надолго ли вас хватит? Неделя? Месяц? Вы принудили ребёнка к чтению под страхом чего-то или давлением своего авторитета. Возможно, вы великолепный педагог по наитию, одарённый психолог и сможете вывернуть первоначальное насилие над личностью в живой интерес к общению по поводу прочитанного... А возможно, что и нет.

– ...он так любит гаджеты, что мы ему даже купили электронную книгу, закачали все библиотеки, а он...

Всё равно не читает. Ага. Электронную «читалку» есть смысл покупать, только если ребёнок уже читает с интересом, у вас нет места для хранения бумажных книг или хочется читать в поездках. Есть наверняка ещё причины, но суть, думаю, понятна.

– ...у нас в семье все читают: мы с папой, бабушки. У нас много книг – русская и зарубежная классика, прекрасно иллюстрированные издания. Есть библиотека немецкого романтизма в оригинале... Каждую пятницу у нас бывают гости, мы обсуждаем литературную жизнь в России и Латинской Америке...

Я уже хочу быть вашим ребёнком. Но всё-таки переспрашиваю:

– Что же, ваш сын совсем ничего не читает?

Родительница мнётся, ей как будто неудобно за сына:

– Ну не то чтобы совсем не читает... читает... какого-то Перумова... Мартина. Этого... Геймана. Ему одноклассник посоветовал. А нормальных книг не читает...

Отстаньте. И от меня, и от ребёнка. Пусть читает, что хочет. Не мешайте. Только подбросьте как-нибудь вместо Перумова – Толкина, вместо Мартина – Желязны, вместо Геймана – Лавкрафта. После Толкина предложите «Песнь о Нибелунгах», после Лавкрафта – Эдгара По и так далее.

– ...мы не знаем, что делать! Может быть, вы на него повлияете?

Я и так на него влияю. Пять часов в неделю в компании с ещё двадцатью учениками. А вы живёте с ним под одной крышей. Не существует технологии привития любви к чтению. Да, я постараюсь помочь ученику понять произведение в отведённые сроки, проанализировать текст, составить устные и письменные высказывания с опо-

рой на прочитанные произведения. Я постараюсь сделать это интересно – в меру своих сил. Но гарантировать, что ребёнок полюбит чтение, не могу.

В своём отечестве

Кстати, есть неожиданный способ заинтересовать ребёнка миром литературы: покажите ему живого писателя. Только сделайте это вовремя – я не раз замечал, какой энтузиазм охватывает учеников начальной школы и ребят из пятых-шестых классов, когда они узнают, что (настоящий! всамделишный!) писатель придёт к ним на урок или просто существует где-то поблизости. Процесс сотворения книги ребёнку видится чем-то волшебным, а соприкоснуться с таинственным, с чудесным ему хочется инстинктивно. Кажется невероятным, что по тем же улицам ходят поэты и писатели, которые пишут про то, что видит и слышит каждый: про деревья, дома, людей, животных и птиц – и как у них получается?!

Обычно на встрече с писателем есть книги, красочные, пахнущие типографией, отмеченные автографом, в которые так и хочется заглянуть. Пару строчек, а то и страницу ребёнок прочтёт сразу – пойдёт ли дело дальше зависит и от автора, и от того, насколько верно родители подгадали с возрастом и тематикой.

Часто после общения с живым писателем дети пробуют творить самостоятельно, объединяются по двое, по трое, придумывают в общую тетрадку истории, иногда показывают их учителям. Вот тут бы и указать на литературный кружок при школе, а кому-то постарше и на литобъединение в городе, благо, такие есть.

К сожалению, в школе литература родного края чаще всего даётся в старших классах. Для заинтересованных ребят уроки проходят продуктивно, а для остальных писатель-земляк, конечно, в диковинку, но вдумчиво читать его книги они вряд ли станут. Привыкать к чтению нужно раньше, в тех классах, где ответственность за знакомство с писателями родного края лежит исключительно на учителе, разработавшем программу внеклассного чтения, и на библиотекаре, который не поленится подготовить сетку интересных мероприятий.

В то же время, если взрослые захотят разнообразить семейный культурный досуг, калининградская Централизованная библиотечная система всегда рада предложить встречи с местными и приезжими авторами, лекции и семинары от преподавателей ВУЗов и другие мероприятия, подготовленные сотрудниками. А детские библиотеки устраивают множество интересных событий для детей и подростков.

Чтение – это не только пребывание дома с книгой, но это зачастую красочное путешествие в хорошей компании и встреча с интересными людьми.

Эпилог (бессвязные выкрики)

– Дети не читают!

Читают. Правда, не всегда книги. Что же касается книг, то старшеклассники любят удивить весьма специфическими и не каждому взрослому знакомыми авторами.

– Вот раньше!..

Раньше была другая ситуация. Мир был другим. В эпоху сверхскоростного мобильного интернета информация распространяется совсем не так, как двадцать лет назад. Книга теперь – не единственный источник информации, не самый удобный, не самый доступный. Не самый понятный.

– В советской школе!

Было всё иначе. Как уже сказал, был другой мир, другие представления о способах работы с информацией. Было другое отношение к учёбе, школе, учителю. Сравнивать можно, а вернуть «как было» – нельзя.

– Русский язык захламлён иноязычными заимствованиями!

Да, примерно с X века нашей эры. Сначала это были церковнославянизмы, грецизмы. Потом – тюркизмы (кстати, слово «книга», возможно, пришло через тюркские племена из Китая). В XVIII

веке – вал слов из латинского, немецкого, английского, португальского. Позже – из французского. Стоит ли продолжать? К. И. Чуковский написал прекрасную книгу «Живой как жизнь» обо всех опасениях по поводу «болезни» языка. Я же уверен: ничего ужасного с русским языком не случится. А если случится, то от заимствований это будет зависеть весьма косвенно.

– Во всём виноват...

Это ваше право так думать.

Вместо заключения чуть-чуть о себе

Конечно, всё, что я написал выше, – исключительно моё мнение.

Я люблю читать. К сожалению, не так часто удаётся выкроить на это время.

Я стараюсь вести что-то вроде читательского дневника на сайте www.livelib.ru.

Я пишу и публикуюсь. Считаю, что любой текст найдёт своего читателя. Лишь бы не было насилия. Ни над читающим, ни над пишущим.

Проще говоря, «не люблю – не слушай...»

Кстати, «Не люблю – не слушай» – название сборника сказок Степана Писахова. Рекомендую к неспешному прочтению всем любящим русскую речь.

А ещё Леонид порекомендовал опубликовать вот это стихотворение.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ: БАЛЛАДА О КНИЖНЫХ ДЕТЯХ

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф.

Детям вечно досажен их возраст и быт –
И дрались мы до ссадин, до смертных обид.
Но одежды латали нам матери в срок,
Мы же книги глотали, пьянея от строк.

Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой сладко от фраз.
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших слетая на нас.

И пытались постичь мы, не знавшие войн,
За воинственный клич принимавшие вой,
Тайну слова «приказ», назначенье границ,
Смысл атаки и язг боевых колесниц.

А в кипящих котлах прежних боен и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов!
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов.

И злодея следам не давили остыть,
И прекраснейших дам обещали любить;
И, друзей успокоив и ближних любя,
Мы на роли героев вводили себя.

Только в грёзы нельзя насовсем убежать:
Краткий век у забав – столько боли вокруг!
Попытайся ладони у мертвых разжать
И оружие принять из нагруженных рук.

Испытай, завладев ещё тёплым мечом
И доспехи надев, – что почём, что почём!
Разберись, кто ты: трус иль избранник судьбы?
И попробуй на вкус настоящей борьбы!

И когда рядом рухнет израненный друг,
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И, когда ты без кожи останешься вдруг
От того, что убили его – не тебя,

Ты поймёшь, что узнал, отличил, отыскал,
По оскалу забрал – это смерти оскал –
Ложь и зло. Погляди, как их лица грубы,
И всегда позади – воронье и гробы.

Если мяса с ножа ты не ел ни куска,
Если, руки сложа, наблюдал свысока,
А в борьбу не вступил с подлецом, с палачом,
Значит, в жизни ты был ни при чём, ни при чём.

Если, путь прорубая отцовским мечом,
Ты солёные слёзы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал что почём,
Значит, нужные книги ты в детстве читал!

ОПРАВДАНИЕ ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ, ИЛИ НА КРУГИ СВОЯ

Размышления над книгой Бориса Бартфельда «Возвращение на Голгофу»

1

Я убежден, что хорошая проза начинается с плотности смысла, а плотность смысла определяется его экзистенциальной направленностью. Иными словами, хороший писатель всегда пишет о самом главном в жизни, о том, что связано с жизнью и смертью (следовательно, с любовью, свободой, истиной, историей).

Держу в руках книгу Бориса Бартфельда «Возвращение на Голгофу» (М.: Издательство Э, 2016). Кручу ее так и сяк, заглядываю в оглавление, цепляюсь взглядом за оформление, пролистываю – словом, настраиваюсь на чтение. Подбираю к книге ключик.

А подобрать ключик, с моей точки зрения, – значит, нащупать точку отсчета, которая задает необходимую плотность смысла.

Для начала – мне нравится название: оно исходит важнейшие для человека смыслы. Возвращение на Голгофу – глубокая смысловая метафора. Высокая нота, с которой начинается повествование.

Это не просто хорошо или правильно (хотя, безусловно, и то, и другое); и дело даже не в том, что посыл «смыслы всему голова» – признак, между прочим, мастерства (хотя и это совершенно справедливо); самое главное заключается в том, что автор с самого начала открыто соотносит себя с художественной традицией, для которой «смысл» и «проза» – понятия нераздельные, для которой смысл является способом (инструментом) раскрытия природы прозы.

Это важный культурный маркер. Согласитесь: одно дело назвать свой опус «Война и мир» или «Преступление и наказание» («Возвращение на Голгофу» по отношению к культу смысла стоит в этом ряду), и совсем другое – «Промельк чулка». Как говорится, почувствуйте разницу.

Начинаю читать, держа в уме, что калининградец Борис Бартфельд – замечательный поэт «балтийского разлива», если так можно выразиться. Эту русскую «балтийскость» на прусской почве легче почувствовать, нежели сформулировать. Но в данном случае важна не формулировка, а способность поэта передавать непередаваемое – верный признак литературного таланта.

Автор «Восхождения на Голгофу» вовсе не новичок в литературе. Он отлично знаком с тайнами и секретами языка и – шире – словесно-художественного творчества.

Смысл плюс поэтический дар: достаточно ли этого для хорошей книги прозы? Вполне тянет на интригу.

Чем дальше читаю («восхожу»), тем пристальнее обращаюсь к вопросу, который возник у меня еще в то время, когда я «крутил» книгу в руках. Книга, достаточно объемный прозаический опус (345 с.), нигде не названа романом. Почему?

Да потому что это действительно не роман, который непременно «завязан» на героя, активно переживающего смену ценностных ориентаций; сюжет поддерживает такого рода смену, мотивирует ее, и динамика жанра романа так или иначе связана с внутренними приключениями персонажа (духовным ростом, если угодно). В книге есть сквозные герои, даже мотивы, даже главный герой имеется, Орловцев Николай Николаевич, со своей вполне содержательной внутренней жизнью, однако эти романские обстоятельства отчего-то не превращают книгу в роман. Отчего же?

Концепция человека в книге Бориса Бартфельда – особая. Не романная.

Существует выражение: все мы под Богом ходим. В «Возвращении на Голгофу» эта истина несколько переименована: все мы ходим под Историей, полагает автор. Человек существует как исторический человек: с одной стороны, он как бы и создает историю, а с другой – он всегда жертва роковых исторических обстоятельств. Как бы то ни было, человек не хозяин Истории, не властелин, нет; история дает человеку шанс, а не человек – Истории. В книге Бартфельда один из трагических (и одновременно жалких) творцов Голгофы русский генерал Ренненкампф по воле автора задается следующими вопросами: «Больше всего его беспокоила ответственность перед будущим, перед памятью, которая останется о нем в истории. Тщеславие бурлило в нем. Что напишут о нем? То, что имя его будет вписано в мировую историю, он не сомневался. Но в каком качестве? Неудачника, упустившего свой великий шанс? Перед будущим он беспомощен: тут ни уловками, ни интригами ничего не изменишь. *Будет ли у него возможность оправдаться перед историей?* (курсив мой – А.А.)»

Одно дело – просто жить своей жизнью, ни на что не претендуя, и совсем иное ощущать себе при этом персонажем истории. Что меняется? Появляется чувство ответственности – уже не за себя и за семью, а за правильно прожитую жизнь. За осознанное распоряжение отпущенным тебе временем.

Ответственность перед Историей, которая обожает ставить перед выбором, а затем строго спрашивает (не подсказывая, как угадать судьбоносное

решение), становится идейным лейтмотивом книги. Об этом так или иначе рассуждают все герои книги – и реальные исторические фигуры, командующие армиями, и вымышленные простые солдаты.

Поступь Истории – вот что определяет нерв книги, ее ауру и структуру.

Именно поэтому в центре внимания автора оказались обе мировые войны, причудливо связанные метафизическим сюжетом: начатое в первой мировой заканчивается во второй мировой – положив начало тому, что неизвестно когда закончится.

Причем автор ничего не придумал – он разглядел в истории некую «случайную», на первый взгляд, комбинацию, переключку, рифмовку событий, которая впечатляет сама по себе, которая не может не наводить на размышления.

Первая и вторая мировые войны, литовская Кальвария и события, связанные с этим реально существующим населенным пунктом, объединены образом Николая Орловцева. Он доверительно делится со своим старинным приятелем генерал-полковником, начальником штаба фронта Покровским (действие происходит в 1944 году; кстати, Покровский – реальная историческая фигура): «Я ведь, Александр Петрович, и прошлую войну как раз с Кальварии начинал. Это Голгофа по латыни... Вот мы и вззошли тогда в четырнадцатом году на свою Голгофу, а теперь, через тридцать лет, снова восходим на нее. И нет у нас никакого права ошибаться».

Орловцев выполняет важнейшие функции – и литературные, и метафизические, и исторические, и моральные. «И теперь та давняя поездка в небольшой городок представлялась Орловцеву как начало восхождения на Голгофу, начало трагического пути не только Орловцева, его друзей, армейских офицеров, но и всей великой русской Державы. Тем более, что название Кальвария, та географическая точка на карте, с которой для них началась великая война, она и есть по-латыни – Calvaria – Голгофа. И вззошли они на ту Голгофу, и претерпели великие мучения, и много жизней положили, а страну не спасли. Воскрешения не случилось». Орловцев «уверовал, что будет еще момент, когда они снова поднимутся на свою Голгофу и вновь повторят тот путь, на этот раз победный, от границ Восточной Пруссии к Кёнигсбергу и дальше – к Берлину. И победа эта возродит их Родину. Что лежало в основе его веры, точный расчет или проявление душевной боли – Орловцев не знал. Но он не удивился, когда ожидания его стали сбываться».

Голгофа, воскрешение, путь России, логика добра и зла в истории – это та самая аура книги. Что касается структуры, то книга состоит из 23 глав, каждая из которых имеет точное хронологическое обозначение. 1. Октябрь 1944 года; 2. Октябрь 1944 года; 3. Август 1914 года; 4. 18-19 августа 1914 года; 5. 20 августа 1914 года. И так далее. Таким образом, со-

вмещение временных пластов (с помощью вездесущего «посланца времени» Орловцева), фокусировка на определенном временном промежутке и конкретном месте – это локализация того безграничного сакрального действия, которое обозначено в книге как «воскрешение».

Итог (и одновременно начало) воскрешения – это великая Победа. Но у каждой победы есть своя цена. Цена победы входит в понятие воскрешения.

Благодаря фрагментарной композиции книги автор «развязал себе руки», избавившись от сюжетного диктата, и получил художественное право привлекать любой материал, который посчитал необходимым. Творить иллюзию объективной реальности стало делом литературной техники.

2

Борис Бартфельд в своем художественном исследовании «возможностей истории» следует букве и духу прошлого. Он поднял огромный исторический пласт, проработал гигантский исторический материал, и порой возникает ощущение, что автор безо всякого усилия погружается в предлагаемые обстоятельства, собственно, живет в них, настолько органично проникся он духом сразу трех эпох, одна из которых фокусируется вокруг 1914 года, другая – 1944 года и третья – 2016 года. Без необходимости писатель ничего не выдумывает: автору важно донести до читателя мысль, что реальность невероятна настолько, что нет необходимости искажать ее с помощью воображения.

И все же перед нами не реконструкция истории, а философия истории, попытка через единичное и случайное постигнуть закономерное. Этим и определяются жанр книги и ее «художественная технология».

Жанр романа «слишком многое» позволяет (и слишком многое прощает, кстати) человеку, делая его венцом творения уже фактом отношения к нему как к центру мироздания. Бартфельд создал не роман. Я бы назвал предложенный им гибридный жанр исторической повестью (или повестью-эпопеей: к этому определению мы еще вернемся). Историческим – но повествованием. Художественными – однако же хрониками. Здесь человеку отводится строго определенное, историческое место. Он выполняет то ли миссию, то ли функцию – так или иначе задание, за которое потом с него surely спросят, а ему придется отвечать. В художественном мире Бартфельда не забалуешь.

И смерть в его повествовании безжалостно стоит на страже жизни, своеобразно «гарантируя» продолжение истории. В «Возвращении на Голгофу» есть потрясающая, наполненная игрой символов сцена, где обнаженная беременная вдова отчаянно танцует вокруг головы обезглавленного мужа. Ее зовут Маргарита. Его – Марк. Библейские и булгаковские аллюзии придают этой исключительной

в сдержанном по общему тону повествовании сцене колорит экспрессионизма. Что ж, мировая война (читай – апокалипсис) и экспрессионизм – две вещи нераздельные.

Еще в связи с темой смерти. Заканчивается повесть таким пассажем: «Полк уходил все дальше на запад, туда, где белесое небо сливалось с еще более белой землей. Тяжелые машины ревели далеко впереди. А перед Ефимом бежали лошади, весело размахивая хвостами, и жеребенок на длинных, упругих ногах радостно ржал и скакал по январскому снегу». (Отметим, что приведенный отрывок роскошно аранжирован поэтическими средствами: звукопись, ритмика, образы неба, земли, машин, лошадей призваны воздействовать на сознание читателя повести-эпопеи. Фактически повесть заканчивается на ноте поэтической: в этом заключен большой прозаический смысл.)

Кобыла Майка, мать «радостного» жеребенка, была убита тем же невесть откуда – случайно! – залетевшим снарядом, что и комбат Марк Каневский, без пяти минут счастливый папаша.

И еще о смерти. Писатель любит людей с историями, он стремится осветить прошлое почти каждого персонажа, изображаемого «здесь и сейчас». Один из персонажей повести, у которого есть своя собственная история – угрюмый сирота Иосиф, несчастный тезка отца народов – осознанно выбирает смерть, но не для того, чтобы решить свои проблемы, а с целью дать возможность выжить сестренке. Дело в том, что родители Иосифа, близко знавшие Кобу, нарекли первенца в честь товарища Сталина, который безжалостно расстрелял их как свидетелей чего-то личного. Смерть приходит к человеку (в данном случае к Иосифу) как историческая смерть, как совокупность причин. Не как случайность, хотя, казалось бы, где как не на войне разгуляться его величеству случаю.

По сути, Вождь здесь ни плохой и ни хороший. Он лишен моральных характеристик, превратившись во всепроникающую неизбежность, в исторический императив. Иосиф-младший не может изгнать Его из себя. Вождь уподобляется скелету, который нельзя вытащить из тела, – нельзя избавиться от этой «основательной» (лежащей в основе) зависимости. Страшен не Вождь, страшно то, что Он внутри нас, намертво в нас – и в радости, и в горе.

Так или иначе, Иосиф гибнет, имитируя «случайный» подрыв на mine, во имя жизни. Своим исчезновением он пытается отвести угрозу от сестры.

И таких примеров, когда смерть попирает смерть, в повести предостаточно. Самое место вспомнить, что начиналось повествование массовой гибелью лошадей, поэтически впечатляющим образом смерти. Конец у повести поэтически жизненноутверждающий.

Возвращение. На круги своя. Метафора «возвращение на Голгофу» становится всеобъемлющей: жизнь есть возвращение, а возвращение для мыслящего существа всегда в той или иной степени становится возвращением на Голгофу. Голгофа включается в состав жизни.

Вот он, тот самый искомый «плотный смысл», с которого начинается и которым заканчивается всякая заслуживающая внимания проза.

Вы можете сто раз не соглашаться с автором, однако невозможно отрицать, что ему удалось создать иллюзию объективного (многомерного, объемного) течения жизни, в лучших традициях реализма. Вопреки широко распространенному заблуждению, это дано немногим.

Разумеется, при желании жанр исторической повести можно объявить «недороманом», самого автора упрекнуть в неумении справиться с крупной формой. У Бартфельда, дескать, хвост виляет собакой: не сюжет управляет временем, а время – событиями (которые складываются в рыхлое подобие сюжета).

Где четко выстроенная система персонажей? Где продуманные сюжетные линии? Полифонические системы мотивов? Всякие хитроумные романские «скрепы»?

Все эти претензии были бы сколько-нибудь оправданы, если относиться к «Возвращению на Голгофу» как к классическому роману. Но это, повторим, не роман, хотя и романное мышление, и романная техника (всякого рода скрепы-переклички) в повести присутствуют. Но главное не в этом. Главное в том, что творение писателя состоялось как некий масштабный паззл, супертекст, состоящий из макро и микроуровней. Из отрывков рефлексий, бытовых сценок, пейзажей, сводок и информационных бюллетеней, геополитических зарисовок, тонких психологических этюдов, эскизных наблюдений за жизнью животных и насекомых – из всего этого добра, из всех этих, казалось бы, не связанных друг с другом осколков вселенской мозаики складывается полотно, обладающее энергетикой убедительности.

Но осколки (фрагменты) не могут существовать сами по себе, их должно объединять какое-то общее начало (это закон художественности). И в качестве такого начала выступает авторское отношение.

Автор не лжет в чем-то главном. В чем же?

А в том, что к жизни человека непременно надо прикладывать мерку вечности. То бишь Истории. Иначе человек так и не становится человеком. Он существует, живет одним днем. Как животное. Бартфельд против подобного возвращения. Это хорошо видно на примере таких персонажей, как дешевый циник Романенко, девиз которого «война все спишет» и «после нас хоть потоп». Война, согласно автору, для того и существует, чтобы люди станови-

лись людьми, а не превращались в животных. «Гуманистический потенциал» страшной, нечеловеческой войны, тем не менее, проглядывает почти в каждом фрагменте.

Невидимая скрепа авторского отношения (стремление называть вещи своими именами, не поступаясь при этом высшей правдой – что есть уже собственно романский дар!), строго говоря, торчит в каждом фрагменте повести. Надо только увидеть.

Заканчивая разговор о возможностях романной/нероманной организации материала, позволим себе реплику, адресованную очень-очень продвинутому в литературном отношении читателям. Кто укажет сегодня на канонические признаки романного дискурса? Они размыты, и размытость их сегодня воспринимается едва ли не в качестве еще одного канонического признака.

Ergo: если бы Бартфельд назвал свой опус романом, никто бы ничего не заподозрил. По одежке – это вполне себе роман.

А по мне так хорошо, что автор настолько щепетильно отнесся к такому пустячку, как жанровая маркировка. Бережное отношение к ужасно важным мелочам – это ведь тоже один из смыслов «Возвращения на Голгофу».

Возвратимся к магистральным смыслам повествования. История у Бартфельда не подменяет Бога; она, скорее, становится одним из проявлений сакрального, которое сопутствует каждому шагу, любому душевному движению человека. Автор сумел выстроить повествование таким образом, что самое случайное, происходящее с героями, перестает восприниматься как случайное. Случайность как категория изымается из жизни человека исторического, превращаясь в элемент суровой необходимости. И это не отвлеченный постулат, а художественный принцип.

В этой связи любопытно присмотреться к истории любви Орловцева и Веры. Если не воспринимать их необъяснимый взаимный порыв притяжения как нечто предопределенное, счастливо угаданное целомудренными мужчиной и женщиной, то их стремительное сближение может показаться фальшивым и надуманным. Случайным и немотивированным. Любовь как «солнечный удар», как мощная неодолимая стихия (а это уже целая философия) в исполнении Бунина, например, выглядит убедительно за счет детализации, за счет эффекта «остановленного времени». Любовь – это разовая, кратковременная вспышка, испепеляющая человека дотла. Все. Жить дальше не имеет смысла.

У Бартфельда любовь – это раз и навсегда. Автор не останавливает время (историю), он дает шанс героям осуществиться в истории, стать «веществом истории», если так можно выразиться. История

состоит из плоти, крови, ненависти и любви. Именно поэтому в повествовании, структурированном как строгие хроники, в изобилии представлены страсти и эмоции. Словно в противовес бесстрастной логике истории.

Неслучайность «случайного» влечения Орловцева и Веры становится особенно очевидной на фоне еще одной любовной истории – молниеносной любви матерого фельдфебеля Курта Матцигкайта к овдовевшей Франциске, оставшейся с дочерью на руках. Это уже немецкая блиц-история, которая не менее пронзительна, нежели русская.

Конечно, там где свирепствует Танатос – там же резвится и Эрос (в повести, кстати, присутствует не только романтическая, но и натуралистическая, извращенно-жестокая версия взаимодействия этих полюсов, раздирающих человека). Все так. И все же дело, по автору, не в Эросе и Танатосе как таковых, не в природе человека, а в том, что сама природа человека подчинена Истории. Каким же это образом?

Спросите у Истории. Или не задавайте всеулишних вопросов.

Но один вопрос (в котором, словно в матрешке, гнездится множество иных вопросов) задать все же хочется. Случайно ли Борис Бартфельд, уроженец Калининградской области, отец которого девятнадцатилетним сержантом освобождал Восточную Пруссию от фашистов (воевал ровно в тех местах, что описаны в книге!), участвовал в штурме Кёнигсберга, за что получил медаль «За отвагу» (уж не с отца ли списан образ девятнадцатилетнего сержанта-связиста Ефима, чрезвычайно колоритного и запоминающегося?), – случайно ли писатель взялся за тему Голгофы-Кальварии? Не сквозит ли и здесь тема личных отношений с Историей?

Что наша жизнь – История?

3

Философия истории интересует Бартфельда более, нежели природа человека, хотя нельзя сказать, что природа человека его не интересует вовсе.

Здесь вопрос в следующем: что считать фоновой, а что главной художественной идеей повести – философию истории или природу человека?

Мне представляется, природа человека интересует автора как следствие, но не как причина. Для повести-эпопеи наличие философии истории приоритетно; для романа приоритетно исследование природы человека.

В таком случае зададимся вопросом: что мешает назвать «Возвращение на Голгофу» эпическим полотном?

Казалось бы, ничто не мешает. Это именно эпическое полотно, согласно всем формальным при-

знакам. Народ, историческая битва, значимость событий для национальной истории, философия истории, наконец – все присутствует. Тема народа, если без нее никак не обойтись, присутствует во множестве образов, самый ярких из которых, безусловно, Колька Чивиков, «расторопный молодой мужик из Брянской области». Он выступает ни больше ни меньше носителем всего «положительно прекрасного», что есть в народе. В связке с Орловцевым, дворянином по происхождению, получается классическая (чтобы не сказать толстовская) комбинация: социальные верхи и низы, дореволюционные и послереволюционные, в едином духовном порыве наваливаются на врага, что, собственно, и обеспечивает победу.

Все так. И все же какого-то элемента эпичности не хватает. Невозможно без натяжек считать произведение Бартфельда романом; но это же произведение сопротивляется и жесткому определению «эпопея». Какого элемента эпичности не хватает?

Настораживает точка отсчета. Смушает стремление обнаружить узкое горлышко истории, укротить историческую бесконечность, и, тем самым, дать шанс реализоваться тому самому сослагательному наклонению. В результате появляется какой-то частный, приватный взгляд на историю. Один человек или одно событие потенциально могут повернуть историю в иное русло! Просто дух захватывает. Так это или не так – вопрос открытый, но в результате такого допущения история резко приближается к человеку, открывая тому свои возможности (в том числе художественные). Этот трюк годится для романа или повести, а вот для эпопеи необходима объективная, многомерная картина, корни которой – в совокупности глобальных причин, «в совокупности факторов». Автору бы надо спрятаться за гору факторов, что ли. Но автор демонстративно выше этого.

В повести есть забавный аргумент в пользу объективности (или субъективности?) истории. Орловцев провел параллель между Вильгельмом и Гитлером, обратив внимание на сухорукость обоих. Затем «ужаснулся, внезапно осознав, что и Сталин сухорук. Получалось, что главные участники обеих войн ущербны – сухоруки и с неуёмным стремлением к власти».

Это что: знаковое проявление тайной сути или случайность?

В эпопее человек выступает объектом истории, хотя иногда стремится быть ее субъектом. Поэтически это выражено в стихотворении убитого в первую мировую в Кальварии брата Николая Орловцева, Юрия:

Высшие силы вершат
Судьбы русской земли.

В повести формально происходит то же самое, но по сути автор имитирует объективность: слишком много страсти, слишком много мировоззренчески личного выплескивает он на страницы книги. Человек в его картине мира слишком близко подпущен к «рычагам управления» Историей, кажется, вот-вот – и ход истории можно изменить.

Это захватывающий, но все же поэтический взгляд на историю.

Тайные мотивы поведения Николая Орловцева определяются следующим обстоятельством. Изучая историю первой мировой войны, в частности, эпизоды, связанные с Кальварией, Орловцев (в годы Великой Отечественной имевший прозвище Штабной: по функциям своим он напоминал теневого бога войны) пришел к выводу, что именно здесь имел место момент истины. Если бы русские войска (дивизия плюс корпус) довели до конца стихийно зародившуюся контратаку, то этого хватило бы русской армии, чтобы отбросить немцев за Вислу. «Никакой Людендорф и Гиндбург уже не смогли бы остановить лавину русской армии». На реплику собеседника «дивизии не решают исход мировых войн, тут действуют другие силы», Орловцев возражает: «Дивизия судьбу мировой войны, конечно, не решает, но опрокинуть костяшку домино может».

Иначе говоря – все же решает. Высшие силы вершат – а отдельный человек вмешивается. Генерал Епанчин решился контратаковать, и судьбоносная атака началась. Но в этот момент к Епанчину приехал сам командующий армией Ронненкаммпф. «Его трясла настоящая нервная истерика. Он плакал на груди Епанчина, совершенно потеряв самообладание». Епанчин смалодушничал – отдал приказ остановить преследование отступающего в панике врага. Эх, если бы...

«Если бы они знали, если бы они только знали тогда, что этот радостный вечер, покойная ночь с 20 на 21 августа и завтрашний день могли решить судьбу двадцатого века, судьбу мира, судьбу России, судьбу каждого из них». И Штабной, подчиняясь непосредственно Покровскому, практически в одиночку (словно сводя личные счета с историей) завершает разработку плана взятия Инстербурга (ныне Черняховск), судьбоносного для него города, где случилась его любовь и его личная Голгофа. И наступление началось. В этот момент Орловцев умирает, выполнив своё предназначение, свой долг. Умирает во сне, где он так часто видел Инстербург 1914 года.

Но Победа, как мы знаем, была достигнута. Воскрешение состоялось.

Нет смысла спорить, насколько все это объективно; гораздо важнее то, что благодаря идее воскрешения состоялась книга.

Поэтическая версия эпопеи – вот что наиболее точно передает характер эпопейности «Возвращения на Голгофу». И упрекать в этом автора, право слово, как-то некорректно. Лев Толстой, в конце концов, тоже был весьма субъективен в своем эпосе, хотя это не помешало ему сотворить эпос эпосов.

Кстати, поэтическое начало в повести нет-нет да и проявляет себя во всей красе. Давайте полюбуемся. 1914 год. «Перед его глазами подрагивала прозрачная паутинка, искусно сплетенная между двумя сучками березы пауком, спрятавшимся до времени среди неровностей древесной коры. Большая, блестящая, будто перламутровая, муха ползала по стволу березы рядом с паутиной (...). Неожиданно мерное трепетание ее крыльев прервалось и сменилось резким, паническим жужжанием». Муха, увы, легкомысленно попала в сеть паука.

1944 год. «Серебряное кружево паутины, растянутое между двумя веточками сосенки, сверкало на солнце алмазными капельками росы и едва подрагивало перед его глазами. Сбоку в ожидании добычи затаился паук». «Как будто все это с ним уже происходило. Словно подтверждая это, небольшая муха подлетела к пауку. Но вместо того, чтобы запутаться в растянутой паутине, она бесцеремонно уселась на его спину, стала терзать его лапками и хоботком, будто что-то засовывала в тело паука, вдруг ставшего беспомощным. Орловцев рассмеялся. Оказывается, есть способ, как расправиться с паучьим племенем, избегая расставленных сетей, умом и силой навязывая злодеям свою волю. Да, умом и силой!»

Ум и сила: это ли не вызов самой Истории!

Бартфельд, слава Богу, не скатывается к фатализму. Он верит в человека.

И потому решительно обрекает своих героев на Голгофу.

Книга прочитана. Что мы имеем в сухом остатке?

Во-первых, книга состоялась. С чем мы от души поздравим автора.

Во-вторых, необычайная плотность смысла стала характеристикой книги в целом. Идеи не разбрасываются горстями (авось каждый найдет свое и закроет глаза на то, что ему неинтересно), а вплетаются в ткань повествования замысловатыми узорами. От узора – к узору: автор упрямо воплощает свой замысел, и он рискует, конечно, но игра стоит свеч. Книга приносит катарсис, то есть состояние, которое является послевкусием роскоши человеческого общения.

Именно так: роскошь общения обеспечивает плотностью смысла.

В-третьих, особо хочется отметить культуру письма весьма высокого (по меркам сегодняшнего дня) уровня. Гибкий синтаксис, причудливые интонации, выразительные метафоры – и все это поддерживается грамотностью. И это не пустячок, а соответствие заявленной культурной планке.

Конечно, такого рода книги, трактующие роль случая в истории, не случайно становятся культурным событием. Проза как культурное событие начинается с концепции. Читателям такие книги просто необходимы, ибо: если время от времени не погружаться в историю, теряешь вкус к современности. Теряешь вкус к роскоши человеческого общения.

Собственно, теряешь себя.

Спасибо Борису Бартфельду, который напомнил каждому о его Голгофе и о «костяшке домино». Это держит в тонусе. Строго говоря, главная задача литературы в том и заключается, чтобы помочь человеку держать себя в тонусе.

*А.Н. Андреев,
доктор филологических наук, профессор,
(Минск, Беларусь)*

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ – СМОЛЕНСК

Александр Агеев

Родился в г. Рославле Смоленской области в 1952 г. Окончил историко-филологический факультет Смоленского государственного пединститута им. К. Маркса и факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор сборников стихотворений «Дебют» (г. Рославль, 1996 г.) и «Междувечье» (Смоленск, 2005 г.). Член Союза российских писателей.

* * *

...А ветер Вселенной слышнее в ночи –
Суровая, властная нота.
И время настольную лампу включить –
Душе наступает работа.

Прародина Слова – извечный эфир,
Поток без истока и устья.
И вот на меня замыкается мир:
Галактика, Русь, захолустье.

До вечности – вечность, а может быть, метр
Под юным вовек Зодиаком.
И полночь, и Слово, и ветер, и ветр
От Тютчева до Пастернака.

* * *

Нет ничего прозрачной тьмы:
Через неё зрим звёзды мы.

* * *

*«...Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя».*

Ф. Тютчев, Рославль, 1855 г.

Ничего-то у нас не получило:
Веры – нету, сивухи – пей всласть,
И – на грядки, к распятому чучелу,
Чтоб в родные шпинаты упасть.

Я пока ещё жизнь не итожу,
Но уже холодеет в груди.
Милый, добрый, доверчивый Боже,
Не ходи ты в наш край, не ходи!

* * *

Умом Россию не пронять,
И бисер нечего ронять...

* * *

Перепила моя Россия
И залегла.
Идут над ней дожди косые,
Бегут по ней мальцы босые,
И надо всем – колокола.
А всё ж Россия залегла,
Как Алатырь – лежащий камень.
На алтаре
Чуть теплится забытый пламень,
И жалуйся такой-то маме
На то, что не хотим мы сами
Живот сложить на алтаре
(«Вперёд, заре навстречу...»,
«...Навстречу утренней заре...»).

Куда уж нам пассионарить,
Я – пас.
Дурить, царить и комиссарить
Господь упас.
Бессмыслица привычной смысла
У нас досель от Гостомысла.
Над шеломянем мгла повисла,
Как тень Чубайсова крыла.
За ней звучат колокола.
Олэ! Ла-ла.

Вечерний звон разгонит тучи,
Жить непременно станет лучше
И веселей.
Мои стихи всё тютче, тютче,
Их запоёт всяк сущий чукча,
Хотя б припев: олэ-олэ!
О, слух мой вещий!
Из полей
С утра доносится: налей!

Привет, немытая Россия,
Где зори алы, реки сини,
Привет!
Коль смысла нет, то нет причины
Нам для особенной кручины:
Обмоют нас после кончины,
А смех – удел для дурачины.
Иль нет?

Россия вспрыгнет ото сна,
 Дохнёт недельным перегаром,
 Поклонится святыням старым
 (Что не нужны ей и задаром),
 Поскольку на дворе весна,
 Трава, дрова и борова,
 Обязанности и права...

Рубить дрова, качать права –
 И пить пора...
 Права качать.
 И вновь начать.

* * *

Проходят года, поколенья,
 Однако, планида одна:
 Забытые богом селенья,
 Храняемая Богом страна.

Вячеслав Иванов

Поэт, публицист, член Союза российских писателей, автор поэтических сборников «Нас на Земле двое» (2012 г.) и «Крылья» (2014 г.) родился в 1982 году в городе Смоленске. Окончил Смоленскую гимназию им. Пржевальского, а затем Смоленский филиал Московского энергетического института. По образованию инженер.

Лауреат поэтического фестиваля «Рубикон» (Смоленск, 2011 г.), дипломант финальной части межвузовского литературного форума «Осиянное слово» им. Н. Гумилева (Москва, 2013 г.). Публиковался в альманахе «Под Часами» Смоленского отделения Союза российских писателей (2011, 2012, 2015), Санкт-Петербургском литературном журнале «Окно», Всероссийском литературном журнале «Юность» (2012, 2016), в газете «Литературная Россия» (2013, № 10), журнале «Российский колокол» (2015).

С 2013 года является постоянным резидентом издания «Московская правда». В настоящее время состоит в редсовете молодежной литературной студии «Смоленская юность», принимает активное участие в литературной жизни города, отмечен губернаторской стипендией «Молодые таланты» (2013 г.). Финалист литературной премии «Северная земля» (2014, 2015).

* * *

Нежностью первого снега
 Я покорён.
 Ни одного человека
 Под фонарем.

Только потоки снежинок
 В светлом пятне.
 Сколько исправить ошибок
 Хочется мне!

Если бы ты понимала,
 Если... Хотя
 Утром какой-нибудь малый,
 Здесь проходя,

Грязной кирзою натопчет...
 Варвар! Ты знал,
 Сколько мне стоила ночи
 Той белизна?

* * *

...А ночами к Ивановым от Иванниковых
 К таракану приходила тараканиха.

Пахла медом и корицей, расфуфырена.
 То халвы кусок притащит, то зефирины.

Вот сидят, жуют часами втихомолочку.
 Что останется – запасливо на полочку.

Предлагал у Ивановых он остаться ей, –
 Уходила – провожал до вентиляции.

Долго думал, шевеля усами рыжими,
 А потом в кладовке прятался за лыжами

Возле банок с огурцами и капустой,
 Всем хитином одиночество предчувствуя.

ИСПОВЕДЬ

Дорога с серенькими избами
 По обе стороны. Спешу.
 Я под дождём иду на исповедь
 Не в храм, а к старому бомжу.

Иван Степаныч – горький пьяница.
 Иду, бутылками гремя.
 Иначе может заупрямиться
 И вовсе гостя не принять.

Живёт он в здании заброшенном,
 Где находился сельсовет.

И место вроде бы хорошее.
Есть крыша. Хоть и окон нет.

– Степаныч, жив ли?
– Как иначе-то, –
И на лице его смешок.
И вот уже бутылка начата.
– Ну, сознайся, в чём грешок? –

Мне говорит Степаныч ласково,
Как будто я ему родня.
Я пересказываю наскоро:
– Такое дело у меня:

С женой давно уже не ладится,
Сплошные ссоры третий год.
А тут одна в коротком платице
Меня сама к себе ведёт...

– Жена узнала-то? – задумчиво
Старик глядит и пьёт до дна.
– Да нет... Но что-то очень мучает.
Но вот, что именно...
– Вина, –

Степаныч сразу вывод делает:
– Она любому портит «жись». –
И мне протягивает спелую
Большую сливу: – Угостись!

– Так что же делать?
Улыбается
Старик и снова пьёт до дна.
– Прости себя. Не мог ты справиться
С собой, но если есть вина,

То, значит, быть тебе с супругою.
Купи красивых ей цветов.
Свози куда-нибудь на юг её,
Будь мужиком в конце концов.

У женщин души очень хрупкие.
Им нужно сильное плечо.
Касайся чаще губ и рук её,
Не упрекай её ни в чём.

Начни всё заново. Пока ещё
Не поздно! Все ведь знаешь сам!
Какой советчик из Степаныча?
Но верю я его словам.

Дорога с серенькими избами,
Дождь моросит, и далеко
Ещё до станции, но издали
Я вижу свет, и мне легко.

* * *

Мы с ней не говорили о вещах,
Что куплены не нами или нами
В Италии, Китае и Вьетнаме,
А может, на каких-то островах,

О ценах на билеты и на газ,
Об уровне зарплат в районной школе,
О клубах, сигаретах, алкоголе –
Всё это миновало, к счастью, нас.

Мы с нею говорили о душе,
О ценностях Серебряного века,
О Бродском и о смысле человека,
О пагубности штампов и клише,

О музыке Миньони и Кюи,
О странностях в картинах Сальвадора
И живописи классиков, в которой
Так много нерастраченной любви,

О сущности религии, о снах,
О хрупкости и целостности мира.
Она не говорила о вещах,
Но выскочила замуж за банкира.

* * *

Когда Серега умер от запоя,
За ним прислали ржавую «газель».
Тем утром на дорогах Уренгоя
Заснеженный свирепствовал апрель.

Машина у подъезда, сев на брюхо,
Ни в силах скорбный свой продолжить путь,
Беспомощно завывала, как старуха,
Пришедшая соседа помянуть.

И кто-то говорил: «Серега шутит!
С ним вечно приключается курьёз!»
И было что-то страшное до жути
В бессмысленном вращении колес.

* * *

Моя бабушка верит в Бога.
Перекрестит меня всегда,
Если мне далеко в дорогу,
Чтоб со мной не стряслась беда.

У неё на столе икона,
На иконе той – Божья мать.
Свет струится в проём оконный
На застеленную кровать,

И стоит за буфетной дверцей
Книга с правдой такой простой.

Моя бабушка верит сердцу,
Хоть и пьёт от него настой.

Говорит: «Потерпи немного».
И суёт мне Завет – прочти!
Моя бабушка верит в Бога,
И я тоже уже... почти.

В БОЛЬНИЦЕ

И где-то там, во тьме лиловой,
Забрезжил крайне тусклый свет,
А в нём – сотрудница столовой,
Где харчевался он в обед.

На полуострове Рыбачий,
Где в основном рабочий люд,

Она трудилась на раздаче,
Как подобало, рыбных блюд.

Ей мог понравиться не всякий,
Но вот, с улыбкою немой
Оттуда, из семидесятых,
Она смотрела на него,

Как будто дав ему согласие
На то, что он не предлагал.
Он встрепенулся в одночасье,
И свет как будто замигал.

Очнулся... Знать, ещё не скоро
Ему в Рыбачий на покой.
И пахло так из коридора
Валокордином и ухой.

Виктор Кузрявцев

Родился в 1958 году в деревне Капустино Руднянского района Смоленской области. Член Союза российских писателей, член Союза журналистов России. Лауреат литературных премий имени М.В. Исаковского и имени А.Т. Твардовского. Публиковался в журналах «Новый мир», «Арион», «Юность», «Про книги», «Русская провинция», альманахах «Под часами», «Блонье», коллективных сборниках. Автор книги «Тварь беззащитная» (3-е издание, Смоленск, 2007). Составитель антологий «Невод» (т.1, 2, Смоленск, 1999), «Белая лира» (Смоленск, 2006), «Дальние берега» (Смоленск, 2006), «Кипарисовый ларец» (Смоленск, 2006), «Круговая чаша» (т. 1-5, Смоленск, 2005), а также поэтической библиофильской серии «Серебряный пепел» (в 30 книгах). Живёт в Рудне.

* * *

*«Меня хранили женищины и ливни,
Пройдя, не оставлявшие имен».*
Владимир Ерёменко

Лежу и думаю о разном,
Хотя, наверно, об одном:
Смогу ли быть таким же праздным,
Когда предстану пред Судом,
Когда язык присохнет к глотке
И станет липкою спина?

Ведь будет разговор коротким
Пред тем, как получить сполна
За лень, за стыд, за любопытство,
Сомнений тяжкие грехи...

Ну что ж, мы все в Господней власти.

Но я зато писал стихи
И проживал чужие жизни,
Всю боль беспамятных времен,
Молясь в поруганной отчизне
За неоставивших имен.

* * *

Ведь это ты, скажи мне, мама,
Приходишь каждый раз к шести?
И все зовёшь меня упрямо:
«Сыночек, Витенька! Впусти!..»

А мне – не вымолвить ни звука.
(На мокром скошенном лугу
Стою, схватив тебя за руку,
И всё проснуться не могу).

Ну вот опять: «Сыночек, Витя!..»
А мне и губ не разлепить, –
В удавке пуповинной нити
Решаю: «быть или не быть?», –
Ни там ни здесь, а где-то между
Судьбы, зажатой в кулаке...

И голос, потеряв надежду,
В рассветном тает далеке.

* * *

Снова в мёртвом доме не сидится.
Плотью набухает мокрый снег...

Тёмные глубокие глазницы
Поднимает к Небу человек.

И бегут по терниям щетины,
Горячи, бессильны, солоны,
То ли слёзы преданного Сына,
То ль потёки бешеной слюны.

* * *

*Осот – сорное травянистое растение
семейства сложноцветных.*

Ты же знал, что никто тебя не спасёт,
Нелюдимый колючий и злой осот,
Чей удел – межа, чьих грехов – охалка.
Так зачем же ты ожил и вновь зацвёл,
Соблазнившись на пёстрый весны подол,
Дурачок! Поверил дразнящей тряпке?!

Ты же знал, что всё будет именно так:
В голове – пустота, у щеки – кулак,
За окном – затраханная природа:
Пустыри да дымящаяся труба...
Вот и вся твоя нищенская судьба
Посреди бесплодного огорода.

* * *

Даже после этого можно жить,
Даже после этого можно спать,
Зябкую синицу с руки кормить,
О судьбе России стихи писать.

А тогда казалось – рассыпся в прах!
А тогда казалось – сгори в аду!
Корчилося коростою на губах
Имя чужестранное – Неприду.

Что же мы за люди? – смешки в ответ
Что же мы за твари? – скажи мне, Бог,
Прежде, чем погаснет в палате свет,
Прежде, чем мне сделать последний вдох.

* * *

Четвёртый раз проходит
Под окнами старик –
Сутулый, трезвый вроде,
Индюшечий кадык,

Обветренные скулы,
Сухой пергамент щёк.
Что я привстал со стула,
Ему и невдомёк.

Смоленск. Соборная горка

Он шаркает ногами,
Он загребает снег.
Не усидел в бедламе?
Иль потерял ночлег?

С какой-то тихой думой
Скрываясь за углом,
Старик молчит угрюмо,
Ему общаться – в лом.

...Снежинок бойких улей,
Вечерних улиц медь...
А мне уже на стуле,
Боюсь, не усидеть.

Появится ль? во сколько?
Старик из-за угла
(Не раздавить бы только
Холодного стекла).

...И, шаркая сторожко,
Торя свою межу,
Под тёмное окошко
Опять я выхожу.

* * *

Мне вчера не впервой показалось –
Эта боль, что насилует грудь,
Навсегда под крестом прописалась
И задушит меня как-нибудь,
Может, в мокрой вонючей постели,
Может, в поле у тихой реки...

(Разве могут спасти, в самом деле,
Даже лучшие в мире стихи.)

Борис Лукин

Поэт, эссеист, литературовед родился в 1964 году в г. Горький (Нижний Новгород). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор поэтических книг «Понятие о прямом пути», «Междуречье», «Долгота времени», «Поединок», «LeLь». Публиковался в журналах и альманахах в России и за рубежом, в том числе в «Литературной газете», «Дне Поэзии», «Дальний Восток», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Подъём», «Север», «Юность». Автор-составитель пятитомной Антологии современной литературы России «Наше время». Редактор-составитель десяти томной Антологии поэзии о Великой Отечественной войне «Война и мир». Стихи переводились на азербайджанский, английский, удмуртский, якутский, сербский языки. Член Союза писателей России. Лауреат Большой литературной премии России.

Борис Лукин, хотя и живёт в Подмоскowie, давно сдружился с литературным Смоленском. Прежде всего, через альманах «Под часами», на страницах которого он опубликовал немало своих стихотворений и критических статей. Он также ежегодно оказывает помощь в формировании раздела альманаха «Наше время». В разделе этом печатаются произведения писателей поколения, родившегося в 60-е годы прошлого века, чьё творчество нашло своё отражение на страницах антологии «Наше время». Кроме того, Лукин — член комиссии по присуждению литературной премии им. Н.И. Рыленкова. Он довольно часто бывает в Смоленске, где принимает участие в литературных вечерах и презентациях. Думаю, читателям «Балтики» будет интересно познакомиться со стихами известного поэта и критика.

Владимир Макаренков

СЕРЕДИНА ЖИЗНИ

* * *

Галине

Дохнул октябрь теплом последним
в дверь, отворённую тобой, —
так озорно вбежит наследник,
он весь — огонь и непокой.

На все небесные угоды,
на всю земную благодать
последний летний жар исходит,
как угли, яблоки в садах.

Летит искрою лист, и тают
узоры рощи кружевной.
И что-то зреет там, за далью,
как летом в глубине земной.

И то, что зреет, будоражит
не менее, чем твой приход.
Ты принимаешь взгляд мой жадный.
Я — понимаю этот вздох.

УЗНАВАНИЕ

Успей узнать, назвать, не перепутать —
Ни бабочки похожей, ни цветка.
Ласкает спину ветерок попутный,
И волны гонит времени река.

Песчинки мотыльков сгребу под утро,
Под лампою... О, как же смерть легка —

Земля и пепел, срез известняка, —
И распознать в ней то, что жило, трудно.

Для этого мы, кажется, живём.
Потомок подчеркнёт карандашом
И вспомнит между делом про меня,

Про облачко, звезду и колосок.
Я — север, юг... Я — запад и восток...
И различат потом день ото дня.

ТРУДНИК

Вернулась речка в берега.
Вновь обжита скворечня...
А мне Ивана-дурака
Судьба легла на плечи.

Не то чтоб завистью влеком,
Но точно — не почину,
Совсем забыв про стариков,
Почтили дурачину.

Почто приметил судьба,
Свалив под ноги злато?
Была бы вислою губа,
Тогда уж вроде ладно...

Тут — ни горба, ни сундука;
Одна мечта да вера,
Да чуть умения в руках,
Да стыд сидеть без дела.

Таким он вышел на базар
И объявил народу:
– Бери, что хочется глазам;
Плати же – чем угодно.

На золотишко – всякий хват;
И отдавали с лишком –
И честь, и совесть, и права
На предков и детишек.

А ввечеру, подбив итог,
Карман наружу вынув,
Забрал с собой Иван, что смог,
Всё, что взвалил на спину.

И вот теперь к земле гнут
Чужие честь и слава;
И на погостах – крест к кресту;
Безродных птах орава.

Другому б это не поднять...
А дураку – забава...
Растёт под боком ребятя
Дурацкого всё нрава.

Хоть рядом, хоть издалека,
Гляди, спешу навстречу,
Судьбе Ивана-дурака
Свои подставив плечи.

* * *

Упала сгнившая скворечня...

Н. Дмитриев

У соседа упала скворечня,
потому, что соседушки нет.
Пусть ничто в этом мире не вечно,
мы столярим с сынишкой чуть свет.

Ничего, что всю заднюю стенку
выел ветер, и дождь исколот;
мы готовим другую на смену,
забиваем гвоздочки с углов.

Да, у нас и своя есть скворечня,
но весною гостей нам не счесть.
Пусть с рассвета до зорьки вечерней
состязаются, кто побойчей.

Знамо дело, есть чем мне заняться,
но душа б беспокойна была...
Пишет сын свои детские святцы –
жизнь и смерть их не выжгут до тла.

ВОЛЯ

Самым трудным было в жизни,
так себя любя, свергать:

на коленях, как о сыне,
помолится за врага.

Прошептать: «Дай силы, Боже,
разум дай и кров.
Пусть помолится он тоже,
чтоб не кровь за кровь».

Но опять душа тревожит,
торит путь земной.
...Вроде бы прощать негоже,
но и враг с крестом.

Холодком бежит по коже
память о живом.
Он – не друг, не брат... И всё же
шли одним путём.

СЕРЕДИНА ЖИЗНИ

В. Шемшученко

Еще не поздно? – я спрошу
Сквозь тыщу вёрст.
И я проделал сей маршрут
Болот, берёз.

Мелькали дали за окном –
Сургут, Тобольск.
Всё как-то было не темно,
и не спалось.

Потом заспорил мой сосед
про факела,
И всё искал, где солнце село
и где река;

Курил, забыл совсем про запад
и спать пошёл.
Я провожал восток глазами:
семь лун вошло.

– Еще не поздно! – говорю
во тьме с собой. –
И, если завтра не умру,
вернусь домой.

Владимир Макаренко

Поэт, публицист. Родился в 1960 году в Смоленске. Окончил МЭИ в 1983 г., полковник внутренней службы в отставке. Автор 7 поэтических сборников и книги публицистики «Тюремные записки», аудио-альбома «Я родом из шестидесятых» (стихи, радиопостановка поэмы «Таборная гора», песни, 2015). Стихи печатались в коллективных сборниках, антологиях, зарубежных, всероссийских, республиканских и региональных журналах и альманахах. Составитель литературно-художественного альманаха «Под часами» (Смоленск). Автор и участник проекта издания книги-альбома поэзии и живописи «Перо Гамаюна» (Смоленск, 2013).

Член Союза российских писателей и Союза журналистов России, председатель Смоленского регионального отделения СРП с 2004 г. Лауреат литературных премий Администрации Смоленской области им. М.В. Исаковского (2010), им. А.Т. Твардовского (2016), брянской литературной премии им. Н.И. Рыленкова (2016), лауреат и дипломант различных литературных конкурсов и фестивалей, в т.ч. авторской песни. Награждён медалями «100 лет А.Т. Твардовскому», золотой – «Василий Шукшин».

ПОД ЧАСАМИ

ЗВЕЗДА ПОБЕДЫ

Копал картошку, выкопал звезду –
Обрубок проржавевшего железа,
Как будто ходовую часть протеза
Страны, которой нет уж на возу

Истории...
На памятник к доскам
Звезду прибил земляк-однопольчанин.
Я от земли обтёр её,
лучами
Незримо полоснуло по вискам.

И в сердце загудел набат святой,
Зовущий к братству, равенству, свободе...

О русском духе и больном народе
Напомнил ржавый символ золотой.

БАЛЛАДА О ПОСТОВОМ КУРИЦЫНЕ

На углу перекрёстка, где улицы
Разбегались почти за версту,
«Под часами» улыбчивый Курицын*
В сорок третьем возник на посту.

Не обычный сотрудник милиции,
А сержант, закалённый огнём.
Ведь военной была амуниция,
И шинель, и фуражка на нём.

Уходили на Запад товарищи.
Доверяя милиции тыл.
Остывали в руинах пожарищи.
Полыхали сердца у могил.

В город жители шли – деревенские,
Возрождали по камешкам жизнь.
Поднимались кварталы смоленские.
И хлеба на заводах пеклись.

Для свиданий во время свободное –
Отдых короткий был и не част –
Намечали все место народное:
«Под часами» в назначенный час.

Но случилось – срывалось свидание.
Угадай-ка, чья вышла вина.
И обманывало расставание,
И грозило любви, как война.

Что тут делать, хоть Богу пожалуйся...
Глядь, стоит постовой на ветру.
И писалась записка: «Пожалуйста,
Передайте, коль спросит, Петру...»

«Не положено, барышня!» – Курицын
Возражал, а бумажечку брал,
Улыбался, мол, нечего хмуриться,
На работе, наверно, аврал.

У войны тайны горестно-мрачные.
А у мира есть счастья секрет:
Нагулявшись, несли новобрачные
«Под часы» постовому букет.

Обстоятельства виделись странными,
Хоть в волшебную силу поверь!
Обросла пришивными карманами
Милицейская чудо-шинель.

**) Милиционер Курицын простоял на посту «Под часами» 12 послевоенных лет (данные Музея полиции КЦ УМВД по Смоленской области). Прим. автора*

Проходя «Под часами», хоть мысленно
Повстречайся и ты с постовым.
Многих спас от разлуки пожизненной,
Делом, в общем-то, очень простым.

Мир основан на людях отзывчивых,
Подпоясанных строго ремнём,
В нужный час – непременно улыбчивых,
Закалённых жестоким огнём.

И об этом, как важном предании
Для потомков – не только для нас,
Вспоминай, подоспев на свидание
«Под часами» в назначенный час.

РЕКВИЕМ

*Памяти без вести павших в боях
с немецко-фашистскими захватчиками*

– 1 –

Как солдаты деревья стоят,
Занесённые снегом по шапки.
И глядят в небеса без оглядки,
Будто скорбную думу таят.

Никого. Лишь лихой человек
Промелькнёт у заброшенной хаты.
По полям и лесам спят солдаты,
Занесённые снегом навек.

Ни фамилий у них, ни имён,
Ни детей благодарных, ни внуков.
Не тревожат их залпы салютов,
Гул парадов и шелест знамён.

Где-то в городе вечный огонь
Лижет грани звезды обгоревшей.
А над ними – свет звёзд охладевший,
Да луна, как Господня ладонь.

Смоленск. Курган Бессмертия

Да деревья поротно стоят,
Занесённые снегом по шапки,
И глядят в небеса без оглядки
Белым прахом безвестных солдат.

– 2 –

Пахнёт с апрельским ветром морем.
Но пахнет сыростью земля –
Охвачена народным горем
От моря до ворот Кремля.

Травой парной, а не крестами
Покрыта по святым местам.
Нет, мы не пляшем над костями
И всё же ходим по костям.

И те, что без вести пропали
В лесах или в дали морской,
Как те, что смертью храбрых пали
Под Вязьмой или под Москвой,

Победу в славе не встречали,
Лишь приближали в смертный час,
Глазами, полными печали,
Глядят из прошлого на нас.

Глаза в глаза. Аж сердце стынет...
Земля, а наша в чём вина?!
Их прах оставь себе святыней,
А нам верни их имена.

СОЛОВЬЁВА ПЕРЕПРАВА

Этот вечный огонь мы зажгли не вчера.
Что же он не горит у заснеженной церкви?!
Отчего так безмолвны зимой вечера,
Даже звёзды в округе как будто померкли?!

Имена, имена – на гранитной плите.
Безымянный комбат в ледяной гимнастёрке.
Боль эпохи застыла в бетонном литье.
Был бы жив – зарыдал балагур Вася Тёркин!

За селом – переправа, по руслу Днепра
Прозвенов, прокатилось морозное коло.
Молчаливо под снегом пригнулась ветла.
Молчаливо заснеженное Соловьёво.

БАЛЛАДА О ЦИМБАЛАХ

Мой прадед Корней на цимбалах
На празднествах сельских играл.
Знал песен обрядных немало
Последний смоленский гусяр.

Ударив по струнам игристым,
Шёл к лавке, протезом стуча,
Всем видом подав гармонисту:
«Снимай-ка гармоньку с плеча!»

Мелодия землю и небо
Венчала, качала эфир.
Амбары светились от хлеба,
И радостью множился мир.

И белой лебёдкой невеста
Плыла над родимым селом.
Гулякам непрошнным места
Хватало за дружным столом.

И счастлив был прадед, и рад был
Играть, распевая стихи...
Но стихли крестьянские свадьбы.
Ушли на войну женихи.

В деревне встречали Победу
Калеки да бабы одни.
За песнями к древнему деду
Не шли в окопные дни.

Музыка не слишком цепляла
За душу, блуждая в былом.
Учёбу игре на цимбалах
Откладывал внук на потом...

Везде мы цимбалы искали...
Играет мой прадед в раю.

Вот так цимбалисты пропали –
Бесследно –
в Смоленском краю.

* * *

Сушу ржаные сухари.
Не оттого, что нет достатка,
Не от излишнего остатка –
Живу на кровные рубли.

Бывало, вечером отец
Разложит хлеб на батарее
И нас как будто солнце греет
По вожделению сердец.

Сидим у телика и ждём
Начало матча, сухарями
Хрустим, а думаем о маме,
Любовью озаряя дом.

Дверной звонок – благая весть!
И мама вновь всплеснёт руками:
«Ах, что мне делать с мужиками?!
А кто же ужин будет есть?»

С годами стало мне видней:
Пришлось родительское детство
На мировое лиходейство,
Был райский вкус у сухарей.

Сушу ржаные сухари,
Тревожу дом пространным взглядом:
Отец и мама где-то рядом –
Лишь двери настежь отвори.

* * *

А в Новоспасском снег идёт,
Как будто музыка плывёт
Над возрождённой усадьбой,
И сладко грезится: село,
Не зная горя, весело
Гремит крестьянской поздней свадьбой.

И вековой церковный крест,
И красота дубрав окрест
Хранят истоки прежней силы.
И высится дуплистый дуб,
Связавший времена, как пуп
Былинной матушки-России.

Какие были времена!
Всё золотые имена;
Вселенский Пушкин, горний Глинка.
Священный русский долг – беречь
Родную музыку и речь,
Не омрачив Христова лика.

Сергей Подольский

Родился в 1950 году в Башкирии. В 1972 году окончил Уфимский нефтяной институт по специальности «горный инженер». Проработал в нефтяной промышленности более 30 лет. Стихи начал писать со школы, издаваться с 2009 года в Ленинградской области. Печатался в газетах «Принева-ский край», «Гатчина-инфо», «Нечаянная радость» Гатчинского благочиния, «Смоленская газета», альманахах «Блонье», «Под часами». Автор книг «И в шутку и всерьёз» (2009), «Опять весна на белом свете» (2009), «Берега» (2010), «Такая долгая зима» (2011), «Апрельская радуга» (2013), «Обратный отсчёт» (2015). Член ЛИТО «Сиверское братство», «Союз писателей Санкт-Петербурга и Ленобласти» г. Павловск, «Среда» г. Смоленск. Призёр международного конкурса «Руднянские зори» 2014-2015 годов, дипломант областного поэтического конкурса «Библиопарнас» 2014-2015 годов. Член Союза российских писателей с 2016 года.

ГИТАРА ИЗ СОРОК ПЕРВОГО

Гитаре над Бугом не спится,
Как ласково пение струн!
Восток багровеет зарницей,
Воскресное утро... Июнь.
Украшен гриф шёлковым бантом,
Ремень жёлтой кожи потёрт.
Как бережно руки сержанта,
Берут за аккордом аккорд!
В далёкой рязанской сторонке,
Где липы так пышно цветут,
Во сне пусть услышит девчонка,
О чём его струны поют.
Но вот уж рокочит моторы,
С треноги глядит пулемёт,
И режут колючку сапёры,
Готовя для танков проход.
И скоро в снарядной воронке
Обмотанный грязным бинтом
Он имя той славной девчонки
Шепнёт окровавленным ртом.
С собой его смерть повенчала
В одной из жестоких атак.
Так жалобно вскрикнет гитара,
Попавши под танковый трак.

НА ПОСЛЕДНЕМ РУБЕЖЕ

Когда тебе всего лишь двадцать,
Когда в живых уж нет друзей,
Когда так нелегко подняться
Со дна раздавленных траншей,
Когда в лицо смертельным ветром
Разрыв бросает ком травы,
Когда лишь сотня километров
Немецким танкам до Москвы,
Когда последнюю гранату
Зажмёшь в немеющий кулак,
Знай, что наступит сорок пятый,
Знай, что повержен будет враг.

Когда ты упадёшь убитый
Вне власти времени уже,
Знай, ты поднимешься в граните
На том последнем рубеже.

ЗАПИСКА ИЗ СОЛДАТСКОГО МЕДАЛЬОНА

Над серым утренним болотом
Так низко облака скользят.
Ствол раскалённый пулемёта
Шипит от капелек дождя.
В дождливой серой паутине
На сто шагов вперёд – ни зги!
Шинель и каска в рыжей глине,
В болотной жиже сапоги.
Ракета вновь след дымный чертит:
Сейчас поднимутся опять.
А в восемнадцать лет, поверьте,
Так не хотелось умирать!
Родным, письма напрасно ждавшим,
Придёт по почте полевой
Три слова: «Без вести пропавший»
О тех, кто рядом был со мной.
Рука со спуском пулемёта
В одно единое слилась.
В броске немецкая пехота
Легла и снова поднялась.
Шинели чёрные так близко!
Прицел вмещает их по грудь!
Мою последнюю записку
Прошу: найдите кто-нибудь!

ПОСЛЕ БОЯ

Не нарушив мне сна непробудного
Кто-то вытащит мятый кисет.
Из кармана достанет нагрудного
Кровью залитый милый портрет.
Усмехнётся улыбкой ленивою,
Бросит снимок небрежной рукой.
«Ишь, какая бабёнка красивая!
Видно, парень везучий такой!»

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В утренних лугах туман, растаяв,
 Лёг росой на спящие кусты.
 Три пятнадцать. Курит Серкинбаев –
 Мой наводчик из Алма-Аты.
 Тишину рассветную нарушив,
 По изгибам вражеских траншей
 Залпами ударили «Катюши»
 И калибр тяжёлых батарей.
 Полчаса гремело, не смолкая,
 Упреждали вражеский налёт.
 Щёлки глаз сощурил Серкинбаев,
 Растянув в улыбке тонкий рот.
 «Гутен морген» пожелали фрицам,
 Долго не опомнятся небось.
 Лязгнули, скрежеща, гусеницы.
 «По местам, ребята! Началось!»
 Выросли разрывы чёрной ёлкой,
 Танковых моторов ближе звук.
 И ромашки, сбитые осколком,
 Белым всё усыпали вокруг.
 «Тигры», из разрывов выползая,
 От позиций наших так близки!
 И приник к прицелу Серкинбаев,
 Бешено крутя маховики.
 Связи нет. Радист пропал бесследно.
 Справа скрежет гусениц плывёт.
 Там, мотором фыркая победно,
 «Тигр» соседний раздавил расчёт.
 Краска, шелухой оползая,
 Сыпет с орудийного щита.
 И лежит комочком Серкинбаев,
 А пилотка кровью залита.
 Мы домой вернуться не сумели:
 Ведь в бою себя не берегли.
 Наши мамы рано поседели...
 Только «Тигры» дальше не прошли.

КАТЮША

Ползёт букашка по погону,
 А каску солнышко печёт.
 Мы «загораем» в обороне –
 Стрелковой роты третий взвод.
 Затишье – месяц. Редкий случай:
 На фронте – всё без перемен.
 К нам через мины и «колючку»
 Ползёт мотив «Лили Марлен».
 Чужая фрау хрипловато
 Твердит: «Солдата буду ждать...»
 Видать, и немцам плоховато
 Без баб три года воевать.
 И так мотив тревожил душу,
 Что крикнул взводный с матерком:
 «А ну, боец, давай "Катюшу",
 Да непременно с огоньком!»
 Взял гармонист ремень на плечи,
 Гармошка враз отозвалась.
 Со дна траншей «Лили» навстречу
 «Катюша» наша поднялась.
 Бой рукопашно-музыкальный
 Пусть в сводки фронта не войдёт –
 Сошлись две песни на нейтральной,
 Заспорив насмерть, чья возьмёт.
 Мотив летит над минным полем,
 Победно в воздухе кружась.
 И взводный очень был доволен,
 Что песня в целом удалась.
 Фокстрот немецкий смолк в унынье,
 Шипит с досадой патефон.
 Ну, «гансы», ждите нас в Берлине –
 Пехоту, Катю и гармонь!

Смоленская
 крепостная
 стена

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ — ЛАТВИЯ

О Балтийской гильдии поэтов

Гильдия — это цех поэтов, который старается сохранить и развивать традиции ремесла. Конечно, не ново, но каждому веку — свой цех. Нашему ремеслу — тысячи лет. Это большая честь. И ответственность. Особенно в нынешнем поспешном мире, который нетерпеливо настаивает на своих правах и легкомысленно забывает о своих обязанностях.

Гильдия — это немногочисленный клуб единомышленников. Пережив на своем опыте массовую пионерскую и комсомольскую опричнину, мы неторопливо обретаем товарищей.

Мы — разные по стилю и жанрам поэты, живём в разных странах, но служим великому русскому языку, исповедуя искренность и равнодушие в обращении к современникам. Нас объединяет одно общее дело — пишем стихи. А смогут ли что-то сделать наши стихи — покажет время. Мы надеемся, что ещё смогут.

Юрий Касянич,
член правления Балтийской гильдии поэтов

Александра Бандурина

Родилась и выросла в Риге в семье учителей русской словесности. Имеет физико-математическое образование, работает бухгалтером.

Публиковалась в рижских поэтических альманахах «Светочъ», «Письмена», антологии «Русская поэзия Латвии», журнале «Крещатик» (Германия), российских периодических изданиях «Литературный Петербург», «Парадный подъезд», «Второй Петербург», «Невский альманах», «День и ночь», «Артбухта». Участник и соорганизатор цикла литературных вечеров «Двести лет русской поэзии Латвии». Член литературного общества «Балтийская гильдия поэтов».

* * *

Воздух нежен наощупь, как кожа младенца.
Вдаль кругами по небу уходит гроза.
Над домами забрезжила, радуя сердце, –
Нет, не радуга – светлая лишь полоса.

Укрылся в ракушку шум быстрых волн,
Весна – в сквозной черемуховый ветер,
И что молчит неделю телефон,
Он по привычке даже не заметил.

Божий дар – улыбнуться без всякой причины –
Поистёрся о свежие швы перемен.
Но небесный лоскут, неизношенно-синий,
Распустился... Отчаянно пахнет сирень...

Вновь наблюдал спокойно, как сквозь ноль
Струится время, утекая в завтра.
Сложна хранителя немая роль:
В путь провожать и не считать утраты.

Мне бы мудрость цветка:
 майским солнечным утром
Не пророчить, забыть про ветра ноября.
Только ночью вернуть их стремлюсь почему-то —
Потому что хочу, потому что нельзя.

Секунды проносились вдоль стены
С упрямостью стрелы, спешащей к цели.
Потом, наткнувшись на чужие сны,
Задумчивей, беспомощней летели.

От весны до зимы – расстояние взгляда,
От зимы до весны – тьма бессонных ночей.
Мир пронзительно разный: то щедрый, то жадный –
Потому что для всех, потому что ничей.

Светлеет квадрат знакомого двора —
Он сверху озирает свои владенья.
Шагающим в широкий мир с утра
Желал удачи, веры и терпенья.

* * *

Он не считал отшельником себя,
Не принимал молчания обета.
Но лишь во сне объёмами дразня,
Мир сжался, в перекрестье рам одетый.

Не те уже глаза последний год,
И всё-таки душа осталась зрячей...
Сменить хранителей придёт черёд...
Где взять любви, чтоб выполнить задачу?

ЗАГОВОР

Я отпустила ненависть,
Невесть куда – лишь бы из сердца.
Только проклятой некуда деться,
Рядом кружит и бесится.

Знать бы молитву верную –
Двери забить за злобой крест-накрест.
Страшно, когда боль сбивает наземь,
Оборотиться стервою.

Мысли плывут как заговор,
Задан и спутан их путь не мною.
Если простить я себе позволю,
Смысл обрету ли заново?

Воздух раздумчив в горнице.
Вторя озябшим, раздетым рошам,
В тёмных углах пустота топорщится.
Март за окном. Бессонница.

ПАСХАЛЬНОЕ

Блаженно ожидание весны.
Природа погрузилась в созерцанье,
Как женщина, носящая ребёнка.
О, этот взгляд, направленный в себя:
Вглубь тёмной тайны почек,
Хранящих нежность первого листа,
Во чрево чёрной почвы,
Где созревает радуга цветов,
И в глубину страдания
Затерянной в межвременье души.

Но тьма любая прячет жажду жизни.
Ростки взойдут, когда наступит срок.
Пока же миром правит ожиданье.
Оно собою наполняет воздух,
Чтоб стал ещё синее неба взгляд,
Стекающий с моих ресниц слезами.

* * *

Когда полноводье слов
 сменяет долгая засуха
И горло щекочет застывший
 непрорастающий звук,
Иду по следу дождя,
 словно волчица по запаху.
Быть может, раскосые струи
 излечат странный недуг.

От ожидания дрожат
аллей зелёные клавиши,
Знают – вкрадчивый, блюзовый ритм
вот-вот сорвётся на бег.
Мы тоже на ветке судеб
трепещем под ветром завтрашним,
Но, слава Богу, когда в полёт –
не ведает человек.

Как хочется верить мне –
 несчётно стихов до осени,
А осень – красный кленовый мост
 в страну золотых дождей...
Но если июльским днём
 зачем-то о будущем спросишь ты,
Ответит только крылатый шум,
 промчавшийся стаей стрижей.

ЛЕТНЕЕ

Лечь в дюнах на песок
и телом слушать
Неровное дыхание Земли,
Коричневень
живой полоской суши,
Которой бредят в море корабли.

С вихрастым ветром
 обниматься тайно
Под недовольный гул ревнивых волн
И наполняться радостью случайной
В плену свободы
 четырёх сторон.

* * *

Я стану водой когда-то, а не уйду в небеса,
Будут смотреть на небо мои голубые глаза.
В безвременье окунувшись, утрачу чувства и речь,
Невозмутимо буду вдоль близкого прошлого течь.
Но песни, что ливнем врываются
 в прежнюю жизнь мою,
Каменным горлом протоки я всё равно спою.
Свой голос вплету незаметно в многоголосье волн.
Неважно, что в общем хоре почти что не слышен он,
Что струи-слова невняты.

Кому-то на берегу,

Быть может, они помогут прорвать немую тоску
И, силы собрав, вернуться в мир времени и потерь...

Когда-то я стану водою...
 когда-нибудь, не теперь.

Владимир Френкель

Родился в Горьком (ныне Нижний Новгород), вырос в Риге, где вышла первая книга стихов «Земное небо» (1977). В 1985-1986 гг. — политзаключенный. С 1987 г. живет в Израиле. Автор статей в европейских русских изданиях, а также в ленинградских самиздатских журналах. Редактор в иерусалимском издательстве «Филобиблон». Член СП Израиля, литературного общества «Столица» (Иерусалим), Балтийской гильдии поэтов. Автор восьми сборников стихов. Лауреат премии им. Ури-Цви Гринберга (Иерусалим, 2002, 2004), премии Пушкинского Музея (США, 2003) и премии СП Израиля (2008).

MOCT

Этот город если и не опустел, так несколько поостыл,
Ни о чём несбыточном не мечтает,
 гляди-ка ты – деловой!
Да оно и к лучшему. А кто там кого простил,
Уже и неважно – то ли он меня, а может, и я его.

Недалеко от Замка, там, где вантовый мост
Совершает прыжок через реку, не зная даже куда,
И взматается над водой во весь свой рост,
Там начинается ветер, и набережная пуста.

Если пройти ещё дальше к морю,
 минуя шведскую Цитадель
И Петровский парк, окружённый ветром
 со всех сторон,
Туда, где торговый порт указывает дальнейшую цель —
Дорогу на запад, то город, можно сказать, завершён.

Как не догадались мы раньше, что эта река,
Черепичный ганзейский город, брусчатка,
шпили церковей,
Каменные мостовые, построенные на века,
Всего только мост в Европу, через хляби морей.

Да, это здесь начинается ветер, взвываясь до облаков,
Таких же серых, прерывистых, как городской пейзаж,
Спешит с востока на запад, свистит, да и был таков,
И вслед ему смотрит только маяк —
неизменный страж.

* * *

Ну как теперь наряжается этот город?
В какие цвета разодеты парки, вослед зелёным,
Небось, щеголяют в жёлтом и красном, покуда
Дождём и светом облиты дома, какие
Ещё отраженья увидим в городском канале...

Кажется, даже люди стали частью пейзажа
Городского, продутого ветром с моря,
и все как прежде
Элегантные стройные женщины, деловые мужчины,
Цветы на бульварах, кофейный запах, разноголосье.
Я здесь никого не знаю, но это неважно:
Разве картина знает, кто её автор?

Я думаю это даже не город, а просто оттиск
Моей перепутанной жизни, не прожитой толком.
Впрочем, история здесь ни при чём, ведь это природа.
Что ни случилось, а всё остается то же:
Те же смены нарядов, красок и разговоров
Здесь, на любом языке, всё и так понятно.
Вознесены восклицанья церковных шпилей.
Все отраженья остались навечно в воде и в небе.

«ГРЕКО»

В этом кафе просиживал Гоголь когда-то,
Боялся дьявола, и всё же думал о нём,
Писал, склонившись по-птичьи, чуть воровато,
О мёртвых душах, а Рим шумел за окном.

Это кафе лет триста зовётся «Греко».
Тут Гоголь как будто только что сел за стол.
Что же творилось в сердце этого человека,
Что для себя он в вечном Риме нашёл?

Не ностальгия, нет – Петербург, Украина,
Всё, кроме Рима, на свете – не то, не то...
Мне показалось – здесь Гоголь остался тайно.
Людно в кафе, и его не знает никто.

ЧТЕНИЕ

E.O.

На стол положим жёлтые цветы
И книги, и уже без лишних слов,
А значит, без ненужной суеты
Мы продолжаем чтение стихов.

И вот теперь неведомо куда
Стихи готовы двинуться в поход
С отвагою – и горе не беда –
Не в первый раз, да и в который год.

А кто приходит вечером в кафе
И слушает, да может быть, и нет,
Неведомо поэту и строфе,
Что наудачу выпущена в свет.

Да всё равно, сейчас или потом
Послание до кого-нибудь дойдёт
Без адреса – о чём оно, о ком?
А может, и никто его не ждёт.

Цветам настанет время увядать,
Да и стихи забудут торжество.
Вот чтение окончено. И знать
О будущем не надо ничего.

* * *

И терпкий дым от сожжённых листьев,
Опавших осенью и зимой,
Как будто землю от них очистив,
Витает ветер над головой,

И время, точно солдат на марше,
Неумолимо идёт вперед,
И мы, конечно же, стали старше
Необратимо – на целый год.

И дым весенний, и ветра имя –
Всё это нам не дано забыть,
Но мы не будем уже другими,
И нам не стоит другими быть.

* * *

Чёрное небо и мокрые мостовые,
Фонари перемигиваются, как живые.
Неуютный город даже и без дождя –
Так подумаешь, площадь переходя.

Нет, разумеется, путь недолог,
Недалёко дом, и луны осколок
Из-под тучи выглянув, светит мне,
И внезапно кажется – это свет в окне.

Ну и что, если здесь никого не знаю,
Я и там не знал, проходя по краю
Неприметной жизни – своей, чужой –
На пути домой.

Ничего не меняет перемена места,
То не я сказал, это всем известно,
И в какой я сейчас стране, не так
Это важно, коль скоро мрак

Да и холод длится, и если завтра
Рассветёт, то всё же, как Фрэнк Синатра
Пел, мы все – оглянься назад! –
Strangers in the Night.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Преображения Господня
Нетварный свет

Объемлет всё и по сегодня
В кругу планет.

Он задержался на Фаворе
Среди земли,
Среди камней, где море, море
Внизу, вдали.

Но как внезапно стали зримы
Иерусалим,
И Галилея, и Афины,
И мир, и Рим.

Как очевидна и мгновенна
Для всех, не счесть,
До всех пределов экумены
Благая весть.

БАБОЧКА

Стою и жду, когда опустится
На ближний куст, куда-нибудь,
Дневная бабочка-капустница...
Смотри, её не позабудь.

Не так уж часто тут и встретится,
Средь наших жарких палестин,
Летуны, летняя прелестница...
Я на неё гляжу один.

Её полета одинокого
Никто, увы, не оценил...
Вот жаль – когда-то у Набокова
Приехать не хватило сил.

* * *

Но как я сяду в поезд дачный...
В.Н.

А в сущности, литература
Сильней наркотика порой.
И, у кого губа не дура,
Бывает увлечён игрой

В слова и фразы, или сцены,
Где ненавистен, где любим
Герой, в погони и измены,
Где сам ты можешь стать другим –

Почти невидимым, прозрачным,
Чужие повидав края,
Совсем уже неоднозначным
В другом контексте. Вот и я

В пути читаю по привычке
В вагоне дачном, налегке...
Ну да, я еду в электричке,
Роман Набокова в руке.

Николай Гуданец

Родился в Риге в 1957 году. Поэт, прозаик, публицист. Публикуется с 1974 года. Член Союза писателей Латвии, Союза российских писателей, Балтийской гильдии поэтов. Автор четырёх сборников стихотворений и девяти книг прозы, в том числе фантастических романов.

Переводил на русский стихи латышских поэтов и английских поэтов XVIII века. Произведения Николая Гуданца переведены на английский, болгарский, испанский, китайский, латышский, немецкий, польский, финский, французский, чешский языки. Живёт в Риге.

ВОЗНЕСЕНИЕ

Воздевши пробитые длани,
где тлели позорные раны,
он пообещал возвратиться
присутствовавшим очевидцам,
которые, словно бараны,
стояли и глухо взирали,
как смертник становится птицей.

И облако взяло из вида
взлетающего, как торпеда
в свирепом сиянье болида,
развёрткой истошного бреда
из праха упавшего в небо
сквозь муку, позор и обиду.

А дальше всё было, как прежде.
Вранье и грызня, и дележка.
Но стало чуть больше надежды.
Хотя бы немножко.

НА РАССВЕТЕ

С добрым утром,
Богородице Дево,
в голубом и жемчужном окладе,
с добрым утром,
глазастый мальчик,
улыбающийся тихо и строго,
вы уж меня простите,
или как вам угодно.

Может, я вам надоел
или не нужен.
Лишь бы мне вас теперь
не покинуть.

ПСАЛОМ

Я забывал Тебя, я падал
в разъединении с Тобой
прениже взвихренного ада,
где отречение и прохлада
пустой дремоты голубой,

где ничего уже не надо,
где страшная Твоя рука,
недосыгаемо легка,
манила всё-таки обратно
из круговерти необъятной,
смешавшей звёзды и века.

Ты снова держишь в этой плоти,
Ты длишь прогорклое житьё.
Но, Боже, мы с Тобой в расчёте
за сумасшествие Твоё.

ПСАЛОМ 76

Подъемлю глас: услышь меня, Господь.
В день скорби – лишь к Тебе рука простёрта.
Изнемогает дух, трепещет плоть.
Твою бессонницу не побороть.
И древний мрак пульсирует в аорте.

Неужто Ты отринул навсегда?
Тебя страшились бездна и вода,
а стрелы падали сквозь тучи
на тот народ, беспечный и могучий,
в руке Твоей бредущий никуда.

ГОЛГОФА

Над холмом каменистым восходят горчайшие муки,
там нелепо и страшно на бревнах распластаны руки.
Это вечности жест, это боли густой ордината,
на которой так щедро раскрыта абсцисса объятья.
Это голая точка отсчета, в которой крест-накрест
напрягается жертва с кристальным усилием каркаса,
и созреет она, и звездой небывалой взорвётся,
но не выдохнуть больше ни слова

сквозь въедливый оцет.

Только мухи надсадно роятся

в искромсанном небе,

Только пьяная стража о ризах бросает жеребий.

На холме проступает развёрстая ржавая рана,
словно взломанный рай

в раскалённом мозгу наркомана,

и зияет прогал в человеческой незбылемой чаше,
как моление о чаше, как моление о чаше.

Юрий Касянич

Родился и живёт в Риге. Поэт, переводчик, прозаик. Член союза писателей Латвии, Союза российских писателей, Балтийской Гильдии поэтов. Победитель литературного конкурса Союза писателей Латвии (стихотворения) и Посольства России в Латвии (рассказ).

Автор поэтических сборников «Над ивами бессмертных рек» (1987), «Пейзаж после исповеди» (2012), «Личное дело» (2015) и двух книг поэтических переводов с латышского.

Постоянный редактор-составитель ежегодного поэтического альманаха Дней русской культуры в Латвии «Письмена» (2012-2016).

КЛЕНЫ

я радуюсь что избежал трансплантации
в края где иные фонемы и склоны
я плачу оливам братаюсь с платанами
но тянет вернуться к содружеству клёнов

я буду им верен куда сознанием
с утра и до вечера чувствую вечность
пускай эта жизнь обернётся изнанкою
уверен что долгим окажется вечер

уверен что хватит мне музык серебряных
которые в бурю подхватят собратья
какие б ни мчались недели свирепые
слова – серебрятся

и снова влюблённые в парках скитаются
где осень воспели в четыре октавы
каштаны и липы дубы и акации
в аллее влетая цветасто как табор

не счастье ли это – за светом подглядывать
и запоминать мимолётные лица
и под листопадом желанье загадывать
пока эта осень как гласная длится

где клёны в аллеях гордятся камзолами
где реквием лету стоит на попитрах
я знаю что клёны отсыплют мне золота
чтоб мог от разбойной зимы откупиться

НАКАНУНЕ КРЕЩЕНИЯ

крещенский сочельник. созвёздную карту
раскинула ночь над застенчивым полем.
где звук тишины, что умножен стрократно,
на время умерил права монополий
извечного шума, и словоохотцы,
когда растворилась округа в молчанье,
и лишь облака, словно тихие овцы
бредут, безпастушны, цепочкой в овчарню?
над лесом свет послерождественский льётся,
ещё не родился на свете коперник.

а крестный Твой путь по камням долороса
уже начался с иорданской купели

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ ИСПОВЕДИ

Освободился.

Отпущение
грехов не принесло покоя.
От света, словно мышь пещерная,
шарахнулась душа;

окольной
тропою я побрёл, уставший
глядеть в себя, как в амальгаму
налого зеркала;

фисташками
хрустели камни под ногами.
И дождь пролился,

словно милостыня,
из сердца вымывая темень,
и солнце пышною кормилицей
нахлынуло, целуя в темя.

На фоне подмалевка синего
скала, осина и дорога,
и – как Дали –

необъяснимо –
зрчком очерченный над ними
неуловимый профиль Бога.

ПОДСОЛНУХ

В.Френкелю

Здесь дышала новинками книжная лавка.
А теперь, спорным запахом быстрой еды
провожаем, иду. Колет, словно булавка,
в сердце – белая боль лебединой беды.

Что толкает склоняться и плакать над словом,
если в мире людей не осталось людей?
Представитель иного культурного слоя,
в настоящем пытаюсь я свет разглядеть...

Выйду к древней реке, на плечо парапета
обопрусь, размышляя, о чём должен спеть,
если связки и годы, и страны пропеты?
Над плачевной рекою листаю конспект.

Что, шипя как подкова, упало в течение?
Звёзды падают. Подслеповат звездочёт.
Отчего так и тянет уйти в кватроченто,
поглядев, как вдоль берега время течёт?

Затевая микстуру, бессмертный аптекарь
не откроет отмеренных капель число.
Копит годы стеклянная библиотека,
точно нижняя колба песочных часов.

Не печалюсь о дне, где под лампой зеркальной
кардиолог в ладонь моё сердце возьмёт.
Утомленного слова, как солнца, закаты.
Но душа, как подсолнух, глядит на восход.

ГОРОД

«Из забывших меня можно составить город»
И.Бродский

...а звал ли голос в чашу каменного леса,
где фонарей ослепших апельсины,
как муляжи, безжизненны и тусклы,
где полночи абсент сквозь лунный сахар
по капле гулко падает в колодец
чешуйчатой, как рыба, площади
и звук монеткой катится во тьму
сквозящему проёму переулка,
которым навсегда ушёл однажды?
вернешь ты одиночество своё,
но он, как был, – безлюдным остаётся;
стоят скульптуры онемело в скверах –
окаменевшие воспоминанья;
глазницы зданий, как у черепов,
черны, твоё не помня отраженье;
и если зыбкой тенью неказистой
мелькнёшь в окне, будто нездешний призрак,
шаманы равнодушного забвенья
очнутя от нешуточной тревоги,
взметнутся небо заслонившей стаей
и с шелестом крылатых ножниц
промчатся, свет созвездий состригая,

что, догорев, осыплется на плечи,
как семена подсолнуха, как сажа...
а поутру останется лежать
на тротуаре сером тень твою,
обведена по контуру
печальным
лимонным карандашиком зари

ЭВОЛЮЦИЯ

город перестаёт чистить зубы
в домах начинается кариес
дурно пахнет из подворотен

город перестаёт жевать
норовя нализаться
глочет не думая
острые пьяные пошлости
жирные глупости
в канализации возникают язвы

город перестаёт принимать пищу
в модном желании похудеть
дома в анорексии
рушатся перекрытия

город перестаёт спать
глотив чёрного молока ночи
из окна в окно мигают
светлячки ночных сигарет

город перестаёт любить
люди выбегают из подворотен
протаптывают на газонах тропинки
уходят от беды на закат
воинственно таща на себе как муравьи
раздвоенные хвосты жизней
похожие на знак победы

Милена Макарова

Поэт, переводчик. Родилась в Риге. Училась на филологическом и историко-философском факультетах Латвийского университета. Занималась журналистикой. С 1998 года — член Союза Писателей Латвии. Член Балтийской Гильдии поэтов. Автор поэтического сборника «Амальгама» и пяти книг переводов латышской поэзии и прозы. В 2013 году в издательстве «Арт Хаус медиа» (Москва) вышел сборник переводов поэзии Лианы Ланги «Вещество взгляда». Как переводчик дебютировала в международном проекте «Литературный экспресс Европа-2000». Неоднократный стипендиат Фонда Культурного капитала Латвии.

Стихи публиковались в журналах «Даугава», «Шпиль», «Рижский альманах» (Латвия), «Радуга», «Таллинн» (Эстония), «Дружба народов» (Москва), «Литературный Иерусалим» (Израиль), «Крещатик» (Германия), «Собор» (Украина), «Северная Аврора» (Санкт-Петербург), альманахах «Письмена», «Oceanus Sarmaticus» и др. Переводилась на латышский, украинский, английский языки. Участник различных международных литературных форумов и культурных проектов.

* * *

«Лучше лишать Платона на берегу залива...»

Один поэт

Самое время — и это почти цитата —
На берегу залива лишать Платона.
Когда покрываются льдом все циферблаты,
Мы понимаем — зимняя жизнь монотонна.

Самое время, и это почти цикута,
Воспоминания пить медленными глотками.
Холодными, будто последнее зимнее утро,
Горячими, словно ещё не погасшее пламя.

Сколько лукавства в вечном незнании Сократа?
Что за признание звучит на прохладной латыни?
Что-то из жизни, наверно, уйдёт безвозвратно,
Канет в античную Лету, навеки остынет.

Что-то, конечно, останется с нами навеки.
Пусть ненадолго, но в чьей-то судьбе погостили.
Я выбираю спокойные письма Сенеки...
Всё ли ты понял из этих посланий, Луцилий?

Из цикла «CINEMA»

* * *

Как фильм с Джоди Фостер,
Где маятник гипнотизера
Качается в такт
С наступающей смертью,
Так Время раскачивается секундами,
Поблёскивает смертоносными мгновеньями
И простодушно даёт прочитать гравировку:
«Paramount» или «Columbia Pictures»...

* * *

Чудище обло, огромно... и, видно, коварно.
Смерть — это тоже любовь, только медленно, верно.
Что-то медовое чудится в имени Альмодовара.
Нежно и холодно — это, наверное, Бергман.

К сердцу ладонь, и зажгутся сплетения линий,
И запыляет шёлковый путь папиллярный.
Пусть от судьбы холодом веет полярным,
Но зазвучит тишина «Амаркордом» Феллини.

Всё — «дежавю». Всё — только вечная жажда.
Всё это — только кино, но похож на икону
Кадр чёрно-белый. Всё это было однажды
У «Амадея», а может быть, под Морриконе.

Словно цветок, раскрывается шербургский зонтик.
Жизнь — это всё же любовь, только медленно, странно.
Брошена в зрительный зал орхидея Висконти,
Брошена в вечность улыбка Фанфана-Тюльпана.

18-е

«Я хочу быть одна...»

Грета Гарбо

Судьба потихоньку готовит напиток любовный,
И сердце какой-то неясной надеждой согрето...
Но луч скандинавского солнца во тьме родословной
Блеснёт и напомнит улыбку божественной Греты.

Пусть внутренний голос прошепчет о том,
что довольно
Искать серебро в глубине чёрно-белого фото.
Но только однажды
в зеркальном тоннеле Стокгольма,
Прекрасная Грета, я знаю — я встречу кого-то.

В начале столетия, в конце скандинавского лета,
В канун дня рождения, который мы вдруг поделили
Когда-то с тобою, моя чёрно-белая Грета.
Невольное сходство навеки останется в силе.

Прохладный сентябрь исцеляет от летнего зноя,
Сапфировый взгляд отразится в серебряной глади.
И странную фразу о том, что хочу быть одною,
Я вдруг повторю, в отражение зеркальное глядя.

* * *

*«В дождь Париж расцветает
точно серая роза...»*

Максимилиан Волошин

Полынь и айлантус. «Дождливая роза» Парижа.
И ветку оливы – в серебряный этот гербарий.
Но ониксы тайн, халцедоны сонетов нанижет
На тонкую нитку судьба. И никто не подарит

Другого удела, а может, другого пейзажа,
Где волны всплывают в подземное царство Аида.
И скалы стоят на какой-то таинственной страже.
И ониксы тайн... И античное небо открыто.

Там в гнёздах орлиных, где помнят огонь Прометея,
Растут траектории новых и хищных полётов.
Но пламя крамольное чьи-то ладони согреет,
А может быть, сердце забьётся сильнее у кого-то.

Так музыку сфер унести наподобье трофея.
Услышать среди шума невидимых войн и сражений
Ещё одну песню, прекрасную песню Орфея!
Что вновь обернётся на голос «возлюбленной тени».

Из цикла «ЗНАКИ»

* * *

Высокое пламя свечи раздвоилось,
И каждый его лепесток отогнулся,
И огненной лилией стала свеча расцветать.
Но только тебе ничего не открылось,
И ты, не поверив глазам, улыбнулась,
А воздух дрожал над свечой как озерная гладь...

ПОСВЯЩЕНИЕ

МАКСИМИЛИАНУ ВОЛОШИНУ

От синевы небесного фаянса
До глубины затерянного клада.
Сияющее золото Эллады
С тяжелой бирюзой декаданса

Соединить. И для строки одной –
Старинная французская камея.
Но медный гвоздь, что принесен волной,
О корабле расскажет Одиссея.

А лира из редчайшего металла,
Таинственный и судьбоносный сплав-
О бархате Латинского квартала,
И о венке из киммерийских трав.

* * *

Все эти древние штучки –
Поджигать корабли при помощи зеркала,
Писать на подметках имя врага
И стирать его шаг за шагом.

Все эти древние радости –
Хоронить в амфорах с мёдом,
Бродить по лабиринтам,
И петь в ночь полнолуния.

Отчего же сегодня, скажи –
Мне приснилась вся эта древность?
Из перстня выпали камни,
И я, испугавшись, проснулась...

* * *

Лишь скажи: «Приди!», и я приду
По воде, по воздуху, по огню.
По серебряному, словно зеркало, льду.
Бриллиантом маленьким ограню

Этот день. Оберну его в тёмный шёлк
Нежной ночи. Бережно сохраняю.
Или, может, жду, чтобы ты пришёл –
По воде, по воздуху, по огню...

Евгения Ошуркова

Родилась в Риге, окончила институт инженеров гражданской авиации. Состояла в студии молодых литераторов при Союзе писателей Латвии. Участница и неоднократный лауреат различных фестивалей авторской песни. Выступала перед аудиториями Риги, Москвы, Кишинёва, Львова, Самары, Санкт-Петербурга и других городов. Стихи и переводы публиковались в сборниках, журналах и альманахах Латвии, России и Америки. Записала четыре авторских диска. В 2012 году вышла её первая книга стихов «Вне сезона», в 2014-м вторая — «Своя игра» (2-е дополненное издание «Своей игры» вышло в 2016 г.). Занимается журналистикой. Является членом творческого объединения bardī.lv, а также мастером Балтийской гильдии поэтов. В 2015 году принята в Союз писателей Латвии.

MISS PERFUMADO

Не пытаюсь унять пожар,
Обретённый в его объятьях,
Ты заходишь в знакомый бар
В самом узком из чёрных платьев.

Вот что делают, жизнь губя,
Тушь и розовая помада!
Он не помнит, как звать тебя,
И зовёт тебя Perfumado.

Мимо стойки, где пьёт он ром,
Поднимаешься на эстраду,
Задевая его бедром,
И слагаешь об этом фаду...

...Прядь со лба отведа рукой,
Ты едва не собьёшься с ладу
В то мгновенье, когда с другой
Он уйдёт, не дослушав фаду.

Пусть сыграет она в любовь,
Подчиняясь мужскому взгляду,
Всё равно, хоть из носу кровь,
Никогда не сложить ей фаду!

Перфумадо! Не спорь с судьбой
И иную не жди награду:
Он останется не с тобой,
Но с тобой остаётся фаду.

ДОРОЖНАЯ

В дороге длинной ценится попутчик.
Скрипит возок, дорога далека.
Сосед спросил: «Вы, кажется, поручик?»
И, кажется, гусарского полка?

В такую ночь беседа не помеха,
А мы молчим от станции как раз...
Куда ж, сударь, изволите вы ехать?»
Поручик отвечает: «На Кавказ».

«Ах, на войну? Ну это, право, новость...
А всё равно окончится как встарь:
Кого-то ждёт кинжал чеченца злого,
Кого-то обласкает государь...»

А за окном привычная картина —
Простор, да ночь, да огоньки вдали.
И словно комом к горлу подкатило:
Прекрасны вы, поля родной земли!

Пока сосед бранит войну и власти,
Пока возок на рытвинах трясёт,
Душа, как в детстве, замерла от счастья,
И чей-то голос ласковый поёт:

«Куда спешить? Под пулями чеченца
Вновь начинать ненужный спор с судьбой,
Когда ещё у сердца слышишь сердце
И видишь взор, как небо голубой!»

«Ах, замолчи, лукавая гитара!
Не уронить мне сабли из руки.
Не стыдно, коль разжалуют гусара,
А стыдно, если жалуют враги!

Нельзя ни жить, ни чувствовать вполсилы,
Не обратив любовь свою во зло.
Прощай, прощай, немая Россия!
Как мне с тобою в жизни повезло...»

Под стук колёсный головой кивая,
Давным-давно уснул в углу сосед.
А за окном от края и до края
Степным пожаром занялся рассвет.

Ещё рассвет и нежен, и малинов,
Ещё весне взрослеть и хорошеть,
Ещё в тебя не целится Мартынов,
Ещё тебе на свете двадцать шесть!?

ПЕСНЯ РАБА

Я выбираю галеру,
Ибо за все труды
Мне выдают галету
И пару глотков воды.

А жаждущие свободы
Отравленный пьют нектар,
Клянут океанские воды
И часто гребут не в такт.

Я выбираю галеру –
В свете её идей
Я обретаю веру
В завтрашний светлый день.

А те бросаются за борт,
Цепи перепилив,
Им чудится хлебный запах
И крики перепелов.

Я выбираю галеру,
Ибо моё весло
Ладно пришлось к колену,
Крепко в ладонь вросло.

В паре шагов от рая
Ищет свободных смерть:
Впившись в обломок реи,
Выплыть им не суметь.

Горе и тем, кто выплыл,
Слушая песнь сирен, –
Парус и чёрный вымпел
Новый сулят им плен.

Я выбираю галеру,
Выбрасывая за борт
Эту дурную манеру
Вечно искать свобод.

Горе счастливым, даже
Если в пальмовый сад
Выбросит шторм однажды
Их роковой десант:

И солнцем и птичьим пеньем
Обласканные тела,
Подрагивая опереньем,
Плавно войдёт стрела.

Сраму не имут трупы,
Зависть не мучит их,
А слышать победные трубы –
Всё же удел живых.

Кружит зверье по вольеру,
Мечется в круге огня.
Я выбираю галеру.
Жизнь выбирает меня.

Я выбираю галеру
(Пусть со смертной тоской),
И моему примеру
Следует род людской.

СЕЛФИ

Когда я была молода,
Высокие были не в моде,
К тому ж я на шпильках тогда
Ходила при всякой погоде.

Опять же, возьмём худобу:
В ходу были девушки в теле,
А тощих видали в гробу.
И вновь я была не при деле.

Эпоха любила бои,
Фанфары кругом не стихали,
И грустные песни мои
Отнюдь не считались стихами.

Вот так я всю жизнь прожила,
Тенденции опережая...
Но мода иная пришла –
И нынче для всех хороша я.

Сергей Морейно

СЕВЕРНАЯ ЭЛЕГИЯ

in memoriam sm

1.

я умру мы умрём кому
 отвечать встав посередь
 двора? с кем беседовать
 на холодном ветру? вестъ
 Бог... а ведь давно пора
 и окажется что не заслужил
 доброй кары, сладкой муки
 увы – мало крал даже почти
 любил не сносил головы

2.

а имя твоё – осока
 и жить тебе на болоте
 скрипеть тебе под ногами
 охотников-рыболовов
 и даже не то обидно
 что ноги отдавят пальцы
 а вот – пошумишь да сгинешь
 я сам у тебя репейник

3.

ты приходишь к морю, море стоит и ждёт
 перекатываясь стаей валов
 сплевывая белесоватый помет
 йодистый и серный поверх голов
 это просто аут моя печаль
 самый полный аут круговорот
 когда в при... где плава... что по ночам
 заблудившееся эхо сезон мокрот

4.

смотри как чайку в дюнах преследует её тень
 смотри как венчик пены бежит по волне за мной
 смотри как рушится небо на землю
в несудный день
 смотри как распадается камень
не сшитый моей слюной
 сладкая белая смерть: за ней – Двина
 смотри: я уже выбираю и выбор мой – тишина

5.

у врат смеются черти
 улыбкой василиска
 и ворон петли чертит
 уверенно и низко

 и полное лукошко
 с утра костей не ломит
 а жизнь моя как ножка
 синеет на изломе

6.

когда в Кримулде они разбежались
 по июльским холмам, я подумал что
 вероятно машина перевернулась и все
 разбились, что видимо машина в канаве
 а мы в раю. никогда не было
 и не будет так тихо ни в могиле
 ни у алтаря – потом
 засмеялись дети
 зазвонил телефон
 все чаще вспоминаю
 съезд с дороги межконфессиональную
 скамейку камень Каупо – и оказаться там
 всё равно что предстать пред престолом
 в гаснущем блеске летнего дня – невозможно
 хотя казалось бы рукою подать

7.

старые друзья долго пьют кофе, потом
 расходятся оставаясь наедине
 со своими предчувствиями
 раскаяньями и кошельками
 над ними тысячи звёзд мириады звёзд
 звёзды падают они загадывают желания
 вернее каждый из них – одно
 сплошное причудливое желанье
 правда немного приглашенное и растушеванное
 осенней прохладцей
 кривой месяц скалится в кисточку фески
 кривой ковш медведицы висит так, как
 не всякая хозяйка повесит
 деревья высоки а они мелки
 джеки в стране великанов
 запах мочи прят, шелест листвы манящ

8.

вот северный ветер и мысль быстра как ветер
подумаешь о травах – увидишь травы
подумаешь о птицах – увидишь птиц

когда бодрствуешь, идёшь сквозь время
заснёшь – и время идёт сквозь тебя
все чувствительней чашки
куда ты сыплешь его песок

но колесо повернётся
придёт весна и колесо повернётся. вкус крови
встанет на всех языках и поляны
утонут в земляничной крови жаркий месяц
взойдёт на огненном небосклоне и журавли
прочешут алый закат

9.

и преданный постучится
и мёртвому отворят

СЕВЕРНАЯ ЭЛЕГИЯ

I

часовой на пестрой вышке продрал глаза под
взглядом сойки грибник омочил кусты мы одино-
ки яростны и чисты я сейчас попробую рассказать
что до наступления темноты целлулоид колючая
провода кирза немного портят моренный пей-
заж сушат вёсла поздние корабли мы живём как
жили на самом краю земли охраняя нищие рубе-
жи моют ночью золото журавли мураши штурму-
ют вечные блиндажи отправляются странствующи-
е ежи как и прежде в горы из наших гостей на
развилке у одной из местных частей мы присели и
терпеливо ждём а над нами расстроенный Проме-
тей изливается неслышным дождём ты не спи по-

скольку зная в твоей руке отступать некуда поза-
ди река по цветку ползают два жука их монашеская
любовь сладка ото всех от нас на вялом сыром пес-
ке остаются ненависть и тоска

II

паралич сосны волны без горизонта я пью се-
годня за парапеты без моря точнее за создаваемую
ими зону некоторого отчуждения судьбы от горя а
море ушло обнимать блуждающий остров прико-
панный и проросший уже отчасти воспринимая
судьбу достаточно просто мы видимо отмежевы-
ваемся от части страждущих и болящих равно как
коротконогих красоток их меценатов по осени до-
рог набегают много вот выдумают считать их им
грош цена-то река петляет меж ассирийских скло-
нов мы беженцы на её песках ожидаем пыток и
медленно влачится по небосклону полнотный
ангел ласточка недобиток пойдёшь направо же-
нишься на полячке узнаешь вкус вина новый стиль
одежды развеет праведник на тонконогой кляче
шляхетский гонор варварские надежды за тысячи
весей за тысячи вёрст за тысячи вёсен уходят наши
мы складываем гроши их в коробки из сухих оре-
ховых досок и кипариса малые и большие

III

вреден север но мягок и незлобив легкой ря-
бью подёрнут глодан берёзовой оспой «что я
здесь?» недоумеваешь пробив брешь в стене вы-
лепленной из воска шелушатся и опадают леса
оголяя спину здания вот и разверзаются жёлтые
небеса загораясь в предвкушении рвоты гуттапер-
чевый шпиль щекочет кожу лица зев асфальта тре-
вожит носок ботинка из кустов навстречу объяти-
ям наглеца прянет платиновая блондинка мало
чёрных ярче выражен русский тип неженки ездят
в метро пока небогаты Голос совсем забыл меня и
почти не докучают ни боги ни черт рогатый

Николай Романенко

По профессии врач, травматолог-ортопед. Живёт и работает в Риге. Член Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП), член правления Балтийской Гильдии поэтов.

Стихи публиковались в журналах «Даугава», «Крещатик», «Настоящее время», «Рог Борея», альманахах «Планета поэтов» (1- 6), «Академия поэзии» (2011 -2012), «Письмена» (2012-2016).

Автор поэтических сборников «Родная речь» (2011) и «Пиши, перо» (2016).

* * *

Что ты скажешь потом, через годы,
Пролетевшие птицами ночи?
Ты искала любви и свободы –
Оказался ли путь твой короче
И прямой моего к той же цели,
С Диогеновой лампой вдоль улиц,
На которых мы жить не умели:
Повстречавшись, тотчас разминулись!

В этом городе, с детства знакомом,
У реки, что течёт до залива,
Всё, как прежде, но только с изломом
В сентябре повторится дождливом...
И увидев как будто с экрана,
Наши тени в углу парапета,
Будет мне так же горько и странно,
Что я снова не слышу ответа.

* * *

Е.О.

Все Ангелы, как Ангелы, а в этом,
Что прячет за спиной одно крыло,
(Когда-то на земле он был поэтом)
Живёт ещё былое ремесло.

И по ночам, когда все кошки серы,
Когда чадит церковная свеча,
Он пишет на крыле догматы веры,
Но речь его странна и горяча...

А утром с воспалёнными глазами,
С сомненьями истерзанным лицом,
Он снова предстоит под небесами
Перед своим всезнающим Отцом...

* * *

Так медленно сближаются планеты
В холодной тьме космической ночи...
В глухой тоске тебе кричу я: «Где ты?»
И вдруг ты шепчешь: «Милый, не кричи,
Я здесь, я рядом!» Тонкое запястье,
Как белый лебедь, близится ко мне,
Плывёт по волосам – и это счастье
С бессмертием, возможно, наравне.

* * *

В декабре выпал снег, и застыла
Жизнь вокруг по колено в снегу.
И, застыв, обо всём позабыла
И споткнулась река на бегу.
И вода, что текла как живая,
Превратилась в беспамятный лёд.
И метель, над рекой завывая,
Снег до самого моря несёт
И зимы утверждает законы.
Но надеждой во тьме декабря
Ель в снегу остаётся зелёной,
И горящею – грудь снегирия.

* * *

В поле ветер гуляет на воле
И свистит, и кричит мне: «Лови!»
Вот пришёл мой черёд: в этом поле
Собираю я камни свои.

Ворошу снова память и совесть,
Раздвигаю сухую траву,
Повторяя печальную повесть
И забытую вспомнив главу...

А сквозь алое пламя заката
Улетают на юг журавли
И зовут отстающего брата,
И теряются вместе вдали.

* * *

В реке вода, как зеркало, блестит,
И всё в ней отражается правдиво:
И облака, и птица, что летит,
И птица, что плывёт неторопливо;
Мосты, деревья, церковь над рекой,
Чей шпиль с крестом вознёсся так высоко
(Он охраняет в городе покой,
И в зеркало глядит, как божье око).
Лишь солнце, что над городом встаёт,
В том зеркале себя не узнаёт,
И в небо поднимается всё выше,
И наконец, достигнув высоты,
Глядит на город, реку и мосты,
И жаркой позолотой красит крыши.

«Семь свободных искусств – основа воспитания, которое надлежит давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно свободнорождённого человека и само по себе прекрасно».

Аристотель

ЕДИНЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И СТИХИИ

О творчестве калининградского
живописца Андрея Машихина

Многим жителям области приходилось видеть неожиданные для наших водоёмов плавсредства – алеутские байдарки и эскимосские каяки, которыми одним веслом управлял сосредоточенный гребец. Самозабвенно физически погружаясь в природный ландшафт, он стремился познать подлинное единение человека и стихии. Этим чувством проникнуты все произведения калининградского живописца Андрея Машихина, и в этом контексте его увлечение репликами традиционных маломерных каркасных судов выглядит не чудачеством творца, а одним из возможных способов постичь природную целостность. Создавая многочисленные макеты каяков и каноэ и в одиночку на себе испытывая действующие модели, совершая эскимосский переворот и вновь выныривая на поверхность, художник пытался представить, что реально ощущали люди, для которых их собственная жизнь, солнце, вода, воздух и вся природа были неразделимы. Наследие традиционных культур бесценно, так как их мировоззренческие постулаты основывались на бережном отношении к окружающему миру и осознании себя его неотъемлемой частью.

Андрей Анатольевич Машихин родился в 1962 году в Калининграде, в 1983 году окончил художественное отделение Калининградского областного музыкального училища. На его профессиональное становление большое влияние оказали замечательные калининградские художники Анаит Абрамян и Людмила Пономарёва, которые, будучи сами одержимы искусством, дали молодому автору мощный творческий импульс. Андрей много и страстно занимался живописью, он писал маслом с натуры, ездил на пленэры во все времена года. Он читал дневники и письма великих живописцев Эжена Делакруа, Винсента Ван Гога, Поля Сезанна, Эдгара Дега; увлечённо рассматривал альбомы русского, французского и немецкого искусства XIX–XX веков; восхищался произведениями Амедео Модильяни, Мориса де Вламинка, Эрнста Людвиг Кирхнера, Отто Мюллера, Эдварда Мунка, Марка Ротко, Минаса Аветисяна. Камертонами собственной живописи А. Машихина

стали лирика французского импрессионизма с его чистотой оптического смешения цвета и эмоциональная мощь немецкого экспрессионизма с его динамикой красочной поверхности. Сейчас художник говорит о своём пристрастии к экспрессионистам так: *«Они бешеные, у них эмоции перекрывают всё. Их метод мне близок. Мне кажется, они машут кисточкой, не думая, как и я. Голова не работает, включаются одни эмоции»*.

Основные мотивы творчества Андрея Машихина – морские, сельские и городские ландшафты, натюрморты с цветами, ню. Формы реалистичны, узнаваемы, хотя в них и нет скрупулёзной законченности и анатомической точности. Предметы взаимодействуют, активно проявляются или растворяются в окружающем их пространстве, создавая среду. Эта среда насыщается цветом и подвижной ритмичной мазков, росчерков, потёков, процарапанных штрихов. Несмотря на то, что А. Машихин часто пишет с натуры, колорит в его холстах не стремится к передаче природного цвета. Цвет имеет преимущественно эмоциональное значение, поэтому на работах трава может быть красной, стволы деревьев синими, а небо фиолетовым. Колорит получается экспансивным, художник интуитивно соединяет краски в сложную цветовую гамму. Он объясняет: *«Мне нравится копаться в краске, приятно развести её и мазать, не думая. Красивые вещи чаще получаются на палитре, а не на картине. Цветов не должно быть много. Три цвета, как у импрессионистов, – красный, синий, жёлтый, и этого достаточно, иначе можно запутаться. Два цвета мешаешь, и уже получаются красивые оттенки»*.

Большое количество произведений, раскрывающих различные состояния Балтики, настроения Куршской косы, впечатления от старого Кёнигсберга и современного Калининграда, выполнены как будто на едином дыхании, легко и смело. («Сумерки на море», 2008; «На Куршской косе», 1998). Пейзажи не включают изображений человека, но его присутствие ощущается неизменно. Нюансы и контрасты переживаний фиксируются нюанса-

**ДАЛЕЕ 4 СТР ЦВЕТНОЙ ВКЛАДКИ
С РЕПРОДУКЦИЯМИ КАРТИН АНДРЕЯ АНАТОЛЬЕВИЧА МАШИХИНА**

ми и контрастами цвета, формы, фактуры поверхности холстов. А. Машихин изображает не увиденную им природу, а отношения между природой и человеком. Ожидание неотвратимо надвигающейся драматической ситуации ощущается за счёт самой техники письма, которая усиливает композиционные построения. Подвижные рельефные пласты краски наслаиваются друг на друга, надвигающаяся на деревья масса цвета словно выдавливает их с поверхности холста («Перед штормом», 2011). Накал растущего напряжения обостряют импульсные микродействия руки художника, которая оставляет следы в виде пятен, точек, штрихов, росчерков («Перед грозой», 1986). Актуализация спонтанного мышечного движения делает узнаваемыми работы художника. Все они имеют характерный рисунок поверхности. Динамика письма усиливается, благодаря приёму очерчивания контуром какой-либо, казалось бы, незначительной детали, например, окна или трубы, или намёка на форму то ли дерева, то ли облака. Внимание зрителя акцентируется на совершенно неожиданном месте. «Красный дом» (1990). Эта картина экспонировалась на знаменитой выставке «236000» работ выпускников художественного отделения КОМУ в 1992 году в Калининградском областном историко-художественном музее. На вопрос о том, какое символическое значение имеет красный цвет в этой композиции, Андрей Машихин ответил очень просто и очень точно: «Да какие краски есть на

палитре, теми и пишу». Ассоциативность его живописи интуитивна, он изображает не конкретный предмет или мотив, а жизнь красочного пятна в природе передает на холсте. («Перед мостом», 2009).

Художник работал в разных городах Европы, его впечатления зафиксировали ландшафты Вильнюса, Таллинна и Риги, Флоренции, Пизы и Рима, Киля, Гамбурга и Любека. Большое значение для него имела поездка в 1995 году в Италию. Искусство великих мастеров в музеях, на выставках, на городских улицах вдохновляло, а удивительная природа южной страны завораживала. Созданные там пейзажи – это праздник цвета, радостное ощущение полноты жизни. Живопись экспансивная, сделанная быстро и смело под воздействием ликования души. На фоне движения неба по кругу – неистовый танец деревьев, ритм стволов и ветвей энергичный, словно воронкой скручивается пространство, в которое втягивается взгляд зрителя. Холодная цветовая магия изрезана динамичным рисунком, который подчеркнут интенсивными контрастами красного и зелёного, синего и оранжевого («Оливковые деревья», 1995). Конфликт между инертным живописным пятном и активным рисующим жестом, след которого воспринимается как импульс, всегда создает эмоциональную нагрузку («Оливковая роща», 1995). Рисунок – это графическое начало, по сути, встреча активного начала с пассивным. Андрей Машихин – гармоничный цветовик, но именно своеобразное динамичное рисование вносит характер в его живопись. Сегодня художник признаётся: «Ловлю себя на мысли, что мне очень нравится графика, про неё всё я время думал, хотя писал живопись».

В 2005 году А. Машихин побывал в Германии. Представления о средневековых и готической архитектуре нашли отражение в самой композиции и цветовом решении холстов, которые напоминают витражи. Контуром, словно витражной жилой стеклянные модули, обведены локальные пятна чистых красных, синих и жёлтых цветов. Ритм геометрических форм домысливается зрителем как дома или крыши. Увиденный пейзаж – лишь отправная точка для творческой фантазии. Достоинство холста – не в документальной точности мотива, а в том ирреальном пространстве со светящимися сказочными поэтичными плоскостями, куда погружается зритель («Путешествуя по Германии», 2005). Существенную роль играет соритмичность увиденного пейзажа и живописной формы. Определённая ритмика мотива, например, ландшафта с качающимися на воде лодками, переносится в работу («Путешествуя по Германии» II, 2005). Композиция фрагментарна, обведены жестким контуром силуэты то ли судов у причала, то ли домов на набережной, предметы не имеют четкого очертания, конкретизируются чёрной ли-

В мастерской. Художник и его увлечения

нией лишь детали формы, по которым перемещается взгляд вверх–вниз, как качание на воде. В другой композиции вертикали то ли мачт, то ли парусов создают лёгкий музыкальный ритм, отражая мимолётные впечатления автора («В порту. Германия», 2005). Холст строится как большое поле одного цвета, наполненное ритмикой мелких цветовых импульсов, контрастных основному пятну. Эти акценты организуют переключку цветов. Кроме того, для художника важна жизнь самого красочного слоя. Он использует один язык: это подвижные мазки, интенсивные наплывы краски, плотные наслоения мастихином. То, как спонтанно перечеркнул поле мастихином, или как потекла краска, влияет на передачу эмоционального состояния – бурной динамики или покоя, всплеска чувств или неясного томления («Ранним утром. Германия», 2005). Техника участвует в эмоциональности живописи.

Одним из излюбленных мотивов в творчестве А. Машихина стали цветы. Подсолнухи и хризантемы, тюльпаны и розы представляют собой изысканные, постоянные и при этом никогда не повторяющиеся примеры проявления вечной красоты природы. Написанные на холсте они узнаваемы, в то же время транслируют определённые человеческие переживания, передают настроения («Одиночество», 2004). Например, простая ваза и изящные головки цветов растворяются в живописной ткани, чему противостоит жёсткая решётка тёмных листьев. Волевая чёрная линия внедряется в инертную цветовую магму, вызывая соответствующий ассоциативный ряд («Калейдоскоп», 2006).

Совершенство природы находит выражение в красоте и величии человеческого тела, потому так привлекательны для художника многочисленные

А. Машихин. «Домик в деревне», 1985 г.

обнажённые («Ню», 1999). Лежащая голубая ню ушла от анатомии, она растворилась в пейзаже, прекрасное тело одновременно воспринимается как женская фигура и как природные холмы, небо, волны. Живописная ткань объединила обнажённую и ландшафт, поднимая и то и другое до больших обобщений.

Сегодня Андрей Анатольевич Машихин продолжает работать в родном городе. С 1984 года он участвует в различных художественных выставках в России и за рубежом, в местных и международных пленэрах. С 1993 года является членом ВТОО «Союз художников России». В 2000 году он стал Лауреатом премии Главы городского округа «Город Калининград» «Вдохновение» за создание высокохудожественных произведений в области декоративно-прикладного и изобразительного искусства. Произведения А. Машихина представлены в собраниях Калининградского областного историко-художественного музея и Калининградской художественной галереи. Его картины пользуются зрительской популярностью, потому что они эмоциональны, энергичны, привлекательны по форме и затрагивают те глубинные душевные структуры, которые близки каждому человеку, проявляются у каждого в той или иной степени. Представления о целостности жизни, единстве людей и природы являются архетипами, запечатлёнными в коллективном бессознательном. Художника и его зрителя подспудно объединяет стремление к сохранению гармоничного баланса между человеком и стихией.

*Елена Тимофеева-Торопова
кандидат искусствоведения,
член ВТОО «Союз художников России»,
член Ассоциации искусствоведов РФ*

А. Машихин. Цветы для мамы, 1987 г.

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА ПАНКОВА (1942–2005)

ПАМЯТЬ, ОВЕЯННАЯ СМЫСЛАМИ

Татьяна Борисовна Панкова оставила светлый след в памяти многих людей, и в моей жизни она играла роль доброго старшего друга и наставника. Поэтические строки Бориса Пастернака:

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.*

*В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.*

в полной мере можно отнести к ней.

«Жить, думать, чувствовать, любить...» она не переставала всю свою жизнь, рано оборвавшуюся. Её творческому и человеческому становлению и развитию способствовали её семья, судьба музыканта, талантливые и одухотворённые люди, с которыми прошла её жизнь в разных ипостасях.

Цельность её образа складывается в моей памяти из разных лет нашей совместной работы и дружбы с середины 70-х и на всю жизнь. Дата её ухода 05.05.05. Я всегда воспринимала её отличницей. Такая она и на фотографиях: школьница с красивыми косичками, ученица калининградской школы №14, в историческом здании которой она с детства впитывала масштабность многослойной калининградской культуры. И в зрелом возрасте, лёгкой походкой выходящая на сцену, чтобы сказать яркое слово по поводу происходящего события, над которым всегда вдумчиво размышляла.

Зыбкий и изменчивый мир людей творческих посылает нам разные испытания, проверку на

прочность и устойчивость, веру в дело, которому служишь, и смыслы содеянного.

Концентрацией таких смыслов была её работа директором областного музыкального колледжа (1983-2002 гг.), получившего в 1996 году имя Сергея Васильевича Рахманинова. Весь предыдущий опыт: учёба в Минской консерватории по классу виолончели, преподавание музыки, директорство в музыкальной школе Московского района г. Калининграда, многолетнее руководство областным учебно-методическим кабинетом музыкальных учреждений и работа в должности заместителя начальника управления культуры облисполкома давали прекрасный опыт для творческой и управленческой работы в колледже.

Очень памятные ступени восхождения коллектива колледжа с начала 90-х к гению С.В. Рахманинова и проникновения в высоты его музыки. Методологическая осмысленность процесса движения к Имени происходила в стремительно меняющемся мире и тесно переплеталась с переменами в сознании людей, в стране и внутри коллектива колледжа. Вовлечённость всего коллектива в духовную работу постижения наследия С.В. Рахманинова была по-настоящему глубокой и лично значимой для каждого, как для преподавателей, так и для студентов.

Заложенные традиции в те годы дают плоды и в нынешнее время, помогают удерживать связь времён и поколений.

Человеческая светозарность Татьяны Борисовны Панковой определяла её миссию и судьбу, она всегда отстаивала право быть самой собою в своих мыслях и поступках, искала жизненную опору в настоящем и порядочном, делала ошибки и исправляла, что смогла и успела. Уходя, человек оставляет о себе память и людей, кто будет о нём молиться.

У неё всё это получилось.

Нина Перетяка

Юная
виолончелистка
Татьяна Панкова.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

*«О милых спутниках, которые наши свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были»*
В. Жуковский

Есть люди, воспоминания о которых окрашены в яркие краски. Память возвращает знакомые черты, жесты, голос. Именно таким ярким человеком была и осталась для нас Татьяна Борисовна Панкова.

Женщина – в высшем смысле этого понятия, всегда подтянутая, стремительная, улыбчивая. Она была человеком общительным и общественным, имела огромный опыт руководителя, пройдя путь от директора ДШИ, начальника методического кабинета и заместителя начальника управления культуры до директора областного музыкального училища. Справедливости ради, следует сказать, что в далёком 1983 году большая часть коллектива музыкального училища с нетерпением ждала прихода Татьяны Борисовны на пост директора. С её появлением в нашем учебном заведении началась новая эпоха, без преувеличения – время расцвета. Для многих эти изменения были сродни глотку свежего воздуха. В годы руководства Татьяны Борисовны учебная и творческая жизнь преподавателей и студентов была насыщена событиями большой значимости: открылась специализация «руководитель народного хора», в 1993 году училище было преобразовано в областной музыкальный колледж, при колледже открылась детская музыкальная школа, а в 1996 году колледжу было присвоено имя великого русского композитора Сергея Васильевича Рахманинова. И главное, это было время сплоченности коллектива, какой-то особой атмосферы уважения, дружбы.

Время... память...

Конечно, найдётся повод, чтобы задуматься о причинах разноречивых оценок роли Татьяны Борисовны как руководителя. Но вспоминая о её заслугах, ещё чётче осознаётся значение этой деятельности. Это и проект – училище как филиал Ленинградской консерватории, и учёба у Щедровицкого, «деловые игры», «Лаборатория Шепелева», умение объединить вокруг себя талантливую молодёжь.

Её выступления, доклады на педсоветах, научно-практических конференциях отличались раскрытием исторической перспективы учебного заведения, культуры, музыки, искусства нашего региона. Они были наполнены широким кругом

Т.Б. Панкова с народным артистом России профессором Санкт-Петербургской консерватории Ю.А. Большиановым. Рабочая встреча

ассоциаций. Речь всегда была отмечена глубиной интуиции, логикой мысли, аналитическим подходом в решении многих проблем. Каждый тезис выводился у Татьяны Борисовны из вполне определённой посылки, что, как известно, и составляет основу рационального мышления. Но было бы неправильно представлять её как рационального мыслителя,веряющего алгеброй гармонию. В ней гармонично сочеталось и рациональное, и интуитивное. Она обладала удивительным качеством руководителя – могла всегда признать свою неправоту. Ценила людей по их человеческим и профессиональным поступкам. Всегда смотрела в глаза собеседнику, и во взгляде её не было ни капли высокомерия, а только внимание и тепло, как в разговоре с близким человеком. И вместе с тем, жизненное кредо: «каждый сверчок знай свой шесток» дисциплинировало её саму и не давало повода для панибратства.

Татьяна Борисовна была потрясающе бескорыстным человеком, абсолютной «бессребреницей», как бы сложно ни жилось ей. Красивая и удивительно скромная, особенно в быту, дома, она одевалась изысканно, но скромно, не имела украшений. Также тактично она ушла, и на её могильном холмике всего лишь лаконичная надпись: «Здесь покоится раба божья Татьяна».

Как мне думается, место, где человек провёл своё детство, юность, накладывает отпечаток на его характер и мироощущение. Калининградская природа отразилась в удивительной доброжелательности Татьяны Борисовны, в её радостной улыбке; море подарило ей синеву глаз и неумную энергию. Её порядочность, благородство поступков всегда поражали всех, кто с ней общался. Духовная щедрость создавала вокруг неё своеобразное биополе добра. Она вообще была солнечным человеком, удивительно легкого характера, светлого взгляда на мир, веры и доверия к людям.

Чачух Н.С.

НЕЗАВЕРШЁННАЯ ИСТОРИЯ

Татьяна Борисовна Панкова опередила своё время. Или лучше сказать иначе: время, с которым совпали два наиболее активных десятилетия её собственной жизни, оказалось настолько беспокойным, стремительно меняющим картины мировоззрения, что лишь призванные лидеры успевали ориентироваться на бегу, тем самым обрекая себя на непонимание и быстрое сгорание.

Татьяна Борисовна была лидером по призванию. Подумать только... когда она возглавила музыкальное училище, ей было всего сорок лет – по нынешним представлениям – юный возраст! А на дворе стоял памятный 1982 год. Страна начинала расставаться с генеральными секретарями, о перестройке ещё не помышляли, Булгаков, Бродский, Солженицын ещё были под запретом, «Всенощная» Рахманинова ещё не исполнялась даже под кодовым названием «Соч. 37», томики Цветаевой или Ахматовой привозились из редких турпоездов в несуществующие теперь ГДР и Чехословакию...

И вдруг всё изменилось. Жизнь стала интересной и... неуправляемой. Это сейчас понятно, что именно тем, кто стоял у руля пусть даже не общегосударственных лайнеров, а региональных катеров, доставалось больше всех. Не все справлялись. Татьяне Борисовне удалось. В четырнадцать-пятнадцать лет нам, первокурсникам-подросткам, разумеется, было не до рефлексий по поводу адми-

нистративных изменений, но на четвёртом курсе в учебном плане обнаружился предмет, называвшийся, кажется, «Введение в специальность», и вести его взялась Татьяна Борисовна Панкова, директор. Тогда и состоялась Встреча.

Занятия не были похожи на обычные уроки. Помню, что много и свободно роскошествовали – то есть попросту общались, обсуждали книжные новинки и актуальные статьи, которыми в те годы изобиловала периодика. И зародившийся тогда диалог не прерывается по сей день. Даже после того, как он перешёл в иное измерение, тому уже почти 12 лет.

В жизни Калининградского областного музыкального училища, переименованного впоследствии в колледж имени С. В. Рахманинова, мне довелось-посчастливилось поучаствовать во многих амплуа: дважды учащаяся, концертмейстер, преподаватель... Но самым важным связующим звеном была и остаётся дружба с педагогами, коллегами, учениками и – с директором Панковой, которая, ничего не навязывая, дала понять раз и навсегда, что диспозиция начальник-подчиненный – не самая эффективная в общем деле, что можно и нужно быть сотрудниками, что табель о рангах уступает иерархии и вертикаль бывает разной.

Время диктовало свои условия. На некоторых бытийных тропах мы оказались сверстницами, вопреки разнице в возрасте. К Богу пришли одновременно. И ничего удивительного! Сопутствующие обстоятельства были похожими. Делились переживаниями. И однажды (инициатором была Татьяна Борисовна) «рванули», иного слова не подберу, в рискованное паломничество в Оптину пустынь. Ничего не предвидя. Добрались кое-как до Козельска, оттуда на перекладных до монастыря, который только-только восстанавливался, был беден и прекрасен. И десять дней – немыслимой прежде жизни. Как всё успевали?! Послушанием нам назначили мытьё посуды в братской трапезной. Это значит, до двух часов ночи, вооружившись металлическими мочалками и горчицей, драить посуду, рассчитанную не на один десяток человек. Со всем справлялись. Вплоть до того, что умудрялись в четыре часа утра быть на ранней Литургии в скиту. И красотой, доступной только тем, кто по служебной необходимости оказывался на территории монастыря ночью, успевали проникнуться.

Вспоминаю сейчас об этом не только, как о краеугольном камне собственного духовного опыта, но и потому, что Татьяну Борисовну вижу не перебирающей пути, не подверженной временной экзальтации, а верной и последовательной в выборе. Надежной и удерживающей. Радостной и страдающей.

То же можно сказать и о её директорской деятельности. Она пыталась соединять людей, предлагала направления, следуя которым коллектив мог

Т.Б. Панкова и первый директор музыкального училища А.П. Голубев

Группа преподавателей музыкального училища. 1986 год

бы упрочиться, и талант каждого был бы взаимно поддержан. Рано. Рановато. Преждевременно... Но, пусть сослагательное наклонение и не в почёте у историков, официальный результат не всегда окончателен. Многие ли в Калининграде вспомнят сегодня имя Г.П. Щедровицкого? Кое-кто, не сомневаюсь, найдётся, а завтра, не исключено, снова заговорят в голос. Хочу привести слова самой Татьяны Борисовны из интервью «Калининградской правде» от 9 декабря 2000 года:

«Нашему городу повезло, сюда приехал Георгий Петрович Щедровицкий – философ, историк и методолог с мировым именем... Он по всей стране проводил так называемые организационно-деятельностные игры. Методолог – тот, кто работает с неопределённым, по принципу «пойди туда, не знаю куда...» Это и есть идеология самоопределения: человек должен сам понять, что надо делать. И, как правило, инструментарий, само делание совершенно не похожи на методические директивы, которые спускались к нам на протяжении предыдущих десятилетий».

Она искала... доверяла, увлекалась, ошибалась, сама вызывала доверие или... неминуемую ревность. Жила. Недолго, но красиво и осмысленно. За что и обрела вечную благодарность.

Осенью 1997 года силами колледжа была проведена конференция с символическим названием «Дружеские встречи на Калининградской земле». И вновь вопрос: не поторопилась ли?.. Нет. Не поторопилась, а успела. Успела бросить зёрна, которые только сейчас дают всходы, а плодоносить им ещё предстоит.

Спросите, какое отношение всё сказанное имеет к музыке... Да ровно такое, какое музыка имеет к жизни – взаимное. Это один из главных уроков, усвоенных из общения с Татьяной Борисовной Панковой: любить (музыку) – хорошо, но лучше делать это тайно, пока не убедишься в ответном расположении, иначе и до насилия недалеко...

Времена не выбирают. В тех «Дружеских встречах» приняла участие и Татьяна Михайловна Горичева, крупнейший философ наших дней, пророк, тоже всё ещё ждущий понимания в своем отечестве. Её спонтанно-вдохновенное слово в память о тёзке, с которой судьба связала мгновенно и навсегда, – не завершение, а продолжение истории жизни:

«Что я могу сказать о солнечной Татьяне Борисовне? Что была она очень похожа на свою небесную заступницу – дьякониссу св.Татьяну – неправедные идолы и капища падали при её появлении, она была победительницей во всех бранях мира сего. И ей покорялся даже «естества чин» – лев, который должен был её растерзать, лизал её ноги. Так держала она в хорошем и радостном напряжении все «структуры» (порученные ей) мира сего и слушала музыку сфер. Не только слушала, но и могла заставить слушать других. Была настоящим педагогом, заражающим всех: и старых, и малых своей любовью к Жизни, к Добру, Красоте и Истине. Бессмертной и весело горящей звездой осталась Татьяна Борисовна в моём сердце. На неё можно и нужно равняться в наше смутное, депрессивное время».

Наталья Тамбовская

ВОСПОМИНАНИЯ...

Панкова Татьяна Борисовна! Кто она? Светлый человек, надёжный друг, принципиальный товарищ... Казалось бы, в этом определении есть уже полная характеристика человека. Однако образ Татьяны Борисовны запечатлелся в сознании гораздо шире, объёмнее. Вспоминается её необычайное умение общаться с людьми разных профессий, разного социального статуса - это мог быть философ, музыкант, литератор, студент или техник учебного заведения, и с каждым из них она находила темы для разговора и общения, делала это непринуждённо, легко. Общение с ней доставляло удовольствие: философы отмечали её аналитический ум и высокий интеллект, музыканты прислушивались к её профессиональным оценкам исполнительства. Многие из общавшихся с нею восторгались её открытостью, доброжелательностью и мудростью. Всё это - её человеческая сущность.

На педагогическом поприще она запомнилась как педагог-виолончелист высокого класса. Её ученики из музыкальных школ поступали в училище, а наиболее одарённые продолжали обучение в консерваториях Москвы, Ленинграда и успешно их оканчивали. Как педагог Татьяна Борисовна развивала в своих учениках мышление, интеллект, не ограничиваясь освоением ими профессиональных навыков.

Татьяна Борисовна запомнилась как талантливый руководитель: директор музыкальной школы, директор областного научно-методического центра управления культуры и, наконец, директор музыкального училища (ныне колледжа). На мой взгляд, она как управленец не имела себе равных!

Т.Б. Панкова, Г. Назаровский, В.А. Жуков

На любых форумах Всесоюзного, Всероссийского, зонального масштаба она блестяще представляла музыкальную культуру, образование Калининградской области. Областное начальство знало: на выступлениях Т.Б.Панковой будет продемонстрирован профессионализм, интеллект, новаторство. И подтверждение тому - многочисленные отзывы, телефонные звонки, обращения-просьбы слушателей этих конференций.

Будучи директором музыкального училища, Татьяна Борисовна всегда находилась в поиске новых форм обучения, инноваций в деятельность педагогического коллектива и, внедряя новое, всегда брала ответственность на себя.

Татьяна Борисовна – это негасимая звёздочка, которая своим сиянием в учениках, в людях, общавшихся с ней, будет всегда светить восхитительным блеском.

*Заслуженный работник культуры РФ,
преподаватель КОМК им. С.В. Рахманинова
Т.М. Максимова*

ТАТЬЯНА ПАНКОВА: ВУЛЬФОВИЧ, НОЧНАЯ МАГНОЛИЯ И ДИНАСТИЯ ПИГАНОВЫХ

*А. Зуева, В. Алексеева и Т.Б. Панкова
за чаем под магнолией*

Вряд ли могу я причислить себя к друзьям Татьяны Борисовны Панковой. Да и знакомыми короткими мы никогда не были, хотя в гостях, тем не менее, не раз друг у друга бывали, за бокалом дружески сживали и разговоры вели не только о природе-погоде.

Находились мы с нею, скажем так, в отношениях не близкой, но дружелюбной симпатии и взаимопонимания.

Задолго до знакомства личного мы были знакомы заочно.

Она уже тогда руководила музыкальным колледжем – единственным в области учреждением профессионального музыкального образования – и сделала для них (и для колледжа, и для региона!) очень много. А мне – при моей отчетливой тяге к

миру музыкальному – было всегда интересно всё, что связано с музыкальной культурой региона.

И у Татьяны Борисовны сфера интересов простиралась далеко за пределы одной только музыки. Нацелено (как всё, что она делала) вникала она, в частности, в прошлое нашего края, его историю, культуру. Попав к ней в гости впервые, я, к величайшему изумлению своему, обнаружила в её домашней библиотеке (компактной, но чрезвычайно насыщенной) книжечку моих переводов стихов кёнигсбергской поэтессы Тамары Элерт, тончайшего лирика, мастера слова, чья судьба трагично и неразрывно связана с Кёнигсбергом. Найти книгу, вышедшую в тогда ещё существовавшем издательстве «Янтарный сказ», было непросто: практически весь тираж был сразу же выкуплен германскими почитателями поэзии Тамары Элерт. То есть надо было знать, что искать и где искать. Татьяна Борисовна, судя по всему, знала... Рядом – «Мерзейшая мощь» К.С. Льюиса, которую, в отличие от «Хроник Нарнии», и сейчас-то найти непросто, томики по истории России (Карамзин, Боголюбовский, Ключевский), философские размышления В. Соловьева, В. Розанова, В. Булгакова, альбомы по искусству, из художественной прозы – больше классики российской: любимый ею Чехов, Достоевский, Шедрин, поэтические сборники Маяковского, Есенина, Блока.

Как говорится, скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто – ты...

Кроме того, связывали нас имена, знаковые для культурного пространства нашего города.

Недавно ушедшая из жизни Капиталина Николаевна Мелехова, Почётный гражданин Калининграда, кавалер Ордена Почёта, чье имя прижизненно вошло в историю региона как создателя удивительного творческого коллектива соратников и сподвижников – музыкальной школы им. Глиэра, которой она руководила более 30 лет. «Глиэрка» времён Мелеховой воспитала целую плеяду талантливых музыкантов, педагогов и исполнителей, известных далеко за пределами нашей области. Директор старейшей школы города и директор музыкального колледжа работали в тесной связке, а я тогда, по приглашению Капиталины Николаевны, сотрудничала со школой. К тому же, обе мы: и Татьяна Борисовна, и я, были, что называется, «глиэровцами», выпускниками этой школы.

Ещё одно имя. Галина Георгиевна Кученева, эколог, дендролог, просветитель, инициатор создания национального парка «Куршская коса» и его музея (она стала в нём первым зам.директора по науке), первый автор и ведущая экологических программ на областном радио, на её уникальных лекциях, экскурсиях, теле- и радиопередачах воспитывались поколения калининградцев, человек феноменальных знаний. Для Татьяны Борисовны, восхищавшейся ею, Галина Георгиевна была не-

сомненным авторитетом в области всего, что связано с миром природы (Татьяна Борисовна периодически позванивала ей, да и встречались они достаточно часто в разного рода советах, комиссиях, рабочих группах), для меня же – прежде всего, мамой...

Тамара Львовна Вульфович – филолог, специалист по зарубежной литературе, блистательный лектор, педагог, просветитель. Знаменитый университетский киноclub, вдохновителем и бессменным руководителем (просится слово – «дирижером»!) которого она была, в 60–70-е годы стал одним из немногих центров живого творческого интеллектуального общения. Я с гордостью по сей день ношу непокупаемый титул «ученица Вульфович». Татьяна Борисовна же, из поколения постарше, наряду с Леонидом Степановым, Альбертом Михайловым, Алексеем Шпилевым и многими другими (где каждое имя – восклицательный знак в истории калининградской культуры!), входила в круг друзей Тамары Львовны.

Скажи мне, как говорится, кто твой друг...

Вот с Тамары Львовны-то наше личное знакомство и началось.

Подошла та печальная пора, когда Тамара Львовна, страстный любитель и ценитель классической музыки, почитатель фортепианного таланта Владимира Слободяна, в силу состояния здоровья своего, уже не могла посещать концерты, на которые мы с нею дружно хаживали, причём, по её всенепременному требованию, с обязательными букетами цветов. Я и решила организовать концерт для неё у себя «на дому». Слободяна я тогда лично не знала, почтительно восхищалась его мастерством издали, поэтому и решила обратиться не к нему, а к руководителю того учреждения, в котором он преподавал. Логика не бесспорная, но в тот момент казавшаяся мне убедительной.

Поэтому я и направилась в директорский кабинет Татьяны Борисовны. В объятия друг к другу мы не упали, но теплоту её дружелюбия и ментального и деятельного сочувствия к данной конкретной ситуации я ощутила мгновенно.

Концерт получился – ясный и солнечный. Сама Татьяна Борисовна на концерте не присутствовала. Ибо придумано было – исключительно для Тамары Львовны – что друзья мои музыканты по чистой случайности в гости ко мне нагрянули именно тогда, когда я её на чашку чая к себе привезла. В общем, «рояль в кустах». Разгадала ли Тамара Львовна нашу с Татьяной Борисовной хитрость (шитую белыми нитками), мне не ведомо. Наверное, да. Об этом она не говорила. Но о музыкальном подарке поминала неоднократно, с радостной благодарностью. Мы собирались подарок повторить. Не успели...

А вот ещё одна встреча-соприкосновение с Татьяной Панковой. На сей раз – в сени знаменитой

магнолии, которую, наверное, чуть ли не весь город уже знает. Магнолия, живущая под моими окнами, обладает мистическим свойством раскрывать – если не тайны, то души. И случилось так, что душа Татьяны Борисовны раскрылась навстречу – не мне, но дивно-фантастическому дереву этому, звездопадным фейерверком парящему по весне в пространстве сада...

Расспросив предварительно, по обыкновению, подробно, каким бывает дерево в разное время дня (а магнолия на рассвете, действительно, выглядит иначе, нежели днём или вечером) и, по обыкновению, внимательно выслушав мои – взхлёб! – рассказы, она явилась в мой дом весенним утром, когда воздух свеж и ясен, а цветы, неправдоподобными гирляндами усыпавшие дерево высотой почти с трехэтажный дом, – свежи и упруги. Мы расположились на балконе.

А между тем лукавое дерево в моём саду уже начинало пробовать на госте свои чары. Цветы, бывшие в полураспуске, на наших глазах медленно и томно раскрывались. Над ними неспешно кружили и звенели шмели, и казалось, что это цветы гудят и звенят, творя невесомую свою, бело-розово-кремовую душистую музыку... Цветы распахивались, всплывая лепестками. Магнолия загадочно отражалась в зрачках гостьи, впервые переступившей этим утром порог моего дома. При этом – что самое замечательное! – мы, все трое, не испытывали никакой неловкости или дискомфорта. Будто так и надо было. Магнолии – цвести, а нам молчать и весь день смотреть на неё.

День уже уходил в вечер. Ослепительная и ослепляющая жара, которой знаменуется порою калининградский май, сменилась свежестью и ожиданием ночи. Сменило тактику и дерево. Чувственный зной, обволакивающая нега, одурманивающий аромат бесследно исчезли. Цветы магнолии прозрачно-белыми бокалами филигранной работы, фосфо-

ресцируя, повисли в вечернем сумраке. Подобный трюк магнолия проделывает на протяжении вот уже почти 30 лет. И созерцаю я вместе с гостями своими, как цветы в фарфоровом мерцании своём плывут над затихшим садом. И кажется, будто свет и тепло, которыми день щедро и долго одарял цветы, невозможное дерево это возвращает восхищённым созерцателям.

Картину довершил соловей, квартирующий в саду. И тут нас – вослед соловью – прорвало! Свободно и легко – как будто сто лет были знакомы – мы заговорили. Мы говорили – нет, не обо всём! – но о том только, что было для нас действительно важно, что тревожило, восхищало, ранило, радовало... Станным и обнаженно искренним был этот непрекращающийся ночной диалог в неверном свете сумасшедшей магнолии...

Позднее Татьяна Борисовна приводила «на магнолию» супруга, своих приятелей, знакомых. Но это были уже иные и встречи, и разговоры. Разговор подобного накала случается единожды. На пересечении наших с нею жизненных путей он случился...

Кстати, собеседником она была замечательным – внимательным, чутким. Обладала редким качеством слушать и слышать. Обладала даром речи выразительной, красивой, ясной. И, будучи личностью абсолютно самодостаточной, никогда в разговоре не опускалась до мелочного тщеславного козыряния этим своим даром. Равно, как и многими другими. Суетности и тщеславия в ней никогда не было.

А ещё Татьяна Борисовна... оказалась на страницах моей книги. Книга началась с изумления перед тем, сколь много музыкальных династий проживает в нашем городе. К идее деятельно подключилась Капиталина Николаевна Мелехова. И решили мы с нею начать разговор о музыкальных династиях Калининграда с самого начала – с самой первой музыкальной школы города и судеб её воспитанников. Работа над книгой оказалась долгой, но книга получилась и вышла в свет под названием «Глиэровские династии». И есть в ней страницы, посвящённые легендарному музыкальному семейству города – династии Пигановых, его центру и стержню, композитору Валерию Пиганову, который для калининградской музыки стал тем, кем стал Сергей Снегов для калининградской литературы, а для Татьяны Панковой – её мужем и отцом их сына Дмитрия.

На торжественной презентации, проходившей в областной филармонии, не Татьяне Борисовне уже – увы! – но Дмитрию вручала я книгу, где с 65-й страницы серьёзно взглянет на читателя юная калининградская виолончелистка с нежным овалом лица, большеглазая Таня Панкова...

Таня Панкова.
1960-е годы

Аполлинария Зуева

ВДОХНИТЕ МУЗЫКУ В СЕРДЦА, И РИТМОМ СЕРДЦЕ ОТЗОВЁТСЯ

Студенты В.Н. Слепцова с военным оркестром под руководством Р.Н. Миренкова

Совсем недавно в Калининграде произошло событие, которое невозможно было не заметить. Удивительное по своему размаху, насыщенности, оно всколыхнуло всю творческую общественность города. Да, в это трудно поверить, но Калининградскому областному музыкальному колледжу им. С.В. Рахманинова исполнилось ровно 60 лет!

Трудно описать словами состояние каждого, кто работает в этом учебном заведении – все испытали трепетное волнение в ожидании этого события. Не важно, сколько лет отдано любимому делу, какое количество выпускников выпущено – каждый нашёл время оглянуться чуточку назад, в недавнее или далекое прошлое, и вспомнить свои первые шаги в колледже, первые успехи своих учеников и первые их неудачи, первые Красные дипломы и двойки по специальности, первые конкурсы и заслуженные награды. Люди, работающие здесь, воистину являются мастерами своего дела, каждый день отдающие себя без остатка своим ученикам, работающие профессионально, не щадя ни сил, ни здоровья, ни времени.

Мой рассказ – об удивительных людях, которые преподают, пожалуй, на самом звонком и шумном отделении колледжа – отделении оркестровых духовых и ударных инструментов. И рассказать хочу не потому, что уже несколько лет возглавляю это отделение и каждого педагога знаю не понаслышке. А потому, что сама здесь училась и ровно 30 лет назад закончила духовое отделение у тех самых преподавателей, с которыми вот уже более 25 лет работаю в одном коллективе, чем несказанно горжусь.

История отделения началась практически сразу с момента открытия музыкального колледжа (тогда, в 1956 году, музыкального училища). Благодаря усилиям, творческому энтузиазму первых педагогов А.Л. Мотина, А.Л. Даяна, Г.Н. Гойфельда, Е.Б. Воробьёва, Ю.А. Павкина, В.П. Дрожжина стало возможным на базе училища создание

духового отделения, способствовавшего становлению и развитию профессионального обучения игре на духовых и ударных инструментах в Калининградской области.

В основном это были военные музыканты, что было продиктовано особенностью того времени, но это никак не сказывалось на качестве подготовки первых выпускников. Уже в 1959 году в училище был создан симфонический оркестр, которым руководил Е.Б. Воробьёв, где вместе со студентами работали талантливые педагоги-духовики Э.Н. Гойфельд, В.Н. Нефедов, В.Г. Харламов, Б.М. Крижанский.

Заслуженный работник культуры РФ Фрадкин Владимир Михайлович – один из тех педагогов колледжа, имя которого известно далеко за пределами нашего города. Проработав более 40 лет, выпустил огромное количество фаготистов и гобоистов, которые сегодня работают в лучших коллективах нашей страны и за её пределами. Среди них артист Симфонического оркестра Академического Мариинского театра под управлением В. Гергиева (г. Санкт-Петербург), преподаватель по классу гобоя Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова Павел Терентьев (гобой); артистка Российского Национального оркестра под управлением М. Плетнева (Москва) Беспалова Екатерина (гобой); артистка Симфонического оркестра г. Ольборга (Швеция); Скиданова Екатерина (гобой); артист оркестра Московского Академического музыкального театра им. К. Станиславского и В. Немировича-Данченко (Москва) Горшков Анатолий (гобой); артисты Симфонического оркестра под управлением В. Гергиева Академического Мариинского театра (г. Санкт-Петербург) Лузанов Николай, Шарыкин Александр, Фаустов Сергей (фагот); артисты Калининградского симфонического оркестра под управлением А. Фельдмана Злоцовский Дмитрий (фагот) и Киселева Виталина (гобой).

Сегодня его студенты продолжают покорять музыкальные олимпы, завоевывая высшие награды на Международных и Всероссийских конкурсах, выпускники обучаются в высших учебных заведениях страны и дальнего зарубежья.

Воронков Владимир Андреевич – заслуженный работник культуры РФ, артист Калининградского симфонического оркестра под управлением А. Фельдмана. Педагог с «большой буквы», чей талант и профессиональное мастерство помогли воспитать целую плеяду духовиков, исполнителей на медных духовых инструментах, с чьими именами связаны лучшие страницы духового современного исполнительства в нашей стране.

Среди его выпускников Макаришин Олег – лауреат международных конкурсов, доцент РАМ им. Гнесиных, солист Государственного симфонического оркестра «Новая Россия» под упр. Ю. Башмента (Москва); Пиганов Максим – джазовый тромбонист, аранжировщик, руководитель ансамбля The Trombone Show, дирижёр и солист Государственного камерного оркестра имени Олега Лундстрема (Москва); Горбунов Александр – лауреат Международных конкурсов, концертирующий артист, участник различных брасс-составов, работал в оркестрах Мариинского театра, государственной капеллы Санкт-Петербурга и Цюрихского оперного театра, ныне солист-концертмейстер группы тромбонов Национального филармонического оркестра России под управлением В. Спивакова (Москва); Ковальчук Александр – артист Симфонического оркестра Академического Мариинского театра под управлением В. Гергиева (Санкт-Петербург); Евгений Яковлев, Михаил Ломако – артисты оркестра «Медь» Олега Меньшикова (Москва).

Ну, и нельзя забывать, что многие выпускники Воронкова В.А. работают в Симфоническом и духовом оркестрах Калининграда, являются артистами военных духовых оркестров, преподают в музыкальных школах города.

Начинающий преподаватель класса медных духовых инструментов нашего отделения – Зин-

В.А. Воронков (в центре) с учениками и выпускниками класса

гер Александр Владимирович, в прошлом выпускник класса Воронкова В.А. После окончания вуза вернулся в родной город продолжать дело своего наставника по обучению и воспитанию новых поколений духовиков. Надо отметить, что делает он это профессионально, с полной самоотдачей и большой любовью к начинающим музыкантам. Ежегодно проводит открытые уроки и мастер-классы для учащихся и студентов колледжа.

У него один из самых больших классов на отделении, где занимаются ребята на трубе, валторне, тубе, тромбоне. Мы радуемся первым победам его учеников на международных конкурсах, ребята с большим удовольствием выступают на всех важных концертных мероприятиях.

В 2015 году на базе структурного подразделения «Детская музыкальная школа» был организован детский оркестр духовых и ударных инструментов. Трудно поверить, но свершилось то, чего ждали так много лет – в нашей школе появился первый большой детский коллектив! Второй год руководит им Александр Владимирович. Популярность оркестра растёт с каждым годом; создаются творческие проекты, ребята с удовольствием выступают на концертах и неудивительно, что на репетиции стали приходить ребята из других музыкальных школ города. Это прекрасно, мы очень рады этому, ведь у нас у всех одна единая цель – воспитание достойных людей, умеющих ценить и любить музыку, волшебные моменты совместного музицирования, где все отношения строятся на доверии, полном взаимопонимании, дружбе и уважении друг к другу.

*А.И.Даниленко, В.А.Вавилин,
В.М.Фрадкин, Е.Н. Рубцов*

Евгений Николаевич Рубцов, Владимир Аркадьевич Вавилин, Александр Иванович Даниленко – преподаватели духового отделения, заслуженные артисты России, много лет отдавшие воспитанию будущих профессионалов. Сами блестяще владеющие своими инструментами (все артисты Калининградского симфонического оркестра под управлением А. Фельдмана) они не менее требовательны к своим ученикам.

Скрупулезность в работе, профессиональная ответственность и внимание к каждому ученику, богатейший исполнительский опыт – важные составляющие работы этих преподавателей. Поэтому их студенты – гордость нашего отделения, они неоднократно победители Международных конкурсов, сегодня являются артистами городских и военных оркестров, преподавателями музыкальных школ.

Титов Сергей Дмитриевич – один из выпускников класса Рубцова Е. Н. Сегодня работает в структурном подразделении колледжа «Детская музыкальная школа», артист областного духового оркестра.

Другой выпускник Евгения Николаевича, Васильев Михаил Витальевич, – артист Концертного духового оркестра филармонии, преподаватель ДШМ им. Р.М. Глиэра по классу кларнета и саксофона, руководитель духовых оркестров ДМШ имени Глиэра и кадетского корпуса имени Андрея Первозванного, также с недавнего времени является преподавателем нашего отделения по классу кларнета.

Выпускники класса Вавилина В.А. – это флейтисты, которые после окончания вузов продолжают работать в Калининграде и других городах нашей страны. Среди них – Авраменко Ксения Васильевна, дипломант Международного конкурса, участница международных фестивалей, выступившая с концертами в Москве, Архангельске, Хабаровске, Мурманске, Владивостоке, Калининграде, гастролировавшая в Белоруссии, Латвии, Сирии, Польше, Германии. А ещё сегодня вместе со своим наставником работает в колледже, вос-

А.В. Зингер (в верхнем ряду в середине) и концертмейстеры Т.В. Фомовская и С.В. Грибкова с учениками класса

пытывает маленьких музыкантов в нашей музыкальной школе.

Кстати, хотелось бы отметить, что автор статьи – тоже в прошлом выпускница класса Владимира Аркадьевича.

Говорить самой о своих учениках всегда как-то непривычно, хорошо, если бы о них сказал кто-то другой. С другой стороны – не мне ли лучше знать, какие они на самом деле талантливые, трудолюбивые, знающие цену любому успеху и искренне переживающие неудачу?

Мне повезло встретить на своем пути таких ребят. Встреча с каждым из них принесла мне большое удовольствие и радость общения.

Елена Яковлева – выпускница моего класса, лауреат Международных и Всероссийских конкурсов, после окончания колледжа получила образование в консерваториях г. Дортмунда, Эссена (Германия), Карнеги Мелон в Питсбурге и в Консерватории Пибоди в Балтиморе (США). Выступала с Кливлендским симфоническим оркестром, с симфоническими оркестрами штатов Делавэр и Мэриленд. Сегодня – солистка Ричмондского симфонического оркестра, преподаёт флейту в Интернациональной Школе Музыки в Бесезде и камерную музыку в Пибоди Консерватории в Балтиморе. Имеет степень магистра музыки.

Гордость переполняет мою душу, когда я вспоминаю одного из самых талантливых моих учеников – Андрея Кривенко. Многократный победитель Международных, Всероссийских, региональных конкурсов, участник международных летних академий музыкантов в Австрии, Италии, Норвегии, победитель всероссийского проекта «Река талантов». Блестяще проходили его сольные выступления в зале колледжа, ДМШ города, филармонии, в Швеции, с симфоническим оркестром Астраханского театра оперы и балета, с Камерным оркестром под управлением А.А. Андреева. Дважды успешно прошёл творческие испытания в состав

К.В. Авраменко, Е. Яковлева

Всероссийского юношеского симфонического оркестра под управлением Юрия Башмета, побывал с гастрольными поездками в Санкт-Петербурге, Москве, Женеве, Брюсселе, Берлине.

Прекрасное владение инструментом подарило Андрею возможность стать участником мастер-классов и поработать со знаменитыми педагогами и музыкантами нашего времени Г. Фюме, П. Нейгл, В. Люка (Франция); Ф. Ренггли (Швейцария); Д. Лупачевым, Д. Буяковым и многими другими. Сегодня Андрей обучается на II курсе в Академии музыки г. Базеля (Швейцария) у знаменитого профессора Феликса Ренггли.

Выпускники моего класса работают в творческих коллективах, музыкальных школах Санкт-Петербурга, Кельна, Дортмунда, Калининграда, сегодня продолжают обучение в консерваториях и музыкальных вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода.

В 2013 году на отделении оркестровых духовых инструментов был открыт класс ударных инструментов. Его возглавил замечательный преподаватель Слепцов Валерий Николаевич. Класс ансамбля младших курсов ведет Миренков Роман Николаевич – дирижёр духового оркестра ВМУ им. Ф.Ф. Ушакова, заслуженный деятель Всероссийского Музыкального Общества.

Едва ли можно рассказать обо всех ударных инструментах, которые сегодня имеются на нашем отделении. Благодаря усилиям и помощи администрации колледжа, появилась возможность практически полностью укомплектовать класс ударных инструментов.

Не каждый колледж в нашей стране может похвастаться таким богатым разнообразием. Ксилофон, марimba, малый барабан, литавры, колокольчики, вибрафон, классическая ударная установка, симфонический там-там, перкуссия – с каким блеском ими владеют наши мастера-студенты! Всю тембральную палитру этих инструментов теперь можно услышать и оценить на Отчетных концертах отделения и колледжа, концертах класса ударных инструментов, которые регулярно проходят в новом концертном зале музыкального колледжа.

Преподавательский талант, зажигательная энергия, энтузиазм, помогают нам увидеть на каждом выступлении ребят, будь то сольное выступление, или выступление в составе ансамбля, ту легкость, с которой они демонстрируют владение всеми современными навыками и приёмами игры. В репертуаре ансамбля ударных инструментов разнообразные произведения композиторов, от эпохи барокко до сложных современных композиций.

С большим интересом студенты работают над освоением сложных программ, целеустремлённо изучают новые направления в музыке. Многие из них являются лауреатами областных, региональных, всероссийских и международных конкурсов.

В.Н. Слепцов с учениками класса

Гордостью любого инструментального отделения колледжа является оркестр. Основная подготовка любого студента направлена, прежде всего, на воспитание в нем оркестрового музыканта. Поэтому формирование оркестранта занимает главное место в учебном процессе, на это направлены основные усилия педагогов по специальности, ансамблю.

Исполнение в оркестре предусматривает не только умение играть вместе. Здесь важно другое – чувствовать и творить вместе. Единство художественных намерений, единство эмоционального отклика на исполняемое, вдохновенная игра всех – вот чем характеризуется оркестровое искусство. Только тогда музыка может выполнить свою эстетическую, познавательную и воспитательную роль, когда молодые музыканты научатся по-настоящему слышать и понимать её. Музыка способна воздействовать на всестороннее развитие человека, побуждать к нравственно-эстетическим переживаниям, вести к преобразованию окружающего мира, к активному мышлению.

Этим и занимается на своих уроках руководитель оркестра духовых и ударных инструментов Векшин Никита Андреевич, молодой преподаватель, военный дирижёр оркестра штаба Балтийского флота.

Духовой оркестр был и остаётся самым демократичным и любимым музыкальным коллективом. Наш оркестр звучит на торжественных концертах, на народных праздниках, отчетных концертах. Концертный репертуар, помимо традиционной духовой музыки, включает в себя переложения произведений отечественных и зарубежных композиторов. Значительным разделом в репертуаре являются сочинения для солирующего инструмента в сопровождении духового оркестра. Хочется отметить, что аранжировки делает сам руководитель. Векшин Н.А. стремится к тому, чтобы в репертуаре оркестра были сочинения, разнообразные по стилю, жанру и форме.

Основой взаимоотношений оркестрантов с дирижёром является его доброжелательное отношение к музыкантам, его образный, лаконичный

язык, темперамент. Внешний облик руководителя, его манера общения дисциплинирует коллектив, вызывает в нём творческое отношение к исполнению, а волевое воздействие дирижёра сочетается с тактом, терпимостью к оркестрантам.

Рассказ не будет полным без упоминания тех людей, которые так же, как и преподаватели, все свои силы, талант, терпение ежедневно отдают нашим студентам и ученикам музыкальной школы. Конечно же, речь идет о наших любимых концертмейстерах. Всегда рядом, всегда вместе, безотказно выполняющие свои обязанности (так просто называется истинный профессионализм наших помощников), часами отрабатывающие с учениками сложные пассажи, хотя сами блестяще читают с листа произведения любой сложности!

В классе каждого преподавателя есть свой концертмейстер. Причём исторически сложившиеся пары (имеется в виду педагог-концертмейстер) никогда не изменяют друг другу. Уместна будет поговорка: скажи мне, кто твой концертмейстер и я скажу, у кого ты учишься! А если серьезно – невозможно было бы воспитать настоящего музыканта-солиста, ансамблиста или оркестранта без помощи концертмейстера.

Много лет рядом с нами работают Фомовская Т.В. (класс преподавателей Воронкова В.А., Зингера А.В., Вавилина В.А.), Николаева Ю.В. (класс Скрипник Т.Т.), Сучкова О.К. (класс Фрадкина В.М.), Авакян Е.А. (класс Слепцова В.Н.), Никитченко И.В. (класс Рубцова Е.Н.), Майорова Е.С. (класс Даниленко А.И.), Шарипова Н.И. (класс Векшина Н.А.), Грибкова С.В. (класс Зингера А.В.), Рогожина П.А. (класс Титова С.Д.)

Сегодня духовое отделение по праву считается одним из лучших в колледже. Благодаря многолетнему труду и богатому педагогическому опыту наших преподавателей духовое исполнительство получило развитие и стало так популярно в Калининграде. За несколько десятилетий отделение воспитало не одно поколение талантливых музыкантов, по праву являющихся гордостью нашего колледжа и прославляющих его далеко за пределами нашей страны.

Преемственность поколений – особенность нашего духового отделения. Сегодня к нам пришли работать молодые специалисты (Авраменко К.В., Зингер А.В., Титов С.Д.), прекрасные музыканты, в недавнем прошлом бывшие наши выпускники. Теперь им предстоит передавать бесценный опыт своих наставников следующим поколениям, сохранять и преумножать лучшие традиции исполнительской духовой школы нашего города.

Ну, а уж если вам когда-нибудь захочется поближе познакомиться с нашим отделением, с его замечательными педагогами, приходите к нам на концерты, послушайте, как играют наши ученики.

Н.А. Векшин с оркестром

Т.Т. Скрипник с учениками класса

Только их выступления расскажут, с какой энергией и самоотдачей работают наши преподаватели, сколько сил, труда вложено в каждого стоящего на сцене.

Вполне возможно, что в вашей семье уже растёт артист, которому в недалеком будущем предстоит блистать на великой сцене. Не думали? Тогда у вас остаётся немного времени, чтобы не упустить шанс сделать счастливым вашего ребёнка, приобщить его к великому и таинственному миру музыки, дать ему возможность на достойную жизнь в достойном будущем.

*Т.Т. Скрипник,
председатель предметно-цикловой комиссии
отделения Оркестровые духовые и ударные
инструменты КОМК им. С.В. Рахманинова*

ПРИМЕТЫ МИЛОЙ СТАРИНЫ

В 2016 году Калининградский областной историко-художественный музей отметил своё 70-летие. Ровесник области музей был основан 7 августа 1946 года и по сегодняшний день является крупнейшим учреждением культуры региона по изучению и сохранению историко-культурного и природного наследия нашего края.

Вместе с образованием калининградской области, когда первые переселенцы из разных уголков нашей страны заселяли земли с иной культурой и историей, стало очевидным формирование совершенно особой региональной ветви национальной русской культуры.

Дорога в неизвестные края была полна тревог, надежд и чаяний, порой несла в себе опасность. Людей встречали неприветливые земли, ещё неостывшие от прокатившихся волн сражений и бомбардировок. Приходилось селиться в уцелевшие дома и квартиры, чтобы в скором времени построить новое жилье. Повсюду – груды камней и такие непривычные глазу черепичные крыши.

Переселенцы непременно брали с собой вещи, которые напоминали бы им о родном доме и краях. Эти вещи, подобно семенам русской культуры, попадали в прусскую землю, прорастали и пускали свои корни.

Прошло время, и сейчас мы наблюдаем причудливую картину многоцветья форм и образований на поле региональной культуры. И пусть эти культурные побеги не обладают прямой преемственностью с русской национальной культурой, тем не менее, они несут в себе память наследия и всеми силами стремятся быть достойными носителями русской идеи.

Цикл выставок «Русское» в музее задумывался, в первую очередь, как возможность познакомить жителей Калининградской области с уникальным и неповторимым многообразием аспектов мира отечественной культуры.

Одной из первых в обозначенной тематике стала выставка под названием «Приметы милой старины», которая рассказала посетителям об обычаях и традициях русского чаепития. Экспозиция получилась красочной, почти сказочной. Путешествие по миру русских чайных традиций происходило легко и непринужденно, в чём особую роль сыграл подготовленный сотрудниками музея аудиогид по выставке. Повествование начиналось с ароматного знакомства с травами, которые на Руси заваривали до появления чая. Следующая остановка чайного путешественника происходила в стилизованной дворянской гостиной. Первое время чай, ввиду своей дороговизны, пользовался

особой популярностью в высших сословиях. В семьях было принято собираться за большим столом, убранном белоснежной скатертью, выставлять дорогой фарфоровый сервиз. Горячий напиток предпочитали разбавлять холодным молоком, в чём угадывается влияние традиций чайной церемонии английских салонов. Интересен тот факт, что в русской дворянской гостиной пить чай из чашки считалось исключительной привилегией дам. Мужчины обыкновенно предпочитали пользоваться стаканами тонкого стекла с резным орнаментом и гравировкой. Удерживать кипятки в руках позволяло бесхитростное приспособление с красноречивым названием – подстаканник. Сейчас сложно представить, что когда-то этот металлический предмет широко использовался в домашнем быту и считался весьма ценным подарком хозяину дома. Между тем, подстаканник был привнесён в быт железной дороги именно потому, что ассоциировался у современников с домашним уютом и комфортом. Проследить эволюцию роли подстаканника в мире русского чаепития позволила представленная на выставке коллекция калининградки Татьяны Тулаевой. Около сотни предметов удивительно обширно представили эпоху с конца XIX века до наших дней. Посетители смогли узнать, что подстаканник не только чутко откликался на все веяния большого стиля, становясь порой настоящим произведением искусства, но и служил орудием пропаганды в различные этапы российской истории. Большим подарком для гостей музея стала лекция и экскурсия по коллекции от владелицы.

Под убаюкивающий стук колес железной дороги и приятные мысли о домашнем тепле чайный путешественник прибывает на следующую тематическую остановку: чаепитие в крестьянской избе и купеческом доме. Пожалуй, все известные нам образы традиционного русского чаепития в искусстве подарили именно эти два сословия. Говоря о русском чаепитии, нам сразу представляется веранда, теплый летний вечер, большой деревянный стол, белоснежная скатерть с замысловатым вышитым узором, фарфоровый сервиз. Вся семья в сборе, гости уютно устроились в креслах. В центре стола озорно и мелодично закипает самовар, поблёскивая начищенными боками.

В музейном собрании находится коллекция угольных самоваров начала XX века с клеймами известных промышленников того времени. «Император белых чашек», по меткому замечанию поэта Николая Заболоцкого, не только выполнял ведущую роль во время чаепития, но и считался хранителем домашнего очага. В каждой семье мог-

ло бытовать несколько самоваров, но всегда был один, который передавали из поколения в поколение и выносили к столу при особо торжественных случаях. Не удивительно, что среди вещей, которые попали в Калининградскую область после войны, оказались и самовары.

В экспозиции представлен собирательный образ семейного чаепития в просторном помещении в избе. Крепкий деревянный стол, скатерть с вышитым узором, пестрое лоскутное покрывало на скамье, керамические горшочки и крынки, половицы, лыковые лапти, расписная прялка и другие предметы из фондов музея создают ощущение давно ушедшей старины. Все эти предметы также когда-то были переданы в музей семьями переселенцев.

Тем временем, хозяйка дома выносит угощения: пышные пироги и сладкие варения, заботливо разливает по чашкам чай. Украшением стола были не только разнообразные яства. Особое очарование и праздничное настроение создавали вещи ручной работы: вязанные салфетки, вышитые домотканые рушники и даже «баба» на фарфоровом чайнике, оберегающая его от остывания. Традиционное русское народное художественное творчество представлено в экспозиции как множеством предметов из фондов музея, так и произведениями декоративно-прикладного искусства, выполненными калининградскими мастерами.

В собрание музея предметы русского народного художественного творчества поступали в разное время. Часть будущих экспонатов попадала в фонд вместе с бытовыми вещами переселенцев еще в 50-70-е годы прошлого века. Это домотканые и вышитые рушники, скатерти, салфетки, подзоры, элементы традиционных национальных костюмов. Более поздние поступления были созданы мастерами на калининградской земле, но в художественных традициях родных мест. И, наконец, часть коллекции русского народного художественного творчества была целенаправленно закуплена в крупнейших российских промысловых центрах.

В экспозиции представлены изделия Хохломы мастеров Солоницыной Н.Н., Барановой Т.В., Дашковой В.С., Метельковой А.К. и других; гжель авторства Дунашовой Т.С., Бидак Н.Т., Маланиной А.В., Симонова С.М.; жостовские подносы представлены мастерами Савельевым М.П., Седовым О.Л., Гогиным С.С. и Графовым Б.В.; торжокское золотное шитье Андреановой Е.Л., коллекция дымковской игрушки автора Верии Е.Л. и другие. Удачно дополнили экспозицию работы современных калининградских мастеров. Жанровые картины со сценками крестьянских праздников, салфетки и скатерть, выполненные в старинной технике вышивки гладью и машинной вышивки были созданы мастерицей Раисой Кучко. Домашний уют в

экспозицию привнесли грелки на чайник в виде петушков и барышень от мастерицы Тамары Синиченко. Коллекция традиционной обережной куклы, выполненная мастером Надеждой Горелкиной вызывала неподдельный интерес и восторг у посетителей от мала до велика: яркие капустки и кубышки от крошечных до пышных размеров, неразлучники, козочки и другие куклы. Мир старинного русского костюма был представлен в авторской коллекции художника Лидии Александровны Савосиной, созданных по мотивам сказок и былин. Чайное настроение в экспозиции создавали живописные работы, также выполненные калининградскими авторами специально для выставки: Людмила Филистеева, Ирина Каюкова, Ольга Величко, Елена Ананьина. В течение работы выставки художники проводили мастер-классы для всех, кто желал узнать больше о секретах декоративно-прикладного искусства.

Русское чаепитие – это всегда душевные беседы в хорошей компании с душистым напитком в чашке под согревающее урчание самовара. В формате встреч и бесед сотрудниками музея был подготовлен цикл лекций: «Жизнь и быт русской дворянской усадьбы», «Традиции празднования Нового года в России», «Зимние народные забавы и игры на Руси». Большое количество слушателей собрала лекция «Первые переселенцы Калининградской области». Не остался без внимания и русский романс, который во многом обязан своим появлением долгим зимним вечерам с чаепитием: состоялся музыкальный вечер с профессиональными музыкантами и вокалистами.

Для юных посетителей в экспозиции была представлена интерактивная часть. Большая плетёная корзина, наполненная саше, знакомила с душистыми травами – предшественниками листового чая на Руси. Каждый мог попробовать свои силы и знания в борьбе за почётное звание «Титестера» – знатока чайных ароматов в викторине «Угадай чай». На сенсорных экранах были представлены игра «Мозаика» и игра «Пословицы и поговорки», в которой необходимо было соединить начало и конец крылатого выражения, непременно связанного с русским чаепитием и застольем. Секреты растопки самовара с помощью ялового сапога можно было узнать из шуточной инструкции, которая прилагалась к интерактивной установке. Встречало посетителей выставки расписное яркое окно с наличниками в стилизованном старинном русском стиле. Экспозиция получилась по-настоящему сказочной, познавательной и интересной!

*Полина Белякова
культуролог, сотрудник Калининградского
Историко-художественного музея*

СОВЕТСК

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Советск (бывший Тильзит) является одним из исторических городов России. Город лежит на высоте 12 метров над уровнем моря на левом берегу реки Неман у впадения в неё реки Тильжи. Основанный в XIV веке Тильзит получил кульмское право в 1552 году. С 1818 по 1895 год город был центром округа, затем до 1945 года независимым городом и в то же время резиденцией администрации большого сельского района Тильзит-Рагнит в правительственном округе Гумбиннен германской провинции Восточная Пруссия. В 1939 году Тильзит с населением 53105 человек в основном евангелического вероисповедания был третьим по величине городом Восточной Пруссии. Жители Тильзита любовно говорили о нём «несравненный город».

В 1807 году город получил мировую известность благодаря заключению здесь Тильзитского мира – договора между императором России Александром I, императором Франции Наполеоном I и королём Пруссии Фридрихом Вильгельмом III.

В середине XIX века Тильзит становится центром сыроварения. Именно здесь был изобретён рецепт широко известной марки сыра «Tilsiter», производимый в разных странах Европы и по сей день.

Во время Второй мировой войны в ходе Восточно-Прусской наступательной операции Тильзит был взят штурмом войсками 3-го Белорусского фронта в ночь с 19 на 20 января 1945 года. 7 сентября 1946 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Тильзит переименован в Советск.

Советск сегодня – второй по величине город в Калининградской области с населением около 42 000 жителей, он является важным пограничным городом у границы с Литвой.

Основные отрасли экономики города: целлюлозно-бумажная, лёгкая, пищевая.

Гордость города – «Тильзит-Театр» (официальное название «Калининградский областной театр юного зрителя "Молодёжный"»), получивший признание в России и за рубежом. Театр расположен в центре города в старинном, специально построенном здании, которому в ноябре 2013 года исполнилось 120 лет.

Город Советск занимает второе место в Калининградской области по количеству памятников истории и культуры.

Его «визитной карточкой» является Мост королевы Луизы, соединяющий две страны: Россию и Литву, и отмечающий в этом году своё 110-летие.

Другой известный визуальный знак города – скульптура «Лось» работы Л. Фордермайера, установленная в Тильзите в 1928 году. В 50-е годы скульптура поменяла место бытования – была вывезена в Калининград и долгое время находилась в Калининградском зоопарке. Начиная с 1993 года, общественность города Советска вела кампанию по возвращению «Лося», которая увенчалась успехом в 2006 году.

В июле 2014 года в Советске был торжественно открыт вновь восстановленный памятник королеве Луизе, автором которого является Г. Эберляйн.

В страницы истории города вписаны имена значительных личностей: герцога Альбрехта Бранденбургского – основателя города, поэта Макса фон Шенкендорфа, писателя Германа Зудермана, поэта и прозаика Йоганнеса Бобровского, философа и драматурга Вильгельма Видунаса, актёра Армина Мюллер-Шталя, ставшего Почётным гражданином города в 2011 году.

Тильзит-театр

Мост королевы Луизы

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ГОРОДА

Совершить путешествие в многовековое историческое прошлое города на реке Неман можно в залах Музея истории города Советска, расположенного на центральной пешеходной ул. Победы.

Музей истории города Советска несёт свою благородную миссию по сохранению культурного наследия и формированию исторической памяти вот уже тридцать лет.

Музей родился в муках, не так быстро, как хотелось.

Основанный 6 апреля 1987 года как филиал Калининградского областного историко-художественного музея, музей долгое время существовал лишь на бумаге – в выделенном под музей помещении ремонтные работы никак не входили в завершающую стадию.

Первым директором музея стал Игнатов Георгий Иванович, ныне Почётный гражданин города Советска, отдавший музею более 20 лет вплоть до конца 2009 года.

Принять своих первых посетителей музей смог лишь 22 августа 1992 года, спустя пять лет после официального учреждения. Тогда открылись первые два зала музея, в которых разместились экспозиция «Из истории Тильзита» и художественная выставка «Городской пейзаж», на которой были представлены работы авторов города Советска. В ноябре 1993 года музей смог расширить экспозиционную площадь до 216 кв.м, открыв ещё два зала.

1 марта 1999 года музей поменял свой статус и стал муниципальным учреждением культуры.

Сегодня музей – стабильно работающее учреждение со сложившимся профессиональным коллективом, который смог создать в городе центр научной и просветительской работы.

Пользуясь случаем, хочется назвать всех сотрудников музея, тем более, что его дружная команда очень небольшая. Среди них есть те, кто верно служат музею долгие годы – это Н.В. Белкина, главный хранитель фондов, которая работает в музее уже 17 лет; это наш бессменный кассир Л.В. Вашкевичюс, работающая на протяжении 25 лет с момента открытия музея для публики. Гордимся мы и теми, кто влился в коллектив относительно недавно – это методист по научно-просветительской работе Е.В. Кудрявцева, методист по музейно-образовательным программам А.П. Чубун, смотритель А.П. Грицук, главный бухгалтер Л.В. Козлова.

Многочисленные разноплановые выставки, творческие встречи, тематические программы, конференции, демонстрации художественных

фильмов, проводимые музеем, являются существенной составляющей культурной жизни города.

С 2007 года музей включился в общеевропейский проект «Ночь музеев» и ежегодно предлагает своим посетителям разнообразные познавательные и яркие программы, среди которых были «Сырная вечеринка», «Из Тильзита в Советск», «Под аромат тильзитских вафель», «Impression», «Кино и деньги» и другие.

Традиционным мероприятием музея с 2010 года стал конкурс декламации «Читаем Бобровского» на лучшее прочтение стихов известного поэта, уроженца Тильзита. В 2015 году этот конкурс, способствующий приобщению к высокому поэтическому слову, вышел за рамки городского – в нём приняли участие представители и других городов области. В апреле 2017 года к 100-летию Й. Бобровского конкурс в музее пройдёт уже в четвёртый раз.

Музей истории города Советска известен как центр научной работы по этнокультурным исследованиям. Его сотрудники участвуют в издании сборника научных трудов «Проблемы межрегиональных связей».

В 2013 году музеем был выпущен каталог «Тильзит на почтовой открытке», направленный на исследование и актуализацию коллекции почтовых открыток с видами Тильзита первой трети XX века из фондов музея истории города Советска и Калининградского областного историко-художественного музея. Данное издание было реализовано благодаря участию в конкурсе благотворительных проектов ОАО «НИАЭП», в котором оно было объявлено победителем в номинации «Культура и спорт». На второй Всероссийской выставке филателистической литературы «Литфила 2014», проходившей в городе Пермь, за экспонат литературного класса каталог «Тильзит на почтовой открытке» автор книги директор музея А.И. Шпилёва была удостоена медалью в ранге: Большая золоченная.

В 2016 году под редакцией музея вышла в свет книга «Макс фон Шенкендоф. Стихи», подготовленная совместно с общественной писательской

организацией «Росток», позволившая русскоязычному читателю впервые познакомиться с поэтическим наследием знаменитого уроженца города.

Большой вклад музей вносит в развитие международных связей.

К 100-летию моста королевы Луизы в 2007 году музеем была проведена международная выставка-конкурс «Мост», в которой приняли участие художники пяти стран.

В 2011 году осуществлена международная выставка-конкурс «Космо-мэйл-арт», посвящённая 50-летию первого полёта в космос.

Музей установил контакты с художниками-уроженцами Тильзита и провел цикл выставок, среди которых выставка акварели Г. Глогера, выставка живописи и фотографии члена Союза художников Германии художника-концептуалиста Г. Шпильгиса, выставка литографий выдающегося актёра, художника, музыканта А. Мюллер-Шталя, выставка скульптуры Члена Союза художников Германии С. Хольцнера. Эти выставки обогатили культурную жизнь города, установив культурный диалог между странами и временами.

На протяжении всех лет работы музей города Советска, расположенного у границы, осуществляет активное сотрудничество с художниками и фотографами Литвы. Среди организованных выставок: фотовыставка А. Янкуса «Под небесами Немана» (1997), выставка живописи художников Вильнюса (1998), выставка графики из фондов галереи «Кауно лангас» (2000), выставка фотографий С. Канцявичюса «Комбинация ПАЦ» (2003) и «Париж. Люди» (2012), выставка фотографии Р. Вайткуса «Фотографии» (2014), выставка живописи Ш. Леонавичюса по поэме К. Донелайтиса «Времена года» и др.

В 2005 году музеем совместно с фотоклубом города Таураге «Юра» был организован трансграничный проект «Язык общения – фотография». Большим событием в культурной жизни Советска стала выставка живописи, графики и фотографии М. Чюрлёниса, проведённая в 2013 году, при участии председателя общества Чюрлёниса, профессора В. Ландсбергиса.

Музей истории города Советска имеет партнёрские отношения с учреждениями культуры Литвы и Германии: Региональным парком «Рамбинас», с центром культуры города Юрбаркаса, с музеем М. Янкуса, Литературным музеем А. С. Пушкина в Вильнюсе, Землячеством «Тильзит», Культурным центром Восточной Пруссии, что создаёт благоприятную почву для расширения культурного сотрудничества и осуществления совместной проектной деятельности.

При активном участии музея истории города Советска была разработана концепция и логико-структурная матрица международного проекта

Памятник Максимилиану Шенкендорфу в Тильзите

*Возрождённые достопримечательности:
«Липа Наполеона» и памятник королеве Луизе*

Экспозиция «Эпоха Наполеоновских войн»

Витрина Первой мировой войны

Зал первых переселенцев

Зал искусств

«Создание туристического маршрута "От Тильзитского мирного договора 1807 года до Таурогенской конвенции 1812 года"», основанного на военно-историческом наследии приграничной территории. Этот проект, направленный на развитие туризма через восстановление и использование историко-культурного наследия, реализован в рамках программы приграничного сотрудничества «Литва-Польша-Россия Европейского инструмента соседства и партнёрства 2007-2013 гг.» в 2013-2014 годах. Благодаря этому грантовому проекту удалось восстановить в Советске памятник королеве Луизе, обустроить достопримечательное место – «Липа Наполеона» и городской парк, а музею истории города Советска получить новое экспозиционное оборудование и организовать выставку «Эпоха Наполеоновских войн» из собраний музея Восточной Пруссии (г. Люнебург, Германия), Калининградского областного историко-художественного музея и Музея истории города Советска, которая явила собой опыт международного межмузейного сотрудничества и позволила приобщить широкий круг посетителей к культурно-историческим ценностям крупных европейских музеев.

С 2014 года структурным подразделением музея стал Туристско-информационный центр города Советска, расположенный по ул. Ленина, 4. На базе ТИЦа создан музей Я.В. Калиниченко, заслуженного врача РФ, кандидата медицинских наук, руководителя клинического санатория «Советск», поэта. Здесь также открыт небольшой выставочный зал, в котором музей организует камерные выставки, а прекрасно оборудованный конференц-зал позволяет проводить различные тематические мероприятия.

Число посетителей музея растёт из года в год. В минувшем году музей посетило 10000 человек. Среди них представители не только России и европейских стран, но и гости из далёкой Австралии, Новой Зеландии, Японии, Канады.

Добро пожаловать в музей!

*А.И. Шпилёва,
директор Музея истории города Советска*

Музей истории города Советска
238750 Россия,
Калининградская область,
г. Советск, ул. Победы, 34
Тел. +7 (40161) 34638,
+ 7 (40161) 37018
e-mail: tilsitmuseum@yandex.ru,
www.museum.ru/M997

Существуют такие вещи и явления, настолько прочно вошедшие в нашу жизнь, что их присутствие порой даже не замечаешь. О них, как о воздухе, которым дышишь, обычно не задумываешься. Но попробуйте обойтись без этого воздуха больше минуты... Это ассоциация связана со следующими фактами.

История самой западной Калининградской области не совсем обычна. 7 апреля 1946 года после разгрома фашистской Германии и победы нашего народа в Великой Отечественной войне, на землях бывшей Восточной Пруссии, была образована Кёнигсбергская область в составе РСФСР. В последствии 4 июля 1946 году переименованная в Калининградскую.

А город Советск на карте нашей Родины появился в 1947 году. Этот город был основан весной 1289 года на левом берегу реки Неман. Январским утром 1945 года после мощной артиллерийской подготовки, преодолев упорное сопротивление оборонявшей город 69-й немецкой пехотной дивизии, наши войска к 10 часам утра 20 января 1945 года взяли город Тильзит.

Первые переселенцы, приехавшие в наш край: рыбаки и бумажники, крестьяне и машиностроители, военные и учителя, медики и учёные – все вновь прибывшие внесли огромный вклад в становление и развитие самого западного региона страны. Среди них были и библиотекари...

Открываются школы, Дома культуры и, конечно, библиотеки. Приказом по Гражданскому управлению Калининградской области «Об образовании культурно-просветительских учреждений области» предписывалось:

«Открыть городские и районные библиотеки, обеспечить их литературой, подобрать помещение и кадры».

Трёхэтажное здание на площади Победы – первая в послевоенном городе Советске

ЕСТЬ ТАКОЙ ГОРОД, ЕСТЬ ТАКИЕ БИБЛИОТЕКИ!

библиотека, а первая заведующая библиотеки – Вера Сергеевна Попова.

Попытаемся восстановить прошлое, рассказать о становлении и развитии главной библиотеки города, о её книжных богатствах – этом удивительном и вечно живом источнике человеческих знаний.

«Вот ваши хоромы, – сказали ей. – Устраивайтесь, обживайтесь. Да не мешкайте – библиотека городу нужна позарез!»

В помещении библиотеки не было света, воды, отопления. В одной комнате кое-как окна вставили, двери навесили. А ход в соседнее помещение сделать пришлось, потому что там было всё разрушено. В октябре 1946 года начали выдачу книг. В библиотеку записалось 475 человек. В распоряжении библиотеки имелось пять тысяч книг. Потом своими силами (заведующая, библиотекарь, уборщица) привели в порядок ещё одну комнату.

В 40-х годах в библиотеке г.Советска работали: **Попова Вера Сергеевна (заведующая библиотекой), Сташук Надежда Сергеевна, Некрасова Раиса Васильевна (на снимке)**. Это были женщины интеллигентные, образованные, они сумели не только сохранить книги в трудные послевоенные годы, но и приобрели редкие экземпляры.

Запросы у читателей были самые различные. В 1961 году был организован свободный доступ к книжному фонду. Читателей стало много, библиотека оказалась в самой гуще просветительской работы.

В 1967 году городская библиотека была награждена Красным Знаменем, переданным на вечное хранение. Знамя принимают: (справа налево) Л.А. Зайцева, заведующая библиотекой В.С. Попова, Р.В. Некрасова, Н.С. Сташук.

Когда Вера Сергеевна впервые открыла единственную в городе библиотеку, это были две маленькие комнатки со скудным запасом книг на полках. А уже в 1971 году Советская городская библиотека – одна из лучших не только в нашей области. Министерство культуры РСФСР наградило её Дипломом победителя Всесоюзного смотра, посвященного 60-летию Великой Октябрьской революции.

Следом за библиотекой для взрослого населения в декабре 1948 года на улице Школьной распаивает двери ещё одна библиотека – первая детская: всего лишь две комнаты на третьем этаже, которые не могли вместить всех желающих. Читателей было немного, но сам факт появления детской библиотеки в разрушенном войной городе стал событием для городской детворы.

Книгохранилище располагалось на чердаке. Утро в библиотеке начиналось с того, что уборщица рубила дрова, если они были, и топила печки. В те далекие суровые зимы, когда выходить на улицу можно было только под несколькими слоями одежды, юные переселенцы регулярно проделывали свой путь в городскую детскую библиотеку. Здесь они проводили вечера среди книжных полок и в кружках при библиотеке. Люди, работавшие в библиотеке, не опускали рук, работали с огоньком, радовались каждому читателю, каждой прочитанной книге. Они верили в свое призвание, были убеждены, что делают важное и нужное дело для маленьких советчан.

Попова Александра Петровна была первой заведующей детской библиотекой. Человек, умею-

Подковка Надежда Сергеевна, заслуженный работник культуры РСФСР, директор Централизованной библиотечной системы города Советска в 1980-1998 годы.

щий творить и зажигающий огонь творчества у других. Навсегда в истории детской библиотеки останутся имена и других заведующих библиотекой, безгранично преданных своему делу специалистов. Это – Фишбейн Софья Натановна, Островская Светлана Алексеевна, Анкудинова Надежда Константиновна.

Шли годы, менялись адреса библиотек, книжные фонды пополнялись новыми изданиями, расширялось число отделов библиотек, увеличивалось количество их сотрудников.

Важным событием в жизни библиотек города, новой своеобразной точкой отсчета стала централизация библиотечной системы в 1980 году. Центральная городская библиотека стала методическим центром. В соответствии с решением Облисполкома «О мерах по выполнению постановления ЦК КПСС. О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» и в целях улучшения библиотечного обслуживания населения города исполнительный комитет городского Совета народных депутатов решил с 1 января 1980 года осуществить централизацию государственных массовых библиотек города Советска путем создания единой библиотечной сети с общим штатом, книжным фондом, централизованным комплектованием и обработкой литературы на базе Советской городской библиотеки. Советскую детскую библиотеку переименовать в Центральную городскую детскую библиотеку Централизованной библиотечной системы. На должность директора Централизованной библиотечной системы города Советска была назначена Подковка Надежда Сергеевна. До этого назначения она с 1962 года работала в городской детской библиотеке библиотекарем, заведующей старшего отдела обслуживания, а с января 1970 года – заведующей детской библиотекой.

В течение многих лет коллектив Централизованной библиотечной системы города Советска удерживал лидерство среди библиотек области.

Эстафету от ушедшей на заслуженный отдых Надежды Сергеевны приняла Уткина Галина Александровна, работавшая прежде заведующей отделом обслуживания взрослых читателей.

Уткина Галина Александровна – дважды лауреат областного смотра-конкурса «Обновление». В 2004 году имя директора Уткиной Г.А., внесшей большой вклад в развитие культуры города Советска, появилось в разделе «Родины Славные Сыны и Дочери» ежегодной энциклопедии «Лучшие люди России». В 2005 году Уткина Галина Александровна стала лауреатом общегородского конкурса «Человек года – 2004» в номинации «Культура и искусство». В 2007 году за заслуги в области культуры и многолетнюю и плодотворную деятельность Указом Президента России Уткина Галина Александровна была удостоена почетного звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». В юбилейный год Калининградской области за активную жизненную позицию и большой вклад в развитие культуры области указом Губернатора от 24 мая 2016 года Уткиной Г.А. была вручена юбилейная медаль «К 70-летию Калининградской области».

С 2004 года в ЦБС Советска работает Центр правовой информации, который предоставляет свободный доступ жителям города, общественным организациям и объединениям к официальной правовой информации.

В 2010 году на базе центра краеведения был открыт музей памяти краеведа, писателя, почетного жителя города Советска Исаака Яковлевича Рутмана. В музейной экспозиции представлены личные вещи и фотографии писателя, а также экспонаты из его коллекции, рассказывающие о жизни города Тильзита–Советска.

В 2011 году произошло очень важное событие для городской библиотеки: Указом главы администрации Советского округа центральной городской библиотеке было присвоено имя почетного

*Исаак Яковлевич Рутман,
автор книги «Из Советска в Тильзит»*

*Уткина Галина Александровна,
директор Советской ЦБС с 1998 года,
заслуженный работник культуры РФ*

гражданина города Советска Исаака Яковлевича Рутмана, известного краеведа, писателя, поэта, автора книги «Из Советска в Тильзит». И по сложившейся традиции ежегодно 4 октября, в день рождения И.Я. Рутмана, в Центральной городской библиотеке проходят «Рутманские чтения». На этих встречах присутствуют родные Исаака Яковлевича: вдова Зинаида Владимировна, сын Михаил Исаакович, дочь Елена Исааковна, его друзья, которые с ним работали, хорошо его знали и до сих пор помнят и любят его.

На сегодняшний день в структуре МБУК «Централизованная библиотечная система Советского городского округа» две библиотеки: Центральная городская библиотека имени И.Я. Рутмана и Центральная городская детско-юношеская библиотека (объединение центральной городской детской и городской юношеской библиотек произошло в 2013 году).

За последний, 2016 год, библиотеками МБУК «ЦБС СГО» была проделана большая работа, проведено немало интересных мероприятий по разным направлениям деятельности. Обе библиотеки активно включились в празднование 70-летия Калининградской области, города Советска, Года кино в России, литературных юбилеев, знаменательных и памятных дат.

Год кино в работе библиотек ЦБС продолжил цикл мероприятий Года литературы. Библиотекари умело соединили две темы: Год российского кино и 70-летие города Советска. Когда-то наш край считался кинематографическим раем. Лежавшая в руинах бывшая Восточная Пруссия служила декорацией, в первую очередь, для картин о минувшей войне. Читатели имели возможность, увидеть кадры из фильмов «Отец солдата», «Тройная проверка», «Первый рейс», «Солдат и слон», «Трое в лодке». Так в ЦБС был проведен кинематографический калейдоскоп «Снимали в нашем городе кино», посвященный фильмам, снятым в Советске.

Ориентирование пользователей в событиях культурной жизни города, а самое главное, возвращение чтения в разряд жизненно необходимых

потребностей жителей – всё это позволяет позиционировать библиотеку как центр художественного и литературного развития, формирования эстетических вкусов и удовлетворения интеллектуальных запросов пользователей.

В 2016 году в городе проходил конкурс на лучшую домашнюю библиотеку среди семей города. Домашнюю библиотеку собирают всю жизнь, а иногда даже на протяжении нескольких поколений одной семьи. Кому-то книги достались по наследству, кто-то приобрел их в букинистическом магазине, их дарили друзья, родственники, знакомые. Конкурс был организован центральной городской библиотекой имени И.Я.Рутмана совместно с городской газетой «Вестник».

В течение нескольких месяцев в газете «Вестник» публиковались фотографии участников конкурса на фоне домашней библиотеки и рассказы о том, как собирались их книги. Всего в конкурсе приняли участие 21 семья. В конце года в библиотеке состоялся театрализованный Праздник книги, на который были приглашены все участники конкурса и подведены итоги этого конкурса.

Библиотека остается местом неформального общения людей. Интеллигенция города охотно посещает мероприятия, где проходят творческие встречи с известными писателями и поэтами.

Так, 14 мая в Центральной городской библиотеке имени И.Я.Рутмана прошла встреча с известной российской писательницей Татьяной Устиновой.

Во время творческой встречи Татьяна Устинова рассказала о том, как она пришла в профессию и о своём творческом пути, о своем особенном отношении к Калининградской области. В завершении встречи состоялась автограф-сессия и все желающие могли получить автограф и сфотографироваться с автором.

6 июня состоялась творческая встреча с известными российскими литераторами. В этот раз наш город посетили председатель Калининградского Союза российских писателей Борис Бартфельд, главный редактор литературно-художественного журнала «Нева» Наталья Гранцева, писатель А.Новосельцев и поэт-бард Владимир Шемшученко. На встрече звучали произведения авторов и песни под гитару.

Вся деятельность библиотек ЦБС строится по 13 программам различных направлений: от духовно-нравственных, патриотических до досугово-развлекательных. Участие в реализации программ принимают все структурные подразделения. Популярными формами работы библиотек являются многочисленные клубные объединения по интере-

сам и деятельность по программам. Все годы своего существования ЦБС выполняет миссию: создание для пользователей оптимальных условий для культурного развития, формирования и удовлетворения их образовательных, коммуникативных и иных потребностей.

У читателей есть возможность самостоятельно поработать на компьютере, получить доступ к сети Интернет и к справочной правовой системе «КонсультантПлюс». Библиотеки имеют электронную почту, сайты и странички в социальных сетях.

В целях взаимного использования библиотечных ресурсов в 2016 году заключен договор о предоставлении доступа центральной городской библиотеки имени И.Я.Рутмана к Национальной электронной библиотеке по сети Интернет.

Второй год в Центральной городской библиотеке имени И.Я.Рутмана продолжает реализовываться благотворительная программа «СтатусОнлайн» при поддержке Фонда местного сообщества «Калининград». Благодаря её реализации и проекту «Компьютер старшему поколению» (проект реализован в 2015 году) в Центральной городской библиотеке им.И.Я.Рутмана появился компьютерный зал на 5 автоматизированных рабочих мест с выходом в Интернет. В рамках проекта были организованы компьютерные курсы для пожилых людей. За два года на курсах компьютерной

грамотности прошли обучение более 300 людей золотого возраста.

Также были проведены дополнительные мероприятия по финансовой грамотности и правовому просвещению: встречи с представителями банков, с юристами, с членами Общественной наблюдательной комиссии, с сотрудниками СПС «КонсультантПлюс», проводились игры по финансовой грамотности, были организованы поездки для участников проекта в другие муниципалитеты области.

2016 год – проект «Цифровая семейная книга» одержал победу в конкурсе социальных проектов «Активное поколение 2016», организованном Благотворительным Фондом «Добрый город Петербург» при финансовой поддержке Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко. Главный практический результат проекта – создание цифровой семейной книги, содержащей оцифрованные фотографии и документы; воспоминания и семейные истории; видеофильм об одном или нескольких поколениях семьи, генеалогическое дерево. Участников проекта – 34 человека.

Семья Татьяны и Анатолия Яроц, активных участников конкурса «На лучшую домашнюю библиотеку»

Проект «Компьютер старшему поколению»

«Бенефис читателя в библиотеке» с участием образцовой театральной студии «Иная возможность» г. Советск

Акция «Библионочь», мастер-класс

Юбилейная дорожка «Нам -70»

Творческая встреча с читателями

В читальном зале библиотеки

2016 – юбилейный год нашей области стал для ЦБС города Советска богатым на юбилейные даты. 70-летняя история становления и развития Центральной городской библиотеки имени И.Я.Рутмана позволила библиотеке принять участие в Областном конкурсе на лучший материал по истории библиотек Калининградской области и занять почетное 2-е место.

Судя по воспоминаниям ветеранов библиотеки, её давних и добрых читателей, в ней всегда царил удивительный мир – мир содружества книги, библиотекаря и читателя. Этот мир они создавали сообща.

На наш вопрос: «Что значит для вас библиотека как учреждение культуры?» читатели отвечают по-разному, но смысл один: это источник знаний; мощный центр культуры; центр эстетического воспитания и самообразования советчан; она нужна как духовная пища, как воздух; это место, без которого не обойтись ни одному образованному, мыслящему человеку...

В обычной книге можно поставить последнюю точку и написать: «конец», но здесь этого делать не хочется.

Даже в те часы, когда библиотека закрыта, её «рабочий день» не кончается, потому что, перекочевав с полок на стол читателя, книги бодрствуют и трудятся вместе с ними, подчас целыми ночами, не зная отдыха.

Конечно, каждая библиотека дорога нам как очаг культуры и родник знаний. Есть и такие библиотеки, которые давно стяжали громкую и заслуженную славу.

И все же та, о которой идёт речь, не только достойна занять своё особое место в истории нашего города, но, как явствует из прочитанного, стала просто неотъемлемой частью жизни многих, многих людей – и тех, кого с нами уже нет, и ныне здравствующих и, несомненно, будет верным другом и советчиком всех новых поколений.

Поэтому в этом рассказе о нашей библиотеке не пишем слово «конец», а поставим совсем иные слова: «ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ»!

*Людмила Разумейчик,
ведущий библиотекарь ЦГБ им. И.Я. Рутмана*

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОСТОК» (СОВЕТСК)

Общественной писательской организации «Росток» города Советска исполнилось 45 лет!

История «Ростка» началась с литературного кружка при местной газете «Знамя коммунизма» в 1972 году, а на сегодняшний день участники литературного объединения уже издали 41 книгу! Это стихи и проза, книги для детей, краеведческая литература. Поначалу литераторы собирались в отделе писем городской газеты, на страницах которой начали появляться их первые публикации. Вскоре литературные произведения советчан стали публиковаться и в региональных изданиях: газетах «Калининградская правда», «Калининградский комсомолец», «Маяк», в журнале «Запад России», в альманахе «Молодые голоса». А потом круг изданий ещё более расширился: московская газета «Щит и меч», журнал МВД «Охрана» и др. Со временем 5 авторов были приняты в члены Союза писателей России.

О пополнении писательских рядов здесь заботятся всерьёз — идёт работа с теми, кто пробует своё перо. В двухтысячные годы авторы «Ростка» начали активно проводить занятия с молодёжью, участвовать в радиопостановках на радио «Экспресс», давать творческие вечера. Наладили контакты с коллегами из Черняховска, Немана, Славска и Калининграда.

На протяжении последних 17 лет возглавляет общественную писательскую организацию Советска член правления Калининградского регионального отделения Союза писателей России (Балтийская писательская организация) Анатолий Павлович Грицук. Он передаёт знания, полученные в Литературном институте имени А.М. Горького, своим ученикам. Они не пишут «в стол», а активно публикуются. Незаменимым помощником А.П. Грицука многие годы является член СПР Людмила Александровна Эйза.

И вот уже «Ростку» 45. На юбилейном вечере, который прошёл в городской библиотеке имени И.Я. Рутмана, «Росток» принимал поздравления от заместителя главы администрации Советского городского округа Елены Куриной, начальника управления культуры Олега Вашурина, депутатов Калининградской областной думы Евгения Абарюса и Светланы Жировой. Поэты и писатели Советска получили от местной власти хороший подарок — для их творческих занятий им выделили постоянное помещение в Туристско-информационном центре города и подарили письменную доску для проведения литературных тренингов.

Сергей Гошев

Гошев Сергей Аркадьевич, свою жизнь связал с армией, прослужив от рядового до офицера. Член Союза писателей России. Автор четырёх книг для детей и юношества.

ПОЕДИНОК

9 мая. Братская могила. Я ищу взглядом среди ветеранов Жоржа Андреевича Чуйкина. Он всегда на праздник надевает белый костюм с наградами и белую фуражку. Его нигде нет. Звоню дочери. «Папа болен и, возможно, надолго», — грустно звучит в трубке её голос. Поздравляю с Днём Победы и желаю выздоровления.

Мои мысли выхватили фрагмент встречи у него дома. Я собирал материал о его фронтовом пути. Спрашиваю:

— Какой эпизод войны вам памятен до сих пор?

Жорж Андреевич на секунду задумался и стал медленно говорить. Казалось, что перед его взором проходят события семидесятилетней давности. Глаза загорелись, голос зазвучал бодрее:

— Война — это всегда страшно! Льётся кровь с обеих сторон. Но побеждает стойкость, вера в справедливость и простое человеческое чувство — выжить, — он замолчал, о чём-то вспоминая. — 1943 год. Мы стояли под Воронежем. По траншеям прошёл слух, что немцы готовят нам «сюрприз». Нервы у всех были напряжены. Мы украдкой поглядывали на своих командиров. Время как будто остановилось. Под утро слышу хриплый голос комбата: «Сержант Чуйкин, собирай своё отделение истребителей танков и грузитесь в полторку. Быстрее, сержант, танки идут сюда, а вы будете прикрывать тыл! Едем на вашу новую позицию!» Полторка неслась по лесной дороге, оставляя после себя столб пыли. Навстречу нам пронеслись три маши-

ны с прицепленными к ним полковыми противотанковыми орудиями, которые должны были встретить танки. Выскочив из леса, наша машина поднялась на небольшую возвышенность и остановилась. Вырытые укрытия для пушек и ходы сообщения были пусты. Комбат поставил задачу: «Закрыть дорогу, ведущую к населённому пункту Подгорное и в наш тыл. Батарею мы отсюда сняли, немецкий самолёт-разведчик уже побывал, да и вряд ли они сюда сунутся. Но если что, подай сигнал ракетой».

Полуторка умчалась. Мы осмотрелись... Вокруг был лес и только узкая просека-дорога уходила вдаль. Её и прикрывала наша батарея, а теперь только одно моё отделение с тремя противотанковыми ружьями. Заняли оборону. Ждать долго не пришлось.

Тяжёлый гул и шум, идущий из-под земли, приближался. На дорогу выехал пятнистый с чёрными крестами танк и остановился. Открылся люк. Немец осматривал наши пустые позиции. Мы замерли, внимательно рассматривая хваленый танк фашистов. Сердце готово было выпрыгнуть из груди от напряжения. Люк закрылся, и танк, выпустив вверх столб гари, с рёвом двинулся на нас, вползая в узкую щель просеки. Я скомандовал: «Отделение, приготовиться к бою! Бить только по гусеницам и в борт по ведущему колесу. Этих зверей так просто не возьмёшь!»

Показался второй, третий, четвёртый, пятый... лязгая гусеницами, они шли на нас. Я ощутил колючий холод, пробежавший по всему телу, а лоб покрылся потом. «По головному танку – огонь!» – прохрипел я и дал сигнальную ракету. Искры от наших бронебойных пуль плясали по шкуре танка, не причиняя ему ни малейшего вреда. «Братцы, бить только по гусеницам! Не спешите!»

«Есть! Готов!» Разбитая гусеница змеей выкатилась, танк развернуло поперёк просеки. Вторым стал протискиваться справа, подставив нам свой бок. «По второму танку – огонь!» Куски траков и катков разлетались по земле. «Зверь» встал, ещё больше заклинив проход. Такая же участь постигла и третий танк, пытающийся пролезть с другой стороны затора. Мы продолжали вести непрерывный огонь по всей остановившейся колонне. Фашисты из подбитых танков убегали в лес. А «тигры», так ни разу и не выстрелив, стали медленно пятиться назад и, сталкиваясь, мешали друг другу.

В небе показались наши штурмовики. Они поочередно пикировали, прицельно расстреливая сгрудившиеся танки противника. Мы поднялись на бруствер и с радостью наблюдали за воздушной каруселью самолётов. Танки крутились, пытались выйти из ловушки, натывались на горевшие рядом и сами становились жертвами всепожирающего огня. Зрелище было страшное.

Я от неожиданности вздрогнул, когда услышал шум возвращающейся батареи. С подножки первой полуторки прыгнул комбат и подбежал к нам: «Ребята, вы все живы?! Фрицы готовили нам ловушку, а попали в неё сами! – седой капитан поднёс руку к фуражке, отдавая нам честь. – Благодарю вас, сынки, что живы остались и спасли от окружения!» Он по-отцовски обнял меня, и я увидел, как по его морщинистой щеке скользнула слеза. Мне шёл двадцать первый год...

Вдруг мысли прервались. Митинг продолжался, маленькая девочка в солдатской форме читала стихотворение о войне...

Да, огромная цена заплачена за наше счастье. Наш долг сохранить рассказы фронтовиков и передать их будущим поколениям.

Анатолий Грицук

Грицук Анатолий Павлович, председатель Общественной писательской организации «Росток» с 2000 г., член Союза писателей России. Является автором десяти книг и десяти коллективных сборников. Имеет публикации в журналах «Мой город Черняховск», «Мозаика юга», в литературно-публицистическом журнале СПР «Калининград» 5 выпуск, в СМИ и коллективных сборниках «Ростка».

НА САМОМ ЗАПАДЕ РОССИИ

На самом западе России,
Где Неман, Балтики волна, –
Янтарный край. Под неба синью,
Вся красота отражена.
В моря уходят пароходы.
Граница с Польшей и Литвой.
Порою, разные погоды,
Меняют за день норы свой.

Залив песчаной полосой,
От вод Балтийских ограждён.
Те дюны Куршскою косою
Зовутся с памятных времён.
Здесь быть незыблемым границам!
Чтоб не мешал никто нам жить,
Я в этот край успел влюбиться –
Мне этим краем дорожить!

**ХОРОШИЕ СТИХИ
ВЫДУМЫВАТЬ НЕ НАДО**

Прочувствуй каждый миг –
 мир наполнения строк,
Спеши их записать и привести в порядок.
Затем, что из души их льётся ручеёк,
Хорошие стихи выдумывать не надо.

Ты – раб и господин. Живи журчаньем тем.
Весомый твой багаж несёт большую радость.
Ведь звёздных чувств полёт
 звенит с высот затем –
Хорошие стихи выдумывать не надо.

Твори, твори, поэт, в любые времена –
За всё воздаст Господь: получишь ты награду –
Удачею своей поделишься сполна.
Хорошие стихи выдумывать не надо.

Себя ты не жалея: ночной сиделкой будь!
Упорствуя, трудись, умей с собою ладить.
Других не искушай: пройди достойно путь.
Хорошие стихи выдумывать не надо.

Пусть льётся добрый свет, чтоб сопереживать,
Ведь жизнь нас учит жить
 от вёсен к снегопадам.
Сегодня я о том: не стоит забывать –
Хорошие стихи выдумывать не надо!

НАРИСУЮ ДЕТСТВО НА ПЕСКЕ

Нарисую детство на песке.
Знаю: смоют волны мой рисунок.
У судьбы найдутся в сундуке
Ждущие звучаний звонких струны.

Нарисую юность на песке.
Знаю: мой рисунок смоеет время.
Очень даже чувственная тема –
Цвет сирени подержать в руке.

Нарисую зрелость на песке.
Знаю я, чего достичь мне надо.
Если осень жизни вдалеке,
То и беспечальны листопады.

Нарисую старость на песке.
Будет неминуемою старость.
Встретимся – недолго и осталось –
У неё, почти что, на крючке.

Нарисую детство на песке...
Нарисую юность на песке...
Нарисую зрелость на песке...
Нарисую старость на песке...

...Вот и жизнь, пчелою на цветке.

ВЕЧЕРНЯЯ

Звезда вечерняя запуталась в рябине –
Мне не распутать бледные лучи.
Она жила в космической чужбине.
Летела долго. И теперь – молчит.
Недвижима. Как детская игрушка.
Ей непривычен нынешний покой.
Мне кто-то шепчет тайное на ушко:
«Возьми, потрогай звёздочку рукой!»
И я тянусь, хочу достать, стараюсь –
Никак не поддаётся высота.
Хочу проснуться, и не просыпаюсь.
Хочу уйти – калитка заперта.
Отчётливее лунность проявилась.
Со свежестью раздумья принесло:
«Вот только б вниз, сорвавшись, не разбилась
До той поры, пока не рассвело».
За долгий путь свой до Земли осталась
Лишь огненная точка средь ветвей.
О ней, наверно, мнилось и мечталось
Однажды где-то, в юности моей.

АНГЕЛЫ

Встретились два ангела –
 чёрный ангел с белым:
За столом Рождественским есть чего сказать.
Отвечали ангелы за людское дело:
От людей зависели зло и благодать.
Свыше предусмотрена ангелам работа
Им людей назначенных надо опекать.
Ангелы стараются до седьмого пота,
Им бывает некогда вовсе отдыхать.
Чёрный ангел носится с чёрным человеком:
Тот задумал чёрное и смертельным зло.
Белый ангел носится с человеком неким,
Чтобы смерть довольную мимо пронесло.
Каждому поставлена на земле задача.
Разные доводится случаи иметь...
И сидят два ангела и, горюя, плачут:
Перед Ликом Божиим им пока ни петь.
Легионы ангелов в лучезарном свете
У Престола Господу воздают хвалу.
Белый с чёрным ангелы плачут, словно дети –
Катятся хрустальные слёзы по столу...

Таисия Богдан-Журихина

Таисия Николаевна Богдан-Журихина, член ОПО «Росток», член Калининградского регионального отделения Союза писателей России. Автор двух книг поэзии и прозы, имеет публикацию в литературно-публицистическом журнале СПР «Калининград» 5 выпуск, а также в коллективном сборнике «Ростка» и в СМИ.

НЕ ПУГАЙТЕ РОССИЕЙ

Россией не пугайте, господа!
На свой манер, поспешно, не кроите
Истории прошедшие года,
Переиначив ход былых событий.

Россией не пугайте, господа!
Народ её – душою благородный –
Умеет и жалеть и сострадать,
И хлеб последний разделить с голодным.

Россией не пугайте, господа!
Она сумела, пусть ценой жестокой,
Всем недругам наглядно преподать
Достоинства и мужества уроки.

Россией не пугайте, господа!
Униженная – в Вере утвердится!
И пепел отряхнув, с забытых дат
Она, как птица Феникс, возродится.

Россией не пугайте, господа!
Предрешены злословия исходы...
Вам не понять умом, не разгадать
Души её великого народа!

* * *

Продрогла обнажённая душа –
Ни огонька, ни крова, чтоб укрыться.
А в хороводе лица, лица, лица,
Как призраки, кружатся не дыша.
Ни слова, ни сочувствия из уст,
Ни слёз горючих из глазниц холодных,
Неправедных, а то богоугодных...
Не углядишь, коль взор туманный пуст.

А ночь была безмолвной и глухой.
Душа о состраданье умоляла,
С надеждою, с безудержной тоской,
Но равнодушных лиц не различала.
Ослаблено, издав последний всхлип,
Душа наверх с покоем отлетела.
И ни один в толпе не дрогнул лик,
Как будто вовсе не было им дела.

Душа покой на небе обрела,
Земле оставив все свои укоры...
И ликов равнодушных ожила
Толпа, вдруг озабоченная горем.
Печалились, скорбя наперебой,
И голосили о душе ушедшей.
Но запоздалый, лицемерный вой
Не обратил их души в человечьи!

ШЛА ДОМОЙ

Шла домой с ведром воды.
Чтобы не было беды –
На тропиночке бугры обходила все.
Загляделась на закат,
Кто же в этом виноват,
То, что дужка у ведра обломила.

До чего же холодна
Родниковая вода –
Измочила мне подол платья лучшего,
Ноги стужей обожгла...
А глазастая сова
Своим уханьем до дома измучила:

Не ходила б со двору-у-у
На вечернюю зарю-у-у...
Хохотала, будто было неведомо,
Что в доме постылый муж,
Да детишек двое душ,
А моё сердечко счастья не ведало.

ОЙ, ТУМАН...

Ой, туман над полями, туман
Расстилается дымкою пенною.
Где же ты, голосистый баян?
Задушевное девичье пение?
Про любовь, что чиста, без прикрас,
Про луга сенокосные в росах...
Как же тихо в деревне у нас!-
Не поют ввечеру нынче вовсе.
На крылечке одна постою,
Дверь свою затворив осторожно.
И не громко, но всё же спою,
Пусть и чей-то покой потревожу.

Будет мой голосочек звенеть
Сквозь туман, будоража округу.
Как же можно в деревне не петь?
Не могу я без песен, подруги...

* * *

Ах, как не хочется стареть!
Позволь мне, Боже, эту малость -
Морщинки лишние стереть,
С потухших глаз смахнуть усталость.
Мне так не хочется стареть!

Валентина Ивашина

Ивашина Валентина Алексеевна, член Союза писателей России, член ОПО «Росток» г. Советска. Поэт и прозаик. Автор трёх книг. Соавтор трёх коллективных сборников ОПО «Росток», публиковалась в иных коллективных сборниках, альманахах, журналах и газетах.

СЛАВСКАЯ КИРХА

Из-за крон густых деревьев
Кирхи шпиль старинный, древний
Подпирает небеса.
Иногда окутан тучей,
Сквозь свинец её тягучий
Смотрит путнику в глаза.

Сохранилось не напрасно
В кирхи облике прекрасном
Отраженье бытия.
Вековая дверь там прячет
Суету сует, что плачет
О мгновеньях жития.

Времена текут, что воды.
Пережив лихие годы,
Жизнь идёт своей тропой.
Солнечным деньком погожим
Очаруется прохожий
Рукотворной красотой.

Из-за крон густых деревьев
Кирхи шпиль старинный, древний
Глянет путнику в глаза.
Иногда окутан тучей,
Сквозь туман её дремучий
Мудро смотрит в небеса.

* * *

Поманило меня детство
В мой забытый дальний край.
Помню, в старой русской печке
Тёплый свежий каравай.
У окна на лавке сидя,
Вяжет бабушка носки.
За окном в широком поле
Ветер гладит колоски.

Васильки во ржи высокой
Заблудились на бегу,
А вдали цветы ромашки –
Белой пеной на лугу.

Жаль, что нет такого средства,
Чтоб вернуться в прошлый рай.
Сгинул дом с резным крылечком
Лет уж двадцать, почитай.
Там теперь в унылом виде
Пашня, луг и васильки,
Сорняки растут на воле
И в саду одни пеньки.
По сторончке далёкой,
По родному уголку
Память детская, дурашка,
Слёзы льёт во всю щеку.

* * *

Птицы молчали, и тихо дремала
Тёмная тёплая полночь немая,
В небо смотрела, реку обнимала,
Июньские звёзды в травы роняла.

Тёмная тёплая полночь немая
Поле пшеничным брела одиноко,
Двигалась, медленно мягко ступая,
Запах земли, вожаденно вбирая.

Поле пшеничным брела одиноко,
Дремоту, оставив за косогором.
Она уходила краем востока,
Медленно таяла в светлых потоках.

Дремоту, оставив за косогором,
Тёмная тёплая полночь немая
Смотрела вперёд светлеющим взором,
Где утро рождалось алым узором.

* * *

Ну вот, дождались: замело
Метелью белой перелески,
Легли берёзам на чело
Снежинки мягкие по-женски.

Притих морозец. Тишина
Под небом светлым воцарилась,
А за окошком бузина
Под снежной шалью растворилась.

Преобразился мир. Следы
Порошей белой замечает.
Сугробов пышные ряды
Всё больше, выше вырастают.

Под каждым – прошлое. Вчера
Оно ещё всех волновало.
И будто росчерком пера,
Сегодня вдруг его не стало.

Любовь Спасская

Спасская Любовь Леонидовна, член Общественной писательской организации «Росток» г. Советска с 2000 года. Печаталась в литературно-публицистическом журнале СПР «Калининград» 5 выпуск, «Мой город Черняховск», в СМИ и в девяти коллективных сборниках.

ЛУИЗЕ

С возвращением, Луиза, в родные края! –
Дождались этой радостной вести.
Не чужая Советску теперь, а своя
и твоё здесь законное место.

Мир Тильзитский... Далёкие те времена,
а для города – важная дата:
он героев тех лет нам открыл имена
и Луизу возвысил когда-то.

Ведь решилась она на отчаянный шаг:
тет-а-тет с «венценосным солдатом».
Хоть не шёл Бонапарт на уступки никак,
ждали Пруссию только утраты.

И её королева и верная дочь
обратиться с прошеньем посмела.
За стремленье Отчизне в час трудный помочь
ей поставили памятник белый.

Город наш смыл со стен не одну сотню лет,
к настоящему путь был неблизким.
Испытал поражение и радость побед,
подтвержденье тому – обелиски.

Победители скрыть не пытались свой гнев
и чужие скульптуры сносили
(коль Германия чтит солдат, королев,
не нужны они были России).

Но вернули тебе, словно трон, пьедестал
(так назначено было судьбою),
коль момент исторический всё же настал,
больше нет и вины пред тобою.

С возвращеньем, Луиза, в родные края –
дождались этой радостной вести.
Не чужая Советску теперь, а своя
и твоё здесь законное место.

ЧАРЫ КУРШСКОЙ КОСЫ

Закат над Куршскою грядою
Окрасил берег полусонный,
И птиц, летящих над водою,
И тихо пляшущие волны.

От солнца остывают дюны,
И на Косе пустеют пляжи.
Июльский сумрак ночи лунной
На побережье скоро ляжет.

Я по песку иду босая –
Сюда приехала на отдых.
Голодным чайкам хлеб бросаю,
Смотрю на пенистые воды.

И, каждый вечер здесь бывая,
Я вижу тень морской девицы,
И вглубь в мечтах с ней уплываю,
Чтоб вместе с рыбами резвиться.

Служу ей преданно, смиренно...
И не случайно где-то вскоре
Янтарь – подарок от царевны –
Я нахожу в Балтийском море.

БАЛТИЙСКУ

Небо кажется низким,
Море злится с утра,
И опять над Балтийском –
Продувные ветра.

Простынь парусом стала,
Ускользнув из ведра.
Хулиганят в кварталах,
Продувные ветра.

Не иду на уступки,
Я ведь тоже хитра –
Не страшны в узкой юбке
Продувные ветра.

СУД

Ветеран ограблен и убит,
А исчезли ордена, медали.
«Кто посмел? – его друзья гадали. –
Он на всю округу знаменит».

А убийца, тихий паренёк,
На базаре пойман был с поличным.
Глаз не опуская, он цинично
На суде с ухмылкой изрек,

Мол, своё уже отжил старик
И меня сомненья не терзали.
В загудевшем возмущённо зале:
«Негодяй!», – раздался чей-то крик.

Хоть мерзавец и получит срок
После откровенного признания,
Что изменится в его сознании,
И пойдёт ли наказание впрок?

Душу он не сможет обелить,
Грех свой не искупит покаяньем,
И прощенье не сойдёт сияньем,
Если будет Бога он молить.

Людмила Эйза

Эйза Людмила Александровна, член Союза писателей России, заместитель председателя ОПО «Росток». Имеет публикации в журналах «Мой город Черняховск», «Мозаика юга», в литературно-публицистическом журнале СПР «Калининград» 5 выпуск, в СМИ и коллективных сборниках «Ростка». Автор четырёх поэтических книг и двадцати переводов Макса фон Шенкендорфа в книге «Стихи».

ВСЁ НЕ СЛУЧАЙНО, ВСЁ НЕ ВДРУГ...

Кому, скажите, на потребу
Нужна такая непогода?
Скандалный ветер листья рвёт,
Холодный дождь и серость неба...
Здесь не найти душе исхода.
По осени иду без брода –
Иду за дальний поворот.

За поворотом, знаю точно,
Осенний день красив и светел:
Где буйство красок, неба синь
Предстанет предо мной воочию.
Найду искомые ответы
В остатках радужного лета,
Быть может, из последних сил.

А непогода за порогом
В обнимку с осенью на пару.
Что ждать мне от таких строго,
Но их судить не стану строго,
Гуляя смело по бульвару.
Быть не хочу ворчуньей старой:
Всё не случайно, всё не вдруг.

* * *

Уставший день на плечи лёг незримо,
Его я с благодарностью приму.
И множество проблем сложу в суму
Бездонной ночи – всё преодолеем.

Ресниц дрожанье, тёплая истома –
Пусть чуткий сон придёт ко мне скорей
И растворится в свете фонарей –
Увидится дневное по-иному.

И сладким сном в уютности постели
Свернуться и продлиться до утра.
И в память перейдёт моё вчера,
И звёзды замигают еле-еле.

И тишина прольётся над домами,
Погаснут ярких окон огоньки...
И я во сне коснусь твоей руки,
И подмигнёт луна в оконной раме.

Но будет день и незачем лукавить,
Хоть бархат ночи городу к лицу.
Рассвет, подобно острому резцу,
Разрезав тьму, сомнений не оставит...

УТОЛИ МОИ ПЕЧАЛИ...

Осень. Наш роман вначале.
В небе клином журавли.
Утоли мои печали,
Утоли...
Наши чувства зазвучали,
Оторвались от земли.
Утоли мои печали,
Утоли...
Знали счастье мы едва ли,
Жили, словно на мели.
Утоли мои печали,
Утоли...
От любви сильнее стали,
Обрести семью смогли.
Утоли мои печали,
Утоли...
Осень. Наш роман вначале,
Наши чувства зазвучали,
Знали счастье мы едва ли,
От любви сильнее стали.
Утоли мои печали.
Утоли...

А ВЕСНА СЕБЕ ИДЁТ...

Протоптал апрель дорожку,
Улыбался день в окошко.
На окне сидела кошка –
Наконец пришло тепло!

День случился очень славный.
Разговор вели о главном.
Кошка хвост лизала плавно.
Разве есть на свете зло?

Но бывает так не часто,
Чтоб в окно лучилось счастье,
Стороной прошли напасти –
Сердце ринулось в полёт.

Радость я свою не скрою,
Поскорей окно открою.
С кошкой нас счастливых трое,
А весна себе идёт...

* * *

Обидеть можно быстро –
Всего лишь пара слов –
И разлетятся искры,
Прожгут земной покров.
Раздуются пожары
И головешки чувств
Обуглятся недаром,
И дом безлюдно пуст.

Иначе, с добрым словом:
Добру цвести вовек.
Любовь всему основа,
А в центре – человек.
И взгляд теплеет сразу,
И благодать в душе.
И радуется разум,
И людно в шалаше.

«МУЗЫКА И ПОЭЗИЯ» КЁНИГСБЕРГСКОГО «ВОДОКАНАЛА»

В 2016 году в свет вышла книга «Водоканал в веках». В этом исследовании эволюции водопровода и канализации Кёнигсберга-Калининграда с начала возникновения города и до наших дней, автор открывает перед читателем много интересных, ранее неизвестных фактов, имён выдающихся личностей, руководителей, инженеров, мастеров, проявивших себя на этой ниве. Это благодаря их стараниям, знаниям и упорству ещё в XIX веке были пушены в эксплуатацию централизованный водопровод и канализационная система.

Любознательному читателю, вероятно, хотелось бы узнать новые интересные подробности, связанные с развитием водопровода Кёнигсберга, и о личностях, внесших значительный вклад в общегородское хозяйство. Автор постарается рассказать о своих новых исследовательских открытиях, в надежде, что это будет увлекательно.

После страшной засухи в Кёнигсберге 1857-1858 годов произошло резкое снижение объёмов воды, поступающих в «Обертайх» (ныне озеро Верхнее в Калининграде), и сократились запасы воды в грунтовых колодцах. Магистрат Кёнигсберга постоянно обращался за консультациями по вопросу водоснабжения к специалистам в Магдебурге и Гамбурге. Наконец главному советнику по строительству в Магдебурге Мооре (Moore) было поручено составить общие проекты водоснабжения и канализации Кёнигсберга. При этом гидрологические исследования системы водопитания «Обертайха» были проведены советником по строительству Картельери (Cartellieri).

Пока остаётся загадкой, как попал в Кёнигсберг врачеватель холеры и главный колодезный врач из Франценсбада, подсказавший в своё время конструктору Тоблеру, как лучше сконструировать насосы для откачки воды из источников, и открывшего физический закон о дебете водоисточников.

Известно, что обер-бургомистр Кёнигсберга Фридрих Юлиус Кишке (Kischke) в 1869 году обращался к саксонскому советнику, устройтелю водопроводов Густаву Генноху (Henoch), построившему к тому времени водопровод в Данциге и Алленштейне, по поводу экспертного заключения по системе водоснабжения в Кёнигсберге.

Видимо, также сделал и предшественник Кишке на посту обер-бургомистра, пригласив советником

Пауля Картельери в 1862-1866 гг., зная о его геофизических исследованиях по дебету источников водоснабжения.

*Антонио
Казимир
Картельери*

дочь. Четверо из них, трое сыновей и дочь, приобрели известность в Германии на различных поприщах. Так его сын Йозеф Картельери преуспел во всеобщей медицине, другой сын, Фридрих Картельери, стал известным нотариусом, третий сын Вильгельм Картельери – широко известный филолог и исследователь древних манускриптов.

Многие обер-бургомистры Кёнигсберга находили себе советников по строительству, в том числе и устройтелей водопроводов и канализации, имевших хорошую репутацию и опыт работы в других городах Германии. Так, обер-бургомистр Кёнигсберга Иоганн Карл Адольф Зельке пригласил в 1875 году из Бреслау на должность советника по строительству Августа Фрюлинга, который руководил подземными работами при строительстве водопроводной станции «Хардерсхоф» и её водонапорной башни. Этот инженер-строитель внесён в справочник инженерной науки о городском подземном строительстве.

Инженерная мысль в области водоснабжения в Германии во второй половине XIX века была тесно связана с такими науками, как гидрология, микробиология, химия, физика, медицина и другими научными направлениями.

Интересной представляется история, связанная с директором кёнигсбергского водопровода в 1885-1889 годах Вильгельмом Лаукнером (Lauckner, 1845-1889), сыном коммерсанта Готтлиба и Иоханны Зальбек. В 1885 году он женился на кёнигсбергской писательнице Кларе Шульц (Schulz, 1861-1924), дочери бургомистра

Для интереса: отцом Пауля Картельери был знаменитый немецкий музыкант, ученик Антонио Сальери и друг Людвиг ван Бетховена Антонио Казимир Картельери. Мать звали Франциска Крафт.

Пауль Картельери был женат на Вильгемине Крафт (своей двоюродной сестре) и в браке у них было 12 детей: одиннадцать сыновей и одна

*Пауль
Картельери*

*Вильгельм
Лаукнер*

Клара Шульц

Бартенштайна (ныне Бартошице) Юлиуса Шульца и Марии Холле (Holle) из Мемеля (ныне Клайпеда). В 1887 году у них рождается сын Рольф.

Четыре счастливых года своего директорства Вильгельм Лаукнер провёл в браке со своей любимой женой Кларой. Но несчастный случай в 1889 году и смерть Лаукнера оставили молодую

маму с тремя детьми на руках, в том числе и двухлетним Рольфом.

В 1890 году Александр Винекен (Wynken, 1848-1939), журналист и газетный издатель «Кёнигсбергер Альгемайне Цайтунг» с 1882 по 1929 год познакомил Клару Лаукнер с уже прославившемся в Германии писателем и драматургом из Восточной Пруссии Германом Зудерманом (Sudermann, 1857-1928). Она стала в 1891 году женой

Александр Винекен

писателя. Сын Клары Зудерман Рольф Лаукнер (1887- 1954) стал известным немецким лириком, драматургом, либреттистом и киносценаристом, распорядителем завещания и управляющим на следствием своего отчима Германа Зудермана.

Герман Зудерман

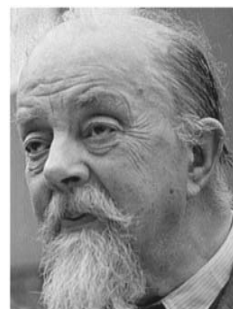
Вот ещё один любопытный факт, касающийся непосредственно кёнигсбергского «Водоканала», связанный с именем знаменитого учёного, профессора растениеводства и почвоведения Эйльхарда Альфреда Митшерлиха (Mitscherlich).

Он родился в Берлине 29 августа в 1874 году и происходил из состоятельной семьи учёных. Его отец Густав Альфред Митшерлих (1832-1911) был профессором хирургии, а дед Эйльхард Митшельних (1794-1863) – профессором химии и минералогии.

С 1906 по 1941 годы Альфред Митшерлих, профессор факультета растениеводства и почвоведения университета «Альбертина» в Кёнигсберге, в 1915-1916 и 1930-1932 годах избирается её ректором.

В 1924 году Митшерлих становится одним из основателей Кёнигсбергского научного общества.

В 1925 году Митшерлих вместе с профессором института агрокультуры Цильшторфом (Zielstorf), по просьбе оберпрезидента Ганса Ломайера (Lohmeyer) и директора кёнигсбергского «Водоканала» доктора

Альфред Митшерлих

Райнхольда Брюхе проводил опыты на почве в поместье Доротеенхоф (Dorotheenhof), где собирались строить станцию биологической очистки сточных вод на предмет вредного воздействия стоков общесплавной канализации на почву в виду сброса в неё отходов производства ЦБК.

Оба ученых исследовали возможности использования канализационной воды для орошения. Практика показала, что их выводы, позволившие сделать положительное заключение, были правильными, и в скором времени станция биологической очистки стоков была построена, а на полях орошения прекрасно выращивали картофель, томаты и шампиньоны.

Этот пример, как нельзя лучше показывает связь производства с наукой, что широко практиковалось на протяжении всего времени существования водоснабжения в городе Кёнигсберге в Пруссии, а с конца XIX столетия наука использовалась в развитии городской канализации и водоотведении в целом.

Как видно, в изучении родословных выдающихся деятелей кёнигсбергского «Водоканала» имеются весьма любопытные факты.

Повторюсь: отец гидролога Пауля Картельери, Антонио Казимир Картельери, был выдающимся музыкантом и капельмейстером, учеником Антонио Сальери и другом Бетховена, а сын Вильгельма Лаукнера – Рольф Лаукнер – известным немецким поэтом, киносценаристом, либреттистом и драматургом.

Не это ли являлось отражением «музыки и поэзии» кёнигсбергского «Водоканала» второй половины XIX столетия?!

Наверное, и в наше время в калининградском «Водоканале» можно наблюдать продолжение замечательных традиций прошлого, но это предмет будущих исследований и повествований.

*Александр Пинашек,
директор музея калининградского «Водоканала»*

НОВЫЕ КАЛИНИНГРАДСКИЕ КНИГИ

В 2016 году в рамках «Издательской программы Правительства Калининградской области» вышли следующие книги, журналы и альманахи:

- в разделе «Детская литература» – книга **Ларисы Прибрежной «Философ Хвыля, или Пятерка с плюсом», Щербинской Ирины «Аврора и волшебный мобильник»**
- в разделе «Литературный дебют» – книга для детей **«В стране потерянных вещей» Софьи Коваль;**
- в разделе «Калининградская поэзия» – **Сухов Владимир «Дождь вырос из земли»**
- в разделе «Сборник стихов». К 100-летию поэта И.Бобровского – **Сборник стихов И. Бобровского «Тенеречье» в переводе С. Марейно**
- разделе «Сборники разных авторов» – альманах **«Эхо 2016»** (составитель О.Глушкин); **книга прозы Пашенко Евгения «Небесные переулки»**
- в серии ЛИК – **книга Нины Перетяки «Причалы Юрия Иванова»**
- в разделе «Краеведческие материалы» – **«Балтийский альманах»** (составитель А.Губин) и сборник воспоминаний **«Очерки о новой Родине»** Инессы Наталич;
- в разделе «Журналы» – литературно-художественный журнал **«Балтика»** (редактор Л.Фролова) и журнал для детей **«Мур-р+»** (редактор Т.Тихонова).

АВТОРИТЕТЫ РЕКОМЕНДУЮТ ПРОЧИТАТЬ:

- Александр Павлович Чудаков. Роман «Ложится мгла на старые ступени»*
- Грегори Дэвида Робертса «Шантарам» и «Шантарам-2. Тень горы»*
- Роберт Гэлбрейт. Серия книг «Корморан Страйк»: «Зов кукушки», «Шелкопряд» и «На службе зла»*
- Евгений Водолазкин «Лавр»*
- «Бесцветный Цкуру Тадзаки и его годы» Харуки Мураками*
- «Третье человечество. Голос Земли» Бернара Вербера*
- Борис Акунин «Планета вода»*
- Петр Алешковский «Крепость»*

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОСЕТИТЬ И ПОУЧАСТВОВАТЬ:

5 апреля – 11 июня	Международный фестиваль «Янтарное ожерелье»
8 апреля	Народный праздник «День селедки» в Музее Мирового океана)
9 апреля	День взятия Кёнигсберга
14 апреля – 14 мая	Международный фестиваль фотографии «Балтийская биеннале фотографии» в Художественной галерее
20 апреля	Закрытие сезона Калининградского областного музыкального театра (Н. Островский «Бесприданница»)
21 апреля	Проект «Библионочь»
22,23 апреля	Калининградский областной драматический театр
апрель – май	Открытый фестиваль любительских самодеятельных театров «Жили-были» в Калининградском областном театре кукол
1 мая	«Мир! Труд! Зоопарк!»
1 – 10 мая	Международный фестиваль современного танца в Областном центре культуры молодежи
9 мая	Парад, возложение, концертная программа Мероприятия, посвященные Дню Победы
19 мая	Художественный проект «Музейная ночь, или Искусство вместо сна»
18-21 мая	Поэтические встречи в рамках «Весны поэзии» и фестиваля «Паровоз»
24 мая	Дни славянской письменности и культуры на площади перед Храмом Христа Спасителя
26–27 мая	Международный конкурс юных джазовых исполнителей имени Виктора Авдеева в Областном центре культуры молодежи; Подведение итогов детского литературного конкурса «Янтарное перо»
6 июня	Пушкинский день России в сквере перед памятником А.С. Пушкину на ул. Леонова
8 июня	Торжественная церемония присуждения премий Калининградской области в Калининградской областной филармонии
7-10 июня	II Международный литературный конкурс-фестиваль «Русский Гофман»
12 июня	Фестиваль национальных культур в Центральном парке культуры и отдыха
14 – 25 июня	Фестиваль «Лето с книгой». Открытие в Калининградском областном театре кукол
16 июня	Торжественная церемония закрытия 60-ого театрального сезона ТЮЗ «Молодёжный» (Тильзит-театр)
июнь	«Балтийская палитра. Северо-Запад» Творческая школа для одаренных детей
30 июня – 3 сентября	«Алатырь 2017». Седьмая международная биеннале авторских работ из янтаря в Калининградском областном музее янтаря

В СЛЕДУЮЩЕМ КВАРТАЛЕ ОТМЕТЯТ ЮБИЛЕИ:

апрель – 30 лет Музею истории Советска
 май – 15 лет Музею суеверий
 май – 60 лет первой передаче Калининградского телевидения
 7 мая – 95 лет бывшему преподавателю КГУ Т.Л. Вульфович
 31 мая – 80 лет композитору, музыковеду Н.Л. Луганскому
 12 июня – 70 лет Калининградскому областному театру
 18 июня – 40 лет библиотеке им. С.Михалкова
 27 июня – 25 лет возрождённому памятнику И.Канта

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Непубликовавшуюся повесть **Ю. Иванова «Завербованные»** о первых переселенцах

Воспоминания **Георгия Жезмера** о жизни и культуре Калининграда

А также стихи и прозу молодых калининградских авторов

В рубрике «Юбилей» материалы к 80-летию калининградских писателей **Олега Борисовича Глушкина и Владимира Дмитриевича Михайлова**

В рубрике «Возвращение» стихи **поэта Евгения Зиборова** в связи его 95-летием

О **стеклодуве Юрии Леншине** – единственном специалисте такого жанра в нашей области будет материал В. Покладовой.

О **музыканте Геннадии Носове** - руководителе духового оркестра Детской музыкальной школы им. М.Глиэра, очерк А.Зуевой

О Музыкальном театре **Валерия Лысенко**

Музей Мирового океана: **о старых картах и планах Кёнигсберга** расскажет Г. Акимова

О культуре **Краснознаменска** и его литературном объединении

В рубрике «Литературная Россия» состоится знакомство с **авторами Крыма**.

110 лет назад началась эра телевидения (был продан первый патент) и **60 лет исполняется первой передаче Калининградского телевидения**
Об этом в нашем материале **«Из всех искусств для нас важнейшее»**

Самый популярный туристический маршрут – Золотое кольцо России – в который входят города: Кострома, Иваново, Ростов Великий, Ярославль, Переславль-Залесский, Владимир, Суздаль, Сергиев Посад, отмечает в 2017 году свое 50-летие. В этой связи публикуются материалы **В.С. Геманова «Текстильный край»**

Проблемы экологии, о калининградских заповедных зонах и уникальных деревьях – в материале **А.Е. Королёвой**

Гостем журнала обещала статью **Вера Таривердиева** – глава Фонда поддержки творческого наследия Микаэла Таривердиева, организатор конкурса органистов имени М. Таривердиева, заключительный этап которого проходит в Калининграде.

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционная статья	2
Что почитать в журнале	3
Календарь калининградской культуры	4
Актуальная тема. Л. Ефремова. Литературное и другие деревья	5
ПРОЗА и ПОЭЗИЯ	
О. Глушкин. Гамбит Фрадкова. Рассказ	8
В. Батрушевич. Стихи	22
А. Губин. Кантоведение. Рассказ	25
А. Ковтун. Стихи	27
И. Щербинская. Балтийский квест. Повесть	28
И. Моргулёва. Фэйсбучинки	46
Д. Воронин. Воры. Рассказ	49
Б. Бартфельд. Стихи	53
НОВЫЕ ГОЛОСА:	
К. Хотимченко, А. Васина, Л. Горбушин	55
ВОЗВРАЩЕНИЕ: Т.Г. Буруковской 75 лет!	
В. Кожин. «Тире вытягивая в нить...»	63
Р. Буруковский, А. Лысикова. Поздравления в стихах	68
Т. Буруковская. Нахлебник. Рассказ. Калининград и др. стихи	69
А. Зуева. «Куда идёт дождь?...»	71
В. Сухов. Дождь за окном. Чудо из чудес. Пьесы	72
ЮБИЛЕЙ: Е.В. Палетте – 75 лет! Интервью	82
Е. Палетте. Стихи из будущей книги «Точка отсчёта»	87
А.Гахову – 65!	90
А.Гахов. Стихи	91
ГОСТЬ НОМЕРА: Евгений Чигрин (Москва)	93
ПУБЛИЦИСТИКА	
Е. Карасёва. Росии первая любовь: роковая дуэль Пушкина. К 180-летию со дня смерти А.С. Пушкина	98
Н. Макарьёва. «В языке остаются следы его прошлых судеб...» К 250-летию И. Срезневского	102
Л. Бондарь. Прощание с поэтом. «Открой книгу, а то планшет отберу»: почему ваш ребёнок не хочет читать	106
А. Андреев. Оправдание перед историей. Рецензия на книгу Б.Бартфельда «Возвращение на Голгофу»	110
ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ (СМОЛЕНСК)	
А. Агеев, В. Иванов, В. Кудрявцев, Б. Лукин, В. Макаренков, С. Подольский	116
ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ (ЛАТВИЯ)	
А. Бандурина, В. Френкель, Н. Гуданец, Ю. Касянич, М.Макарова, Е. Ошуркова, С. Морейно, Н. Романенко.	129
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО	
Е. Торопова. Единение человека и стихии. О художнике А. Машихине	144
Очерки о Т.Б. Панковой	
Н. Перетяка. Память, овеянная смыслами	151
Н. Чачух. Штрихи к портрету	152
Н. Тамбовская. Незавершённая история	153
Т. Максимова. Воспоминания	154
А. Зуева. Т.Панкова: Вульфович, ночная магнолия и династия Пигановых	154
Т. Скрипник. Вдохните музыку в сердца, и сердце ритмом отзовется	158
П. Белякова. Приметы милой старины	163
СОВЕТСК	
А. Шпилёва. Историческая справка. Музей истории города Советска	166
Л. Разумейчик. Есть такой город, есть такие библиотеки	170
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОСТОК» (Советск):	
С. Гошев, А. Грицук, Т. Богдан-Журихина, В. Ивашина, Л. Спасская, Л. Эйза	175
А. Пинашек. Музыка и поэзия Кёнигсбергского водоканала	183
Новые калининградские книги. Авторитеты советуют почитать. Не забудьте посетить и поучаствовать. Юбилей будущего квартала. Читайте в следующем номере	185